Л67
198.

Великая Мировая Война 1914—1918 г.г.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
в БЕЛЬГИИ и ФРАНЦИИ
осенью 1914 года.

(От начала военных действий до установления позиционной войны).

Профессор В. Ф. НОВИЦКИЙ.

Лекции, читанные в Академии Генерального Штаба
в 1919—1920 г.г.

Издание Академии Генерального Штаба.

МОСКВА,
Типография Картографического Отдела Корпуса Военных Топографов, Б. Полянка, 9.
1920.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

773644

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Введение . . . . . 1—4

Общий характер работы [1]. Предмет исследования [1—3]. Литература предмета [3—4].

II. Причины и поводы к войне . . . . . 4—10

О виновниках войны [4—5]. Группировка европейских держав до войны [5—6]. Подготовка сторон к войне [6—7]. Убийство в Сараеве. Австрийский ультиматум Сербии [7]. Посредничество держав [7—8]. Последовательная мобилизация сторон [8]. Бельгийский нейтралитет и нарушение его Германией [9]. Выступление Англии [9—10].

III. Обзор театра военных действий . . . . . 10—25

Общий характер театра военных действий [10—11]. Западный участок. Восточный участок. Арденны. Аргонский лес [11—12]. Вогезы [12]. Водные оборонительные линии [12—14]. Население [14—15]. Средства страны [15]. Пути сообщения. Обыкновенные дороги. Железные дороги [15—19]. Крепости и укрепления [19—23]. Значение отдельных участков театра военных действий [23—25].

IV. Вооруженные силы сторон . . . . . 25—57

Германская армия: а) Ее общий характер [26—28]. б) Военные законы 1911 и 1913 г.г. [28]. в) Постоянная армия мирного времени [28—30]. г) Мобилизованная армия [30—34]. д) Дальнейшие формирования [34]. е) Заключение [34—35]. Французская армия: а) Ее общий характер [35—36]. б) Военный закон 7 августа 1913 года [36—37]. в) Постоянная армия мирного времени [37—39]. г) Мобилизованная армия [39—41]. д) Заключение [41—42]. Английская армия: а) Ее общий характер [42—43]. б) Постоянная армия мирного времени [43—46]. в) Мобилизованная армия [46—47]. г) Дальнейшие формирования. д) Заключение [47—48]. Бельгийская армия: а) Ее общий характер [48—49]. б) Постоянная армия мирного времени [49—50]. в) Мобилизованная армия [50—51]. Сравнительная оценка вооруженных сил обоих сторон [51—57].

Планы сторон . . . . . 57—66

Германский план [57—59]. Французский план [59—62]. Бельгийский план [62—63]. Английский план [63—64]. Заключение о планах сторон [64—66].

Стр.

VI. **Мобилизация, сосредоточение и развертывание армий** . . . . . 66—78

Мобилизация германской, французской, английской и бельгийской армий [66—68]. Перевозка войск в районы сосредоточения [68—69]. Стратегическое развертывание сторон (районы и характер сосредоточения): а) Германские армии [69 — 70]. б) Французские армии [70 — 71]. в) Английская армия [71]. г) Бельгийская армия [71—72]. Оценка стратегического развертывания сторон [72—75]. Перегруппировка французских армий [75—78].

VII. **Вторжение германцев в Бельгию** . . . . . 78—90

Вступление передовых германских войск в Бельгию и Люксембург [78—79]. Движение отряда генерала фон-Эммиха к Льежу [79—80]. Атака Льежа (80). Падение Льежа [80—81]. Отступление бельгийской армии [81]. Наступление германских армий к Маасу и вглубь Бельгии [82]. Бои на р.р. Жете и Диль [82—84]. Атака Намюра [84—85]. Оценка действий сторон [86—90].

VIII. **Боевые действия в Эльзас-Лотарингии** . . . . . 90—101

Наступательный план французов [90—92]. Первое французское наступление в верхний Эльзас [92—93]. Второе наступление французов к Мюльгаузену [93—94]. Боевые действия в центральных Вогезах и на путях к Саарбургу [94—95]. Наступление германских войск в район Саарбурга [95]. Отступление левого фланга 1-й французской армии [95—96]. Наступление 2-й французской армии в Лотарингию [96—98]. Наступление германцев против 2-й французской армии [98—99]. Оценка действий сторон [99—101].

IX. **Пограничное сражение** . . . . . 102—119

Положение сторон на французско-бельгийской границе к 8 (21) августа [102]. Наступательный план французов [102—104]. Наступление I, II и III германских армий [104]. Развертывание английской и 5-й французской армий [104—106]. Сражение у Монса 10—11 (23—24) августа [106—108]. Сражение у Шарлеруа 8—10 (21—23) августа [108—111]. Сражение у Динана 10—11 (23—24) августа [111—113]. Сражение на р. Семуа 8—10 (21—23) августа [113—115]. Сражение у Лонгви 8—10 (21—23) августа [115—117]. Оценка пограничного сражения [117—119].

X. **Отступление англо-французских армий к Марне** . . . . . 119—130

Инструкция главнокомандующего от 12 (25) августа [119—120]. Порядок отступления союзных армий и движение за ними германцев [120]. Сражение у Камбрэ — Ле-Като 12—13 (25—26) августа [120—121]. Сосредоточение в районе Амьена новой армии [121]. Бои у Бапома, Комбля и Перонна [121—122]. Атака и падение Мобежа [122—123]. Сражение у С. Кентена и Гиза 16—17 (29—30) августа [123]. Образование 9-й французской армии [123—124]. Бои у Синьи-Ляббэ, Лонуа и Новион-Порсиен 16—17 (29—30) августа [124]. Падение Мезьера [124—125]. Бои в районе Вердена [125—126]. Крепость Париж [126—127]. Обстановка на нижней Марне к 22 августа (4 сентября) [127—128]. Оценка германского решения идти за Марну [128—130].

Стр.

XI. Сражение на Марне . . . . . 130—157

Расположение сторон к 23 августа (5 сентября) [130—132]. Распоряжения французской главной квартиры для наступления [132—134]. Бои на р. Урке, 23—28 августа (5—10 сент.) [134—137]. Бои на Б. и М. Морэне, 24—26 августа (6—8 сентября) [137—140]. Бои в районе Монмирайя, 24—27 августа (6—9 сент.) [140—141]. Бои в районе с.-гондских болот, 24—28 августа (6—10 сентября) [142—144]. Бои на обоих берегах Марны в районе Витри-ле-Франсуа, 24—30 августа (6—12 сентября) [144—146]. Бои в Аргоннах и у Вердена, 24—29 августа (6—11 сентября) [146—150]. Боевые действия в Эльзас-Лотарингии [150]. Разбор и оценка сражения на Марне [150—157].

XII. Отступление германских армий к р. Эну и сражение на этой реке. 157—167

Движение войск обоих сторон к р. Эну, 28—30 августа (10—12 сентября) [157—159]. Положение сторон на р. Эне к 30—31 августа (12—13 сентября) [159—161]. Сражение на р. Эне 31 августа—2 сентября (13—15 сентября) [161—165]. Оценка сражения на р. Эне [165—167].

XIII. Операции на флангах . . . . . 167—179

Положение сторон между Уазой и Маасом после сражения на р. Эне [167—168]. Зарождение активных операций на западном фланге [168—169]. Обходные бои между Уазой и Соммой, 8—11 (21—24) сентября [169—171]. Бои на р. Анкре, 12—14 (25—27) сентября [171—172]. Бои у Арраса и Ленса, 15—25 сентября (28 сент.—8 окт.) [172—174]. Переброска английской армии с р. Эна во Фландрию, в конце сентября (по ст. стилю) [174—176]. Оценка операций на флангах [176—178]. Бои в районе Вердена, 9—15 (22—28) сентября [178—179].

XIV. Осада и падение Антверпена . . . . . 179—193

Значение Антверпена для обоих сторон [180]. Описание Антверпена [180—182]. Боевые действия под крепостью до начала германской атаки (до 15/28 сентября) [182—184]. План германской атаки [184—185]. Атака укреплений на р. Нете, 15—23 сентября (28 сент.—6 окт.) [185—186]. Бои на р. Шельде, 19—22 сентября (2—5 октября) [186—187]. Последние дни Антверпена, 23—27 сентября (6—10 октября) [187—188]. Отступление бельгийской армии от Антверпена к р. Изеру, 25—28 сентября (8—11 октября) [188—189]. Бой у сел. Мэль, 27 сентября (10 октября) [189—190]. Разбор и оценка боевых действий в районе Антверпена [190—193].

XV. Сражение во Фландрии . . . . . 193—226

Стратегическое значение сражения во Фландрии [193—195]. Набег германской конницы между р.р. Лисом и Изером, 25—27 сентября (8—10 октября) [195]. Сосредоточение и развертывание английской армии во Фландрии [196]. Бой у Лилля 28—29 сентября (11—12 октября) [196—197]. Наступление английской армии по обе стороны р. Лиса, 28 сентября—7 октября (11—20 октября)

Стр.

[197—200]. Бельгийская армия на р. Изере с 1 (14) до 7 (20) октября [200—203]. Район боевых действий сражения во Фландрии [203—204]. Расположение сторон во Фландрии к 7 (20) октября [204—207]. Цели и задачи сторон в боевых действиях во Фландрии [207—209]. Сражение на р. Изере 7—29 октября (20 окт.—11 ноября). Первый период сражения, 7—10 (20—23) октября [209]. Второй период сражения, 11—20 октября (24 окт.—2 ноября) [209—211]. Третий период сражения, 21—29 октября (3—11 ноября) [211]. Сражение у Ипра 7 (20) октября—2 (15) ноября. Бои к югу от р. Лиса, 8—16 (21—29) октября [212]. Бои к северу от железной дороги Ипр - Рулер, 8—16 (21—29) октября [212—213]. Бои к югу от железной дороги Ипр-Рулер до р. Лиса, 8—16 (21—29) октября [213—214]. Образование германцами новой армейской группы [214—215]. Бои в районе Ипра, 17—26 октября (30 окт.—8 ноября) [215—217]. Последние бои у Ипра, 27 октября (9 ноября)—2 (15) ноября [217—219]. Разбор и оценка сражения во Фландрии [219—225]. Боевые действия на других участках фронта до окончания сражения во Фландрии [225—226].

XVI. Общие выводы и заключение . . . . . **226—255**

Взгляд назад [226 — 227]. Операции массовых армий [228—229]. Позиционная война, ее происхождение и отношение к маневренной войне [229—234]. Восстановление боеспособности современных армий [234—235]. Длительность современных боевых столкновений [235—236]. Боевая деятельность отдельных родов войск: пехота, конница, артиллерия, инженерные (технические) войска [236—241]. Встречные бои [241—242]. Преследование [242—244]. Главные формы маневра: обход (охват) и прорыв [244—246]. Стратегические резервы [246—248]. Современное стратегическое значение крепостей [248—254]. Опыт войны подтверждает неизменность основных положений военного дела [254—255].

Источники, послужившие для составления этой книги **256**

Картографические приложения.

№ 1. Театр военных действий во Франции и Бельгии в войну 1914—1918 г.г.

№ 2. Развертывание сторон между 23 и 31 июля (5—13 авг.) 1914 г.

№ 3. Боевые действия в Бельгии до 5 (18) августа 1914 г.

№ 4. Крепость Льеж.

№ 5. Положение сторон в Бельгии к вечеру 7 (20) августа 1914 г.

№ 6. Положение сторон к 8 (21) августа 1914 г.

№ 7. Боевые действия на бельгийско-французской границе с 8 (21) по 10 (23) августа 1914 г. (Пограничное сражение).

№ 8. Крепость Намюр.

№ 9. Боевые действия в Эльзас-Лотарингии с 25 июля (7 авг.) до 7 (20) августа 1914 г.

№ 10. Отступление англо-французских армий от бельгийской границы к р. Марне и движение за ними германских армий, с 11 (24) августа до 23 августа (5 сентября) 1914 г.

№ 11. Расположение англо-французских и германских армий в боях на р.р. Марне и Эне, с 23 августа (5 сент.) по 3 (16) сентября 1914 г.

№ 12. Сражение на Марне. Раион боев 5-й и 6-й французских и английской армий против I-й германской армии, с 23 по 27 августа (5—9 сент.) 1914 г.

№ 13. Сражение на Марне. Раион боевых действий 9-й, 4-й и 3-й французских армий, 24—28 августа (6—10 сентября) 1914 г.

№ 14. Сражение на р. Эне, 31 августа (13 сент.), 1 (14) и 2 (15) сентября 1914 г.

№ 15. Раион боевых действий на флангах (между р.р. Уазой и Лисом), с 3 по 25 сентября (16 сент.—8 окт.) 1914 г.

№ 16. Боевые действия в раионе Вердена, 9—15 (22—28) сентября 1914 г.

№ 17. Крепость Антверпен.

№ 18. Боевые действия под Антверпеном в августе и сентябре 1914 г. (до начала атаки крепости).

№ 19. Раион боевых действий во Фландрии в октябре и ноябре 1914 г.

№ 20. Раион сражения на р. Изере в октябре и ноябре 1914 г.

№ 21. Раион сражения у Ипра в октябре и ноябре 1914 г.

№ 22. Расположение фронта к началу позиционной войны (в начале зимы 1914—1915 г.г.). Северная часть.

№ 23. Тоже. Южная часть.

I. Введение.

Общий характер работ.

Приступая к изложению и критическому исследованию событий только что закончившейся великой мировой войны, я раньше всего считаю необходимым определить об'ем и характер своей работы. Я не собираюсь писать общего очерка этой величественной военной эпопеи, захватившей в свои необ'ятные пределы бо́льшую часть человечества, развернувшейся на многочисленных театрах войны во всех частях света и более четырех лет наполнявшей мир своим грохотом и смятением. Составление такого очерка в настоящее время встретило бы значительные затруднения, вследствие недостатка материалов по некоторым периодам и районам этой небывало сложной борьбы народов; к тому же подобный очерк, ограниченный небольшой продолжительностью курса, естественно, явился бы слишком поверхностным, беглым, схематичным изложением событий и был бы мало поучительным. Это обстоятельство побуждает меня выбрать из длинного ряда военных явлений этой войны какой нибудь один период, обладающий по своему характеру, задачам и результатам достаточной самостоятельностью, цельностью и законченностью, и изучить его более подробно, более внимательно, с тем, чтобы не только уяснить себе основные черты современной системы ведения войны, но и выявить на их фоне многие частные особенности и приемы военного искусства нашей эпохи.

Предмет исследования.

С этой именно целью и в виду этих соображений, я остановился на исследовании периода, непродолжительного по времени, но весьма богатого интереснейшими военными явлениями, периода войны на французском фронте, от начала военных действий до первых чисел ноября 1914 года. Этот трехмесячный период представляет высокий интерес и высокую поучительность вследствие того, что в э́тот промежуток времени на полях Бельгии и северо-восточной Франции, в бурном встречном движении, столкнулись две сильнейшие армии Европы, две непохожие одна на другую военные системы, две различные военные доктрины;—две европейские армии, наиболее могущественные, боеспособные и технически оборудованные, которые когда-либо выступали на поле брани; две военные системы, наиболее стройные, разработанные и устойчивые; две военные доктрины, наиболее сложившиеся и яркие в области идейных течений современности.

Именно в эти первые три месяца произошли крупнейшие боевые явления этой великой войны, разыгрались ее величайшие сражения, выполнены наиболее смелые марши небывало широкого масштаба;

никогда уже больше в эту войну, ни на одном из ее театров, не происходили события столь величественные, никогда в дальнейшем ходе этой борьбы не приходили в столкновение в открытом поле столь крупные массы, наступавшие и оборонявшиеся на необ'ятно широких фронтах; ни разу уже в последующие четыре года войны оперативное творчество борющихся сторон не получало такого смелого размаха, не вызывало такого гармоничного, цельного напряжения боевой энергии этих армий-великанов. Этот период войны—период исключительно маневренный, являющий нам редкий пример широких стратегических действий миллионных масс, не останавливаемых в своем движении ни оборонительными линиями, ни крепостями; это—образец свободной, неукротимой стратегии, стремящейся к нанесению громовых ударов, ставящей себе целью не только поражение, но и полное уничтожение живой силы противника. Только в обстоятельствах Наполеоновских маршей-маневров, в условиях стратегических действий этого великого полководца мы находим подобную широту замыслов и такую энергию их исполнения. Это именно тот характер войны, при котором, по выражению Наполеона, между выигранным и проигранным сражениями лежат империи.

И хотя, как известно, ни одно из сражений этого периода не привело к столь решительным результатам, вследствие быстро установившегося равновесия сил, но это обстоятельство нисколько не меняет общего характера военных явлений этих трех месяцев войны.

Этот маневренный период кончается в первых числах ноября по новому стилю многодневным, грандиозным сражением во Фландрии, после чего борьба на бельгийско-французском фронте замирает; и обе стороны, истощивши свои силы, выдохшись, потерявши надежду достигнуть в ближайшее время поставленных себе целей, зарываются в землю, опутывают свои позиции проволокой и переходят к обороне. Наступает новый, характерный для нашей эпохи, период войны—позиционный. Раз начавшись, этот позиционный образ действий уже не прекращается с обеих сторон до окончания войны, лишь временами нарушаясь, то с той, то с другой стороны, вспышками оперативной энергии, стремящейся прорвать укрепленные позиции противника, вырваться из оков позиционной стратегии, вновь приобрести свободу действий вне окопов и проволочных заграждений. Но уже ни разу ни одной из сторон не удается достигнуть этой цели и никогда уже более война на Западе Европы не приобретает характера маневренной войны.

Это обстоятельство тем более придает интерес избранному мною периоду военных действий, как единственному в этой великой войне, воплотившему в своих маршах-маневрах, в своих боях и сражениях, чистую идею широкого стратегического маневра массовых армий.

На выбор мною именно этого периода войны повлияла также бо́льшая разработанность в литературе относящихся к нему событий,

богатство материалов, разностороннее освещение многих ярких, драматических боевых эпизодов, в свое время глубоко взволновавших Европу.

Литература, относящаяся к этому периоду войны, уже весьма обширна. Наиболее серьезные сочинения, снабженные к тому же в изобилии картографическими приложениями, изданы на немецком языке; много хороших книг появилось и на французском; английских сочинений написано и издано тоже не мало, хотя, в искусстве изложения военных явлений и в методах их исследования, они значительно уступают немецким и французским, особенно же первым. На русском языке не издано об этих событиях ничего ценного. **Литература предмета.**

При настоящих условиях почтовых сношений с Западной Европой и почти замершей у нас книжной торговли, пользование иностранными источниками при изучении этой войны является делом весьма затруднительным, доступным разве лишь лицам, специально посвятившим себя этому делу. В виду этого, я считаю бесполезным давать читателю в настоящее время список иностранных сочинений по этой войне, который, естественно, должен иметь совершенно случайный характер, в зависимости от попавших мне на глаза книг или об'явлений и должен быть признан весьма неполным. С открытием европейских границ, с установлением правильных торговых сношений с нашими западными соседями, иностранная литература хлынет к нам широким потоком и только тогда изучение этой войны по иностранным источникам станет доступным каждому.

Впрочем, в конце этого исследования я привожу список источников, коими я пользовался для составления этой работы.

Быть может, прочитавши этот короткий список, читатель задумается над возможностью уже теперь приступить к изучению этой войны при столь незначительном числе источников, доступных для пользования, при столь непродолжительном времени, отделяющем нас от событий только что минувшей войны. Не рано ли обсуждать и критиковать это столь недавнее прошлое, браться за оценку деятельности современников? Не подождать ли когда эти события отодвинутся подальше, вглубь далекого прошлого, а деятели этой войны отойдут в вечность?

Мнения подобного рода нередко приходится слышать всякий раз, когда возникает потребность обратиться к изучению свежего боевого опыта, еще не успевшего покрыться архивной пылью. Однако, я решительно высказываюсь их противником. Я думаю, что общий характер войны, главные черты развернувшегося в ней военного искусства, стратегическое и тактическое значение ее важнейших событий, могут быть безошибочно определены и с весьма ограниченным числом источников. Для этого нет надобности ожидать того времени, когда присяжные историки и профессиональные работники переберут и изучат все документы, относящиеся к военным действиям и когда

интерес к минувшей войне ослабеет под налетом новых жизненных впечатлений. Мне кажется, что уже на фоне, быть может местами несколько и бледном, этого ограниченного количества материалов, которым возможно располагать тотчас же после войны, уже на этом фоне, при внимательном наблюдении, возможно заметить ясные контуры тех выводов и поучений, к которым приводит опыт только-что завершенной войны.

Возможно, что в некоторых частных вопросах и мелочах мне придется впасть в ту или другую ошибку, и, конечно, исследователь, который возьмется изучать те же события значительно позже меня, будет иметь возможность более точно излагать все их подробности. Но будет ли он так же живо воспринимать их действительную природу, так же понимать ту психологическую обстановку, в которой работали руководившие ими деятели? Я полагаю, что наличность живой связи исследователя с изучаемыми явлениями и с настроениями, сопровождавшими их, является фактором настолько ценным для уразумения основных положений и форм военного искусства данной эпохи и для претворения свежего боевого опыта в практические приемы, что все невыгоды, являющиеся результатом поспешного изучения недавних событий, с лихвой вознаградятся этим. И потому я смело приступаю к исследованию избранного мною периода войны, уже заранее готовый выслушать упреки в частных погрешностях своего изложения. Я думаю, что конечная цель моих намерений и усилий послужит мне оправданием моих ошибок.

II. Причины и поводы к войне.

О виновниках войны. Никогда, быть может, в военной истории вопрос о том, кто является виновником войны, не ставился так остро, не вызывал столько споров, не возбуждал таких страстей, как в эту великую мировую войну. Большое число держав, вовлеченных в борьбу, острый характер возникших между ними недоразумений и, вследствие этого,—решительные, беспощадные приемы ведения войны с первых же дней ее возникновения, все это придавало и придает до сих пор этому спорному вопросу особенное значение. Едва ли можно найти в западно-европейской литературе сочинение об этой войне, в котором эта тема не была бы затронута и не обсуждалась со всей страстностью и нетерпимостью к противнику. Немцы считают виновниками этой войны англичан, с их кознями и происками, с их стремлением к мировому господству; и даже французские мечты о реванше, казавшиеся в течение последних сорока лет перед войной непотухающей искрой, могущей ежеминутно вызвать европейский пожар, даже они кажутся им второстепенным фактором этой борьбы, искусно использованным Англией. С другой стороны, англо-французы обвиняют Германию в желании подчинить себе всю Европу, придавивши ее тяжестью своего

милитаризма, а также в грубом нарушении международных договоров. Вокруг этого центрального спора главных действующих лиц мировой драмы намотаны взаимные обвинения других, более мелких участников войны, образуя настолько сложный и запутанный клубок международных разногласий, что разобраться в нем, распутать его не представляется пока никакой возможности.

В настоящее время, пользуясь достигнутым превосходством над противником, державы Согласия пытаются возложить всю ответственность за войну и ее бедствия на Германию; несомненно, что единственным их правом к тому является право сильного. Я, конечно, не последую в этом отношении за ними и вопрос о виновниках войны оставлю открытым; тем более, что вообще подобная постановка вопроса о причинах и поводах к войне совершенно ненаучна и, являясь лишь отражением временно-обостренной национальной вражды, не соответствует правильным методам изучения военной истории. Виновников войн не существует, или все государства, участвующие в войне, являются одинаково в ней виновными. Существуют лишь причины, вызывающие войну и глубоко коренящиеся в течение целого ряда лет в толще международных отношений, подобно вулканическим силам, постепенно развивающим в недрах земли свое напряжение; а временами возникают те или другие поводы, внезапно обнаруживающие эти скрытые силы и приводящие их в действие.

Обращаясь к исследованию обстоятельств, приведших к последней войне, я считаю необходимым оговориться, что не могу в настоящее время изложить этот вопрос с достаточной полнотой, потому что в моем распоряжении нет ни потребных для этого дипломатических документов, ни вообще достаточного литературного материала. Поэтому я коснусь этого вопроса лишь в общих чертах.

Группировка европейских держав до войны.

Еще задолго до этой войны, европейские державы, под влиянием чрезвычайно сложных, но во многом еще неясных международных факторов, стали постепенно раскалываться на две враждебные друг другу группы. Это явление впервые обозначилось ясно в начале девяностых годов прошлого столетия, когда был заключен франко-русский союз, в противовес которому образовался в центре Европы тройственный союз из Германии, Австро-Венгрии и Италии. Большинство остальных европейских держав, не примыкая явно ни к одной из этих групп, тем не менее общим характером своей внешней политики склонялось то к той, то к другой ориентации; одна лишь Англия оставалась совершенно обособленной, ведя свою собственную, ярко эгоистическую политику, часто вызывавшую враждебное отношение обеих групп, особенно сильное в эпоху южно-африканской войны.

Однако, быстрое возрастание внешнего могущества Германии, развитие ее морских сил, расширение ее колониальной программы, возбудили серьезные опасения в Англии и постепенно склонили ее, вскоре после русско-японской войны, вопреки ее традиционному не-

доверию и враждебности к восточной политике России, на сторону французской ориентации. Таким образом, друг перед другом оказались в Европе две тройственные группы, из коих одна, состоявшая по прежнему из Германии, Австро-Венгрии и Италии, именовалась тройственным союзом, а другая—Россия, Франция и Англия—стала называться тройственным согласием. С этих уже пор общий характер международных отношений в Европе определялся исключительно лишь соревнованием этих групп, их обоюдным, враждебным одна другой, стремлением установить свое господство, как в европейской, так и в мировой политике. И вокруг этих двух враждебных лагерей, в непрестанном движении политической жизни, скоплялись и наслаивались разнообразные интересы остальных европейских держав, подобно тому, как отлагается песок у прибрежных скал и камней вечно плещущим морским прибоем...

В результате такого процесса, в Европе уже за несколько лет до этой войны обозначились два весьма запутанных, крепко затянутых узла международных отношений, окрашенных враждебными настроениями и являвшихся постоянным, неустранимым источником для всевозможных разногласий, споров, взаимных упреков и угроз между двумя тройственными группами держав. Один из них, восточный, заключал в себе нити, которые опутывали Балканский полуостров, представлявший собою арену борьбы немецких и славянских влияний; сюда входили: славянский вопрос в его широком значении, австро-русские разногласия в украинских, польских и сербских делах и нараставшая вражда между Австрией и Сербией. Другой, западный, имел своим ядром Эльзас-Лотарингский вопрос, обвеянный неумиравшей мечтой французов о реванше и осложненный сочувствием Англии, возбужденной против Германии опасением лишиться своего преобладания на морях. Таким образом, в двух районах Европы постепенно разгорались два очага враждебности и соперничества, не раз угрожавшие перейти в открытую вооруженную борьбу между стоявшими друг перед другом сторонами; такая опасность являлась в Марокском вопросе, она казалась неизбежной с присоединением Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, наконец, она представлялась возможной на почве обеих балканских войн 1912—13 годов.

Подготовка сторон к войне.

Вообще, в течение последних 4—5 лет перед войной в Европе установилось весьма тревожное и нервное настроение; каждая из враждебных групп, питая глубокое недоверие к противнику и как бы предчувствуя приближение развязки, той грозы, которая должна была разредить до нельзя сгущенную политическую атмосферу, спешила усилить свое военное могущество, как на морях, так и на суше. В период времени с 1910 по 1913 год почти все крупные державы Европы расширяют свои военные программы, устанавливая на ближайшие годы целый ряд новых сухопутных формирований и постройку новых судов. Раньше всех начинает это дело Россия в 1910 году, за ней сле-

дуют Германия и Австро-Венгрия в 1911 году, наконец в 1913 году и Германия, и Франция, почти одновременно, издают военные законы, значительно увеличивающие численность обеих армий. Повидимому, обеим, уже изготовившимся к бою, сторонам все еще казалось недостаточным тех сил, которыми они располагали, и с лихорадочной поспешностью они их совершенствуют и умножают.

И в Германии, и во Франции вполне сознавали неизбежность скорой войны и готовились к ней постоянно. В ноябре 1913 года, при свидании с бельгийским королем в Берлине, император Вильгельм определенно сказал, что „он пришел к убеждению, что война с Францией неизбежна и близка“... Еще в 1908 году известный германский военный писатель фельдмаршел граф Шлифен писал*) о том, что военные и политические условия Европы так сложились, что в каждый данный момент миллионные армии могут быть брошены в Вогезы, на Маас, Неман и Буг и даже на Изонцо и Тирольские Альпы. Таким образом, еще тогда он считал положение Европы чрезвычайно тревожным, а Италию—уже в числе врагов Германии.

Столь напряженное состояние международных отношений, конечно, не могло оставаться продолжительное время и нужен был лишь какой нибудь предлог, какой нибудь незначительный повод, чтобы произошел взрыв и загорелся пожар по Европе. И такой повод в действительности нашелся.

Убийство в Сараеве. Австрийский ультиматум Сербии.

Этим поводом явилось убийство австро-венгерского престолонаследника, эрц-герцога Франца-Фердинанда и его жены боснийскими революционерами в Сараеве 15 (28) июня 1914 года. Последовавшее за ним судебное разбирательство обнаружило сношения убийц эрц-герцога с некоторыми политическими организациями Сербии, в результате чего все это дело было поставлено австро-венгерским правительством в связь с сербской агитацией, которая велась против Австрии в ее славянских областях, особенно же в Боснии и Герцеговине. По окончании судебного процесса, 10 (23) июля, Австро-Венгрия обратилась к Сербии с ультиматумом, в котором потребовала прекратить эту агитацию и сношения с зарубежными славянскими революционными организациями, при чем выполнение этих требований обставила условиями, весьма унизительными для Сербии, как независимого государства.

Посредничество держав.

В виду чрезвычайно острого характера, который приняло это дело, и явной невозможности для сторон сговориться между собою, явилась необходимость посредничества, которое и приняли на себя державы тройственного согласия. Даже Германия, едва ли действовавшая в этом случае искренно, в лице императора Вильгельма выступила с примирительными предложениями, обращенными как к русскому императору, так и к английскому королю. Началась спешная, сложная,

*) Der Krieg in der Gegenwart (Berlin, 1913).

запутанная и во многом лицемерная с обеих сторон дипломатическая переписка, которая, конечно, не привела к благоприятным последствиям. Каждая из сторон обвиняла одна другую, и в результате этого европейского переполоха, через несколько дней после австрийского ультиматума Сербии, стояли друг перед другом во враждебной позе, с рукой, положенной на рукоятку меча, уже не Австро-Венгрия с Сербией, а тройственное согласие, заслонившее собой маленькую Сербию, против Австро-Германии. Третий член тройственного союза, Италия, неожиданно и для друзей, и для противников, не стала на сторону Австро-Венгрии, а заняла не то нейтральное, не то выжидательное положение. Во всяком случае, было ясно, что сохранение европейского мира невозможно, что тот длительный процесс разделения Европы на два враждебных стана, который определял собой общий характер международных отношений за последние четверть века, уже дошел до предела, что не сегодня-завтра война должна вспыхнуть не только на среднем Дунае, но и во многих других местах Европы.

Последовательная мобилизация сторон.

Сербия пред'явленный ей ультиматум отклонила; посредничество других держав потерпело неудачу. Это побудило Австро-Венгрию об'явить сначала мобилизацию пограничных с Сербией корпусов, а затем, когда выяснилось явно сочувственное отношение к последней России и 14 (27) июля состоялась мобилизация 8 русских корпусов, расположенных на австрийской границе, она об'явила 18 (31) июля и общую мобилизацию своей армии. В ответ на это и Россия начала в тот же день приведение всей своей армии на военное положение. В то же время Германия об'явила у себя „положение, угрожающее войной“ (Kriegsgefahrzustand).

Таким образом, восточный очаг международной вражды и соперничества уже вспыхнул ярким пламенем, искры которого немедленно же стали перебрасываться на очаг западный. Непосредственно за мобилизацией русской и австро-венгерской армий последовательно была об'явлена мобилизация: в Бельгии 18 (31) июля, в Германии и во Франции—19 июля (1 августа) и в Англии 22 июля (4 августа). Вслед за этим, между 19 и 23 июлем (1—5 августа), все враждебные державы об'явили одна другой войну*), а 20 июля (2 августа) военные действия уже начались вступлением передовых германских войск в пределы Бельгии, Франции и Люксембурга.

Насколько неожиданным оказался для центральных империй выход Италии из тройственного союза, эта измена союзника, казавшегося до тех пор вполне надежным, настолько же оказались они неподготовленными к выступлению Бельгии и Англии.

---

*) Германия: России—19 июля (1 августа), Франции—21 июля (3 августа) и Бельгии—22 июля (4 августа); Англия: Германии—22 июля (4 августа); Австро-Венгрия: России—23 июля (5 августа).

Как будет изложено ниже, при разборе оперативных планов войны обеих сторон, Германия уже давно имела в виду, с целью расширения своего стратегического фронта, нарушить бельгийский нейтралитет и вторгнуться во Францию через Бельгию и Люксембург. Договорами 1831 и 1839 годов, заключенными между Англией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией, Бельгии обеспечивался „вечный нейтралитет“ и „неприкосновенность ее территории“. Это же было подтверждено и Гаагской конвенцией 18 октября 1907 года. Люксембург был признан лондонским договором 11 мая 1867 года „постоянным нейтральным государством“.

Бельгийский нейтралитет и нарушение его Германией.

Тем не менее, Германия, рассчитывая на слабость Бельгии и невозможность для нее оказать серьезное сопротивление, пред'явила ей 20 июля (2 августа) требование пропустить через свои пределы германские войска, об'ясняя это опасением вторжения французской армии на бельгийскую территорию, на участке Живэ-Намюр; вместе с тем, Бельгии обещана гарантия ее независимости и очищение ее территории после войны. В случае же отказа, Германия угрожала считать ее в числе своих противников. Для ответа был дан 12-часовой срок. Бельгия отказала*). Однако, сама Германия, решаясь на такое насилие, устами своего имперского канцлера Бетман-Гольвега**), признала, что вторжение в Бельгию и Люксембург является нарушением права (das Unrecht), но вынужденным необходимостью самообороны против вторжения французских войск на бельгийскую территорию.

Между тем, энергичным и неожиданным для Германии защитником нейтралитета Бельгии явилась Англия, которая еще 18 (31) июля запросила Францию и Германию, намерены ли они, в случае вооруженного столкновения, соблюдать бельгийский нейтралитет? Первая ответила утвердительно, вторая дала уклончивый ответ. 21 июля (3 августа) бельгийский король обратился к английскому королю с просьбой о дипломатическом вмешательстве с целью обеспечения нейтралитета Бельгии. Последствием этого явился ультиматум Англии, пред'явленный ею Германии 22 июля (4 августа), с требованием соблюдения этого нейтралитета; одновременно с этим, английское правительство уведомило Бельгию, что Англия будет защищать ее нейтралитет.

Выступление Англии.

Имеются некоторые основания предполагать, что до тех пор Англия не имела в виду принимать активного участия в начинавшейся войне, ограничившись лишь обещанием обеспечивать своим флотом безопасность берегов Франции. Но после того, когда германский министр иностранных дел фон-Ягов заявил 22 июля (4 августа), что Германия вынуждена не считаться с нейтралитетом Бельгии, Англия решила

*) Подобное же вторичное предложение Германия сделала Бельгии после взятия Льежа, 27 июля (9 августа) через голландского министра иностранных дел.

**) Его речь в рейхстаге, 22 июля (4 августа).

принять участие и в сухопутных операциях, а когда германские войска перешли бельгийскую границу—она об'явила Германии войну.

Выступление Англии явилось совершенно неожиданным для Германии, которая пыталась с 16 (29) июля успокоить первую обещанием территориальной неприкосновенности континентальной Франции (но не ее колоний, особенно африканских) и очищения Бельгии по окончании войны. 22 июля (4 августа) фон-Ягов, в беседе с английским послом, выразил свое „глубокое сожаление" по поводу „крушения своей политики", а Бетман-Гольвег говорил ему, что решение Англии выступить „в защиту одного слова, одного клочка бумаги—ужасно до последней степени...", что ее выступление—„удар в спину Германии в ту минуту, когда она защищает свою жизнь от двух нападающих". Вообще, поведение в этом случае Англии, и неожиданное и весьма опасное для немцев, вызвало в Германии величайшее возбуждение и озлобление и сделало с тех пор эту страну злейшим врагом англичан, вложившим всю свою злобу к ним в известном „гимне ненависти к Англии" (Gott strafe die England...).

В результате всех этих выступлений, в двадцатых числах июля по ст. стилю, почти одновременно начались военные действия в Бельгии, на среднем Дунае и в Восточной Пруссии; через несколько дней после этого завязались также бои в Вогезах и на русско-австрийской границе. Великая мировая война, однажды вспыхнувши, неудержимо разгоралась и на западе, и на востоке Европы.

III. Обзор театра военных действий.

Общий характер театра военных действий. Схема № 1.

Театр военных действий на французском фронте заключает в себе территорию Бельгии, великое герцогство Люксембург, Эльзас-Лотарингию, Рейнскую провинцию и северо-восточные департаменты Франции. Восточной границей театра является р. Рейн, западной—морское побережье от устья реки Шельды до устья р. Сены, северной—граница Голландии, а южной—р. Сена от устья до гор. Труа и далее условная линия на Шомон, Везуль, Бельфор и Базель.

В этих границах театр военных действий заключает в себе области, принадлежащие к числу наиболее населенных, культурных и богатых местностей западной Европы, изобилующих всевозможными средствами, необходимыми для ведения войны и содержания войск; Бельгия и французские департаменты, примыкающие к ней, являются богатейшими в Европе промышленными районами.

Размеры театра: по фронту—около 520 килом. (устье Сены—Париж—Труа -Бельфор—Базель), в глубину—около 360 килом. (Париж –Кельн).

В отношении рельефа вся эта огромная территория может быть подразделена на две части: западную, равнинную, местами даже низменную, заключающую в себе почти всю Бельгию (к западу от Мааса) и французские области между морем и рекой Уазой, и восточную,

частью гористую, частью вообще возвышенную,—остальная площадь театра к востоку от р. Уазы.

Западный участок.

Каждая из этих частей представляет своими топографическими условиями и выгоды, и неудобства для передвижений и боевых действий войск. Западная—равнинная—обилием дорог и ровным характером местности облегчает передвижения, хотя в своих низменных участках по рр. Шельде, Лису и Изеру, изобилующих болотами и глинистым грунтом и перерезанных значительным числом каналов, она представляет во многих местах большие затруднения для движения войск. В тактическом отношении западная часть театра являет собой мало разнообразия: здесь мало удобных и сильных позиций, недостаток хороших наблюдательных пунктов и обширного кругозора; лишь пересеченная местность низменных участков по Шельде, Лису и Изеру, с их болотами, каналами, протоками, представляет известные выгоды для обороняющегося. Многочисленность селений с прочными постройками, весьма пригодными для упорной обороны, является также существенным фактором в тактическом отношении; впрочем, это относится ко всему театру военных действий.

Восточный участок.

Восточный, гористый участок театра представляет собою систему трех горных групп, расположенных вдоль франко-бельгийской и франко-германской границ и дающих целый ряд отрогов далеко вглубь французской территории. Из этих трех групп северная,—Арденны,—

Арденны.

заполняет все пространство левого берега р. Мааса между верховьями р. Уазы и излучиной р. Эна у Ретеля, а к востоку от Мааса прорезает южную часть бельгийского Люксембурга. Арденны не имеют характера ясно выраженного горного хребта, это—скорее группа плоских возвышенностей, широко разбегающихся во все стороны; к западу от Мааса эти возвышенности не превосходят нигде 1.225 футов над уровнем моря, к востоку же от этой реки, вблизи бельгийско-германской границы, они достигают вдвое большей высоты. Примерно на линии Ретель—Монмеди Арденны входят в связь с следующей горной группой—Аргонским лесом, который в виде двух узких, лесистых

Аргонский лес.

параллельных цепей, заполняет пространство между р. Маасом и верхним течением р. Эна. Обе цепи Аргонского леса разделяются течением р. Эр (правого притока р. Эн), имеют резко обозначенный характер горных хребтов и представляют значительные затруднения для движения войск на путях из Лотарингии к Реймсу. Однако, высота этих горных цепей незначительна: увеличиваясь с севера на юг, она достигает в южных окрестностях Бар-ле-Дюка всего лишь около 1.400 футов над уровнем моря.

Арденны и Аргонны отбрасывают к западу целый ряд постепенно ниспадающих отрогов, заполняющих пространство между левыми притоками р. Уазы, а также между р. Марной и ее притоками. Эти отроги в большинстве случаев имеют вид плоских возвышенностей, круто падающих в долины омывающих их рек и представляющих по бере-

гам последних ряд сильных и удобных позиций, обладающих широким кругозором. Такой характер этих возвышенностей и расположение их поперек путей, ведущих из Бельгии к Парижу и р. Марне, естественно придает им большое тактическое значение; и действительно, как при наступлении германских армий к югу, так и в позиционном периоде войны, все эти междуречные плоскогория сыграли крупную роль в боевых столкновениях.

Вогезы. Третья и последняя горная группа,—хребет Вогезских гор, протянувшийся в меридиональном направлении вдоль границы Эльзаса. Это—наиболее высокий и трудно одолимый горный хребет, являющийся как бы барьером, прикрывающим здесь обе стороны от вторжения крупных масс, передвижения и действия коих сильно затрудняются диким характером этих гор. Насколько труден этот хребет для сообщения свидетельствует то обстоятельство, что его прорезают лишь две сквозные железнодорожные линии: Страсбург—Саарбург—Люневиль и Страсбург—С.-Дие, и то в его наиболее низком, северном участке. Впрочем, число обыкновенных колесных путей значительно на всем протяжении хребта. Вогезы повышаются с севера на юг и достигают наибольшей высоты в своей южной оконечности на путях от Эпиналя к Кольмару и Мюльгаузену: здесь высшие точки хребта достигают 5.250 футов над уровнем моря. Рассматриваемый хребет западнее линии Ремиремон—Баккара теряет характер горной цепи и расширяется в запутанную систему возвышенностей, заполняющих собой обширное пространство на обоих берегах р.р. Мозеля и Мерты до ближайших окрестностей Нанси и Туля.

Из этих трех горных груш, в условиях рассматриваемого театра, Арденны и Аргонны не имеют значения оборонительных линий: Арденны—по своему направлению, не пересекающему путей наступления из Бельгии во Францию, Аргонский лес—вследствие расположения своего за оборонительной линией р. Мааса, усиленной крепостными сооружениями. Лишь одни Вогезы, как по направлению своих хребтов, так и по своим физическим условиям, способствуют обороне на путях из Эльзаса к верхнему Мозелю. Однако, оборонительное значение и этой горной группы в сильной степени ослабляется расположением ее вне важнейших операционных путей из Германии во Францию и легкостью обхода этих гор с севера, через Лотарингию. Безусловное оборонительное значение принадлежит лишь упомянутым выше плоским отрогам, сопровождающим течение многочисленных рек, пересекающих, между рр. Уазой и Маасом, все операционные пути, ведущие из пределов Бельгии к Парижу и Марне.

Водные оборонительные линии. В противоположность возвышенностям, водные оборонительные линии театра военных действий, в виде рек и каналов, как по направлению своего течения, так и по своим тактическим свойствам, приобрели в боевых операциях этой войны большое значение. В этом отношении главная роль принадлежит р. Маасу, имеющей, в общем,

направление течения с юга на север и на пути своем, от Лангрского плато до границ Голландии, пересекающей все пути, ведущие из Германии в Бельгию и Францию. На некоторых участках течения оборонительные свойства Мааса усилены фортификационными сооружениями; таких участков имется три: северный, бельгийский, с крепостями Льежем и Намюром и промежуточным между ними фортом Гюи; средний, арденский, усиленный фортами Рокруа, Мезьер и Монмеди; и южный, входящий со своими укреплениями, начинающимися у Вердена, в общую крепостную систему восточной границы Франции. Сильнейший из этих участков—последний, слабейший—средний, хотя здесь естественные условия обоих берегов Мааса, местами прорывающегося через Арденны глубоким ущельем, и представляют во многих местах затруднения для форсирования реки. Р. Маас принадлежит своим течением обоим участкам театра: и западному—равнинному, и восточному—гористому. Все же прочие водные оборонительные линии принадлежат тому или другому участку.

В западном следует отметить: р. Шельду, прикрывающую пути, ведущие из восточной Бельгии к морскому побережью и усиленную на своем левом фланге сильной крепостью—Антверпеном; р. Изер, имеющую подобное же значение, и р. Сомму, пересекающую пути, идущие из западной Бельгии к Парижу.

В восточном участке оборонительное значение имеют: левые притоки р. Уазы—Сэрр и Эн; последний с впадающими в него реками Эр и Вэль, а также р. Марна с двумя своими левыми притоками, Большим и Малым Морэн. Все эти реки пересекают своим течением пути, ведущие из восточной Бельгии и Люксембурга к Парижу и в связи с упоминавшимися выше плоскими возвышенностями, сопровождающими их, приобретают вследствие этого большое тактическое значение. Мы увидим из дальнейшего изложения, как много разнообразнейших боевых столкновений произошло на берегах этих рек.

Сравнительно с ними второстепенное оборонительное значение по своему положению имеют: верхнее течение р. Мозеля, от истоков в Вогезах до Меца, и ее правый приток р. Мерта; обе реки преграждают пути из Эльзас-Лотарингии к верхней Марне и усилены крепостями: Мозель—системой укреплений Туль—Эпиналь—Ремиремон, а Мерта—крепостью Нанси.

Р. Уаза, протекая в направлении главных операционных путей театра, оборонительного значения не имеет; ей принадлежит лишь роль преграды, разобщающей действия войск, совершающих движение или сражающихся к западу и востоку от реки.

Как дополнение к рекам, в качестве оборонительных рубежей, следует отнести многочисленные каналы, частью сопровождающие течение рек, а частью соединяющие их. Там, где они идут вдоль течения рек, они значительно усиливают оборонительные свойства последних, образуя двойную водную преграду, местами даже приспособленную к

устройству наводнений. В этом отношении особенное значение имеют реки западной, приморской части Бельгии.

Что касается собственно гидрографических свойств водных оборонительных линий театра, то, в отношении ширины своего русла, глубины и быстроты течения, они, в общем, не представляют особенных затруднений для переправы; обилие же на многих из них постоянных мостовых и паромных переправ, а также различных плавучих средств, еще более облегчают форсирование их крупными массами войск. Вообще говоря, реки и каналы театра приобретают характер трудно-одолимых преград лишь на тех участках своего течения, которые или усилены укреплениями, или снабжены сооружениями для производства наводнений. Во всех же других местах они имеют лишь настолько оборонительное значение, насколько придает им таковое тактический характер позиций, расположенных на их берегах (как, например, левые притоки Уазы и р. Марна): там, где эти позиции сильны, и допускают упорную оборону, реки и каналы могут надолго задержать противника; там же, где позиции слабы, водные линии не имеют серьезного тактического значения. Впрочем, одна лишь р. Маас, особенно на своем бельгийском участке, а отчасти в Арденнах, по своим естественным условиям может представить затруднения для форсирования своего русла, даже независимо от тактического характера своих берегов или наличности на них укреплений.

Население. Племенной и религиозный состав населения театра военных действий представляется чрезвычайно однообразным: подавляющий процент его составляют французы, остальное—бельгийцы и небольшое количество немцев (в Рейнской провинции и Эльзас-Лотарингии); как известно, жители Бельгии, городские всецело, а сельские—в значительной своей массе, восприняли французскую культуру и французский язык, что сильно сближает их с населением Франции, особенно при общности религии, и придает театру вполне однородный этнографический характер. Это обстоятельство является, конечно, весьма благоприятным для обороняющего эту территорию и невыгодным для неприятельской армии, вторгающейся в страну; оно вызывает для последней необходимость непрерывного наблюдения за местным населением, которое, естественно, склонно вредить неприятелю всякими способами, что в свою очередь влечет за собой крупный расход войск для тыловых гарнизонов, с целью поддержания порядка в стране и обеспечения сообщений.

Впрочем, при современных условиях войны,—массовыми армиями, действующими на широких фронтах, охватывающими целые страны, образующими непрерывную боевую линию, совершенно изолирующую одну от другой местности, находящиеся по обе стороны этой линии и недопускающую между ними сношений,—в этих условиях вредная роль местного населения ослабляется в значительной степени.

В отношении размещения населения театр представляет очень

благоприятные условия: все его части населены весьма густо, обладают большим количеством крупных городов, снабженных всевозможными приспособлениями для культурной жизни, и почти сплошь покрыты сельскими поселениями, состоящими в большинстве случаев из прочных, каменных, благоустроенных построек. Все это значительно облегчает расквартирование войск и пользование различными видами местных средств.

Средства страны.

Средства театра и велики, и разнообразны. Однако, собственно в продовольственном отношении, не все его районы могут удовлетворить огромным потребностям нынешних массовых армий, в виду того, что деятельность местного населения направлена в некоторых из них не на производство пищевых продуктов, а на другие виды сельского хозяйства, каково, например, виноделие в Шампани, а также посвящена добывающей и обрабатывающей промышленности. Добывающая промышленность заключается, главным образом, в разработке угольных копей, которыми богаты многие районы Бельгии, и железной руды, богатейшие залежи которой находятся в районе Брие, к северо-востоку от Вердена, вблизи границ Лотарингии. Обрабатывающая промышленность состоит в производстве сукон и всякой другой мануфактуры, выделываемой на многочисленных французских и бельгийских фабриках, сосредоточенных преимущественно в районе Лиль—Валансьен—Камбрэ и в прилегающих к нему местностях Бельгии.

Естественно, что обладание угольными копями и железными рудниками должно давать существенные выгоды стороне, захватившей их, потому что и то, и другое необходимо для производства предметов вооружения и боевого снаряжения, запасы которых, как бы велики они ни были, не могут удовлетворить колоссальной потребности современной войны. Что же касается мануфактурного производства, то значение его в деле снабжения войск обмундированием само собой понятно.

В эту войну германцы, захвативши Бельгию и весь промышленный район северо-восточной Франции, основательно использовали для военных нужд, в течение своего продолжительного владения этой территорией, все ее ископаемые богатства и все ее фабричное производство.

В остальных районах театра население занято, главным образом, земледелием, которое, при высокой культурности принятых способов возделывания полей и большом плодородии почвы, может доставлять действующим здесь войскам значительное количество продовольственных припасов.

Пути сообщения.

Театр изобилует путями сообщения, как обыкновенными, так и рельсовыми; водные пути, вследствие невыгодного направления течения рек, преимущественно пересекающих операционные направления из Германии во Францию, не могут иметь серьезного военного значения.

Обыкновенные дороги.

Обыкновенные дороги, частью шоссированные, частью мощеные, но вообще отличного качества, густой сетью покрывают всю терито-

рию театра, представляя весьма благоприятные условия для движения всех родов войск во всякое время года. Не только города, но даже многие селения связаны между собою хорошими дорогами, обсаженными деревьями и окопанными канавами, а потому легко приспособляемыми к обороне. Такое состояние обыкновенных путей чрезвычайно облегчает широкое пользование средствами механической тяги, способствуя быстрому подвозу к войскам всего им необходимого, а также установлению связи между ними, как в глубину, так и по фронту.

Железные дороги.

Рассматриваемый нами театр обладает чрезвычайно густой сетью рельсовых путей, имеющей наибольшую густоту в промышленном районе Лиль—Валансьен и прилегающих к нему местностях Бельгии. Наиболее беден железными дорогами горный район Вогезского хребта, а также гористые местности Арденн и Аргонского леса.

Как известно, все железные дороги, независимо от своего протяжения, направления и степени технического оборудования, имеют то или другое военное значение, облегчая ведение войны в самых разнообразных видах. Однако, широкая оперативная роль принадлежит только сквозным линиям большого протяжения, которые связывают исходные пункты стратегического развертывания сторон с конечными пунктами их операционных направлений, а также устанавливают сообщение вдоль стратегического фронта. При той густоте рельсовых путей, которой обладает изучаемый нами театр, является возможность составить значительное число таких сквозных железнодорожных линий со многими к ним вариантами; но я приведу здесь из них лишь важнейшие, как по их направлению, так и по значению тех пунктов, через которые они пролегают.

Эти магистральные линии могут быть распределены в три следующие группы: а) линии, связывающие исходные пункты стратегического развертывания германских армий на германско-бельгийской границе с морским побережьем, имевшим столь выдающееся военное значение в этой войне; б) линии, идущие от исходных пунктов сосредоточения германских армий на германско-бельгийской и германско-французской границе к Парижу и другим важным географическим пунктам северо-восточной Франции (пути продольные, пути вторжения), и в) линии, пролегающие вдоль стратегического фронта на всем его протяжении и способствующие переброске войск с одного операционного направления на другое (пути поперечные, пути связи).

Первую группу можно составить из следующих железнодорожных линий:

1) Аахен, Льеж, Лувен, Антверпен, Гент, Брюгге, Остенде;

2) Аахен, Льеж, Лувен, Мехельн (Малин), Гент, Тиельт, Дюнкерк, Кале;

3) Эупен, Льеж, Брюссель, Граммон, Куртрэ, Армантьер, С.-Омер, Кале (или Булонь);

4) Мальмеди, Льеж, Намюр, Шарлеруа, Монс, Лиль, Армантьер, С.-Омер, Кале (или Булонь);

5) С.-Вит, Либрамон, Динан, Фурмье, Валансьен, Дуэ, Аррас, Этапль;

6) Трир, Люксембург, Арлон, Монмеди, Шарлевиль, Гирсон, Ле-Като, Камбрэ, Альбер, Амьен, Аббевиль.

Эти железнодорожные линии дают возможность в кратчайший срок перебросить крупные массы войск с германско-бельгийской границы к морскому побережью, на участок Остенде-Аббевиль. В эту войну немцы лишь отчасти использовали эти пути, так как первоначальной задачей своим армиям они поставили вторжение в северо-восточную Францию и уничтожение французских армий; движение же их к морскому побережью, с целью его захвата, явилось более поздней, второй задачей их войск, ставшей на очередь лишь после неудачи первоначального германского плана.

Во вторую из указанных выше групп возможно включить следующие железные дороги:

1) Аахен, Льеж, Лувен, Брюссель, Граммон, Лиль, С.-Поль, Аббевиль, Дьепп;

2) Эупен, Льеж, Намюр, Шарлеруа, Монс, Валансьен, Камбрэ, Амьен, Руан;

3) Эупен, Льеж, Намюр, Шарлеруа, Монс, Валансьен, Камбрэ, Перонн, Мондидье, Бовэ, Вернон (на р. Сене);

4) Эупен, Льеж, Намюр, Шарлеруа, Мобеж, Ле-Като, С.-Кентен, Шони (на р. Уазе), Компьен, Понтуаз;

5) Эупен, Льеж, Намюр, Динан, Мариембург, Гирсон, Лаон, Суассон, Париж;

6) Мальмеди, Льеж, Намюр, Динан, Мариембург, Гирсон, Лаон, Суассон, Париж;

7) Мальмеди, Комблен, Жемель, Динан, Мариембург, Гирсон, Лаон, Суассон, Париж;

8) Мальмеди, Комблен, Жемель, Динан, Живэ, Шарлевиль, Ретель, Реймс, Фим, Мо, Париж (или Реймс, Эпернэ, Шато-Тьери, Мо, Париж);

9) Мальмеди, Комблен, Жемель, Динан, Живэ, Шарлевиль, Ретель, Реймс, Эпернэ, Фер-Шампенуаз, Сезанн, Ромильи (на р. Сене);

10) Мальмеди, Комблен, Жемель, Динан, Живэ, Шарлевиль, Ретель, Реймс, Шалон-на-Марне, Сомсу, Труа;

11) С.-Вит, Либрамон, Монмеди, Базейль, Верден, С.-Менегу, Шалон-на-Марне, Сомсу, Труа;

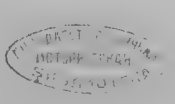
12) Трир, Люксембург, Лонгюйон, Конфлан, Верден, С.-Менегу, Шалон-на-Марне, Сомсу, Труа;

13) Трир, Диденгофен, Конфлан, Верден, С.-Менегу, Шалон-на-Марне, Сомсу, Труа;

14) Трир, Диденгофен, Конфлан, Верден, Ревиньи, Витри, Труа;

15) Мец, Верден, Ревиньи, Витри, Труа;

16) Мец, Верден, Шалон-на-Марне, Шато-Тьери, Мо, Париж;



17) Мец, Понт-а-Муссон, Туль, Бар-ле-Дюк, Витри, Сезанн, Куломье, Париж;

18) Саарбрюкен, Бенсдорф, Нанси, Туль, Бар-ле-Дюк, Витри, Сезанн, Куломье, Париж;

19) Страсбург, Саарбург, Люневиль, Нанси, Нэфшато, Шомон;

20) Страсбург, С.-Дие, Эпиналь, Лангр;

21) Мюльгаузен, Бельфор, Везуль, Дижон.

Рельсовые пути этой группы предоставляют возможность наступления, как из Германии во Францию, так и в обратном направлении, значительным войсковым массам одновременно на широком фронте. Однако, распределение их по фронту неравномерно: большая их часть лежит к западу от Арденн, довольно густо пролегают они от границ Лотарингии в бассейн р. Сены. Но их совсем нет на 80-верстном участке Шарлевиль—Верден и на значительном протяжении Вогезского хребта, от С.-Дие до Бельфора. Если принять во внимание, что все линии Лотарингского района, как будет видно из описания укреплений восточной границы Франции, прегражденны крепостями или фортами, то одно уже распределение рельсовых путей рассматриваемой группы, этих путей вторжения, вырисовывает ту идею, которая естественно должна была лечь в основу германского наступательного плана: идею наступления через Бельгию.

К третьей группе поперечных путей (путей для связи) можно отнести линии:

1) Остенде, Гент, Брюссель, Льеж, Дикирх, Конц, Саарбрюкен, Винген, Страсбург (вариант—Брюссель, Намюр, Динан, Либрамон, Люксембург, Конц);

2) Дюнкерк, Хазебрук, Лиль, Валансьен, Фурмье, Мезьер, Монмеди, Диденгофен (или Конфлан), Мец, Саарбург, Страсбург, Мюльгаузен;

3) Кале (или Булонь), Аррас, Камбрэ, Гирсон, Мезьер, Монмеди, Диденгофен (или Конфлан), Мец, Саарбург, Страсбург, Мюльгаузен;

4) Булонь, Аббевиль, Амьен, Ла-Фэр, Лаон, Реймс, С.-Менегу, Туль, Эпиналь, Бельфор;

5) Аббевиль, Амьен, Мондидье, Компьен, Реймс, Шалон-на-Марне, Витри, Жуанвиль, Нэфшато, Мирекур, Эпиналь, Бельфор;

6) Ле-Трепор, Бовэ, Сенли, Лизи, Монмирай, Ромильи, Труа, Шомон, Лангр, Грей, Безансон;

7) Дьепп (или Руан), Гизор, Париж, Монтро, Сан, Дижон, Безансон.

Эти железнодорожные линии связывают собой все главные районы театра вдоль стратегическаго фронта, допуская дальнюю переброску войск между морским побережьем и Вогезами. Кроме этих сквозных линий, существует много поперечных железнодорожных путей небольшого протяжения, облегчающих переброску войск на отдельных участках стратегического фронта.

Из рассмотрения железнодорожной сети театра видно, что она дает, как густотой своей, так и направлением своих крупнейших линий, значительные удобства для широких операций массовых армий, обеспечивая им, как достаточное число тыловых железнодорожных путей для подвоза, так и поперечные пути для выполнения стратегических маневров и перегруппировок на широком фронте.

Крепости и укрепления.

Театр обладает большим количеством крепостных сооружений различного типа, начиная от небольших отдельных фортов, имеющих узкое значение—запереть какую-нибудь железнодорожную линию или горный проход, и кончая большими маневренными крепостями, занимающими обширную площадь. Несмотря на это, подготовку театра в инженерном отношении, существовавшую до войны, нельзя признать основательной и целесообразной, особенно, если принять во внимание план германского вторжения во Францию, который уже давно был известен в общих чертах французам и выполнение которого из года в год ожидалось ими при всяком международном осложнении.

Соответственно своему географическому положению и возлагавшимся на них стратегическим задачам, все эти укрепления могут быть разделены на четыре группы: а) бельгийская крепостная система, преграждающая операционные пути, ведущие из Рейнской провинции к морскому побережью и к северо-восточной границе Франции; б) внутренние крепости театра, разбросанные на путях от бельгийской границы к Парижу; в) система крепостей восточной границы Франции, преграждающая пути от Рейна через Вогезы и г) германские крепости Эльзас-Лотарингии.

Стратегическое значение каждой из этих групп, их состав и их оборонительное состояние перед войной были весьма различны.

Бельгийская группа состоит из передовой линии по р. Маасу и внутренних укреплений. Первая образуется двумя небольшими крепостями-лагерями—Льежем (Люттихом) и Намюром с промежуточным фортом у Гюи, на полупути между ними*). Назначение этих передовых укреплений заключается в усилении оборонительных свойств реки, представляющей на этом участке своего течения серьезные затруднения для переправы. Предполагалось, что при наличности этих укреплений, неприятельской армии, вторгающейся из Рейнской провинции в Бельгию, придется затратить много времени и усилий для форсирования р. Мааса и для обеспечения себе сквозного движения по железнодорожным линиям, запираемым этими укреплениями.

За этой оборонительной линией, в 90 километрах к северо-западу, расположена на р. Шельде большая современная маневренная крепость Антверпен, а впереди нее, на полупути до р. Мааса—двойной форт Диест, запирающий железнодорожную линию из Мастрихта. Антверпен лежит у северной границы Бельгии, в стороне от кратчай-

*) В 25 километрах от каждой из них.

ших операционных путей, ведущих из Рейнской провинции внутрь страны и к ее столице, а потому не может имет оборонительного значения в отношении неприятельского вторжения с востока: он не усиливает оборонительной линии р. Мааса и не служит поддержкой ее укреплений. Неприятельские войска, переправившиеся через Маас, имеют возможность захватить столицу Бельгии и занять почти всю ее территорию, оставаясь вне непосредственного влияния этой крепости. Таким образом, в отношении этих операций *), Антверпен может иметь значение лишь редюта страны, последнего укрепленного убежища для бельгийской армии, понесшей поражение в полевом бою. Как увидим из дальнейшего, такова и оказалась в действительности его роль в этой войне **).

Собственно, первоначальное назначение Антверпена, имевшееся в виду при создании этой крепости, заключалось в том, чтобы запереть устье р. Шельды от проникновения в него неприятельских военных судов, могущих способствовать вторжению противника в Бельгию со стороны моря. Естественно, что такая опасность могла представляться только со стороны Англии, потому что и Франция, и Германия всегда имели возможность бросить свои войска в Бельгию сухим путем. Но такова уж ирония судьбы! Созданная в качестве оплота против вторжения англичан, эта крепость защищалась, между прочим, и англичанами, успевшими частью своих сил поддержать бельгийские войска против германской атаки.

Вторая группа укреплений театра, укреплений внутренней части последнего, состоит из большого числа самых разнообразных крепостных сооружений, разбросанных без всякой системы на огромной площади, между берегом моря, бельгийской границей и р. Маасом. Среди них лишь один Париж представляет собой обширную маневренную крепость значительной оборонительной силы, которой при известных условиях может принадлежать большое стратегическое значение. Все же почти остальные крепости и укрепления этой группы принадлежат к числу старых, сохранившихся от прежних времен и утративших в современных условиях войны всякое боевое значение, или новых, недостроенных, неоконченных, а потому тоже не обладавших надлежащей обороноспособностью. Лишь несколько фортов, запирающих железнодорожные линии, ведущие из Бельгии и Люксембурга, соответствовали современным требованиям, хотя и не обладали большой силой сопротивления. К числу таковых относятся: Мобеж (7 фортов), сильнейшее из этих укреплений, запиравшее узел железных дорог, ведущих в долину р. Уазы из Бельгии со стороны Намюра, Брюсселя и Гента; Мезьер (форт Ле-Зайвель), преграждающий железнодорожную

*) Эти же соображения справедливы и в отношении неприятельского вторжения со стороны Франции.

**) Более подробное описание крепостей и фортов, подвергшихся атаке, будет приведено при изложении боевых действий.

линию Намюр—Реймс; Монмеди и Лонгви, запирающие железную дорогу Трир—Седан.

Прочие крепости и форты, разбросанные вдоль бельгийской границы, каковы С.-Омер, Эр, Лиль, Кенуа, Ландреси, Гирсон, Рокруа, Живэ, не обладали никакой обороноспособностью против современных средств нападения. Дюнкерк, как береговая, приморская крепость, не лишен серьезного значения, но, по своему положению, он не мог играть никакой роли в сухопутных операциях.

Далее, к югу, на путях к Парижу, разбросаны слабые или старые укрепления Амьена, Перонна, Ла-Фэра (3 форта), Лаона (2 форта), Суассона и Реймса (10 фортов).

Большинство укрепленных пунктов рассматриваемой нами группы покидалось в эту войну французскими гарнизонами до приближения противника или сдавалось неприятельским войскам без сопротивления, в виду невозможности отстаивать их под огнем современной артиллерии.

Таким образом, мы видим, что северо-восточная граница Франции оставалась неукрепленной, что об'ясняется обыкновенно французскими исследователями этой войны рассчетом французского генерального штаба на нейтралитет Бельгии, который должен был прикрывать Францию и пути к Парижу с северо-востока. Однако, согласиться с таким об'яснением едва ли возможно, потому что идея германского вторжения через Бельгию витала над Францией задолго до последней войны и, конечно, вероятный план этого наступления не мог быть неизвестен в общих чертах французскому генеральному штабу. Правильнее предположить, что это явилось результатом или непредусмотрительности военного ведомства, или перемены во взглядах французского высшего командования на стратегическую роль крепостей в современной войне. Быть может, с последним связывались намерения вести наступательную войну, хотя бы и с нарушением нейтралитета Бельгии, на что имеются некоторые намеки в стратегическом развертывании французских армий в первые дни войны. Однако, как увидим дальше, эти намерения не получили осуществления и французам пришлось вести на северо-восточной границе Франции войну оборонительную и без крепостей.

Переходя теперь к рассмотрению крепостной системы восточной Франции, необходимо раньше всего отметить, что эта система была создана исключительно под впечатлением тяжких поражений 1870—71 гг. и не имеет непосредственного отношения к военно-политической и стратегической обстановке, сложившейся перед последней войной. Франция, подвергшаяся в 1870 году неприятельскому вторжению с востока, разбитая и униженная, лишенная Эльзас-Лотарингии, естественно, после войны, в числе первых же мер по организации своей государственной обороны, поставила на очередь мощное укрепление своей восточной границы, которая, по условиям того времени, пред-

ставляла собой наиболее уязвимое, самое больное место страны. И вот, в ближайшие годы, следующие за франко-прусской войной, осуществляется грандиозный проэкт генерала Сере-де-Ривьер по созданию могучего барьера из крепостей вдоль Эльзас-Лотарингской границы*): строятся новые крепости, старые перестраиваются, создается целый ряд фортов, связывающих между собой обширные укрепленные лагери и запирающих железные дороги и горные проходы. Основная идея этого обширного инженерного плана—держать всю пограничную зону вдоль восточной границы под огнем крепостных орудий, оставивши для наступления неприятельских войск лишь несколько узких интервалов в этой длинной цепи укреплений и вынудивши таким образом противника двигаться по заранее известным направлениям и путям. Этот план в полной мере был осуществлен только на протяжении 80 километров Лотарингского фронта, где нет ни одной дороги, ведущей к границе, которая не находилась бы под огнем одного или даже двух укреплений.

Главными опорными пунктами этой крепостной системы являются большие крепости-лагери Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор, промежутки между которыми заполнены группами фортов и батарей, связывающих их в один непрерывный железный пояс. Этот пояс должен был, по замыслу Сере-де-Ривьер, опоясывать всю границу Франции до морского берега, при чем его участок, обращенный к Бельгии, должен был опираться на укрепления Реймса, Мобежа и Лиля. Однако, эта часть плана не была выполнена, укрепления эти не были закончены и северо-восточный фронт остался неукрепленным.

Левый фланг восточного крепостного фронта опирается на крепость Верден, раскинувшуюся своими укреплениями (17 фортов, более 30 укреплений и батарей) на обоих берегах Мааса, и запирающую прямой железнодорожный путь от Меца на Шалон и Париж. Эта крепость прикрывает восточные выходы из Аргонн, господствует над путями, ведущими к востоку от Мааса и является надежным щитом для полевой армии, сосредоточивающейся на левом берегу Мааса. От Вердена на юг, вдоль Мааса, по его правому берегу, тянется линия долговременных фортов: Женикур, Тройон, С.-Мьель (укрепления Римского лагеря), Парош, Лиувиль и Жиронвиль, входя в связь с северными укреплениями крепости Туль, расположенной в излучине р. Мозель, на железной дороге Нанси—Бар-ле-Дюк—Витри—Париж. Туль имеет двойной ряд фортов, из коих три, сильно выдвинутые к востоку (С. Венсен, Манонвилье и Фруар), имели назначение прикрывать Нанси. Этот последний пункт до войны не был укреплен; захвату его неприятелем не придавалось большого значения при наличности в ближайшем тылу Туля. Однако, уже с началом войны, у Нанси стали создавать укрепления, которые вошли впоследствии в общую линию позиционного фронта.

*) Eugène Tenot. Nouvelles défences de la France. 1882.

На юг от Туля, вдоль Мааса, находятся форты Паньи (на правом берегу) и Нэфшато (на левом берегу). Далее, к югу, на обоих берегах Мозеля—обширная крепость Эпиналь с системой весьма сильных фортов (50 километров в окружности). Промежуток между Тулем и Эпиналем, шириной в 70 километров (так называемый Шармский проход) представляет собой самое слабое место восточной границы Франции. К югу от Эпиналя, вдоль верхнего Мозеля, идут форты: Арш, Ремиремон, Рю, Шато-Ламбер, Балон-де-Серванс (два последние—близь истоков Мозеля, у подножия главного хребта Вогезов) и Жироманьи; последний входит в связь с северными укреплениями Бельфора.

Крепость Бельфор — обширный укрепленный лагерь, имеющий внутреннюю ограду и значительное число фортов и укреплений, разбросанных между горными отрогами Вогезов и р. Дуб. Далее, до швейцарской границы расположены отдельные форты: де-ла-Шо, Мон-Бар и Ломон с батареями Рош.

Такова эта крепостная система, преграждающая на протяжении около 250 километров кратчайшие операционные пути из Эльзас-Лотарингии к Парижу.

В тылу этой укрепленной линии, составляя как бы вторую линию, находятся: незаконченная крепость Реймс (10 фортов, несколько батарей), Лангр—укрепленный лагерь на Ланграском плато и крепости Дижон и Безансон; сильнейшая из них последняя, имеющая цитадель и 12 фортов.

Наконец, последнюю, четвертую группу крепостей театра образуют германские крепости Эльзас-Лотарингии: Диденгофен, долговременный форт, запирающий железные дороги Седан—Саарбрюкен (или Сааргемюнде) и Верден—Трир; Мец на р. Мозеле и Страсбург на Рейне, большие крепости-лагери современного типа, и Ней-Бризах, долговременный форт в Верхнем Эльзасе, преграждающий железную дорогу, идущую от восточного склона Вогезов через Кольмар к Рейну. Ни числом крепостей, ни расположением их, эта группа не могла иметь назначения воспрепятствовать вторжению противника в Эльзас-Лотарингию и более соответствовала активным задачам германских войск, прикрывая их сосредоточение и развертывание на французской границе и обеспечивая их наступление к Маасу.

Значение отдельных участков театра военных действий.

Изложенное выше описание театра дает нам теперь возможность сделать оценку различных его участков (районов) в отношении к тем военно-политическим и стратегическим задачам, которые пред'являла война обоим воюющим сторонам.

Раньше всего обращает на себя внимание юго-восточная часть театра, примыкающая к Эльзас-Лотарингии и прикрытая со стороны последней двойным барьером — хребтом Вогезских гор и сплошной линией крепостей и фортов от Вердена до швейцарской границы. Соответственно таким своим оборонительным свойствам, эта часть театра, естественно, является районом, предназначавшимся для пас-

сивных действий, для второстепенных боевых операций. Этот восточный фронт приобретал для германцев именно такое значение вследствие тех значительных затруднений, с которыми неизбежно должно было быть связано его форсирование при попытке вести наступление крупными силами из Эльзас-Лотарингии. Для французов же пассивный характер этой части театра вытекал из самой идеи мощного укрепления восточной границы, потому что, естественно, если бы французская армия чувствовала себя пригодной для широких наступательных операций на этом участке своего фронта, то не было бы никакой надобности создавать этот железный пояс крепостей, стоивший таких усилий и расходов.

Следовательно, ясно, что такие свойства этой части театра должны были побуждать ту сторону, которая являлась обороняющейся, прикрываться этим укрепленным участком фронта как щитом, удерживая за ним лишь незначительную часть своих войск, дабы иметь свои главные силы свободными для маневра вне крепостей. С другой стороны, армия наступающая, естественно, должна была обходить своими главными силами этот укрепленный фронт, с целью скорейшего выполнения своей главной задачи—поражения живой силы противника в открытом поле. Таким образом, уже самый характер этой части театра определяет собой вероятный план стратегических действий обеих сторон на границе Эльзас-Лотарингии.

Иной характер имеет северо-западная часть театра, обнимающая собой бельгийскую территорию и прилегающие к ней местности северной Франции: отсутствие здесь мощных укреплений и сильных оборонительных линий делают этот участок весьма пригодным для широких наступательных действий, для ведения маневренной войны, для организации вторжения крупных сил в ту или другую сторону. Бельгийские крепости на Маасе были слишком слабы для того, чтобы остановить подобный натиск. Антверпен же, как мы видели, расположен вне операционных путей, ведущих от Рейна через Бельгию в северную Францию.

Таким образом, эта часть театра—район активных действий, район главных боевых операций, которые должны были так или иначе решить исход вооруженной борьбы поднявшихся друг на друга народов. Именно сюда, в эти местности, не стесненные оборонительными сооружениями, изобилующие разнообразными путями сообщения, должны были, естественно, стремиться своими главными силами обе враждующие стороны, чтобы в решительных сражениях маневренной войны испытать и свои силы, и свое стратегическое искусство...

Конечно, такие особенности этой части театра, а также нахождение в ее пределах кратчайших и удобнейших путей к столице Франции, придают ему первенствующее значение в отношении тех стратегических задач, которые должны были ставить себе обе стороны в этой войне.

Совершенно особенное значение имеет приморский участок театра,—береговая полоса от Остенде до Булони. Это побережье должно было служить как бы связующим звеном между территориями двух держав, составлявших коалицию в борьбе против Германии. Здесь, в гаванях и портах Остенде, Дюнкерка, Кале и Булони, должна была поддерживаться непрерывная связь между вооруженными силами Англии и Франции; здесь пересекали французские и бельгийские берега кратчайшие пути, ведущие с британских островов к главным районам и пунктам театра военных действий. Естественно, что при столь важном стратегическом значении этого побережья, захват его, с целью разобщения союзников или затруднения им связи между собою, должен был сделаться одной из важнейших оперативных задач германской армии, вторгавшейся в пределы Бельгии и Франции. После разгрома неприятельской живой силы на путях к Парижу или в районе восточных крепостей, эта стратегическая задача может считаться важнейшей в условиях той обстановки, в которой Германия вела войну с западной коалицией. Занявши это побережье, немцы не только лишили бы англичан прямого, кратчайшего сообщения с фронтом и вынудили бы их поддерживать с Францией связь кружным путем через Гавр или Брест, но и могли бы создать непосредственную угрозу для британских островов, как своим флотом, так и возможностью переброски своих войск через канал на английский берег. Понятно, что и то, и другое могло бы затруднить взаимодействие союзнических сил и ослабить военную мощь коалиции, тем более, что порожденная этими условиями забота Англии о своей собственной безопасности должна была отвлечь ее внимание от боевых задач на материке. И насколько захват этого побережья представлялся существенным для Германии, настолько удержание его в своих руках являлось необходимым для англо-французов.

Итак, мы видим, что уже одна оценка сравнительного значения различных участков или районов театра, а также главных предметов действий, заключающихся в их пределах, выявляют нам, в общих чертах, основные черты оперативных планов, которыми должны были задаться обе воюющие стороны.

IV. Вооруженные силы сторон.

Я уже говорил о том, что державы, принявшие участие в этой войне, в течение последних лет перед войной, как бы предусматривая неизбежность вооруженного столкновения, спешили развить и усовершенствовать свои армии. В краткий срок, с весны 1911 года по август 1913 года, в Германии, Франции и Бельгии были введены существенные изменения в составе и численности сухопутных вооруженных сил, направленные как к увеличению их боеспособности, так и к ускорению их перехода на военное положение. Одна лишь

Англия оставалась при своей старой системе вербованных войск, дававшей ей весьма незначительный, по сравнению с другими державами, боевой контингент, который мог быть введен в дело с первых же дней войны. Однако, и в этой, столь консервативной в военном отношении стране уже раздавалась перед войной проповедь в пользу введения воинской повинности и увеличения состава сухопутных войск; причем, во главе этого знаменательного движения, направленного к нарушению вековых традиций британской военной системы, стоял один из популярнейших военных вождей Англии, престарелый, покрытый ранами и боевыми лаврами, фельдмаршал Робертс. Похоже было на то, что могучий дух эпохи уже втягивал в круг вооруженных народов и выставляемых ими массовых армий этих упрямых, не склонных к военной деятельности островитян, до тех пор предпочитавших воевать во всех странах света, проливая не свою кровь, а кровь своих туземных подданных. Тем не менее, предубеждение против общеевропейской военной системы было еще столь велико в Англии, что нужны были исключительные условия этой великой войны и все величие развернувшихся перед англичанами военно-политических задач, чтобы одолеть это предубеждение и привести нацию к сознанию необходимости пойти навстречу этой тяжкой жертве, отдать эту драгоценную дань потребностям своего времени.

Ознакомимся теперь последовательно с устройством и характером вооруженных сил всех четырех держав, воевавших на французском фронте.

Германская армия. а) Ее общий характер.

Германская армия комплектовалась по всеобщей воинской повинности. Призывной возраст был установлен 20-летний; сроки службы: в действующих войсках —2 года (3—в конных частях), в резерве —5 лет (4 года в конных частях), а затем по 6 лет в ландвере 1-го и 2-го призыва. Таким образом, общий срок службы—19 лет, с 20 до 39 лет. После этого, отслужившие этот срок зачислялись в ландштурм 2-го призыва (ополчение) до 45-летнего возраста. В ландштурм зачислялись, кроме того, вообще все военнообязанные до своего призыва на действительную службу, с 17 до 20 лет. Эта категория молодых ландштурмистов дала германской армии при новых формированиях во время войны большое число добровольцев.*)

Военнообязанные, освобожденные по разным случаям от призыва на действительную службу; но признанные годными по своим физическим качествам, зачислялись на 12 лет в эрзац-резерв, а затем последовательно: до 39-летнего возраста в ландвер 2-го призыва или ландштурм 1-го призыва и до 45-летнего возраста в ландштурм 2-го призыва. Все же, признанные негодными по своим физическим качествам для службы в действующих войсках, зачислялись прямо в ландштурм 1-го призыва до 45-летнего возраста. Эти две категории, эрзац-

*) Особенно много их было в новых формированиях (в резервных корпусах), принимавших участие в операциях во Фландрии в ноябре 1914 года.

резерв и ландштурм первого призыва, представляли собой необученные контингенты, почему во время войны, когда огромная потребность в людях вынудила привлечь в ряды армии и эти категории, пришлось их обучать в запасных частях ранее отправления на фронт.

Германская армия комплектовалась по территориальной системе, с некоторыми исключениями для пограничных округов, в виду иноплеменного состава их населения. Вся территория Германии разделялась на 24 корпусных округа (21 общеимперский и 3 баварских). Корпусные округа делились на бригадные (от 4 до 7), эти последние—на ландверные.

Различные категории военнообязанных, указанные выше, служили для комплектования и различных категорий войск, из которых одни находились под знаменами и в мирное время, а другие призывались лишь при мобилизации. Люди действительной службы комплектовали постоянную армию мирного времени; резервисты пополняли эту армию при мобилизации до штатов военного времени; ландверисты обоих призывов комплектовали при мобилизации, а также в течение войны, особые резервные и ландверные войска, придаваемые к полевым частям постоянной армии; эрзац-резервисты и ландштурмисты 1-го призыва служили для пополнения убыли в полевых войсках; наконец, из ландштурмистов 2-го призыва формировали во время войны тыловые, гарнизонные части небоевого назначения.

Перед войной, в Германии запас обученных людей в населении (без постоянной армии) был следующий: резервистов—1.100 тысяч, ландвера обоих призывов—2.080 тысяч и ландштурма 2-го призыва—790 тысяч, а всего—3.970 тысяч. Необученных: эрзац-резервистов—900 тысяч, ландштурма 1-го призыва—4.490 тысяч, а всего—5.390 тысяч. Весь же запас людей, из которых можно было черпать средства для пополнения постоянной армии и для новых формирований,—9.360 тысяч человек.

Германская армия издавна пользовалась репутацией лучшей армии в Европе, обладавшей высокой боеспособностью и боевой готовностью, что вполне и подтвердила эта война с первых же своих дней. Такими своими ценными качествами эта армия, несомненно, была обязана отличному составу, как своих офицеров, так и унтер-офицеров. Корпус офицеров обладал высоким образовательным уровнем, хорошей военной подготовкой, сильным корпоративным духом и прочными традициями, делавшими военную службу привлекательной и почетной. Унтер-офицерский состав получил свои отличные качества благодаря широкой системе сверхсрочной службы, поощряемой различными мерами. Однако, запас этих двух категорий командного состава был недостаточен для удовлетворения потребностей военного времени, почему при новых формированиях пришлось привлекать на командные должности лиц, не вполне соответствовавших по своей боевой подготовке условиям современной войны.

Из составных частей Германской империи самостоятельное военное управление имели: Пруссия, Бавария, Саксония и Вюртемберг, последние два государства—с некоторыми ограничениями в пользу императора; все остальные государства лишь выставляли свои войсковые части (от полков до дивизий), или пополняли своими людьми прусские войска. Верховным главнокомандующим всех вооруженных сил Германии, как в мирное, так и военное время, был император.

б) Военные законы 1911 и 1913 гг.

Военные законы 27 марта 1911 года и 2 июля 1913 года внесли в состав и численность германской армии те последние изменения, с которыми она вступила в войну.

Закон 27 марта 1911 года коснулся, впрочем, не всех родов войск: пехота и конница, не считая мелких добавлений, не были увеличены; сильное развитие получили лишь вспомогательные войска—тяжелая артиллерия, пулеметные части, войска сообщений и связи (телеграфные, автомобильные, авиационные). Таким образом, постановления этого закона имели целью не внешнее расширение армии, а внутреннее ее усовершенствование, путем повышения технического снабжения войск. Обратно этому, закон 2 июля 1913 года имел своей задачей—увеличение размеров армии, развитием главного рода войск—пехоты и формированием новых тактических соединений. Впрочем, не все предусмотренные этим законом формирования удалось выполнить до войны. Согласно этому закону сформировано: из третьих дивизий I и XIV корпусов и лишних бригад некоторых других корпусов—два новых корпуса, XX на русской и XXI на французской границе; в 14 пехотных полках—третьи баталлионы и новый пехотный полк (в XII саксонском корпусе), всего 17 баталионов; в артиллерии—24 легких батареи, а также несколько пулеметных рот. На все эти новые формирования потребовалось увеличение численности армии на 29.000 человек.

в) Постоянная армия мирного времени.

Германская армия в мирное время, по родам войск, имела следующий состав и организацию.

Пехота; 217 полков (3-х баталионного состава), 18 егерских и 2 морских баталиона, а всего 671 баталион. Баталионы полков и морские имели по 4 роты, егерские—по 6 рот. В состав полков и егерских баталионов входили пулеметные роты (по 6 пулеметов) и команды—самокатная, саперная и телефонная. Полки были сведены, по 2 или 3, в 106 пехотных бригад, егерские баталионы частью были включены в состав бригад, частью приданы корпусам. Бригады, по 2 или 3, входили в состав дивизий. Численность пехотного баталиона—26 офицеров и 721 солдат (в 99 полках) или 22 офицера и 642 солдата (в 118 полках); егерского—23 офицера, 663 солдата.

Конница: 110 полков (105—5-ти эскадронные, 5—4-х эскадронные), или 545 эскадронов. В каждом полку команды—самокатная, телеграфная и саперная. Полки, по 2, были сведены в 55 кавалерийских бригад; 4 гвардейские бригады составляли гвардейскую кавалерийскую

дивизию, остальные бригады приданы армейским дивизиям. Численность полка: 25 офицеров, 723 солдата.

Артиллерия: а) *Легкая:* 100 полков, каждый из 6 батарей, сведенных в два дивизиона; учебный полк, 9-ти батарейный; и 22 конных дивизиона, каждый по 2 батареи. Всего 631 батарея, из коих 418—6-ти орудийного, а 213—4-х орудийного состава, и все—по 2 зарядных ящика. 2 артиллерийских полка составляли артиллерийскую бригаду (всего 50 бригад), входившую в состав армейской дивизии. Конно-артиллерийские дивизионы были причислены к 11-ти артиллерийским бригадам и предназначались для придачи в военное время к 11 кавалерийским дивизиям. Из числа ездящих батарей было 63 гаубичных, входивших в состав 22 бригад, по одной на корпус. Всего в легкой артиллерии 3.360 орудий (2.850 ездящих, 378 гаубиц и 132 конных). При каждом дивизионе содержалось по 1 легкому парку (21 зарядный ящик). б) *Тяжелая:* 7 бригад, учебный полк и отдельный баталион. Бригады—из 3—4 полков, 24 полка; полк из двух баталионов, баталион из 3—4 батарей. Всего—25 полков и отдельный баталион (51 баталион или 202 батареи). Баталионы имели на вооружении различное число орудий крупного калибра, частью в запряжке, частью—незапряженных; из них и формировались в военное время тяжелые батареи, придававшиеся полевой армии.

Инженерные войска: 35 саперных баталионов 4-х ротного состава; 34 железнодорожные роты, из коих 31 рота была сведена в 3 полка (2-х баталионных) и 2 отдельных баталиона; 9 телеграфных баталионов (по 3—4 роты каждый) и 8 крепостных телеграфных рот; 5 автомобильных рот; 5 авиационных баталионов (по 2—3 роты); 6 воздухоплавательных баталионов (по 2 роты).

Обозные войска: 25 дивизионов.

Высшие соединения. Вся армия подразделялась на 25 корпусов (гвардейский, I—XXI и 3 баварских); корпус состоял из двух армейских дивизий, 1 саперного баталиона, 1 полка тяжелой артиллерии и 1 обозного дивизиона (в некоторых корпусах было по 2 саперных баталиона, по 2 полка тяжелой артиллерии, по 1 егерскому баталиону и по 1 пулеметному отделению; в гвардейском корпусе—гвардейская кавалерийская дивизия). Каждая из 50 армейских дивизий имела в своем составе: 2 пехотные, 1 кавалерийскую и 1 артиллерийскую бригады (в 6 дивизиях—по 3 пехотных бригады, в 3 дивизиях—по 2 кавалерийских бригады).

Нормальная численность по мирному составу: дивизии (12 баталионов, 10 эскадронов и 12 батарей)—около 12 тысяч человек и 72 орудия; корпуса (25 баталионов, 20 эскадронов, 24 легких и 6—8 тяжелых батарей)—около 25 тысяч человек и 144 легких орудия*) (из них 12—18 легких гаубиц). Некоторые дивизии и корпуса, в зависимости

*) Число тяжелых орудий не было определено и было весьма разнообразно.

от придачи им дополнительных частей, имели несколько большую численность.

Общая численность армии к июлю 1914 года составляла: 671 батальон пехоты, 545 эскадронов, 631 легкая батарея (3.660 орудий), 202 тяжелые батареи, 861 пулемет, 61 инженерный батальон и 25 обозных дивизионов, или 25.872 офицера и 624.545 солдат.

Вооружение: а) пехотное магазинное ружье образца 98 года и образца 88/05 и б) кавалерийский карабин образца 98 года, оба—калибра 7,9 миллиметра (около 3 лин.), прицел на 2.000 метров, предельная дальность 4 тысячи метров, пуля—остроконечная; в) пулемет—Максима, калибр, патрон и дальность, как у ружья; г) легкая пушка образца 1896 года, калибр 7,5 сантиметра (около 3 дюймов), скорострельная, безоткатная, щитовая, с унитарным патроном, шрапнель и бризантная граната, дальность до 8 тысяч метров; д) легкая гаубица образца 98/09, калибр 10,5 сантиметра, скорострельная, безоткатная, щитовая, шрапнель и граната, дальность 7 тысяч метров (для шрапнели) и 6 тысяч метров (для гранаты); е) 15-сантиметровая тяжелая гаубица, безоткатная, скорострельная, дальность $7^1/_2$ тысяч метров; ж) 21-сантиметровая мортира, скорострельная, безоткатная, дальность 8 тысяч метров; з) 10-сантиметровая скорострельная пушка, безоткатная, дальность $10^1/_3$ тысяч метров (граната) и $8^1/_3$ тысяч метров (шрапнель). Кроме того, в крепостях находилось на вооружении большое число орудий разнообразных калибров и систем, частью уже устаревших.

Снабжение боевыми припасами. Носимый и возимый запас до корпусных парков включительно: на пехотное ружье—375, на кавалерийский карабин—115, на пулемет—12.000 патронов; на легкую пушку—372, на легкую гаубицу—224, на 15-сантиметровую гаубицу—432 и на 21-сантиметровую мортиру—77 выстрелов.

г) Мобилизованная армия.

Мобилизованная, по плану 1913 года, германская армия к окончанию мобилизации составляла следующие пять войсковых контингентов: 1) ***полевые войска,*** образовавшиеся из постоянной армии мирного времени, пополненной резервистами до штатов военного времени; 2) ***резервные войска,*** вновь сформированные из сильных кадров, выделенных полевыми войсками и пополненных резервистами и ландверистами 1-го призыва; 3) ***ландверные*** войска, образованные без кадров из ландвера обоих призывов; 4) ***запасные*** войска из эрзац-резервистов и ландштурмистов 1-го призыва, и 5) ***ландштурменные войска*** из старых годов ландвера 2-го призыва и ландштурмистов 2-го призыва.

Полевые и резервные части образовали группу перволинейных войск, предназначенную для главных операций; из них исключительно и были составлены те полевые армии, которые вторглись в Бельгию и Францию и вели бои в течение всего первого, маневренного периода войны. Ландверные формирования представляли собой второлинейные войска, употреблявшиеся на второстепенных участках фронта и для

действий против крепостей; запасные части служили для пополнения убыли в армиях; наконец, ландштурменные войска несли службу в тылу, на сообщениях и внутри страны. Однако, в дальнейшем ходе войны, когда выяснилась необходимость широкого развития вооруженных сил, выставленных в поле, из последних трех категорий постепенно стали формировать высшие соединения и включать их в состав полевых армий. Впрочем, главная масса таких формирований была использована немцами на восточном фронте, против наших войск; на французском же фронте они встречались в небольшом количестве.

I. *Перволинейные войска* (полевые и резервные) имели следующий состав, численность и организацию.

1) *Пехота:* 218 полевых, 113 резервных и 3 морских полка (все—трехбатальонные), 18 полевых егерских и 30 резервных егерских батальонов; всего—1.050 батальонов. Полевые полки и полевые егерские батальоны имели по 1 пулеметной роте, всего при пехоте было 237 рот или 1.422 пулемета. Резервные части при мобилизации пулеметов не получили*). Численность полевого и резервного полка—82 офицера, 3.200 солдат.

2) *Конница:* 110 полевых (4-х эскадронных)**) и 34 резервных (3-х эскадренных) полков; всего—552 эскадрона. Численность полка—28 офицеров, 686 солдат.

3) *Артиллерия:* а) *Легкая*—102 полевых и 30 резервных полков, все по 6 батарей, сведенных в 2 дивизиона. Батарея—6 орудий и 6 зарядных ящиков. Всего 792 батареи или 4.752 орудия; из этого числа: 619 батарей были вооружены пушкой 7,9 сантиметровой, а 173 батареи—гаубицей 10,5 сантиметровой. Каждый дивизион имел легкий парк из 2-х шрапнельных (12 зарядных ящиков) и 1 гранатного (9 зарядных ящиков) отделений. Численность полевого и резервного полка—59 офицеров, 1.303 солдата.

б) *Конная*—11 дивизионов по 2 батареи; батарея—4 орудия и 4 зарядных ящика. При каждом дивизионе—легкий парк того же состава, как и в легких дивизионах.

в) *Тяжелая.* Содержавшиеся в мирное время 25 полков и отдельный баталион образовали *полевую тяжелую артиллерию:* 25 батальонов тяжелых 15-сантиметровых гаубиц образца 1902 года (каждый баталион из 4-х батарей по 4 орудия и 208 зарядных ящиков), составивших тяжелую артиллерию полевых корпусов; и 18 батальонов тяжелых 21-сантиметровых мортир образца 1911 года (каждый баталион из 2-х батарей по 4 орудия и 100 зарядных ящиков), образовавших армейскую тяжелую артиллерию. После этих формирований, в сухопутных и морских крепостях Германии оставалось еще некото-

*) Впоследствии, повидимому для снабжения резервных частей пулеметами, были использованы 15 крепостных пулеметных рот, но к окончанию мобилизации эти роты еще оставались в крепостях.

**) 5-е эскадроны оставались на местах в качестве запасных.

рое количество баталионов тяжелой артиллерии с орудиями крупных калибров, от 10 до 21 сантиметров, частью запряженных, частью—позиционных; их использовали впоследствии для действий под крепостями и для новых формирований. Вне этой организации находилось несколько 38-сантиметровых пушек и 42-сантиметровых мортир, употреблявшихся в случаях, требовавших особенно сильного разрушительного действия.

Для резервных корпусов было сформировано при полевых полках тяжелой артиллерии 55 баталионов или 220 батарей, вооружение коих было более разнообразное и устарелое, чем тяжелых батарей полевых корпусов. В общем, вся тяжелая артиллерия перволинейных войск состояла из 422 батарей или 1.688 тяжелых орудий.

4) *Инженерные войска:* 90 саперных баталионов, 104 понтонных парка и 11 конно-саперных отделений; 105 железнодорожных рот; армейские и корпусные телеграфно-телефонные, дивизионные и крепостные телефонные и армейские, корпусные и дивизионные искровые отделения, сформированные из телеграфных и телефонных частей мирного времени; автомобильных формирований не было, потому что мобилизация автомобильных частей была основана на реквизиции частных машин; на каждый корпус и управление армии было сформировано по одному авиационному отделению (6 аппаратов); воздухоплавательные баталионы образовали несколько полевых воздухоплавательных отделений (змейковые аэростаты), отделения дирижаблей и крепостные воздухоплавательные отряды. Отряды цеппелинов не входили в общую организацию.

5) *Артиллерийские парки.* Из хранившегося в складах имущества вновь сформировано: на каждую полевую артиллерийскую бригаду по 1 парковому дивизиону, из 5 артиллерийских (по 21 зарядный ящик) и 2 пехотных (по 24 патронных ящика) парков; на каждый корпус по 2 парковых дивизиона такого же состава, и по 2 этапных парка (по 50 повозок) для подвоза от головных железнодорожных станций.

6) *Обозные войска:* 25 обозных дивизионов мирного времени сформировали целый ряд полевых обозных рот, провиантских транспортов, полевых хлебопекарен и других обозных частей.

7) *Высшие соединения.* Полевые войска (кроме конницы) сохранили свою корпусную и дивизионную организацию мирного времени: 25 корпусов 2-х дивизионного состава и 50 дивизий 2-х бригадного состава (кроме одной 3-х бригадной), всего 101 пехотная бригада. Остальные 5 пехотных бригад вместе с 113 резервными пехотными полками образовали 29 резервных дивизий, которые с добавлением вновь сформированной 3-й гвардейской пехотной дивизией составили 14 резервных (2-х дивизионных) корпусов и 2 отдельных дивизии. Следовательно, всех перволинейных корпусов было 39, дивизий—80 (из них 2—отдельные), пехотных бригад—164 (из них 3—отдельные) и пехотных полков—334 (из них 4—отдельные). Конница видоизменила свою орга-

низацию: из 110 полков—68 образовали 11 кавалерийских дивизий, составивших самостоятельную (стратегическую) конницу, остальные 42 полевых и 34 резервных образовали дивизионную кавалерию.

Состав корпуса: 2 дивизии, рота сапер, батальон тяжелой артиллерии (16 орудий и легкий парк), телеграфное, телефонное, искровое, авиационное и воздухоплавательное отделения, 2 парковых дивизиона, полевая хлебопекарня, понтонный парк, 13 интендантских транспортов, 12 полевых госпиталей *).

Состав армейской дивизии: 2 пехотных бригады, легкая артиллерийская бригада, полк (дивизион) конницы, саперная рота с понтонным парком, 1—2 полевых лазарета, телефонное отделение, прожекторный взвод.

Состав кавалерийской дивизии: 3 кавалерийских бригады, егерский баталион (с 1—2 самокатными ротами), конно-артиллерийский дивизион, пулеметная батарея, конно-саперное отделение, конно-телеграфный взвод, искровая станция.

Общее количество мобилизованных перволинейных войск составляло: 1.050 баталионов, 552 эскадрона, 814 легких и конных батарей (4.840 орудий), 422 тяжелых батареи (1.638 орудий), 90 баталионов, 147 рот и 104 парка инженерных войск, 893 артиллерийских парка и 1.840 пулеметов, а всего 52.994 офицера и 1.834.097 солдат.

Из этих войск были сформированы полевые армии, состав и численность коих будут указаны ниже**). Во главе этих армий стал император, при котором была сформирована главная квартира, в состав которой вошли: военный министр, начальник генерального штаба, начальник военного кабинета, генерал-квартирмейстер, генерал-инспекторы артиллерии, инженеров, этапов и железных дорог и генерал-интендант, с соответствующими полевыми управлениями.

II. *Второлинейные войска* (ландверные, запасные и ландштурменные) образовали к окончанию мобилизации следующие части:

а) *пехота*—97 ландверных (4-х баталионных) полков (без пулеметов), 833 запасных (4-х ротных), 476 ландштурменных (4-х ротных) и 207 ландштурменных запасных (2-х ротных) баталионов (с рекрутским депо), всего 1.904 баталиона; б) *конница*—63 ландверных, 128 запасных (с рекрутским депо; 110 эскадронов из 5-х эскадронов полевых полков) и 87 ландштурменных эскадронов, а всего 278 эскадронов; в) *артиллерия*—88 ландверных, 435 запасных (с рекрутским депо) и 34 ландштурменные легкие батареи разнообразного состава (4—6 орудий); 36 ландверных (147 батарей), 36 запасных, с рекрутским депо (154 батареи) и 20 ландштурменных (71 батарея) баталионов тяжелой артиллерии; всего 557 легких батарей (3.242 легких орудия) и 372 тя-

*) В некоторых корпусах было по одному егерскому баталиону.

**) К ним следует добавить 8-ю армию генерала фон-Притвица из I, XVII, XX полевых и I резервного корпусов и 8-й кавалерийской дивизии, сосредоточенную на русской границе.

желые батареи (1.488 тяжелых орудий устаревших образцов); г) *инженерные войска*—48 ландверных саперных рот и 26 запасных саперных баталионов.

Второлинейные войска высших соединений при мобилизации не имели, а образовали таковые впоследствии, по мере привлечения их в состав армий.

III. *Общий состав и численность мобилизованной армии* к окончанию мобилизации (39 корпусов, 11 кавалерийских дивизий): 2.954 баталиона пехоты, 830 эскадронов, 1.371 легкая батарея (8.082 легких орудия), 794 тяжелые батареи (3.176 тяжелых орудий), 1.840 пулеметов, 116 баталионов, 195 рот и 104 парка инженерных войск, 893 артиллерийских парка. Итого 112.233 офицера и 4.103.720 солдат.

д) Дальнейшие формирования. От окончания мобилизации и до установления позиционной войны, т. е. до конца ноября 1914 года, в Германии были вновь сформированы следующие войсковые части: а) 52 резервных пехотных полка (из эрзац-резервистов и добровольцев), 13 резервных егерских баталионов, 13 резервных кавалерийских дивизионов (2-х эскадронных), 13 резервных полков легкой артиллерии (3-х дивизионные; по 9 батарей 4-х орудийных), 3 морских артиллерийских полка (по 6 батарей 4-х орудийных), 7 баталионов тяжелой артиллерии (по 1 батарее из 4-х орудий) и 13 резервных саперных рот. Эти войска (кроме морских артиллерийских полков и тяжелой артиллерии) образовали 13 резервных дивизий так называемой I-й серии, каждая из четырех пехотных полков, егерского баталиона, артиллерийского полка, кавалерийского дивизиона и саперной роты. Из этих дивизий были сформированы 6 новых резервных корпусов (XXII резервный—XXVII резервный) и одна дивизия оставалась отдельной. Общая численность этих новых формирований: 169 баталионов пехоты, 26 эскадронов, 135 легких батарей (540 легких орудий), 7 тяжелых батарей (28 тяжелых орудий) и 13 саперных рот, всего—5.650 офицеров, 208.590 солдат.

Кроме того, из ландверных войск были образованы: 7 ландверных корпусов и 21 ландверная отдельная дивизия.

е) Заключение. Из данных о германской армии видно, что эта армия получила при мобилизации весьма широкое развитие. Если принимать во внимание даже одни перволинейные войска, то и в этом случае армия мирного времени увеличивала свою численность втрое, при чем пехота почти удваивала число своих баталионов, а тяжелая артиллерия—число своих батарей, легкая артиллерия усиливалась на одну треть, а число пулеметов увеличивалось более, чем вдвое. Сравнивая же общую численность мобилизованной армии с численностью войск мирного времени, мы видим, что общее увеличение германских вооруженных сил при мобилизации достигало огромных размеров: численность людей возросла в $6^1/_2$ раз, число пехотных баталионов—в $4^1/_2$ раза, число легких батарей—более, чем вдвое, а тяжелых батарей—вчетверо.

Столь значительное развитие армии, выполненное в короткий мобилизационный срок, свидетельствует о высоких достоинствах германской военной системы, об умении немцев использовать имеющиеся у них средства, о точности их расчетов, об их организаторских способностях.

Однако, все операции изучаемого нами периода войны были проведены немцами, главным образом, своими перволинейными войсками, огромная же масса второлинейных войск оставалась в течение этого времени малоиспользованной и получила полное применение уже в дальнейшем ходе войны. Численность перволинейных войск была сама по себе настолько велика, а фронт, на котором им предстояло развертываться и наступать, настолько тесен, что естественно приходилось держать главную массу второлинейных войск до поры до времени в тылу, пользуясь ею как резервом для подкрепления полевых армий и для заполнения в этих армиях тех широких брешей, которые пробивали в них многодневные, упорные бои. Так, к концу ноября 1914 года из 1.904 баталионов этих войск было введено в дело на обоих фронтах, западном и восточном, лишь 420 баталионов, сведенных в 7 ландверных (2-х дивизионных) корпусов и 21 отдельную ландверную дивизию.

Французская армия.

а) Ее общий характер.

Французская армия, подобно германской, комплектовалась тоже по всеобщей воинской повинности. Призывной возраст в армию—20 летний. Сроки службы были установлены следующие: на действительной службе в постоянной армии—3 года, в резерве постоянной армии—10 лет, в территориальной армии и ее резерве по 6 лет, а всего 25 лет.

Территориальная армия представляла собой категорию второлинейных войск, не содержавшихся в мирное время, но формировавшихся при мобилизации по заранее составленному плану из людей соответствующей категории (т. е. отслуживших свой срок в постоянной армии и ее резерве). Резерв, как постоянной, так и территориальной армии служил для пополненя при мобилизации и той, и другой до штатов военного времени.

Постоянная армия мирного времени комплектовалась по территориальной системе: вся территория Франции и Алжира была разделена на 20 корпусных округов, каждый корпусный округ на 2 дивизионных, дивизионный на 2 бригадных, а бригадный—на 2 военных отдела.

Запас обученных людей, прошедших через ряды армии, незадолго перед войной составлял, без постоянной армии, около 4.500 тысяч человек; следовательно он превосходил таковой же запас германской армии. О числе необученных, зачислявшихся прямо во второлинейные категории военнобязанных, у меня сведений не имеется. Запас командного состава, офицеров и унтер-офицеров, считался достаточным для удовлетворения мобилизационной потребности армии; однако, затя-

нувшаяся война создала, конечно, и для французской армии значительные затруднения в пополнении потерь в командном составе.

К 1914 году французская армия успела уже давно залечить свои раны, нанесенные ей поражениями 1870—71 г.г., и хотя еще не вполне освободилась от морального гнета, являвшегося результатом сознаваемого ею превосходства германской военной системы, но все же была одушевлена бодрым, героическим настроением. Неутолимая же жажда Франции отомстить немцам за унижения 1870—71 г.г. побуждала ее напрягать все свои силы, все свои творческие способности, использовать весь неугасший еще пламень французского военного гения на усовершенствование и усиление своей армии. И эта армия в действительности достигла высокого уровня боеспособности и, как показала эта война, явилась достойным соперником своего восточного соседа.

Что касается офицерского состава, то по своей военной подготовке, общему образованию и интеллигентности он не только не уступал корпусу германских офицеров, но даже во многих отношениях превосходил его. Однако, ему недоставало немецкой сплоченности, корпоративности, однообразия взглядов, настроений и традиций, чем так было сильно, так крепко, как монолит, офицерство германское. Почти тоже можно сказать и о французских унтер-офицерах; система сверхсрочной службы, с ее мерами поощрения, в виде наград, денежных премий и пенсий, широко применялась во французской армии: нормально две трети штатного состава унтер-офицеров замещались сверхсрочными. Тем не менее, унтер-офицерство французское, опять таки вследствие национальных особенностей, уступало германским унтер-офицерам, придававшим такой устойчивый характер германским приемам обучения и воспитания войск.

б) Военный закон 7-го августа 1913 года.

Уже задолго до войны Франция была сильно озабочена постепенно возраставшими затруднениями в деле развития своих вооруженных сил вообще и увеличения численности своей постоянной армии в частности, проистекавшими из прогрессивно уменьшавшейся рождаемости населения. Неудержимый рост вооруженных сил держав тройственного союза и мощное развитие германского милитаризма, естественно побуждали французов принимать всевозможные меры не только для усовершенствования своей военной системы, но и для внешнего расширения своей армии. Однако, в числе этих мер лишь одна могла дать существенные результаты, эта мера—увеличение ежегодного числа призываемых в армию; только увеличивая из года в год контингент новобранцев, возможно было обеспечить постепенное увеличение численности постоянной армии и ея резерва и не отставать в этом отношении от своих вероятных противников. Между тем, именно эта мера была неосуществима для французов, вследствие слабого прироста населения, к тому же уменьшавшегося с годами.

Этот вопрос особенно остро стал перед Францией в последние годы, когда грозный призрак большой европейской войны уже вол-

новал умы в Европе, уже заставлял одну державу за другой напрягать все свои силы для достижения военного превосходства над соседом. И в этих условиях Франция решается не героическую меру—переход от двухлетнего к трехлетнему сроку службы, что должно было сразу же увеличить численность постоянной армии на одну треть и соответственно ускорить и облегчить приведение ее на военное положение.

Военный закон, установивший эту меру, столь непопулярную в широких кругах населения, был, однако, принят французским парламентом 7 августа 1913 года с поразительным единодушием, свидетельствовавшим о ясном понимании французами условий создавшейся международной обстановки. Эта мера дала им возможность еще до наступления войны усилить пограничные гарнизоны, доведением состава рот до 200 человек.

Постоянная армия французской республики имела следующий состав и организацию.

в) Постоянная армия мирного времени.

Пехота: 163 линейных полка (39—4-х баталионные, остальные—3-х баталионные), 30 стрелковых баталионов (6-ти ротные) и африканские части, формировавшиеся из туземцев (10 полков, 5 баталионов и 8 рот); всего 618 баталионов и 8 отдельных рот. При каждом баталионе состояло пулеметное отделение из 2-х пулеметов и различные специальные команды (самокатные, саперные, телефонные). Численность баталиона: линейного—12 офицеров, 530 солдат, стрелкового—34 офицера, 934 солдата.

Конница: 79 европейских, 10 африканских полков и 2 отдельных африканских эскадрона, все полки 5-эскадронные; всего—447 эскадронов. Из европейских полков 42 были сведены, по 2—3 полка, в 19 кавалерийских бригад, по одной на каждый европейский корпус; остальные 37 полков составляли 8 кавалерийских дивизий*). При каждой бригаде—пулеметное отделение, при каждом полку—специальные команды (телеграфные, саперные, понтонные). Численность полка: европейского—44 офицера, 787 солдат, африканского—41 офицер, 926 солдат.

Артиллерия: а) *Легкая:* 62 полевых полка, 5 африканских (4-х батарейных) дивизионов и 2 горных полка. Из числа полевых полков—20 полков, каждый из 12 батарей или четырех дивизионов, составляли корпусную артиллерию; 42 полка, 9-ти батарейного или 3-х дивизионного состава, входили в состав пехотных дивизий. Кроме батарей постоянного состава, по полевым полкам были расписаны 16 конных и 21 гаубичная 155-милиметровая батарея. Горные полки имели 7 или 8 батарей. Все полевые полки были сведены в 20 артиллерийских бригад (полк корпусной и 2 полка дивизионной артиллерии), по одной на европейский корпус и парижское генерал-губер-

*) Законом 7 августа 1913 года установлено образование двух новых кавалерийских дивизий, но были ли они сформированы до войны, у меня сведений не имеется.

наторство. Состав батарей: полевой—4 орудия и 12 зарядных ящиков, горной—6 орудий. Всего было легких батарей: ездящих 655, конных—16, горных—19, итого 690 или 2.798 орудий.

б) *Крепостная:* 11 полков разнообразного состава и 2 африканских (4-х батарейных) дивизиона. Всего батарей: европейских—89 (51—сухопутная и 38—береговых) и африканских—8. Все они были распределены по крепостям и фортам, при чем часть из них была предназначена для формирования в военное время осадной артиллерии. Таким образом, собственно полевой тяжелой артиллерии во французской армии не было. Артиллерийских парков в мирное время тоже не было, все потребное для их формирования имущество хранилось в складах.

Инженерные войска: 6 саперных и 1 железнодорожный полк; саперные полки по 4 баталиона (кроме 2-х трехбаталионных), железнодорожный—тоже 4 баталиона (телеграфный из 6 рот и 3 железнодорожных 4-х ротного состава). Всего—26 баталионов. В составе двух саперных полков содержалось 6 воздухоплавательных рот.

Обозные войска: 20 эскадронов, по одному на корпус и 12 рот для африканских частей.

Колониальные войска, комплектовавшиеся французскими гражданами колоний и находившиеся на службе во Франции: 12 пехотных полков (по 3 баталиона) и 3 артиллерийских полка (по 12 батарей—6 ездящих и 6 крепостных); всего 36 баталионов и 36 батарей (144 орудия)*).

Высшие соединения. Все войска мирного времени были сведены в 21 корпус (19 европейских, 1 алжирский и 1 колониальный). Каждый европейский корпус состоял из 2-х пехотных дивизий, 1 стрелкового баталиона, 1 кавалерийской бригады, 1 артиллерийской бригады, 1 саперного баталиона, 1 обозного эскадрона. Алжирский (19-й) корпус имел 4 пехотных дивизии (3 алжирских и 1 тунисскую), колониальный—3 пехотных дивизии. Всех дивизий было: пехотных—45, кавалерийских—8. Пехотная дивизия состояла из 2 пехотных бригад (к ее составу принадлежал один из 9-ти батарейных полков артиллерийской бригады), кавалерийская из 2—3 конных бригад и конно-артиллерийского дивизиона (2-х батарейного); пехотная бригада из двух, кавалерийская — из 2—3 полков. Общее число бригад: пехотных—87, кавалерийских—38.

Нормальная численность по мирному составу пехотной дивизии (12 баталионов, 9 батарей)—около 7.500 человек и 36 орудий, корпуса (25 пехотных баталионов, 8 эскадронов, 30 батарей, 1 саперный баталион и 1 обозный эскадрон)—около 24 тысяч человек и 120 орудий (из них по 4 гаубицы 155-миллиметр.).

Общая численность армии к июлю 1914 года составляла—656 баталионов пехоты, 447 эскадронов, 707 легких батарей (2.864 орудия), 107 крепостных батарей, 1.314 пулеметов, 26 инженерных баталионов, 20 обозных эскадронов и 12 обозных рот, или 30.400 офицеров и 520.000 солдат.

*) Из них легких — 54.

Вооружение: а) пехотное магазинное ружье образца 1886 года и б) кавалерийский карабин образца 1890 года, оба—калибра 8 миллиметров (около 3 линий); прицел на 2 тысячи метров, пуля—остроконечная; предельная дальность пехотного ружья—4.400 метров: в) пулемет Гочкиса, калибр и пуля, как у пехотного ружья; г) легкая пушка калибра 75 миллиметров, скорострельная, безоткатная, щитовая, предельная дальность 8.500 метров; д) легкая гаубица Римольо калибра 155 миллиметров, разборная, скорострельная, предельная дальность—6.000 метров; е) горная пушка образца 1906 года, калибр—65 миллиметров, дальность—5 тысяч метров.

В крепостях находилось много крепостных орудий разнообразных калибров.

Снабжение боевыми припасами. Носимый и возимый запас: на пехотное ружье—296, на кавалерийский карабин—66 патронов, на легкое орудие—522 выстрела.

г) Мобилизованная армия.

К окончанию мобилизации французские сухопутные вооруженные силы образовали следующие три категории войск: 1) *полевые* (*крепостные*) *войска*, образовавшиеся из частей постоянной армии, пополненных резервистами до штатов военного времени; 2) *резервные войска*, вновь сформированные из кадров, выделенных полевыми частями и пополненных людьми резерва; и 3) *территориальные войска*, вновь сформированные из людей, состоявших на учете территориальной армии и ее резерва.

Полевые (крепостные) и резервные войска составляли группу перволинейных войск, предназначавшихся для ведения главных военных операций, территориальные же войска служили для образования второлинейных частей, употреблявшихся для службы в тылу и на сообщениях. Те французские армии, которые сражались в течение первого, маневренного периода войны, состояли, главным образом, из перволинейных войск. Территориальные части были использованы для перволинейных формирований уже позже, в дальнейшем ходе войны, когда значительные потери в армиях вызвали потребность в крупных пополнениях на фронте.

I. *Перволинейные войска* (полевые и резервные) имели следующий состав и организацию.

1) *Пехота:* 163 линейных и 145 резервных полков (все—3-х батальонные), 30 стрелковых (6-ти ротных) и 30 резервных стрелковых (4-х ротных) и 39 крепостных (4-х ротных)*) батальонов, 10 африканских полков (разнообразного состава), 5 африканских батальонов (6-ти ротных) и 8 отдельных африканских рот, всего 1.083 батальона и 8 отдельных рот. При батальонах полевых войск—по пулеметному отделению из 2-х пулеметов, но были ли приданы при мобилизации и в каком числе пулеметы к резервным батальонам,—у меня сведений

*) Из 4-х батальонов 39 полевых полков.

нет. Таким образом, число пулеметов приходится принять то, которое показано для мирного времени.

2) *Конница:* 79 полевых, 42 резервных и 10 африканских полков (все 4-х эскадронные)*), 24 отдельных резервных и 2 отдельных африканских эскадрона, всего 550 эскадронов.

3) *Артиллерия:* а) *Легкая*—62 полевых (20—по 12, 42—по 9 батарей) и 2 горных полка (15 батарей), 5 африканских (4-х батарейных) и 100 резервных (3-х батарейных) дивизионов, 21 отдельная 155-миллиметровая батарея; всего 974 батареи (3.934 орудия).

б) *Конная*—8 дивизионов по 2 батареи, всего 16 батарей (64 орудия). Дивизионы придавались по одному к каждой из 8 отдельных кавалерийских дивизий.

в) *Крепостная*—89 батарей (51 сухопутная и 38 береговых), находившихся на вооружении крепостей и отдельных фортов. Часть этих батарей была использована в качестве позиционной артиллерии на полевых укрепленных позициях. Полевой тяжелой артиллерии французская армия не имела к началу военных действий и создавала таковую заново уже в течение войны.

4) *Инженерные войска* оставались в том же составе, как и в мирное время; каждый корпус получал при мобилизации по 3 саперных роты, из коих две предназначались для дивизий. Остальные инженерные части поступали в ведение высших штабов или специальных органов.

5) *Артиллерийские парки* не имели кадров; при каждой из 20 артиллерийских бригад формировалось по одному корпусному артиллерийскому парку из 3-х эшелонов; для каждой армии формировалось по одному парку из 4-х эшелонов.

6) *Обозные войска:* 20 обозных эскадронов и 12 обозных рот, содержавшихся в мирное время, удваивали свой состав: 3-х ротный эскадрон развертывался в 6-ти ротный, каждая из 12 обозных рот—в две роты.

7) *Колониальные войска* оставались в том же составе, как и в мирное время.

8) *Высшие соединения.* Полевые войска, в общем, сохранили свою корпусную и дивизионную организацию мирного времени, с тем лишь изменением, что в состав корпусов были введены резервные пехотные бригады, каждая из двух полков. Кроме того, артиллерийские полки дивизионной артиллерии, входившие в мирное время вместе с полками корпусной артиллерии в состав артиллерийских бригад, приданных корпусам, с мобилизацией были выделены в состав дивизий; таким образом, в непосредственном распоряжении командира корпуса оставался лишь полк корпусной артиллерии (12 батарей, 48 орудий). Резервные войска формировали, кроме пехотных бригад, включенных

*) Пятые эскадроны оставались на местах в качестве депо.

в состав корпусов, и отдельные резервные дивизии, которые в различном числе вводились в состав полевых армий*).

Состав корпуса: 2 пехотных дивизии, резервная пехотная бригада, кавалерийская бригада, 1 артиллерийский полк (48 орудий), 1 саперная рота, 1 обозный эскадрон, 1 артиллерийский парк.

Состав пехотной дивизии: 2 пехотных бригады, 1 эскадрон, 1 артиллерийский полк (36 орудий)**), 1 саперная рота.

Состав кавалерийской дивизии: 2—3 кавалерийских бригады, конно-артиллерийский дивизион (8 орудий).

Общее количество мобилизованных перволинейных войск было следующее: 1.121 баталион пехоты, 550 эскадронов, 1.008 легких и конных батарей (4.052 орудия), 107 крепостных батарей, 1.314 пулеметов, 26 инженерных баталионов, 20 обозных эскадронов и 24 обозных роты, а всего 56.000 офицеров, 1.800.000 солдат.

Эти войска составили сначала пять полевых армий, но затем, усиленные несколькими территориальными дивизиями, они образовали восемь таковых. Во главе всех этих армий был поставлен один из популярнейших генералов Франции, генералиссимус Жоффр.

II. *Второлинейные войска* (территориальные, таможенная и лесная стража) образовали к концу мобилизации следующие части:

а) *Пехота*—145 территориальных полков (разнообразного состава), 7 стрелковых территориальных, 38 таможенных и 12 африканских баталионов и 63 отдельных роты таможенной и лесной стражи, всего 782 баталъона и 63 отдельных роты; б) *конница*—36 европейских и 3 африканских егерских эскадрона, всего 39 эскадронов; в) *артиллерия*—39 легких (2-х батарейных) дивизионов, всего 78 батарей (312 орудий); г) *инженерные войска*—21 саперный баталион (4-х ротного состава).

Второлинейные войска сводились в отдельные территориальные дивизии, включавшиеся, смотря по надобности, в состав полевых армий.

III. *Общий состав и численность мобилизованной армии* к окончанию мобилизации: 1.919 баталионов пехоты, 589 эскадронов, 1.086 легких батарей (4.364 орудия), 107 крепостных батарей, 1.314 пулеметов, 47 инженерных баталионов, 20 обозных эскадронов и 24 обозных роты. Итого 75.000 офицеров, 2.500.000 солдат.

д) Заключение.

О дальнейших формированиях, произведенных в период времени от окончания мобилизации до установления позиционной войны, у меня сведений не имеется, но таковые формирования, несомненно, производились—главным образом, в отношении территориальных войск и частей полевой тяжелой артиллерии. Также недостаточны у меня сведения вообще о численности резервных и территориальных войск, которые были выставлены Францией, повидимому, в большем количестве, чем это указано выше. Приведенные мною сведения относятся к мобилизационным предположениям 1911 года; между тем, за послед-

*) Таких дивизий было намечено 27.

**) В резервных дивизиях—по дивизиону (12 орудий).

ние 8 года перед войной эти предположения могли измениться, особенно с изданием военного закона 7 августа 1913 года. Что резервные и территориальные войска должны были иметь больший состав, чем выше указано, можно заключить из того обстоятельства, что даже по нашим сведениям 1911 года в резерве постоянной армии, за удовлетворением мобилизационной потребности, оставался излишек в 670.000 человек, а в территориальной армии с ее резервом, за удовлетворением тех же потребностей,—излишек в 800.000 человек. Едва-ли возможно сомневаться в том, что французское военное министерство использовало эти $1^1/_2$ миллиона, если не во время самой мобилизации, то в первые же месяцы войны, когда обнаружилась надобность в значительном усилении полевых армий.

Если принять во внимание эти соображения, то резкая разница, образовавшаяся по приведенным мною сведениям в численности второлинейных войск Франции и Германии, несомненно сгладится. Впрочем, если бы таковая даже и оставалась еще значительной, то большого практического значения для операций первого периода войны это обстоятельство не могло бы иметь, потому что в составе германских второлинейных войск находились крупные контингенты запасных и ландштурменных частей, представлявших собой материал, обладавший малой боеспособностью и требовавший не малого времени для подготовки его к выводу в поле. Между тем, французские территориальные войска, по условиям своего комплектования и организации, могли быть уже с первых же дней войны включены в состав полевых армий для участия в боевых действиях на менее важных участках фронта.

Кроме того, соотношение сил в пользу союзников изменялось еще и необходимостью отделения части германской армии на восточную границу, против России, тогда как Франция имела возможность сосредоточить все свои силы против немцев*).

Английская армия. а) Ее общий характер.

Сухопутные вооруженные силы Англии, как по своему общему характеру, так и по своему составу и организации, были совершенно не похожи на германскую и французскую армии, которые, как мы видели, были устроены, в общих чертах, на одинаковых началах. Построенная не на принципах всеобщей воинской повинности, а комплектуемая по системе вербовки добровольцами, английская армия, естественно, должна была получить и иные внешние формы, и иное внутреннее устройство, сравнительно с другими европейскими армиями.

До последней войны Англия упорно держалась своей традиционной военной системы; и несмотря на то, что в последние годы перед войной в стране зародилось идейное течение в пользу введения всеобщей воинской повинности, во главе которого стали видные полити-

*) Опасение относительно итальянской границы улеглось во Франции в первые же дни войны, когда стало очевидно, что Италия не выступит с центральными империями; поэтому войска 14-го и 15-го корпусов, находившиеся в Альпах, были вскоре переброшены на северо-восточную границу.

ческие и военные деятели, каковы лорды Розбери, Эшер, Робертс и др., тем не менее вопрос этот не получил до войны никакого движения.

Эта отсталость в строительстве сухопутных военных сил находится, как будто-бы, в некотором противоречии с той активной, воинственной политикой, которую вела в последнее время Англия на материке Европы, главным образом, в отношении Германии, при постоянной готовности непосредственного вмешательства в столкновения между континентальными державами. Тем более, что, как мы увидим в следующей главе, она имела даже определенное намерение оказать вооруженное содействие как Франции, так и Бельгии. Все это об'ясняется, однако, общим характером внешней политики Англии, в традициях которой было издавна достигать поставленных себе целей собственными силами только на морях, где господство британского флота представлялось неоспоримым, а на сухом пути воевать, главным образом, войсками своих союзников. Повидимому, и на этот раз Англия, не предусмотрев тех размеров и того напряжения, которых достигла с первых же дней своего возникновения эта война, была далека от мысли о возможности для нее больших военных операций на европейском материке.

Однако, после сражения на Марне, когда обнаружился весь широкий размах современной войны и огромная потребность в людях для противодействия германскому натиску, только тогда Англия решилась перейти к всеобщей воинской повинности и приступить к развитию своих вооруженных сил на новых началах.

Добровольцы, вербовавшиеся в постоянную армию, принимались на службу на разнообразные сроки, от 3 до 8 лет, после чего обязаны были отслужить от 4 до 9 лет в резерве, а затем 4 года в территориальных войсках. Резерв разделялся на две категории: одна пополняла при мобилизации войска постоянной армии, а другая (так называемый специальный резерв) служила для формирования при мобилизации вспомогательных частей небоевого назначения, а также для пополнения убыли в полевой армии. Территориальные войска, имевшие в мирное время лишь небольшие кадры, формировались только с об'явлением мобилизации и имели назначением оборону отечественных пределов. Туземные войска Англии (индийские, африканские и др.) пополнялись тоже вербовкой добровольцев, поступавших на службу на различные сроки. Эти контингенты не имели дальнейших образований,—резерва или ополчения, а каждый туземец, отслуживший свой срок службы в постоянных войсках, увольнялся в первобытное состояние.

б) Постоянная армия мирного времени.

Постоянная армия мирного времени состояла из двух частей: *британских войск,* составлявших армию Соединенного Королевства, а также командированных на различные сроки в Индию и колонии, и *индийских войск,* образовавших главную массу англо-индийской армии.

1) *Британские войска.*

Пехота: 71 линейный (2-х или 3-х баталионный) и 2 стрелковых (4-х баталионных) полка, всего 157 баталионов. При каждом баталионе: пулеметное отделение из 2-х пулеметов и команды ездящей пехоты и самокатчиков. Баталионы—8-ми ротные, численность разнообразная: 24—29 офицеров, 777—1.004 солдата. Из 157 баталионов: 82 находились в метрополии, а 75—в Индии и колониях*).

Конница: 31 полк (4-х эскадронный) или 124 эскадрона; 17 полков—в метрополии, 14—в Индии и колониях. При каждом полку—пулеметное отделение из 2-х пулеметов. Численность полка: 26—29 офицеров, 408—689 солдат.

Артиллерия: а) *Легкая*—50 дивизионов (3-х батарейных) или 150 батарей, из коих 21 гаубичная. Батареи—6-ти орудийные; 33 дивизиона—в Соединенном Королевстве, 17—в Индии и колониях. б) *Конная*—14 дивизионов или 28 батарей (6-ти орудийных); 7 дивизионов—в Европе, 7—за морем. в) *Горная*—8 батарей (6-ти орудийных), все—в Индии. г) *Крепостная*—99 рот, из коих 43—в Англии, 56—в Индии и колониях; 6 европейских и 6 индийских вооружены орудиями крупных калибров и называются тяжелыми батареями, которые составляли тяжелую артиллерию полевой армии и приданы по одной к полевым дивизиям, как в метрополии, так и в Индии. Остальные роты крепостной артиллерии распределены по укрепленным пунктам Соединенного Королевства и заморских владений.

Инженерные войска: 15 саперных (12—в Англии), 12 телеграфных рот, 5 конно-пионерных взводов, 3 понтонных парка, 31 крепостная рота, электроосветительная рота, 4 сѣмочные, 2 воздухоплавательных и 3 железнодорожных роты, всего 68 рот, 5 взводов, 3 парка.

Обозные войска: 81 рота.

Колониальные войска: 2 пехотных полка (всего 5 баталионов) и 9 крепостных артиллерийских рот.

Высшие соединения. Пехотные и кавалерийские полки сведены в бригады: пехотная бригада—4 баталиона, кавалерийская—3 полка. В Соединенном Королевстве всего 18 пехотных и 5 кавалерийских бригад, кои составляли 6 полевых дивизий. Войсковые части, не вошедшие в состав дивизий, образовали самостоятельные местные группы округа, отделы). Полевая дивизия состояла из 3 пехотных бригад 3—4 артиллерийских дивизионов и 4 инженерных рот; в состав трех дивизий входило по одной кавалерийской бригаде. Следовательно, наибольший состав полевой дивизии мирного времени: 12 баталионов, 12 эскадронов, 30 пулеметов, 72 орудия и 4 инженерных роты, или около 16.000 человек.

---

*) Как общее правило, каждый полк имел 1 баталион в метрополии, а другой—в Индии или колониях; через известный срок баталионы менялись стоянками; 9 гвардейских баталионов, составляющих 4 полка, всегда находятся в Англии.

Общая численность британских войск: 162 баталиона пехоты, 124 эскадрона, 150 легких, 28 конных и 8 горных батарей (1.116 орудий), 12 тяжелых батарей (48 орудий), 96 крепостных артиллерийских рот, 68 инженерных рот и 81 обозная рота, или 9.000 офицеров, 246.600 солдат.

2) *Индийские войска.*

Пехота: 127 полков (по 1—2 баталиона), или 138 баталионов; баталион: 27—31 офицер, 605—916 солдат.

Конница: 39 полков (4-х эскадронных) и $5^1/_2$ отдельных эскадронов, всего $161^1/_2$ эскадрон.

Артиллерия: 12 горных (6-ти орудийных) батарей и пограничная крепостная артиллерия (8 рот).

Инженерные войска: 3 саперных баталиона (по 8—9 рот), 2 железнодорожных и 4 минно-морских роты, всего 32 роты.

Высшие соединения. Пехотная бригада—4 баталиона (3—4 полка), кавалерийская бригада—3 полка и 1 конная батарея (1 полк и батарея—британские). Бригады сводились в дивизии, нормальный состав коих следующий: 1 английская пехотная бригада, 2 туземных пехотных бригады, 1 туземный пионерный полк, 1 туземный кавалерийский полк, 3 легких и 2 горные батареи (английские), 2 туземных саперных роты, а всего 13 баталионов, 4 эскадрона, 30 орудий, 28 пулеметов, 2 инженерных роты или 440 офицеров, 12.000 солдат. Всех дивизий в Индии (с Бирмой)—10; кроме того—4 отдельных бригады.

Общая численность индийских войск: 138 баталионов пехоты, $161^1/_2$ эскадрон, 354 пулемета, 72 орудия и 32 инженерных роты, а всего 6.800 офицеров и 149.000 солдат.

3) *Общая численность постоянной армии мирного времени* (британские и индийские войска, но без самостоятельных контингентов Австралии, Канады и Южной Африки, имеющих местное значение и милиционный характер): 300 баталионов пехоты, $285^1/_2$ эскадронов, 740 пулеметов, 150 ездящих, 28 конных, 20 горных и 12 тяжелых батарей (1.188 легких и 48 тяжелых орудий), 104 крепостных артиллерийских, 100 инженерных и 81 обозная рота, а всего 15.800 офицеров, 395.600 солдат. Из них в *Европе:* 82 баталиона пехоты, 68 эскадронов, 99 ездящих и 14 конных батарей (678 легких орудий), 6 тяжелых батарей (24 орудия), 37 крепостных артиллерийских рот, 198 пулеметов, 41 инженерная рота и 80 обозных рот, а всего 5.900 офицеров и 126.150 солдат.

4) *Вооружение:* а) пехотное ружье и кавалерийский карабин Ли-Энфильда, образца 1903 года, калибр 0,303 дюйма, наибольший прицел 4.400 шагов; б) пулемет Максима, калибр 0,303 дюйма; в) 18-ти фунтовая (3,3 дюйма) скорострельная пушка образца 1908 года (для ездящих батарей); г) 13-ти фунтовая (3-х дюймовая) скорострельная пушка образца 1908 года (для конных батарей), у обеих—только

шрапнель, предельная дальность—5 верст; д) 5-ти дюймовая стальная гаубица (для гаубичных батарей); е) 60-ти фунтовая (5-ти дюймовая) стальная пушка (для тяжелых батарей) с предельной дальностью около 7 верст; е) в крепостях—разнообразные калибры от 4,7 до 12 дюймов.

5) *Снабжение огнестрельными припасами.* Носимый и возимый запас до дивизионных парков включительно: на пехотное ружье—450, на кавалерийский карабин—400 патронов, на 18-фунтовую пушку—498, на 13-ти фунтовую пушку—540, на 5-ти дюймовую гаубицу—250 и на 60-ти фунтовую тяжелую пушку—254 выстрела.

в) Мобилизованная армия.

К окончанию мобилизации британские вооруженные силы в Европе должны были образовать три группы войск: а) *экспедиционную армию*, сформированную из частей постоянной армии, расположенных в Соединенном Королевстве и пополненных небольшим числом резервистов; это и были полевые, перволинейные войска, с которыми Англия могла вступить в борьбу на материке почти одновременно с другими державами; б) *резервные войска*, формировавшиеся из кадров, содержавшихся при частях постоянной армии и пополнявшихся резервистами; и в) *территориальную армию*, сформированную из кадров, содержавшихся тоже при частях постоянной армии и пополненных людьми соответствующей категории.

1) *Экспедиционная армия* состояла из 6 полевых и 1 кавалерийской дивизий и армейских войск. Каждая полевая дивизия—из 3-х пехотных бригад, 2-х рот ездящей пехоты, 3-х легких и 1 гаубичного дивизионов, 1 тяжелой батареи, 2 саперных и 1 телеграфной роты и дивизионного артиллерийского парка, всего 12 баталионов, 2 роты ездящей пехоты, 24 пулемета, 54 легких, 18 гаубичных и 4 тяжелых орудия и 3 инженерных роты или около 14.000 человек. Кавалерийская дивизия: 4 бригады (36 эскадронов), 2 конно-артиллерийских дивизиона (24 орудия), 4 конно-пионерных взвода, 1 телеграфная рота, 24 пулемета или около 7.000 человек. Армейские войска: 2 кавалерийские бригады (каждая по 3 эскадрона, 6 конных орудий, 2 ездящих баталиона и 5 пулеметов), 2 эскадрона иоменов, 1 пехотный баталион и 10 инженерных рот (телеграфных, понтонных, воздухоплавательных).

Всего в экспедиционной армии: 73 баталиона пехоты, 24 роты ездящей пехоты, 44 эскадрона, 182 пулемета, 324 легких, 36 конных, 108 гаубичных и 24 тяжелых орудия и 30 инженерных рот или 5.700 офицеров, 160.300 солдат.

Остальные части постоянной армии должны были оставаться в стране для новых формирований и высылки пополнений.

Экспедиционная армия, что явствует из ее названия, предназначалась для военных действий вне Соединенного Королевства, а потому она была приспособлена к быстрой погрузке на суда и отправлению в требуемом направлении. Войска этой армии и приняли участие в первых же операциях этой войны.

2) *Резервные войска:* 101 пехотный баталион (8-ми ротного состава), 2 кавалерийских полка (по 4 эскадрона и 2 пулемета), 6 легких артиллерийских дивизионов (18 батарей или 108 орудий), 2 инженерных баталиона, всего 3.200 офицеров, 78.264 солдата.

3) *Территориальная армия:* 264 пехотных баталиона (8-ми ротного состава), 56 кавалерийских полков (по 4 эскадрона и 2 пулемета), 41 ездящий и 1 горный артиллерийский дивизион (3-х батарейный), 14 гаубичных дивизионов (2-х батарейных), 14 конных и 20 тяжелых батарей (все батареи—4-х орудийные, при каждом дивизионе и отдельной батарее—по артиллерийскому парку), 95 крепостных артиллерийских рот, 58 полевых инженерных рот (саперных, телеграфных и воздухоплавательных), 1 железнодорожный баталион, 58 крепостных инженерных рот и 70 обозных рот. Все эти войска должны были составить 14 территориальных дивизий, 14 отдельных территориальных конных бригад, армейские части и войска береговой обороны, но в действительности они получили иную организацию, потому что переход ко всеобщей воинской повинности и формирование новых дивизий, соответственно требованиям боевой обстановки, привели к существенным изменениям в мобилизационных соображениях, составленных до войны. Однако, эти новые формирования (так называемая армия Китченера) целиком относятся уже к более позднему времени и в операциях первого, маневренного периода войны участия не принимали. Численность территориальных войск исчислялась в 11.267 офицеров и 302.047 солдат.

4) *Общая численность мобилизованной армии в Европе* составляла: 438 баталионов пехоты, 24 роты ездящей пехоты, 276 эскадронов, 298 пулеметов, 924 легких, 12 горных, 92 конных, 220 гаубичных и 104 тяжелых орудия, 95 крепостных артиллерийских рот, 3 инженерных баталиона, 146 инженерных и 70 обозных рот, а всего 20.167 офицеров, 546.611 солдат.

Кроме того, англо-индийская армия и колониальные войска, не подвергавшиеся обычной мобилизации и остававшиеся в составе мирного времени.

Из всех этих войск Англия и выставила те 8 полевых, 3 кавалерийских и индийскую (лагорскую) дивизию, с которыми она вела бои с первых дней войны до окончания Фландрского сражения.

г) Дальнейшие формирования.

Из этих частей три дивизии: две полевые (7-я и 8-я) и одна кавалерийская (2-я), всего в общем 24½ баталиона пехоты, 36 эскадронов, 168 легких и 8 тяжелых орудий и 8 инженерных рот (35.000 человек) были сформированы уже во время военных действий, после сражения на Марне, и приняли участие только в операциях во Фландрии.

д) Заключение.

Таким образом, мы видим, что вся английская военная система была совершенно неприспособлена к активному участию Англии в военных операциях современной войны на европейском материке. Имея сравнительно большую общую численность войск, как содержавшихся

в мирное время, так и мобилизуемых во время войны, Англия, тем не менее, оказалась способной послать на театр военных действий в течение первых 4-х месяцев войны в сущности лишь одну свою экспедиционную армию, т. е. всего только 1/5 часть своих вооруженных сил военного времени. Такой жалкий результат британской мобилизации явился следствием двух характерных для Англии особенностей ее военной системы: нахождения большей части ее постоянной армии вне Европы и предназначения ее территориальных войск, этой наиболее крупной массы ее второлинейных сил, только для ведения войны в пределах своей страны. Хотя последнее обстоятельство и было изменено особым постановлением парламента, в связи с выработкой плана новых обширных формирований, тем не менее, на это ушло не мало времени, столь драгоценного, особенно в начале войны.

Во всяком случае, Англия, вследствие этого, приняла весьма слабое участие в военных действиях первого периода этой войны и настолько, насколько дело касается собственно содействия ее войск, была в эти первые месяцы малополезной союзницей Франции и Бельгии.

Бельгийская армия. а) ее общий характер. Третья из союзных армий, совместно сражавшихся против немцев на полях Бельгии и Франции,—бельгийская армия, по своей численной слабости представляла собой ничтожный фактор в той титанической борьбе, которая потрясла западную Европу в августе 1914 года; по своему материальному значению, эта армия являлась слишком мелким слагаемым в общей сумме сил и средств, направленных союзниками на противодействие германскому наступлению, почему она и не могла сыграть никакой заметной роли в судьбах этой великой войны, не могла ни усилить другие союзные армии, ни отстоять пределы своей страны. Эта маленькая армия, ранее других вступившая в борьбу с германским великаном,—в эту неравную борьбу, столь явно клонившуюся к неудаче, без всякой надежды на своевременную поддержку союзников,—эта героическая армия служила лишь моральным фактором, брошенным на чашку весов в великом споре западных держав за гегемонию в Европе... В этом самоотверженном подвиге бельгийцев, стоившем им тяжких поражений и потерянного на целые годы отечества, их более могучие союзники черпали нравственные силы для продолжения борьбы, для упорного стремления к победе, являвшейся уже вопросом чести по отношению к этому слабому, за других пострадавшему, меньшому брату.

Устройство вооруженных сил Бельгии перед войной определялось военным законом 30 апреля 1913 года. Армия комплектовалась на началах всеобщей воинской повинности, допускавшей, однако, многочисленные изъятия, вследствие чего численность армии мирного времени являлась непропорционально малой по отношению к численности населения. В армии допускались и добровольцы, но число их никогда не было значительным. Призывной возраст был установлен 19-летний.

Срок действительной службы 15 месяцев, после чего люди за-

числялись на 11 лет и 9 месяцев в резерв, при чем в течение первых 7-ми лет они должны были привлекаться при мобилизации для пополнения постоянной армии мирного времени (полевых войск), а в последние 5 лет—для формирования резервных частей. Все, отбывшие срок службы в армии и ее резерве и еще годные к военной службе, зачислялись до 50-летнего возраста во 2-й призыв ополчения (гражданской стражи); освобожденные от службы в армии и резерве, но годные к военной службе, зачислялись в это ополчение с 21-летнего возраста и до 32 лет состояли в 1-м призыве, а с 32 до 50 лет—во втором призыве.

б) Постоянная армия мирного времени.

Постоянная армия мирного времени состояла из следующих частей:

Пехота: 36 полевых, 2 крепостных и 1 карабинерный полки, все 3-х баталионного состава; каждый полк заключал в себе небольшой кадр для формирования при мобилизации резервных, запасных и крепостных частей. Всего пехоты 117 баталионов.

Конница: 12 полков 6-ти эскадронного состава (1 эскадрон запасный) и самокатный баталион, всего 60 действующих и 12 запасных эскадронов.

Артиллерия: а) *Легкая:* 6 полков, каждый из 3-х дивизионов (дивизионы из 3-х действующих, 2-х резервных и 1 запасной батареи), 18 отдельных дивизионов (3-х батарейных) и 1 конно-артиллерийский дивизион (2-х батарейный). Батареи по 4 орудия. Всего 164 батареи (110 действующих, 36 резервных и 18 запасных)*) или 656 легких орудий. б) *Крепостная:* 5 полков, всего 51 действующая, 27 резервных и 3 запасных батареи.

Инженерные войска: 6 саперных баталионов (2-х ротные), конно-пионерное отделение, 5 специальных инженерных рот (телеграфная, железнодорожная, понтонная, воздухоплавательная и минная).

Обозные войска: 1 баталион 8-ми ротного состава (7 действующих и 1 запасная рота).

Высшие соединения. Все эти войска были сведены в 6 армейских и 1 кавалерийскую дивизию. Армейская дивизия состояла из 3-х пехотных бригад, полка дивизионной конницы, полка дивизионной артиллерии (9 батарей), саперного баталиона и артиллерийского парка. Каждая пехотная бригада состояла из 2-х пехотных полков, пулеметной роты и артиллерийского дивизиона (3 батареи). Всего в армейской дивизии 18 баталионов пехоты, 6 эскадронов, 18 батарей (72 орудия), 3 пулеметных роты, 1 саперный баталион и 1 артиллерийский парк или около 14.500 человек. Кавалерийская дивизия имела 2 бригады по 3 полка, конно-артиллерийский дивизион и самокатный баталион, конно-пионерное отделение и легкий парк, всего 36 эскадронов, 1 баталион, 8 орудий или около 2.500 человек.

---

*) Резервные и запасные—без запряжек.

Общая численность постоянной армии к июлю 1914 года: 117 батальонов пехоты, 72 эскадрона, 110 легких батарей (440 орудий)-81 крепостная батарея, 17 инженерных рот, конно-пионерное отделение, 18 пулеметных рот, 1 самокатный баталион и 7 артиллерийских парков или около 100 тысяч человек.

Вооружение: а) пехотное магазинное ружье Маузера, образца 1889 года, калибра 7,65 миллиметров, прицел на 2 тысячи метров, запас патронов (носимый и возимый)—285; б) кавалерийский карабин той же системы; в) легкая пушка образца 1905 года, калибра 7,5 сантиметра, щитовая, скорострельная, безоткатная; г) легкая гаубица; д) крепостные орудия разных систем и калибров, от 5,7 до 24 сантиметров.

в) Мобилизационная армия.

К окончанию мобилизации вооруженные силы Бельгии должны были образовать две группы войск: *полевые войска,* составлявшиеся из постоянной армии мирного времени, пополненной резервистами до штатов военного времени, и *резервные войска,* формируемые из кадров и резервных частей, содержавшихся при постоянной армии.

1) *Полевые войска* сохраняли, в общем, свой состав и организацию, но выделяли из себя все кадровые резервные и запасные части на сформирование резервных и запасных войск. Таким образом, в этих войсках оставалось: 117 баталионов пехоты (из них—9 для крепостей), 60 эскадронов, 110 легких батарей (440 орудий), 58 крепостных батарей, 1 самокатный баталион, 17 инженерных рот, конно-пионерное отделение, 18 пулеметных рот, 1 обозный баталион и 7 артиллерийских парков, всего около 117 тысяч человек.

2) *Резервные войска:* 72 баталиона пехоты, из коих 36 были сведены в 6 бригад двухполкового состава с пулеметной ротой, включенных по одной в состав армейских дивизий, а другие 36 пошли на усиление гарнизонов крепостей (Антверпена, Льежа и Намюра); 36 легких батарей, из коих 18 были сведены в 6 дивизионов, приданных к резервным пехотным бригадам, остальные 18 образовали легкую (вылазочную) артиллерию крепостей; 27 крепостных батарей; и 1 саперный баталион; всего около 58 тысяч человек.

3) *Общая численность мобилизованной армии:* 189 баталионов пехоты, 72 эскадрона*), 164 батареи**) (656 легких орудий), 85 крепостных батарей, 1 самокатный баталион, 19 инженерных рот, 24 пулеметных роты, конно-пионерное отделение, 1 обозный баталион и 7 артиллерийских парков, а всего около 175 тысяч человек.

4) *Ополчение* (гражданская стража) могла дать до 200 тысяч плохо обученных людей для тыловых формирований и службы на сообщениях.

5) *Высшие соединения.* Все полевые и часть резервных войск образовали, как и в мирное время, 6 армейских и 1 кавалерийскую

*) 12—запасных, назначенных для формирования запасных депо.

**) 18—запасных, назначенных для формирования запасных депо.

дивизии. Каждая армейская дивизия состояла из 3-х полевых и 1 резервной бригады и дивизионных войск (кавалерийский и артиллерийский полки, саперный баталион и артиллерийский парк), всего 24 баталиона пехоты, 5 эскадронов, 30 батарей (120 орудий), 4 пулеметные роты, 1 саперный баталион и артиллерийский парк, или около 18.500 человек. Кавалерийская дивизия имела такой же состав и численность, как и в мирное время.

Эти 7 дивизий, с добавлением некоторого числа резервных и крепостных баталионов и батарей, составлявших основное ядро гарнизонов крепостей, и послужили той вооруженной силой, с которой Бельгия вступила в эту войну и вела боевые действия включительно до фландрской операции.

Сравнительная оценка вооруженных сил обеих сторон.

В нижеследующей таблице сведены цифровые данные, касающиеся состава и численности вооруженных сил различных категорий Германии, Франции, Англии и Бельгии. Из общего состава английской постоянной армии в таблицу включены лишь те войска, которые находились в Европе, потому что именно они служили для образования при мобилизации так называемой экспедиционной армии, предназначенной для ведения войны вне пределов Англии и только они одни могли принять участие в операциях на материке с первых же дней войны. Ясно, что те войска, которые находились в Индии и колониях, не могли, по отдаленности своего расположения от метрополии, поспеть своевременно для решения судьбы первых больших сражений в Бельгии и северной Франции, определившей весь дальнейший ход этой войны. К тому же, эти войска понадобились для ведения операций на других, второстепенных театрах: сначала в германских колониях, а затем, после выступления Турции на стороне центральных держав,— в Египте и Месопотамии.

Из таблицы видно, что численностью, как своих постоянных армий, так и перволинейных мобилизованных войск, союзники несколько превосходили немцев, но зато были почти вдвое слабее противника числом своих второлинейных войск. Однако, если принять во внимание, что эти последние служили обеим сторонам для более поздних формирований и в операциях маневренного периода войны приняла участие лишь их незначительная часть, то это преимущество немцев не имело существенного значения для первых крупных боевых столкновений. Оно сказалось в дальнейшем ходе борьбы, особенно на восточном театре, где против наших армий постепенно выставлялись немцами все новые и новые формирования из состава второлинейных войск. Таким образом, мы приходим к заключению, что силы сторон, которые могли быть с первых же дней войны введены в дело для главных операций в Бельгии и Франции, были, примерно, одинаковой численности, с небольшим перевесом на стороне союзников. Несомненное превосходство имели немцы в полевой тяжелой артиллерии, которой у союзников в начале военных действий почти совсем не было

СОСТАВ и ЧИСЛЕННОСТЬ

вооруженных сил различных категорий Германии, Франции, Англии и Бельгии к началу военных действий в 1914 году.

Государства.	Постоянная армия мирного времени.								Мобилизованная армия.													
									Перволинейные войска (полевые и резервные).								Второлинейные войска (ландвер, ландштурм, запасные, территориальные).					
	Пехота.	Конница.	Легкая артилл.	Тяжел. артилл.	Пулем. части.	Инжен. части.	Обозн. войска.	Численность.	Пехота.	Конница.	Легкая артилл.	Тяжел. артилл.	Пулем. части.	Инжен. войска.	Численность.		Пехота.	Конница.	Легкая артилл.	Тяжел. артилл.	Инжен. войска.	Численность.
	Батал.	Эскадр.	Орудий.	Батар.	Пулем.	Батал. или рот.	Дивиз. (эск.).	Людей.	Батал.	Эскадр.	Орудий.	Орудий (батар.).	Пулем.	Батал. или рот.	Людей.		Батал.	Эскадр.	Орудий.	Орудий.	Батал. или рот.	Людей.
Германия. .	671	545	3660	202	861	61 б.	25 д.	650417	1050	552	4840	Оруд. 1688	1840	90 б. 147 р.	1887091		1904	278	3242	1488	26 б. 48 р.	2328862
Франция . .	656	447	2864	Креп. 107	1314	26 б.	20 э. 12 р.	550400	1121	550	4052	Кр.*) 107 б.	1314	26 б.	1856000		798	39	312	—	21 б.	719000
Англия. . . .	82	68	678	43	198	41 р.	80 р.	132050	76	44	468	24 ор.	182	30 р.	166000		365	172	960	80	3 б. 116 р.	394778
Бельгия. . .	117	72	656	81	108	17 р	8 р.	100000	189	72	656	Кр.*) 85 б.	144	19 р.	175000		—	—	—	—	—	—
Итого союзники.	855	587	4198	231	1620	26 б. 58 р.	20 э. 100 р.	782450	1386	666	5176	Креп. 192 б. 24 ор.	1640	26 б. 49 р.	2197000		1163	211	1272	80	24 б. 116 р.	1113778

*) Число орудий неизвестно.

Таковы материальные факторы той величественной борьбы, которая завязалась в западной Европе осенью 1914 года; каковы же ее моральные факторы: дух и настроение армий, их боевая подготовка, характер их военной доктрины, их метод ведения войны и боя? Хотя союзные силы слагались из трех различных армий, но имея в виду численную слабость и английских, и бельгийских войск и их малое значение в общем ходе военных операций, мы можем исследование этих вопросов отнести, главным образом, к двум сильнейшим армиям— германской и французской. Несомненно, что характерные особенности французской армии определяли собой общий характер вооруженных сил союзников и всю их систему ведения войны. Поэтому, сравнение обеих сторон в отношении упомянутых выше вопросов сводится к сравнению вооруженных сил Германии и Франции.

Германская и французская армии, весьма однородные по своему племенному составу, как и население обеих стран, их комплектующее, носят на себе яркий отпечаток характерных особенностей германской и французской наций: первая из них — врожденную склонность к порядку и к дисциплине, душевную уравновешенность, упорство и настойчивость, систематичность и планомерность в работе, наконец, выдающиеся организаторские способности; вторая — подвижность и живость характера, склонность к безпорядочности, душевный порыв, способный достигать высокого напряжения, но легко и быстро потухающий при неблагоприятных условиях, творческие способности, но без уменья приводить создаваемое в строгую систему, недостаток настойчивости и упорства.

Все эти национальные особенности германского и французского воина, естественно, отражались на всей военной деятельности масс на методах их обучения, на системе их мобилизации, на характере военной доктрины и на приемах ведения войны и боя; они резко отличали одну армию от другой, как в мирное, так и в военное время проникая во все области их быта, их учебной работы, их боевой службы.

Столь же различны были эти две армии и в отношении того духа того настроения, с которым они готовились в мирное время к войне и ждали много лет со дня на день рокового момента, когда придется обнажить меч против соседа. И та, и другая жили перед войной все еще под впечатлением памятных событий 1870—71 гг., немцы—своих блестящих побед, французы—своих тяжких поражений. Так глубоко, так сильно захватили эти события обе враждебные нации, что ни многие годы, ни длинная вереница новых явлений мировой жизни не могли в них вытравить тех следов, которые оставила эта война в их духовной природе. И германская армия жила, совершенствовалась и готовилась к новой войне, полная горделивого сознания своего превосходства и своей силы, готовая в любой момент доказать непреложность и того, и другого. Иначе чувствовала себя французская армия: на

собственном горьком опыте в течение ряда лет она убеждалась в том, что военные поражения страшны не тем, что они приводят к потере территории, крепостей, целых армий, даже и не тем, что за них должна уплачиваться из трудовых народных сбережений огромная контрибуция, а тем, что они поражают душу нации, поселяют в ней недоверие к собственным силам, отравляют ее страхом будущих поражений...

Конечно, за долгие годы, протекшие с того времени и сменившие одно поколение другим, французская нация успела изжить многие моральные последствия своих неудач и своего унижения, но все же, вплоть до последней войны, на всем ее духовном укладе, на ее литературе, особенно военной, на ее боевой доктрине, на ее планах будущей борьбы с Германией сохранялся ясный отпечаток все еще не вполне изжитых, еще болезненных ощущений от старых ран.

Все это создавало для Франции и ее армии не вполне благоприятную моральную обстановку для новой войны и во всяком случае, менее выгодную, чем та, в которой ковала и точила свой меч Германия, победоносная в прошлом, уверенная в своих победах в будущем. И я решаюсь утверждать, что, несмотря на всю свою жажду реванша, Франция боялась новой войны и готова была воспользоваться всякой возможностью, чтобы избежать ее; тогда как Германия желала ее, искала для нее повода, с нетерпением ожидала возможности начать ее. Первая страшилась новых поражений и, вступая в борьбу, смотрела на нее, как на явление неотвратимое, неизбежное; вторая—уже предвкушала прелесть новых побед в этом долгожданном и желанном нападении. К таким заключениям меня приводит не только та моральная обстановка, в которой жили перед войной обе армии, но и последующие явления, обнаружившиеся в оперативных планах сторон, в их стратегическом развертывании, в их первых боевых действиях в Бельгии и Франции. Ясно, что начиная эту войну, французская армия, не взирая на все свои отличные боевые качества, все же в своем сердце уже носила эту отраву, это предчувствие своих неудач в первых боевых операциях.

Вытекавшие отсюда—робость мысли, ограниченность желаний, нерешительность стремлений, отражались на всем характере французской боевой доктрины, отличавшейся осторожностью рассчетов, умеренной активностью, готовностью отдать инициативу в руки противника. В противоположность этому, германская боевая доктрина, смелая до наглости, самоуверенная и решительная, вся была проникнута неудержимым стремлением подчинить себе волю врага, сохранить инициативу за собой во что бы то ни стало. Вследствие этого, французская доктрина получила неопределенный, бледный, смешанный наступательно-оборонительный характер, тогда как германская была ярко наступательной. Соответственно этому столь же различный характер имели и все уставы, боевые наставления и тактические указания германской и французской армий, послужившие для их боевой подготовки.

Во всех положениях боевой обстановки немцы раньше всего считали необходимым возможно скорее сойтись с противником, непременно навязать ему свою волю и свое решение и со всей решительностью осуществить свой план действий, свой маневр, не считаясь с намерениями и желаниями неприятеля. Наоборот, во французской доктрине господствовало стремление раньше всего прикрыться со стороны противника, возможно полнее разведать о нем, разгадать его намерения, проникнуть в его планы и соответственно с результатами этой разведки и этого изучения сообразовать свои действия. Эти, столь непохожие друг на друга, тактические воззрения приводили и к различным тактическим приемам, принятым в той и другой армии. Французы дали широкое развитие и большую самостоятельность передовым частям, как на походе, так и в бою, в рассчете, под прикрытием этих частей, выиграть время для принятия решения и для соответственной группировки своих войск; в противоположность этому,—немцы не придавали передовым частям самостоятельного оперативного значения и смотрели на них лишь как на слабую завесу, за которой главные силы выполняли заранее намеченный маневр и заносили свой, уже нацеленный, удар. Понятно, насколько разнятся один от другого эти методы боевого употребления войск: насколько первый из них осторожен и не обезпечивает захвата инициативы, настолько второй—решителен и ведет к этому захвату во что бы то ни стало.

Обе стороны признавали наступление наиболее желательным способом действий, считая оборону неизбежным злом, допустимым лишь при слабости сил и невыгодной тактической обстановке. Однако, во французских взглядах на наступление заключалось много теоретического, отвлеченного, к нему стремились более рассудком, чем сердцем, его преимущественное значение признавалось более фактором умового, чем волевого характера, как данная военно-научного характера, но не как естественный вид боевых действий, к которому стремится деятельная духовная природа человека. У немцев же стремление к наступлению, порожденное длинным рядом блестящих побед прошлого, было органическим, оно горело в их сердце, оно напрягало их нервы в нетерпеливом ожидании новых успехов...

Обе армии признавали огонь одним из важнейших факторов современного боя и перевес в огне над противником—одним из главных условий боевого успеха; однако, французы придавали этим вопросам абсолютное значение, тогда как немцы понимали их в условном, ограничительном смысле, всегда выдвигая на первое место духовную природу воина. Поэтому, у французов, в их тактических взглядах о бое, вопросы укрытия своих войск от неприятельского огня в лучшем случае стояли в уровень с вопросами о действии, но нередко они преобладали над последними; у немцев же требование ставить действие выше укрытия при всяких условиях боевой обстановки проходит красной нитью через все их уставы и боевые наставления. Заслу-

живает внимания то обстоятельство, что германская армия, лучше других снабженная техническими усовершенствованиями, в то же время меньше других окрашивала свои тактические воззрения принципами военного материализма, во всем подчиняя эти последние духовным началам: в представлении немцев воля человека всегда господствовала над всеми усовершенствованиями техники, над всем материальным могуществом современных средств разрушения.

Вообще же, общий характер боевых действий немцев, насколько он отражался до войны в уставах и тактических наставлениях германской армии, отличался большой простотой и прямолинейностью, большей грубостью приемов, чем оперативный метод французов, склонных к более сложным приемам и тактическим ухищрениям. Быстрое сосредоточение сил подавляющего численного и технического превосходства над противником и решительное, бурное движение их в заранее избранном направлении, угрожающем жизненным интересам неприятельской армии,—вот схема германского метода ведения войны; при этом, упреждение противника в наступлении, захват инициативы, подчинение его воли своей воле,—раньше всего и превыше всего. И весь опыт этой великой войны подтвердил целесообразность этих приемов и доказал, что немцы, глубже чем французы, проникали в сущность боевых действий массовых армий, лучше их восприняли и дух, и форму современной войны.

Тем не менее, хотя германская армия и имела немаловажные преимущества в боевой подготовке и в общем характере своей военной доктрины по сравнению со своим соседом по ту сторону Вогезов, но французская армия никоим образом не могла считаться противником, борьба с которым обещала немцам легкий успех. Обе эти армии имели, каждая по своему, отличную боевую подготовку, были воодушевлены пламенным желанием победить и обладали прекрасным техническим снабжением; вообще, на лицо имелись все условия, которые должны были сделать их борьбу длительной и упорной. Обе стремились к тому, чтобы стать в уровень с требованиями времени и чтобы в страшный день судный, вынужденные начать борьбу за жизненные интересы своей нации, они могли не только устоять, но и одолеть в этой борьбе. И каждая из сторон не жалела ни трудов, ни денег, чтобы достигнуть этого. Поэтому нельзя не согласиться с французским военным писателем Артуром Буше, который незадолго до войны, в своей интересной книге „l'Allemagne en peril“ сказал следующее: „Принимая военный закон 1913 года, Германия доказала, что для дела государственной обороны она не жалеет денег; принимая свой военный закон того-же года, Франция показала, что для той же цели она не жалеет человеческих жизней“ *). Немцы отлично понимали все это и, несмотря на всю свою самоуверенность и гордое сознание своего

*) Подразумевается введение 3-х летнего срока службы.

превосходства над противником, накануне войны, устами одного из своих наиболее авторитетных военных мыслителей, генерала Бернгарди, судили о французах таким образом: „Необходимо считать французскую армию вполне достойным и серьезным противником. Все, что мы знаем о ней, кажется, подтверждает это мнение. Да и было бы невероятным, чтобы оказались бесплодными все многолетние труды и усилия, затраченные французским народом на улучшение качества своей армии и развитие в ней патриотизма. Приходится примириться с тем фактом, что на нашей западной границе мы встретим первоклассную армию..." *).

А вот в каких словах отзывается о германской армии за несколько месяцев до войны оффициальное издание нашего генерального штаба: „Тактическая подготовка армии, если и не согласована во всех частях с требованиями современного боя, ведется зато с такой тщательностью и достигает такой высоты, что масса германской армии подготовлена к воспринятию на полях будущих сражений тех новых форм боя, надобность коих будет выяснена при первых же столкновениях" **).

Таковы были те армии, столкновение которых должно было определить весь ход завязавшейся борьбы, должно было рано или поздно решить участь этой войны.

V. Планы сторон.

Германский план.

Вопрос о том, как разыграется будущая война между Германией и Францией, будет ли она единоборством между этими странами, или в ней примут участие также и другие народы, уже задолго до последней войны волновал Европу и сделался животрепещущей темой в военно-политической литературе европейских держав. И по мере того, как политическая обстановка делала эту войну все более вероятной, а европейские державы постепенно раскалывались на две враждебные группы, этот вопрос становился более острым и более волнующим умы современников. Особенно занимал Европу вопрос о том, как будет в этой войне действовать Германия, потому что уже давно у всех сложилось твердое убеждение, что нападающей стороной будут немцы.

С своей стороны Германия, учитывая свое срединное географическое положение в Европе, давно предусматривала возможность для себя войны на два или три фронта; со времени же заключения франко-русского союза таковая борьба представлялась для нее уже неизбежной. Еще 6 ноября 1888 года, в одной из своих речей, произнесенных в рейхстаге, Бисмарк определенно указывал на то, что географическое положение Германии создает для нее опасность враждебной коалиции окружающих ее соседей, а следовательно и возможность борьбы на три фронта.

---

*) Фридрих фон-Бернгарди. Наша будущность. 1914 г., стр. 110.

**) Вооруженные силы Германии. Часть II. 1914 год, стр. 55.

Идея таковой войны, как грандиозного осуществления действий по внутренним операционным линиям, тем более находила для себя благоприятную почву в немецких умах, что над всей системой военных представлений немцев о государственной обороне издавна тяготел авторитет Фридриха Великого, с его победоносными походами в Семилетнюю войну, являвшимися для Германии классическим образцом операций по внутренним линиям. К тому же, немцы правильно оценивали, что с того времени многие новые обстоятельства, как-то: усовершенствование путей сообщения, быстрота мобилизации и различные технические изобретения, поставили эти операции в более благоприятные условия и сделали их более выполнимыми.

Но раз идея войны на два фронта утвердилась в Германии, естественно было обратиться к решению вопроса о том,—на каком же фронте надлежит раньше всего сосредоточить свои главные силы и развить энергичные действия? на кого из двух противников следует напасть в первую очередь, дабы уничтожить его до прибытия к нему на помощь союзника? Так как в данном случае врагами немцев являлись Россия и Франция, т.-е. государства с совершенно различными военными условиями, то правильное разрешение этих вопросов не представляло затруднений. Ясно было, что Россия со своими огромными расстояниями, слабо развитой железнодорожной сетью, со своей медленной мобилизацией, не может выступить на арену борьбы одновременно со своим западным союзником и должна неминуемо опоздать. Из этого вытекало, что Германия должна раньше броситься со всеми своими силами на Францию, как на врага, скорее изготовлявшегося к бою, а потому и более опасного, разгромить ее в возможно кратчайший срок, принудить ее к покорности, а затем, перебросивши свои армии на восток, напасть на Россию. Этот способ действий, не исключавший возможности успеха даже при борьбе одной Германии с франко-русской коалицией, становился более надежным в случае привлечения германцами на свою сторону Австро-Венгрии, которая могла принять на себя задачу своим наступлением отвлечь русские армии от германской границы.

Таким образом, с союзником или без союзника, но Германии приходилось, решаясь на выполнение такого плана, принять меры к тому, чтобы действовать с наибольшей быстротой, чтобы вторгнуться во Францию возможно скорее. Для этого раньше всего необходимо было избрать для вторжения на неприятельскую территорию то направление, тот путь, на котором германские армии могли бы встретить наименьшее сопротивление. В каком же направлении пролегал этот путь? Очевидно, он не мог идти из Лотарингии через восточную границу Франции с тех пор, как эта граница, от Вердена до Бельфора, была превращена в сильную систему крепостей и укреплений. Приходилось искать другого направления, в обход этой укрепленной границы; оно возможно было или через Швейцарию, или через Бельгию. Швейцар-

ское направление представляло два невыгодных условия: сильно гористую местность, неудобную для действий массовых армий, и кружный путь к столице Франции; тогда как направление через Бельгию выводило германские армии на кратчайшие пути к Парижу и пролегало по местности, вполне благоприятствовавшей боевым операциям.

Вот каким путем, последовательно, постепенно, германская военная мысль дошла до сознания необходимости избрать для вторжения во Францию направление через Бельгию, а следовательно, и необходимости нарушить бельгийский нейтралитет. Когда именно созрело в германском генеральном штабе такое решение—мне неизвестно, но несомненно, что уже за несколько лет до войны, примерно с 1904 года, немцы начали подготовку своих железных дорог для сосредоточения главной массы своих войск на бельгийской границе. До 1904 года главный узел пограничных железнодорожных линий Германии находился в районе Меца, но с тех пор он постепенно переносится к северу: в Рейнской провинции (в Пфальце и Эйфеле) строятся новые железнодорожные линии и под'ездные пути *), а на фронте Аахен—Мальмеди—Трир сооружаются на конечных железнодорожных станциях (С. Вит, Прансфельд, Трир) воинские платформы. Достаточно сказать, что на железнодорожное строительство в Рейнской провинции за $1^1/_2$ года до войны, в марте 1913 года, рейхстагом было отпущено 452 миллиона марок. Как видно из этого, немцы не жалели ни трудов, ни денег для того, чтобы обеспечить своим войскам возможность быстрого сосредоточения к бельгийской границе. Недаром германский министр иностранных дел фон-Ягов, накануне открытия военных действий, сказал английскому послу сэру Э. Гошену: „быстрота действий—вот главный козырь Германии".

Французский план.

Намерения немцев вторгнуться во Францию через Бельгию не представляли собой тайных вожделений германского генерального штаба и уже задолго до последней войны служили в европейской военной литературе темой для откровенных обсуждений различных возможностей, к которым эти намерения могли привести. То, что немцы, независимо от избранного ими пути наступления, произведут с первых же дней войны быстрый натиск, с целью обеспечить себе успех неожиданностью и стремительностью действий, это во Франции уже давно предусматривали: еще в 1882 году ген. Шанзи писал военному министру Кампенону: „необходимо предвидеть возможность неожиданного натиска с первого же дня мобилизации". После этого, в течение целого ряда лет, до наступления последней войны, план германского вторжения через Бельгию обсуждался французскими **), германскими ***) и бельгийскими ****) военными писателями. Таким

*) Стольберг—Монжуа—С. Вит; Герольстейн—Прансфельд; Ремаген—Хилесгейм—Бутгенбах (у Мальмеди); Андернах—Майен—Герольстейн.

**) Э. Тено, Бонналь, Буше, Ланглуа, Метро, Бюа, де-Лакруа.

***) Фр. фон-Бернгарди.

****) Бриальмон, Дежарден, Дюкарн.

образом, неприятельский план с значительной долей вероятности был известен французам, что, естественно, облегчало их задачу—выработать план своих собственных действий.

Говоря о планах сторон, я имею в виду лишь те соображения, которые могут быть извлечены по этому вопросу из военной литературы и находят себе подтверждение в действиях противников в первые дни войны, потому что ни одна из сторон до сих пор оффициально еще не опубликовала своих намерений. Но этим способом можно почти безошибочно определить план войны только Германии, потому что только одни немцы, захвативши инициативу действий, имели возможность в полной мере осуществить свои оперативные предположения; что же касается Франции, то об ее планах приходится лишь догадываться, потому что предупрежденные наступлением германцев через Бельгию, французские армии с первых же дней войны были вынуждены менять свою группировку, а следовательно и отказаться от своего первоначального плана.

Насколько возможно судить по различным указаниям, расбросанным во французской и германской литературе, план французов заключался в том, чтобы сосредоточить главную массу войск на фронте Эпиналь—Верден, имея выдвинутыми впереди этой линии пограничные войска; задачей этих последних являлось вторжение в Эльзас-Лотарингию с целью внести расстройство в мобилизацию и сосредоточение неприятельских армий. Левый фланг французских армий, сосредоточенных в районе восточных крепостей, должен был прикрываться в районе Стенэ армейской конницей и группой резервных войск.

Следовательно, мы видим, что несмотря на то, что французам было определенно известно о намерении немцев наступать через Бельгию, они все же решают произвести свое сосредоточение на восточной границе, под прикрытием своих крепостей. Это как бы указывает на то, что французы не желали поддаваться влиянию оперативных предположений немцев, намереваясь провести в жизнь самостоятельный план действий, имевший, повидимому, целью вторжение главных сил в Эльзас-Лотарингию. Против такого решения, конечно, ничего невозможно было бы возразить, если бы французы могли рассчитывать на то, что им удастся этим вторжением предупредить наступление германских армий в Бельгию; однако, условия времени складывались не в пользу Франции: уже по одному настроению, господствовавшему в ней перед войной, было ясно, что нападающей стороной будет не она, а Германия, следовательно и все выгоды инициативы, все преимущества, связанные с более ранней готовностью, будут на стороне немцев. Существует предположение, что французы рассчитывали на длительное сопротивление бельгийской армии на укрепленной линии Мааса и на своевременную поддержку этой армии английскими войсками, что предоставило бы французским армиям время для выполнения их марша-маневра в Эльзас-Лотарингию. Однако, трудно

понять, на каких реальных данных могли основываться подобные оптимистические рассчеты.

По существу своему, план французов мало отличался от плана, принятого ими в 1870 году, с той, впрочем, разницей, что тогда французы имели возможность произвести свое сосредоточение к востоку от Вогезов, а теперь должны были выполнять его к западу от этих гор.

То обстоятельство, что несмотря на столь существенные недочеты этого плана, он не был изменен и, повидимому, был указан французским армиям для выполнения в первые дни войны, пока вторжение немцев в Бельгию не вынудило от него отказаться, это обстоятельство едва-ли свидетельствует о предусмотрительности и прозорливости французского генерального штаба. Это тем более удивляет, что сильно укрепленная восточная граница давала французам возможность, сделавши эту часть фронта пассивным участком, подготовить сосредоточение и наступление своих армий к северу от Вердена, на бельгийской границе, для того, чтобы двинуть их на территорию Бельгии, навстречу главным силам противника, и здесь, в решительных столкновениях с ними, или решить судьбу этой войны, или дать дальнейшим операциям выгодное для себя направление.

Но французы, повидимому, не склонны были к такому решительному способу действий, предпочитая ему сомнительные диверсии в пределы Эльзас-Лотарингии, долженствовавшие угрожать левому флангу и тылу германских армий, которые решились бы наступать своей главной массой севернее Вердена, через Лонгви и Стенэ. Во Франции существовало даже идейное течение в пользу еще более скромного и пассивного образа действий, а именно—отнести сосредоточение и развертывание своих армий от границы вглубь страны и не начинать военных действий до полной готовности русской армии. Впрочем, в тех неблагоприятных стратегических условиях, в которых Франция начала эту войну, этот осторожный, робкий план развертывания, быть может, и не дал бы худших результатов, чем тот, который так неудачно осуществлялся в первых боевых операциях на бельгийской границе.

Перед войной, во французской военной литературе обсуждались три комбинации наступательных действий германцев против Франции: наступление всеми силами из Эльзас-Лотарингии, главной массой войск—из района Меца; наступление главных сил из Лотарингии, с обходом правым флангом Вердена с севера, на Диденгофен и Стенэ; и, наконец, наступление главных сил севернее Вердена через герцогство Люксембург и бельгийский Люксембург. Но никогда французами не придавалось серьезного значения предположениям о наступлении главной массы германских войск через внутреннюю Бельгию, с форсированием оборонительной линии реки Мааса и глубоким обходом левого фланга французского стратегического фронта.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что осенью 1912 года на лотарингской границе состоялись большие маневры французских войск, организованные применительно к наступлению немцев с обходом Вердена с севера через Люксембург; и тем не менее, это обходное движение противника, повидимому, представлялось французам настолько неопасным, что в результате этих маневров не было принято никаких решительных мер к перемещению к бельгийской границе главного района сосредоточения, но зато состоялось решение укрепить Нанси, бывшее до тех пор не укрепленным. Следовательно, по прежнему французов тянуло к своей восточной границе, откуда и неприятельское наступление казалось им более опасным, и свои действия представлялись более надежными.

Таким образом, сводя все вышеизложенное об оперативных предположениях французов, мы видим, что французский план войны был нецелесообразен: он не соответствовал обстановке, в особенности условию времени, и не обладал той гибкостью, которая давала бы возможность быстро приспособлять его к новым условиям. В сущности говоря, у французов даже не было никакого определенного плана действий, почему, вступая в эту войну, Франция предоставляла свои доблестные армии на произвол случая и заранее обрекала их на потерю инициативы и на все, связанные с этим, оперативные затруднения. В следующей главе мы увидим, что в таком именно положении оказались французские армии с первого же дня своего стратегического развертывания.

Бельгийский план действий.

Что касается Бельгии, то раз намерения немцев наступать через эту страну стали общеизвестными, то естественно было подумать бельгийцам о защите своей страны и своего нейтралитета. Еще в 1882 году известный бельгийский военный писатель и военный инженер ген. Бриальмон был уверен в том, что в случае новой войны Германии с Францией, германские армии будут наступать через Бельгию. И, главным образом, в виду вероятности такой стратегической обстановки, были предприняты, по мысли и инициативе Бриальмона, меры по укреплению реки Мааса и усилению Антверпена. На Маасе укрепили Льеж и Намюр, создавши в этих пунктах крепости-лагери, с промежуточным между ними фортом Гюи, а Антверпен превратили в обширную, первоклассную крепость, рассчитанную прочностью своих верков на продолжительное сопротивление атаке, а размерами своих запасов— на длительную осаду.

Соответственно такой системе укреплений, план операций бельгийской армии, в случае вторжения немцев, должен был заключаться в следующем. Армия должна была оборонять укрепленную линию Мааса до прибытия союзных войск: но если бы здесь постигла ее неудача ранее прибытия союзников, ей следовало отойти на линию Диест—Тирлемон—Намюр, прикрывая в этом положении пути и на Антверпен, и на столицу. В случае невозможности удержаться и на

этой линии—укрыться в Антверпен, откуда угрожать правому флангу и тылу германских войск, наступающих вглубь страны.

Такой способ действий возможно было бы понять в том случае, если бы бельгийцы рассчитывали воевать в единоборстве с немцами; при этих условиях, потерпевши поражение в поле, они естественно вынуждены были бы отойти в единственное прочное убежище своей страны, в свой редюит—крепость Антверпен, чтобы попытаться здесь, затянувши борьбу и утомивши противника, добиться менее тяжких для себя условий капитуляции и мирного договора. Но ясно, что такое единоборство с Германией, вследствие колоссального неравенства сил, являлось невозможным, и что участие бельгийской армии в войне с немцами само собой предусматривало ее совместные операции с союзниками, будут ли то французы, или англичане.

При совместных же действиях с союзными войсками, указанный способ действий бельгийской армии становится непонятным. Изолированные, самостоятельные операции бельгийцев являлись допустимыми, но, конечно, до тех пор, пока маасская укрепленная линия не была взята противником; после же этого, они утрачивали всякую стратегическую целесообразность.

Как видно из этого, на всем бельгийском плане войны отразилась идея крепостной обороны Бельгии, принадлежавшая Бриальмону, и она то и придала ему такой односторонний, ложный характер, неминуемо приводивший бельгийскую армию к поражению. Бриальмон, несмотря на весь свой талант и на свои познания в военном деле, все же был военным инженером по преимуществу, т.-е. односторонним специалистом, склонным придавать в вопросах войны преобладающее значение факторам инженерной обороны, которые в этой обстановке менее всяких других могли спасти Бельгию.

Английский план действий.

Хотя оффициальное вступление Англии в ряды держав Согласия произошло и незадолго перед войной, но скрытое тяготение англичан к анти-германской коалиции началось уже давно, с тех пор, как намерение Германии нарушить нейтралитет Бельгии обнаружилось с достаточной откровенностью. И с этих пор в Англии зарождается мысль прийти на помощь бельгийцам своими сухопутными войсками и принять участие в войне с Германией не только на море, но и на европейском материке.

Впервые эта идея приняла конкретные формы в 1906 году, когда начались переговоры английского правительства с бельгийским по вопросу о совместных действиях английской и бельгийской армий, в случае нарушения Германией нейтралитета Бельгии. Эти переговоры то прекращались, то возобновлялись, но, в общем, велись с перерывами вплоть до 1914 года. Ими устанавливалась высадка 150—160 тысячной английской армии в течение 10—13 дней на французском побережьи, на участке Кале—Дюнкерк, или на бельгийском берегу, на участке Зеебрюгге—Остенде. Обсуждался также вопрос о высадке в

Антверпене, но он был отвергнут, в виду того, что был связан с нарушением нейтралитета Голландии, высадка здесь требовала огромного количества транспортных средств и продолжительного времени (до $1^1/_2$ месяца), а также была небезопасна, вследствие близости германской морской базы. При этих переговорах Англия постоянно настаивала на необходимости для Бельгии увеличить свою армию военного времени до 300.000 человек; в свою очередь, Бельгия требовала, чтобы Англия приняла меры к ускорению высадки своих войск на материке, дабы возможно было соединенными силами встретить германское наступление на оборонительной линии Мааса.

Как известно, и Бельгия не успела увеличить свою армию (что имелось в виду сделать в ближайшие годы согласно военного закона 1913 года), и Англия не успела ускорить свою боевую готовность и свое развертывание на континенте. Таким образом, все эти продолжительные переговоры не привели ни к какому практическому результату; от них осталась лишь одна идея: высадка на материке английской экспедиционной армии, которая должна была своим наступлением от побережья на восток угрожать правому флангу и тылу германских армий, которые наступали бы через Бельгию. Однако, не принявши мер к ускорению переброски своих войск на французское побережье, Англия не имела возможности извлечь всех выгод из этой идеи, потому что в течение тех двух недель, которые нужны были для выполнения стратегического развертывания английской армии, обстановка в Бельгии, естественно, должна была настолько измениться, что движение английских войск от побережья могло утратить то стратегическое значение, которое хотели придать ему. Как увидим из дальнейшего, английский план действий, мало считавшийся с элементом времени, а потому заранее обреченный на неудачу, с первых же дней войны потерпел полное крушение.

Заключение о планах сторон. Таковы были планы сторон, таковы были их предположения и соображения о желательных для них способах действий в предстоявшей великой борьбе народов*). Мы видим, что все предположения союзников, как взятые в отдельности для каждой из союзных армий, так и рассматриваемые в совокупности, не отвечали ни военно-политической, ни стратегической обстановке, при которой начались враждебные действия, не обладали ни решительностью замысла, ни ясностью выраженной в них идеи. Кроме того, они не были согласованы между собой в отношении совместных действий и создания единого фронта для борьбы с германским нашествием. Вообще, в этом отношении союзники вступили в войну совершенно неподготовленными и оказались вынужденными создавать план совместных операций под ударами неприятельских армий.

*) 22 августа (4 сентября) представители Англии, России и Франции подписали в Лондоне договор, по которому все три державы обязывались не заключать с неприятелем сепаратного мира.

Что же касается германского плана, то излагая его, я не дал ему соответствующей оценки; я сделал это умышленно, чтобы иметь возможность произвести таковую в заключительных строках этой главы, в более разностороннем освещении.

Дело т том, что оперативные планы сами по себе, без отношения к той или другой обстановке и к тем результатам, к которым они приводят, все одинаково хороши или одинаково плохи, и для их оценки не существует в природе абсолютного критерия. Все планы хороши, если они соответствуют обстановке и приводят к успеху; и всякий план никуда не годится, если он не согласован с условиями обстановки и влечет за собой неудачу. И потому только с такой точки зрения мы и должны производить оценку и сравнение тех оперативных предположений, которые были составлены для этой войны обеими сторонами.

Как известно, планы военных действий, составленные союзниками, едва не привели их армии на край гибели, а потому едва ли может быть основание сомневаться в том, что эти планы были нецелесообразны. Обратно, германский план не только являлся естественным, логическим результатом закупорки восточной границы Франции крепостями, но он дал германской армии весьма существенные оперативные преимущества и ряд блестящих стратегических и тактических успехов. Правда, этот план не привел немцев к тому конечному результату, которого, повидимому, от него ожидали; но ведь никакой план войны не может быть рассчитан на всю продолжительность военных действий и не может предусматривать тех новых, привходящих обстоятельств, которые, часто так неожиданно, создает боевая обстановка. Достаточно, если этот план обеспечит воюющей стороне захват инициативы и достижение первоначальных успехов, а также даст ей возможность занять на театре военных действий в отношении противника выгодное положение, облегчающее ей дальнейшие успехи и затрудняющее таковые для неприятельской армии.

Из последующих глав этого исследования мы увидим, что все эти условия в действительности были выполнены в отношении германских замыслов, почему мы имеем возможность с полным беспристрастием прийти к заключению, что этот план, единственный из числа планов, принадлежащих враждебным сторонам, был хорошим оперативным планом, правильно задуманным, ясно выраженным, точно согласованным с условиями сложной военно-политической обстановки.

Германский замысел броситься на Францию через Бельгию был в высокой степени целесообразен, потому что он проще всего и быстрее всего вел геранские армии к достижению важнейшей стратегической цели войны,—решительному поражению главной массы неприятельской живой силы,—ради которой немцы ни на минуту не задумались пренебречь всеми условностями дипломатических соглашений и всеми привычными предрассудками международного права.

Нарушение немцами нейтралитета Бельгии, с целью достижения этим путем главной оперативной цели своего наступления, представляет собою редкий в военной истории, образцовый пример яркого, смелого, блестящего осуществления превосходства стратегических, оперативных интересов войны над всеми другими интересами и соображениями, которые могут привлекать внимание воюющей стороны. И в смелом осуществлении этого преобладания интересов стратегии, в принесении в жертву этим высшим целям войны сомнительных принципов международной морали, сказалось правильное понимание немцами целей и задач вооруженной борьбы народов.

Быть может, с точки зрения международной этики подобный образ действий представляется предосудительным—и, конечно, чем больший ущерб он приносит какой-либо стороне, тем предосудительнее он ей кажется,—однако, с точки зрения здорового национального эгоизма, направленного к доставлению своему народу наибольшей суммы благ и наибольшего преимущества в мировом положении, такие приемы в открытой, вооруженной борьбе с врагом являются вполне законными. Правительства и единоличные правители государств всегда должны помнить, что если обстоятельства так сложились, что меч пришлось извлечь из ножен, а вместе с тем и предоставить участь армии и народа на произвол военных стихий, то их священный долг заключается в том, чтобы принять все меры, доступные воле и уму человеческому, для обеспечения и армии, и народу победы. И в этом случае не может быть тех жертв, которые считались бы для этого излишними, или тех средств, которые были бы признаны предосудительными. Это—один из тех случаев в жизни народа, когда цель, высокая цель, к которой стремятся и тянутся все народные помыслы, вполне оправдывает средства, использованные для ее достижения.

И высокий образец подобного рода действий дают нам в этой войне немцы, ничем не пренебрегшие, ничего не забывшие, смело разорвавшие все опутывавшие их условности, для того, чтобы за пролитую народную кровь и за разорение народное удостоиться победы...

VI. Мобилизация, сосредоточение и развертывание армий.

Мобилизация германской, французской, английской и бельгийской армий.

Мобилизация сторон, вследствие глубокого недоверия их друг к другу, была в большинстве случаев начата ранее об'явления войны: в Германии и во Франции—19 июля (1 августа), т.-е за 2 дня до об'явления Германией войны Франции, в Англии—22 июля (4 августа), одновременно с об'явлением войны Германии, в Бельгии—18 (31) июля, за 4 дня до об'явления ей войны Германией. Таким образом, за исключением лишь Англии, обеспеченной от внезапного нападения своим островным положением, все остальные державы заблаговременно изготовились к военным действиям, благодаря чему, в момент об'явле-

ния друг другу войны, их армии уже находились в полной готовности атаковать одна другую.

Быстроте приведения армий на военное положение способствовали также те подготовительные мобилизационные меры, которые были приняты обеими сторонами до опубликования правительственных указов о мобилизации. Германия приступила к частичному призыву резервистов еще 15 (28) июля и к 17 (30) июля ею было призвано 5 возрастных классов этой категории; одновременно с этим войска, прикрывавшие границу, были придвинуты к ней. Наконец, как уже упоминалось мною, 18 (31) июля в Германии было об'явлено „положение, угрожающее войной" (Kriegsgefahrzustand), давшее ей возможность еще до оффициального об'явления мобилизации провести некоторые меры, облегчавшие и ускорявшие приведение армии на военное положение. Благодаря этим последним, Германии удалось опередить Францию в мобилизации своей армии на 36 часов; в момент опубликования императорского указа о мобилизации германская армия уже почти окончила свою мобилизацию, а войска, назначенные для прикрытия границы и сосредоточения к ней полевых армий уже были перевезены к местам назначения.

Большую предусмотрительность обнаружила в этом отношении и Бельгия: она предвидела возможность европейской войны еще с того дня, когда Австро-Венгрия пред'явила свой ультиматум Сербии и уже 11 (24) июля бельгийское правительство решило принять некоторые меры к усилению боевой готовности армии; 16 (29) июля состоялось распоряжение о призыве в войска двух возрастных классов резервистов. Поэтому к вечеру 18 (31) июля, когда был опубликован королевский декрет о мобилизации, бельгийская армия находилась уже в усиленном составе.

Менее других (не считая Англии) торопилась с мобилизацией Франция, и единственной подготовительной к ней мерой явилась несколько заблаговременная перевозка к границе войск, прикрывавших мобилизацию и сосредоточение (так называемых troupes de couverture), начатая утром 18 (31) июля, т. е. за сутки до опубликования правительственного декрета о мобилизации. Но значение и этой единственной подготовительной меры было сильно ослаблено совершенно непонятным запозданием на 14 часов*) передачи этим войскам об'явления войны Германией.

В совершенно особом положении в отношении мобилизации находилась Англия, содержавшая, хотя немногочисленную, но вполне готовую к военным действиям, нуждавшуюся в небольших пополнениях, экспедиционную армию, которая могла быть готовой почти одновременно с другими союзными армиями. Однако, островное положение Англии и необходимость переброски этих войск через канал, требо-

*) До утра 22 июля (4 августа).

вавшей и больших транспортных средств, и продолжительного времени, сильно замедляли появление английских войск на театре военных действий и лишали Англию тех преимуществ, которые были связаны с большой мобилизационной готовностью экспедиционной армии. Таким образом, сама мобилизация английских войск не может приниматься в расчет при учете того промежутка времени, который потребовался Англии для сосредоточения своих вооруженных сил на европейском материке.

Перевозка войск в районы сосредоточения.

Перевозка войск в районы сосредоточения, благодаря ускорению мобилизации упомянутыми выше подготовительными мерами, началась не позже четвертого дня мобилизации (22 июля [4 августа] в Бельгии), а местами (во Франции и Германии) одновременно с опубликованием правительственных указов о приведении армий на военное положение. Везде и мобилизация, и перевозка войск происходили без задержек, планомерно и быстро*). В частности, перевозка германских войск облегчалась, как указанными мною в V-й главе мерами по развитию железнодорожных путей и оборудованию пунктов высадки на германско-бельгийской границе, так и тем обстоятельством, что бо́льшая часть железных дорог великого герцогства Люксембургского еще в мирное время находилась в немецком управлении.

Соответственно окончанию германской мобилизации на 36 часов ранее французской**), и сосредоточение германских войск к границам Бельгии и Франции произведено было раньше прибытия в районы сосредоточения французских армий; уже к 23 июля (5 августа) на бельгийской границе, от Аахена до Трира, были сосредоточены крупные массы германских войск, в тот же день начавшие свое наступательное движение в бельгийские и французские пределы. Сосредоточение германских армий в пограничных районах продолжалось до 31 июля (13 августа), при чем последними прибыли почти во всех армиях резервные корпуса.

Французские полевые армии лишь к 25 июля (7 августа), т.-е. на 2 дня позже немцев, имели в пограничных районах крупные силы, достаточные для того, чтобы начать активные действия против неприятеля; планомерность дальнейшего их сосредоточения вскоре, однако, была нарушена той перегруппировкой французских армий, которая явилась результатом германского вторжения в Бельгию. Что касается бельгийской армии, то она уже к утру 24 июля (6 августа) окончила свое сосредоточение. Сильно запаздывала лишь одна английская армия: начавши высадку своих войск в Кале 25 июля (7 августа), англичане лишь 8 (21) августа подвезли в район Ландресси—Мобеж четыре пехотных и одну кавалерийскую дивизии.

*) Французский корпус поднимался 118 поездами, французская дивизия—34 поездами.

**) Французская армия окончила мобилизацию 23 июля (5 августа), германская же—22 июля (4 августа).

Во всяком случае, из этих данных видно, что за исключением английских войск, вооруженные силы союзников окончили мобилизацию и сосредоточение немногим позже германских войск, почему те оперативные преимущества, которые оказались на стороне последних с первых же дней войны, должны об'ясняться не этими двумя днями более ранней их готовности к наступлению. а исключительно лишь качествами германского плана войны, ясного, определенного, хорошо продуманного, и характером военных действий германских армий, действий—полных инициативы, смелости и решительности. Из описания боевых операций в Бельгии и северо-восточной Франции это станет для читателя вполне ясным,

Стратегическое развертывание сторон (районы и характер сосредоточения). Схема № 2. а) Германские армии.

Сосредоточение *германских армий* на бельгийской и французской границах происходило под прикрытием пограничных войск (Deckungstruppen) следующих корпусов: VIII-го (Аахен, Трир, Дюрен), XVI-го (Тионвиль, Мец), XXI-го (Моранж, Саарбург, Диец, Саарбрюкен), II-го Баварского (Ландау, Де-Понт, Гермерсгейм), XV-го (Саверн, Страсбург, Кольмар, Ней-Бризах, Шлетштадт) и XIV-го (Мюльгаузен).

Главная масса германских войск к 23 июля (5 августа) была развернута на границе Бельгии и Люксембурга, между Аахеном и Триром, где на фронте всего лишь в 120 километров сосредоточились пять германских армий, состоявших из 27 корпусов и 9 кавалерийских дивизий, всего 1.040.000 человек. Эта масса войск была распределена следующим образом:

I-я армия, генерал-полковника фон-Клука (II, III, IV, IX, III рез., IV рез. и IX рез. корпуса, I и II кавалерийские корпуса*), 280 тысяч человек), сосредоточилась в южных окрестностях Аахена.

II-я армия, генерал-полковника фон-Бюлова (гвардейск., VII, X, гвардейск. рез., VII рез. и X рез. корпуса, 240 тысяч человек), была собрана в окрестностях Эупена.

III-я армия, генерал-полковника барона фон-Гаузена (XI, XII, XIX и XII рез. корпуса, 120 тыс. челов.), была сосредоточена в районе Мальмеди.

IV-я армия, герцога вюртембергского (VIII, XVIII, VIII рез., XVIII рез. корпуса, 3 и 8 кавалерийские дивизии, 160 тысяч человек), сосредоточилась в районе С.-Вит.

V-я армия, кронпринца германского (V, VI, XIII, XVI, V рез. и VI рез. корпуса**), 240 тысяч человек), собралась в районе Трира.

---

*) I кавалерийский корпус ген.-лейт. фон-Рихтгофена из гвардейской и 5-й кавал. дивизий, II кавал. корпус ген.-лейт. фон-Марвица в составе 2-й, 4-й и 9-й кавал. дивизий.

**) У меня нет точных сведений о распределении кав. дивизий по армиям. Одна дивизия (1-я) находилась на вост. фронте, следовательно на западн. фронте их было 10; из них 5 составляли на правом фланге два кавал. корпуса (генер. Рихтгофена и Марвица), 2 (3-я и 8-я) находились при IV армии (по другим сведениям 8-я дивизия была при VI армии, в первых числах августа она была отправлена в В. Пруссию). Остальные 3 дивизии, повидимому, были распределены между III и V армиями.

Вторую, меньшую по численности, группу германских войск образовали две армии, развернувшиеся в Эльзас-Лотарингии:

VI-я армия, кронпринца баварского (I Бав., II Бав., III Бав., XXI и I Бав. рез. корпуса, 200 тысяч человек), сосредоточилась в районе Мец—Саарбург;

VII-я армия, генерал-полковника фон-Геерингена (XIV, XV и XIV рез. корпуса, 120 тысяч человек), была собрана в районе Страсбурга.

Кроме того, в верхнем Эльзасе несколько ландверных бригад генерала Гедэ (40 тысяч человек), примыкавших своим левым флангом к швейцарской границе.

Таким образом, немцами развернуто на фронте Аахен—Мюльгаузен (340 километров) семь армий, состоявших из 35 армейских корпусов и 10 кавалерийских дивизий, всего численностью около 1.400.000 человек*); при чем, как мы видели, $^3/_4$ всех этих сил были сосредоточены на сравнительно узком участке (120 километров), на правом фланге стратегического фронта, против Бельгии.

Главнокомандующий германскими армиями—император Вильгельм (начальник штаба—генерал граф Мольтке).

б) Французские армии. Сосредоточение *французских армий* на эльзас-лотарингской и бельгийской границах было выполнено под прикрытием следующих войск (troupes de couverture): 2-го корпуса с 4-й кавалерийской дивизией (Живэ, Мезьер, Седан, Лонгюон, Стенэ, Конфлан, Верден, Этен); 6-го корпуса с 7-й и 9-й кавалерийскими дивизиями (С. Миель, Комерси, Лерувиль); 20-го корпуса со 2-й кавалерийской дивизией (Нанси, Люневиль, Туль); 21-го корпуса (Баккара, Эпиналь, Раон-Летап, Сенон); и 7-го корпуса с 8-й кавалерийской дивизией (Ремиремон, Бельфор).

Развертывание этих армий к 25 июля (7 августа) определилось таким образом:

1-я армия, генерала Дюбайля (7, 8, 13, 14 и 21 корпуса, 8-я кавалерийская, 61, 62 и 63 рез. дивизии и одна рез. дивизия в гарнизоне Бельфора, 240 тысяч человек), сосредоточилась в районе между Бельфором, Эпиналем и С. Дье, на фронте Монбельяр—Люневиль.

2-я армия, генерала Кастельно (9, 15, 16, 18 и 20 корпуса, 2, 6 и 10 кавалерийские и 59, 68 и 70 рез. дивизии, 240 тысяч человек), была развернута на линии Люневиль—Понт-а-Муссон, имея свои главные силы в районе Нанси.

3-я армия, генерала Рюффе (2, 4, 5 и 6 корпуса, 4-я, 7-я и 9-я кавалерийские, 54, 55 и 56 рез. дивизии, 210 тысяч человек), сосредоточилась между Маасом и Мозелем, в районе Вердена, на фронте Триокур—Монмеди. В гарнизоне Вердена находились 67, 72 и 75 рез. дивизии (50 тысяч человек).

---

*) Во всех армиях находилось около 6 тысяч артиллерийских орудий: более 4 тысяч легких пушек, более 1 тысячи тяжелых пушек и 700 тяжелых гаубиц и мортир.

5-я армия, генерала Ланрезака (1, 3 и 10 корпуса, марокканская, 51, 53 и 69 рез. дивизии, численностью в 180 тысяч человек), сосредоточилась на обоих берегах Мааса, на фронте Кариньян—Рокруа, имея главную массу своих войск в районе Мезьер—Седан. Один из ее корпусов (1-й) был выдвинут, вслед за конницей ген. Сорде, на Живэ и Динан, для занятия переправ на Маасе.

4-я армия, генерала Лангль-де-Кари (11, 12, 17 и колониальный корпуса, 52 и 60 рез. дивизии, 210 тысяч человек), была собрана в верховьях реки Эна, между Шалоном и Аргоннами, в качестве стратегического резерва.

Небольшая группа территориальных войск (81, 82, 83 и 84 дивизии, 60 тысяч человек), ген. д'Амада, собралась в районе Лиль—Аррас—Дуэ.

Наконец, стратегическая конница—кавалерийский корпус генерала Сорде (1, 3 и 5 кавалерийские дивизии, 10 тысяч человек), поддержанный 8-й пехотной бригадой (2-го корпуса), был выдвинут к Живэ.

Таким образом, французами выставлено пять армий, состоявших из 21 корпуса*), 10 кавалерийских и 22 резервных (территориальных) дивизий, всего численностью 1.200.000 человек. Эта масса войск была развернута на фронте в 325 километров (Бельфор—Рокруа)**), почти равномерно по фронту; лишь в районе Вердена, вследствие расположения за 3-й армией—4-й армии в резерве, стратегический фронт был более сильным. Главная масса французских войск была развернута на границе Эльзас-Лотарингии (Бельфор—Монмеди): 1-я, 2-я, 3-я и 4-я армии, всего 950 тысяч человек, а на границе Бельгии лишь одна 5-я армия с двумя отдельными группами (конницей у Живэ и территориальными дивизиями у Лилля) или 250 тысяч человек. Главнокомандующим французскими армиями был назначен ген. Жоффр.

в) Английская армия.

К тому времени, когда состоялось это развертывание французских войск, *английские войска* лишь начинали прибывать в район Ландресси, постепенно образуя собой связующее звено между 5-й французской армией и лилльской группой генерала д'Амада. Сюда следовали два английских корпуса: 1-й, генерала Дугласа Хэйга и 2-й, генерала Смит-Дорьена, каждый из двух пехотных дивизий; 1-я кавалерийская дивизия, генерала Аленби и 5-я кавалерийская бригада, генерала Четвуда; всего 60 тысяч человек. Всеми английскими войсками командовал фельдмаршал Френч (начальник штаба—генерал Робертсон).

г) Бельгийская армия.

Что же касается *бельгийской армии,* то к 24 июля (6 августа) ее дивизии сосредоточились в треугольнике Брюссель — Льеж — Намюр: 1-я—у Тирлемона, 2-я—у Лувена, 5-я—у Первеца, 6-я—у Вавра, ка-

*) 19-й (африканский) только частью сил прибыл во Францию (в район Бельфора), остальные его войска еще были в пути из Алжира.

**) Здесь не принимается в рассчет откинутая в сторону группа территориальных дивизий генерала д'Амада, которая не входила в общий фронт.

валерийская—у Варемм; остальные две дивизии вошли в состав гарнизонов маасских крепостей: 3-я—Льежа (одна бригада—у Тонгра), 4-я—Намюра (одна бригада—у Гюи). Всего бельгийских войск, с гарнизонами Льежа и Намюра,—около 175 тысяч человек. Командование армией принял король Альберт (начальник штаба—генерал Селье-де-Моранвиль).

Оценка стратегического развертывания сторон.

Сравнивая стратегическое развертывание германских армий с таковым же французских, мы видим, что они совершенно различны: уже в самом распределении немецких войск на различных участках стратегического фронта, в массировании их на бельгийской границе, ясно обнаруживается основная идея германского оперативного плана—наступление главной массы войск через Бельгию, нанесение противнику главного удара в обход крепостей восточной границы Франции. Эта идея выражена настолько ярко в группировке и численности армий, что, не имея даже никаких предварительных сведений о намерениях немцев использовать для своего наступления территорию Бельгии, каждый человек, взглянувший на карту, составит себе об этом вполне определенное представление. Ясный, смелый, и к тому же весьма простой по замыслу план войны вылился у немцев в отчетливые оперативные формы, привел их к стратегическому развертыванию в высокой степени целесообразному: $^3/_4$ своих сил они сосредоточили на путях, открытых для свободного вторжения в северо-восточную Францию через бельгийские пределы, а четвертую часть направили к восточным крепостям Франции для широкой стратегической демонстрации и для прикрытия своих собственных границ.

Совершенно обратное этому было у французов. В их стратегическом развертывании не видно никакой идеи, никакого определенного плана, никакого оперативного замысла: войска расбросаны почти равномерно от верховья реки Уазы до Бельфора и нигде, ни их группировкой, ни их численностью, им не обезпечено никаких оперативных преимуществ сравнительно с противником*). Это—скорее какое-то подготовительное, выжидательное положение, чем стратегическое развертывание для осуществления решительных задач в борьбе с неприятельскими армиями. Эта странная группировка французских армий отличается и неясностью оперативных целей, и нерешительностью наступательных намерений, что в совокупности и придает ей этот незаконченный, неопределенный характер: с одной стороны, расположение главной массы войск (1-й, 2-й, 3-й и 4-й армий) на восточной границе как-бы указывает на стремление повести наступление в Эльзас-Лотарингию, но, с другой стороны, сосредоточение 5-й армии в районе

*) На бельгийской границе—4 корпуса, 4 рез. и 4 кав. дивизии; в Вевре (Верденский район)—4 корпуса, 6 рез. и 2 кав. дивизии; в Лотарингии—6 корпусов, 4 рез. и 3 кав. дивизии; в Вогезах—2 корпуса и 2 рез. дивизии; у Бельфора—1 корпус, 4 рез. и 1 кав. дивизии; в резерве—4 корпуса и 2 рез. дивизии.

Мезьера и выдвижение перед ней крупной кавалерийской массы вдоль Мааса к северу, обнаруживает желание вторгнуться в Бельгию для соединения с бельгийской армией. Но правильнее всего, повидимому, будет прийти к заключению, что в это время ни того, ни другого намерения в действительности не было у французского высшего командования, которое к моменту первоначального развертывания еще не пришло ни к какому определенному решению: наступать или обороняться, где и какими силами наступать, какой предпринять маневр против неприятельских армий. В этом нас более всего убеждает неполнота, незаконченность французского развертывания, оставление целой армии в резерве, как бы в рассчете направить ее в то или другое место, в зависимости от того, как сложится обстановка, иначе говоря, в зависимости от действий, а следовательно и от воли противника. Таким образом, уже с этих первых часов борьбы французы, и без того отставшие от неприятеля в своей боевой готовности на 36 часов, предоставляли врагу все выгоды и преимущества инициативы, сохраняя за собой лишь сомнительную возможность применяться, приспособляться к меняющимся условиям боевой обстановки.

При этом, в частности, что касается французской резервной (4-й) армии, то возбуждает недоумение странное положение, в которое она была поставлена: сосредоточенная западнее Аргонн, она была отделена от фронта сильно-гористой местностью, трудно проходимой для крупных войсковых масс. Для того, чтобы выдвинуть ее к границе на ближайший участок фронта необходимо было обойти Аргонский хребет с севера или юга, на что требовалось не мало времени и что было связано с значительными затруднениями. Переброска же этой армии на какой-либо дальний участок, даже и по железной дороге, естественно являлась сложной и длительной операцией. Для чего же нужно было при таких условиях оставлять столь крупную массу войск вдали от стратегического фронта? Чем возможно об'яснить это нецелесообразное распределение сил, как не отсутствием определенного оперативного плана, нерешительностью намерений, колебаниями в сторону того или другого решения?

В самом деле, на всем этом сказалась робкая, нерешительная политика Франции в вопросе о подготовке к войне вообще и в вопросе о Бельгии в частности. С одной стороны, соблюдая формальные требования международного договора, Франция не решалась нарушить бельгийский нейтралитет для приобретения некоторых стратегических преимуществ в отношении противника; но, с другой стороны, она опасалась, как бы этим способом не приобрел этих преимуществ неприятель, не отличавшийся, как было известно французам, большой щепетильностью и приверженностью к устарелым дипломатическим документам. Таким образом, нерешительность в политике привела французов к полумерам и колебаниям в области оперативных решений, в противоположность немцам, смелая политика которых с момента об'явле-

ния войны, вся отданная на служение стратегии, обусловливала собой этот цельный и решительный план наступления через Бельгию.

На развертывание французских армий неблагоприятное влияние оказала в некоторой степени и медленная переброска во Францию английских войск, которые должны были удлинить левый фланг стратегического фронта и усилить ту группу союзных войск, которая сосредоточивалась на бельгийской границе. Если бы вся английская экспедиционная армия, в том своем составе, в котором она предназначалась для операций на континенте, т. е. в числе 166 тысяч человек, была сосредоточена на верхней Самбре одновременно с сосредоточением к границе французских армий, то, вероятно, недостатки стратегического развертывания последних в отношении операционных путей, проходивших через Бельгию, не приобрели бы того крупного значения, которое они в действительности получили в ближайшие дни.

Вообще же, медлительность в переброске английских дивизий во Францию вызывает справедливое недоумение, во первых, вследствие обилия в Англии морских транспортных средств, а во вторых, и вследствие того, что вероятность участия английских войск в операциях на европейском материке, как мы видели выше, предусматривалась уже давно. За эту неготовность англичан больше всего поплатились бельгийцы, сильно рассчитывавшие на английскую помощь.

Что касается развертывания бельгийской армии, то оно имело тоже неопределенный характер. Одно лишь было ясно и несомненно: это то, что бельгийцы твердо решили защищать свои отечественные пределы. Но это патриотическое решение не было сообразовано с той стратегической обстановкой, в которой оказалась бельгийская армия: стоя лицом к лицу с германскими армиями, обладавшими подавляющим численным превосходством, при сомнительных шансах на могущественную поддержку англо-французских войск, бельгийцы, конечно, должны были в общих оперативных интересах союзников, не связывая себя непосредственной обороной своей территории, избрать какой-либо такой план сосредоточения своих сил, который обеспечивал бы им с первого же дня войны соединение с союзниками и совместные с ними боевые действия. Это, конечно, открывало противнику свободный доступ на территорию Бельгии, но, ведь, не могло подлежать никакому сомнению, что сама по себе бельгийская армия не была в состоянии преградить неприятельским армиям путь в отечественные пределы и, рано или поздно, эти армии должны были занять бельгийскую территорию.

Сложилось мнение, что бельгийцы рассчитывали, упорно отстаивая оборонительную линию Мааса, выиграть время, в течение которого могли бы подойти подкрепления союзников. Однако, неприятельские армии находились ближе к бельгийским войскам, чем англо-французы, мобилизация же их и сосредоточение по своей быстроте не могли уступать таковым французских армий и, конечно, сильно упреждали в этом отношении английскую армию.

Вообще, та группировка, которую приняла в эти дни бельгийская армия, является результатом исключительно политических соображений, связанных с отстаиванием с оружием в руках нарушенного противником нейтралитета, но с интересами стратегии она мало связана.

Стратегическое развертывание, указанное для германских армий, явилось для них окончательным и послужило им исходным положением для наступления. Более ранняя готовность к боевым действиям, захват инициативы и выгодная в оперативном отношении группировка сил не только не требовали никаких изменений в их первоначальном развертывании, но даже побуждали немцев торопиться с началом военных действий, чтобы покончить с бельгийской армией и проложить себе путь через Бельгию до прибытия туда англо-французских подкреплений.

Перегруппировка французских армий Схема № 6

В ином положении оказались французские армии. Еще не успели они закончить своего сосредоточения, как уже обнаружилось наступление крупных германских сил в пределы Бельгии, следовательно, в обход левого фланга французского стратегического фронта. И так как одна бельгийская армия, конечно, не могла задержать неприятельского наступления, а английские войска только начали прибывать во Францию, то французское высшее командование пришло к решению произвести перегруппировку своих левофланговых армий с целью протянуть левый фланг далее к северу, в угол между реками Самброй и Маасом, где французские войска могли бы установить прочную связь, как с бельгийцами у Намюра, так и с англичанами в районе Мобежа или Монса. Для этого продвижения была назначена 5-я армия, на освободившееся же место, между нею и 3-й армией, была выдвинута из резерва 4-я армия. Эти передвижения и перемещения были начаты 2 (15) и закончены к вечеру 8 (21) августа.

К началу этой перегруппировки наступление германских войск представлялось французскому высшему командованию в следующем виде: 7 корпусов и 5 кавалерийских дивизий—на фронте Льеж—Нефшато, с одним корпусом во второй линии и 3 корпуса между Люксембургом и Диденгофеном. Такие неточные сведения о неприятеле (более, чем вдвое уменьшенные сравнительно с его действительной численностью) явились результатом чрезвычайно плохой разведывательной деятельности французской конницы, не с'умевшей прорвать густую завесу неприятельской кавалерии; эти сведения давали французам надежду, усилив свои две левофланговые армии, 4-ю и 5-ю, тремя корпусами из Эльзас-Лотарингии, иметь на своем левом фланге группу войск (3-ю, 4-ю и 5-ю армии), превосходящую своей численностью неприятеля (14 корпусов и 6 кавалерийских дивизий против 11 корпусов и 5 кавалерийских дивизий).

Насколько плоха была в это время французская кавалерийская разведка видно из следующего. Главная разведывательная задача была возложена на 1-й кавалерийский корпус генерала Сорде (1-я, 3-я и

5-я кавалерийские дивизии, 72 эскадрона и 36 орудий), который, как мы видели, еще 23 июля (5 августа) был выдвинут от Мезьера к северу и 25 июля (7 августа) достиг линии Живэ—С. Гюбер. Естественно, что в виду предстоявшей перегруппировки французских армий и выдвижения 5-й армии к реке Самбре, на конницe генерала Сорде лежала обязанность возможно скорее и точнее выяснить обстановку в районе между Самброй и Маасом, на левом берегу Самбры и на правом берегу Мааса, для чего, казалось бы, его конный корпус обладал достаточными силами. С этой именно целью конница генерала Сорде была направлена в район между нижним течением реки Урты и Маасом, при чем передовые разведывательные части этой конницы приближались к Льежу (уже атакованному немцами) на расстояние 6 километров. Однако, не вступая здесь в крупные столкновения с неприятелем и не добывши никаких ценных сведений, корпус Сорде уже 27 июля (9 августа) отошел обратно на линию Живэ—С. Гюбер, где имел ряд мелких стычек с германской кавалерией. Отсюда французская конница перешла 2 (15) августа к Флоренну и здесь была включена в состав 5-й армии; 8-я пехотная бригада (2-го корпуса), поддерживавшая корпус Сорде, была назначена для обеспечения переправ на Маасе к югу от Намюра. Кроме конницы Сорде, стратегическую разведку в это время вели также, но в другом районе, от реки Шиеры (Лонгви—Лонгюон) на Нефшато—4-я и 9-я кавалерийские дивизии. В какой мере неудовлетворительны были результаты этой разведки мы увидим при исследовании наступления 3-й и 4-й французских армий к реке Семуа.

Сама перегруппировка французских армий происходила следующим порядком. 3-я армия, передавши свой левофланговый 2-й корпус 4-й армии, продвинулась несколько к северу, в район Спинкур—Лонгви, занявши более сосредоточенное расположение; и так как это ее продвижение обнажало Верденский район со стороны Меца, из ее состава были выделены резервные дивизии и переданы на усиление войск Верденского укрепленного района. 4-я армия была выдвинута от Шалона к Маасу, на участок Монмеди—Седан, а ее левый фланг был усилен у Шарлевиля 9-м корпусом, привезенным 5 (18) августа из 2-й армии; обе резервные дивизии 4-й армии (52-я и 60-я) обеспечивали ее левый фланг между устьем реки Семуа и Живэ, а две кавалерийские дивизии, 4-я и 9-я, были выдвинуты к Нефшато.

5-я армия, под прикрытием своего 1-го корпуса, уже выдвинутого в район Динана и конницы генерала Сорде, находившейся у Флоренна, постепенно прибывала в район Шарлеруа—Флоренн—Филиппвилль; ее левый фланг, у Трелон, был усилен 18 корпусом, прибывшим 3 (16) августа из 2-й армии, а центр (у Филиппвилля)—двумя дивизиями 19-го корпуса*). Конница Сорде включена в состав 5-й армии и

*) Эти дивизии, 37-я и 38-я, на пути из Алжира сначала были высажены у Бельфора, в районе 1-й армии, но вскоре были отправлены на север; прибывшая вместе с ними 3-я дивизия этого корпуса—марокканская, была увезена из-под Бельфора еще раньше и включена в 5-ю армию до ее передвижения к реке Самбре.

выдвинута к Линьи и Флерюсу, на левый берег Самбры; однако, после незначительных столкновений с противником, она отходит к 7 (20) августа вверх по реке к Курселю, оставляя, таким образом, без разведки весь участок Самбры от Шарлеруа до Намюра. В дальнейшем изложении событий, при описании боевых действий 5-й армии на р. Самбре, мы увидим, к каким неблагоприятным для французов последствиям привела подобная бездеятельность французской конницы.

Группа территориальных дивизий генерала д'Амада по-прежнему оставалась в районе Аррас-Лиль-Дуэ.

То обстоятельство, что еще до начала военных действий французским армиям пришлось изменить свою группировку, теряя на этп передвижения драгоценное на войне время, ясно указывает на то, что французы не предусмотрели германского наступления через Бельгию и сами не собирались направить свой главный удар в бельгийские пределы, предполагая, повидимому, оказать поддержку бельгийской армии не непосредственно, а наступлением своих армий на германскую территорию. Однако, неудачно сложившаяся для них обстановка заставила их в первые же дни войны отказаться от этого намерения, подчиниться воле противника и повернуть главную массу своих войск навстречу победоносному движению неприятельских армий. От их же наступательных намерений на восточной границе остались лишь вялые, неудачные попытки вторгнуться в Эльзас-Лотарингию, о которых я буду говорить в одной из следующих глав.

Французские писатели утверждают, что вероятность германского наступления через Бельгию предусматривалась французским генеральным штабом и что в плане стратегического развертывания был тот вариант, который выразился в запоздалой перегруппировке левофланговых армий*). Если это и так, то это нисколько не говорит в пользу французского высшего командования; в военном деле ценными являются не те планы, которые, быть может и всесторонне обдуманные, остаются в кабинетах генерального штаба, а те, которые проводятся в жизнь на театре военных действий; для практических потребностей войны важна не предусмотрительность кабинетных стратегов, составляющих оперативные планы в мирное время, а прозорливость полководца, стоящего со своими армиями лицом к лицу с противником...

Во всяком случае, как бы там ни было, но французы надеялись перегруппировкой своего левого крыла улучшить свое стратегическое положение, войти в связь с бельгийскими крепостями и атаковать немцев в Бельгии еще до падения маасских крепостей. Мы увидим, что они не успели и не сумели этого сделать. Немецкие исследователи этих событий полагают, что французская армия и не могла достигнуть этих целей, потому что она не была способна на такие быстрые маневры,

*) Речь военного министра Мильерана в Версали, 22-го октября 1916 года.

требовавшие проявления крайней энергии и решительности; и что, хотя в последние годы перед войной, наступательная доктрина и культивировалась во французской армии, но все же эта армия была более пригодна для „наступательной обороны“, чем для решительного наступления.

Одновременно с перегруппировкой французских армий шло сосредоточение английских дивизий на верхней Самбре. 1 (14) августа фельдмаршал Френч прибыл в Булонь, 2 (15)—расположил свой штаб в Ле-Като. К этому времени во Францию уже прибыли 1, 2, 3 и 5 армейские и 1-я кавалерийская дивизии*), которые только к вечеру 7 (20) августа сосредоточились: 1-й и 2-й корпуса в южных окрестностях Ландресси (на линии Нувион-Вассиньи), а конница—у Мобежа.

Таким образом, к 8 (21) августа положение англо-французского фронта представлялось в следующем виде: правый фланг (1-я и 2-я армии), ослабленный на три корпуса, занимал свой прежний участок, пытаясь, как увидим дальше, наступать в Эльзас-Лотарингию; центр (3-я и 4-я армии), усиленный одним корпусом, был ближе придвинут к границе и занял более сосредоточенное расположение между Лонгви и устьем реки Семуа; наконец, левый фланг (5-я французская и английская армии), усиленный двумя французскими и двумя английскими корпусами, выдвинулся к реке Самбре.

Между тем, пока англо-французы совершали эти передвижения, боевые действия уже шли полным ходом на противоположных оконечностях бельгийско-французского фронта: германские армии уже вторгнулись в Бельгию, Льеж уже пал, Намюр доживал последние дни, немецкие пушки уже гремели на путях от Мааса к бельгийской столице; оживленные боевые действия велись и в Вогезах, дикие, лесистые ущелья которых были полны шумом и грохотом боя...

К рассмотрению этих боевых операций я и перейду теперь.

VII. Вторжение германцев в Бельгию.

Вступление передовых германских войск в Бельгию и Люксембург.

Еще до окончания сосредоточения своих армий, немцы направили в Бельгию свои передовые войска, как с целью широкой стратегической разведки, так и для обеспечения своего развертывания на границе. 20 июля (2 августа) крупные части VIII корпуса из окрестностей Трира вступили на территорию Люксембурга и, перейдя р. Сауер у Вассербилига и Ремиха, направились к столице великого герцогства, которую и заняли в тот же день.

Затем, 22 июля (4 августа), две германские кавалерийские дивизии (2-я и 4-я, из состава I кавалерийского корпуса генерала фон-Марвица) перешли бельгийскую границу между Аахеном и Эупеном,

*) 4-я армейская дивизия погрузилась в Англии лишь 10 (23) августа и присоединилась к английской армии через Гавр уже при отступлении англичан к Парижу.

выдвинулись на Герве, прошли вниз по Маасу к Визе, но, найдя мост в этом пункте разрушенным, переправились через реку южнее Визе через Ликские броды. Бельгийский баталион, охранявший этот участок реки, после незначительного сопротивления отошел к Льежу; бельгийская бригада, стоявшая у Тонгра (в 15 километрах от реки), не сделала даже попытки поддержать этот баталион и помешать переправе противника. Германская конница, утвердившись на левом берегу Мааса, устремилась своими разведывательными частями в район сосредоточения бельгийской армии.

Движение отряда генерала фон-Эммиха к Льежу. Схема № 3.

Вслед за этой конницей границу перешел сводный отряд генерала фон-Эммиха, составленный из 5-ти сводных немобилизованных бригад из состава VII, VIII, IX, X и XI корпусов, снабженных тяжелой артиллерией и предназначенных для атаки Льежа. Быстрое овладение этой крепостью, до прибытия к ней англо-французских подкреплений, представлялось для немцев столь важной задачей, что они не задумались отправить к ней ближайшие к границе немобилизованные части, не дожидаясь полного сосредоточения своих армий. Льеж сильно стеснял своим расположением форсирование Мааса I-й германской армией, потому что между северными фортами крепости и голландской границей оставалось всего лишь 10 километров расстояния, южнее же Льежа наступала II-я германская армия. Таким образом, падение этой крепости должно было расширить полосу наступления корпусов I-й армии; кроме того оно открывало прямое железнодорожное сообщение как с Брюсселем, так и с Намюром.

Отряд фон-Эммиха наступал из окрестностей Эупена 4 колоннами: на Герве, на Вервье и двумя колоннами по обоим берегам реки Урты. Хотя этот отряд, для выигрыша времени, и был составлен из немобилизованных войск, т. е. не пополненных до штатов военного времени резервистами, однако, едва-ли возможно считать образование его импровизацией; несомненно, формирование этого отряда было предусмотрено в мобилизационном плане, для чего, быть может, бригады, назначенные для него, содержались в усиленном составе еще в мирное время. Без таких заблаговременных мер и соображений едва ли было бы возможно так быстро собрать и направить в Бельгию войсковые части, принадлежавшие к составу нескольких корпусов и снабдить их всеми техническими средствами, необходимыми для атаки крепости*).

Укрепления Льежа состояли из 12 фортов, расположенных на обоих берегах Мааса: на правом берегу—7 (Понтис, Баршон, Эвенье, Флерон, Шо-Фонтен, Энбур и Бонсель) и на левом—5 (Флемаль, Холонь, Лонсен, Лантен и Лиерс). Удаление фортов от города—от 6 до 9 километров; промежутки между фортами от 2 до 6 километров, обвод крепости—48 километров; центрального ядра не было, город был

*) Отряд фон-Эммиха получил пополнение уже в Льеже после падения восточных фортов.

раскинут на обоих берегах реки. Форты Льежа представляли собой укрепления новейшей системы, с броневыми башнями для орудий и с широким применением бетона; сильнейшим из них был форт Лонсен.

Войска фон-Эммиха подошли к Льежу 23 июля (5 августа) и потребовали свободного пропуска; комендант крепости генерал Леман ответил отказом и открыл огонь по неприятелю. Тогда немцы приступили к подготовке атаки фортов восточного и юго-восточного секторов (Эвенье, Флерон, Шо-Фонтен, Энбур и Бонсель); главная атака была направлена от Герве и Вервье на участок Эвенье, Флерон, Шо-Фонтен. До начала артиллерийской атаки немцы произвели безумно смелую попытку врасплох захватить Льеж: их кавалерийский отряд прорвался в промежутки между восточными фортами и поскакал к городу; однако, встреченный крепостным резервом, он был опрокинут и весь погиб здесь в неравной борьбе.

Атака Льежа. Схема № 4.

Гарнизон крепости состоял из 3-й полевой дивизии, одной бригады 4-й полевой дивизии и крепостных войск: четырех крепостных полков (13 батальонов), четырех пулеметных рот, легкого артиллерийского дивизиона, 16 крепостных батарей, саперного батальона и обозной роты, всего около 40.000 человек. Следовательно, превосходство сил было на стороне бельгийцев.

После полудня 23 июля (5 августа) немцы начали бомбардировку восточных фортов из 15 и 21-сантиметровых пушек и 42-х сантиметровой мортиры; это последнее орудие, недавно перед войной изготовленное на заводе Крупна и разрушавшее своим мощным снарядом решительно все покрытия, существовавшие в современных крепостях, впервые было введено в действие при атаке Льежа. После непродолжительного обстрела этой могучей артиллерией, восточные форты, совершенно разрушенные, пали в 8 часов утра 24 июля (6 августа), после чего немцы заняли город. Комендант крепости перевел войска на левый берег Мааса, где и продолжал оборону фортов западного сектора.

Падение Льежа.

Падение восточных фортов и занятие города открыло германским войскам свободный путь через Маас на всем участке от города до голландской границы, на который теперь и устремились корпуса I-й германской армии.

Левобережные форты пали между 29 июля (11 августа) и 2 (15) августа; на форту Лонсен был взят в плен комендант, генерал Леман, извлеченный в бессознательном состоянии из-под обломков форта, после разрушения его верков снарядами 42-х сантиметровой мортиры.

Так пала первая из маасских твердынь, пала быстро, в несколько дней, обнаружив полное бессилие своих оборонительных средств в борьбе с артиллерийскими средствами атаки; таков был первый акт этой великой борьбы народов, этот пролог потрясающей боевой драмы, которой суждено было разыграться на полях Бельгии и северной Франции.

С падением Льежа бо́льшая часть оборонительной линии реки Мааса оказалась в руках наступающего, и путь во внутренние области Бельгии уже лежал открытый перед германскими армиями *). Правда, там дальше, в направлении к столице, стояла, готовая к бою, еще неразбитая бельгийская армия, а крепость Намюр еще гремела артиллерией своих фортов; однако, после той пассивности, которую проявила бельгийская армия в деле обороны льежского участка оборонительной линии р. Мааса, и после того быстрого, ошеломляющего, неожиданного разрушения, которому подвергся Льеж, судьба полевой армии и участь Намюра была предрешена бесповоротно. Их могло спасти только какое-нибудь чудо, только прибытие к р. Маасу крупных союзных сил, которые могли бы резко изменить в этой части театра военных действий стратегическую обстановку. Но откуда могло прийти это чудо? Откуда могли явиться эти союзные силы, находившиеся еще безнадежно далеко, еще не готовые для такого решительного марша-маневра навстречу противнику?

Отступление бельгийской армии.

После падения Льежа, когда корпуса I-й германской армии устремились в пробитую брешь на Маасе, бельгийцы отошли за реку Жету, расположивши свои дивизии в две линии: в первой, на р. Жете, на фронте Жодуань—Тирлемон, стали 1-я, 3-я и 5-я полевые дивизии, имея на левом фланге, у Диеста и Гелен, кавалерийскую дивизию генерала де-Вита; во второй линии, на р. Диль, у Лувена и южнее, сосредоточились 2-я и 6-я дивизии. В это время английские войска только еще начинали прибывать во Францию (в районе Ландресси), а из французских войск лишь передовые части, кавалерийский корпус генерала Сорде с 8-й пехотной бригадой и войска 1-го корпуса—подходили к Живэ и Динану, выславши мелкие разведывательные отряды к р.р. Самбре и Урте для того, чтобы установить соприкосновение с противником. Первые французские кавалерийские части вступили на бельгийскую территорию 25 июля (7 августа), первые пехотные части—1 (14) августа.

Таким образом, слабая бельгийская армия, занявшая небольшой фронт, протяжением лишь в 30 километров, оказалась в очень опасном положении, стоя лицом к лицу с сильными германскими армиями, наступавшими к западу: она подвергалась опасности быть обойденной и с правого, и с левого фланга. Между тем, в этом положении, по принятому плану войны, она должна была собственными силами задерживать германское наступление до тех пор, пока французские армии не ударят во фланг наступающему противнику от Намюра. Однако, этому удару не суждено было осуществиться, как не удалось бельгийцам остановить натиск германских корпусов.

*) Форт Гюи (между Льежем и Намюром) был занят немцами без сопротивления со стороны гарнизона: занимавшая форт бельгийская бригада (4-й дивизии) бросила его еще 2 (15) августа, опасаясь быть окруженной и отошла к Намюру.

Наступление германских армий к Маасу и вглубь Бельгии.

Германские армии вторглись в Бельгию между 23 и 31 июля (4—13 августа) по мере своего сосредоточения на границе на линии Аахен—Эупен—Мальмеди—С. Вит—Трир.

I-я армия перешла Маас на участке Льеж—Визе и наступала правым флангом (II и IV корпуса) на Гасельт, Диест, Эршо и Брюссель, левым (III и IX корпуса)—на Варемм, Жодуань и Вавр; остальные корпуса шли во второй линии; два кавалерийских корпуса (генералов Рихтгофена и Марвица)*) наступали впереди и на флангах армии.

II-я армия наступала от Эупена на участок Мааса Льеж –Намюр, форсировала реку у Сэрейнь, Омбре, Гюи и Анденн и, оставивши VII резервный корпус у Намюра для атаки крепости, остальными силами продолжала наступление на фронт Жодуань—Намюр.

III-я армия от Мальмеди направилась своими четырьмя корпусами на участок Мааса Намюр—Динан.

IV армия от С. Вита вторгнулась в бельгийский Люксембург и повела наступление через бельгийские Арденны на Нефштато и реку Семуа.

Наконец, V-я армия от Трира двинулась через великое герцогство Люксембург к Лонгви.

Таким образом, собственно против бельгийской армии наступала одна I-я германская армия (7 корпусов и 5 кавалерийских дивизий), II-я германская армия шла в промежуток между правым флангом бельгийцев и передовыми частями 5-й французской армии,—промежуток, усиленный на своем правом фланге крепостью Намюр; III-я германская армия двигалась прямо навстречу передовым французским войскам, подходившим с юга в район Живэ и Динана. Все три немецкие армии наступали в тесной связи между собой, образуя сплошной оперативный фронт. Уже одна эта согласованность их наступательных действий, при подавляющем превосходстве сил и захвате инициативы, предопределяла исход ближайшего столкновения этих сосредоточенных масс с разрозненными, слабыми, не об'единенными ни внешней связью, ни стремлением к одной общей цели, войсками союзников.

Бои на р.р. Жете и Диль. Схема № 5.

Уже 28 июля (10 августа) обнаружился обход левого фланга бельгийцев крупными неприятельскими частями, наступавшими в долине реки Демер на Диест и Эршо. Начиная с 29 июля (11 августа) происходит ряд мелких столкновений, как в районе Диест—Гелен, где бельгийская конница, поддержанная 4-й пехотной бригадой, была атакована конными частями генерала фон-Марвица, так и по всему фронту, занятому бельгийцами на реке Жете: у С. Трон и Жодуань. К 5 (18) августа к реке Жете подошли уже значительные германские силы, направившие свой удар: на фронте—против Тирлемона, и на левом фланге—против Диеста.

*) По одним сведениям четыре, по другим—пять кавалерийских дивизий; из них две (гвардейская и 5-ая), повидимому, в дальнейшем движении шли впереди II-й армии.

У этого последнего пункта бельгийская кавалерийская дивизия генерала де-Вита была атакована войсками II-го германского корпуса и 2-й германской кавалерийской дивизией и отброшена к югу; у Тирлемона 1-я бельгийская дивизия понесла поражение в неравном бою с IX германским корпусом и отошла к Лувену; 5-я бельгийская дивизия, находившаяся у Жодуань, имела лишь небольшие боевые столкновения с передовыми частями противника. Между тем, массирование неприятельских войск против левого фланга бельгийцев, с их настойчивым обходом этого фланга, создавало для бельгийской армии угрозу быть отрезанной от Антверпена. Это побудило короля отвести армию, утром 6 (19) августа, за р. Диль в окрестности Лувена, где севернее и южнее этого города заняли позиции его пять пехотных и одна кавалерийская дивизии.

Одновременно с этим, бельгийское правительство переехало из Брюсселя в Антверпен.

Корпуса I-й германской армии неотступно следовали за отступавшими бельгийцами и в тот же день начали теснить их на новых позициях; особенно энергично велось немцами наступление против левого бельгийского фланга, у Эршо, где части 3-й дивизии были атакованы 2-й германской кавалерийской дивизией, поддержанной пехотой второго корпуса, и были вынуждены отойти к югу, на Лувен. Слабая бельгийская конница, к тому же уже понесшая большие потери в боях предшествовавших дней, не могла служить обеспечением левого фланга, почему бельгийское высшее командование признало необходимым, дабы не быть отрезанным от Антверпена, отвести армию к этой крепости. 7 (20) августа бельгийцы достигли линии крепостных фортов, выделивши небольшой отряд к Термонду для обеспечения сообщений Антверпена с Гентом.

Отступление бельгийской армии к Антверпену.

В тот же день IV германский корпус генерала фон-Арнима вступил в Брюссель, и войска I армии, направивши вслед за бельгийской армией III рез. и IX рез. корпуса к Антверпену, продолжали наступление к западу; к 9 (22) августа их передовые части достигли р. Дендер, а конница появилась в окрестностях Гента и Куртрэ.

Между тем, постепенно развивались боевые действия и на фронте II и III германских армий. К 2 (15) августа войсками этих армий была занята территорияя до линии Жодуань—Намюр—Динан; 3 (16) августа две германские кавалерийские дивизии III армии, поддержанные небольшими частями пехоты, переходят Маас у Динана и атакуют на левом берегу войска 1-го французского корпуса генерала Франшэ-д'Эспери (из состава 5-й французской армии). Однако, встреченная здесь превосходными силами противника, немецкая кавалерия вынуждена отойти за реку.

Кавалерийские бои на фронте II и III герм. армий.

Этот бой у Динана, равно как и бой у Гелен 29 июля (11 августа), являются интересными, поучительными примерами разведывательной деятельности крупных конных масс путем боевых столкновений с не-

приятелем: в обоих случаях германская конница атаковала, как в пешем, так и в конном строю, нерасстроенную пехоту противника (1-ю французскую дивизию генерала Делиньи и 4-ю бельгийскую пехотную бригаду). И хотя и там, и здесь она должна была отойти, но, конечно, приобретала этими смелыми действиями ценные сведения о силах и расположении неприятельских войск.

Не менее энергично действовала и конница II армии (4-я и 9-я дивизии), выдвинувшаяся на Вавр и Жемблу и атаковавшая у Первеца 5-ю французскую кавалерийскую дивизию (конного корпуса генерала Сорде), которая была отброшена к Флерюсу.

Вообще, необходимо отметить образцовую деятельность германской конницы, наступавшей крупными силами впереди армий и образовавшей завесу, за которой двигались и совершали перегруппировки германские корпуса. Эта кавалерийская завеса была не только непроницаемой, она была и активной, потому что, прикрывая наступление своих войск, обеспечивая их от неприятельской разведки, она в то же время вела сама энергичную разведку, вторгалась то там, то здесь, в глубокое расположение противника.

Корпуса II армии, выделивши VII рез. корпус для атаки Намюра, обходили эту крепость с севера, не имея пока перед собой неприятельских войск, кроме французской конницы. В это время, 5—6 (18—19) августа, 5-я французская армия только еще сосредоточивалась в углу между Маасом и Самброй: 1-й корпус, по прежнему, стоял на Маасе в районе Динана, остальные корпуса подходили к Филиппвиллю. Английская армия медленно собиралась к югу от Ландресси.

Атака Намюра. Схема № 8.

Ясно было, что французские подкрепления уже опоздали: оборонительная линия реки Мааса уже пала; бельгийская армия была вытеснена с поля и искала убежища за фортами Антверпена; наконец, вся восточная половина Бельгии, до линии Антверпен—Брюссель—Шарлеруа, уже была занята немецкими войсками. Только одна крепость Намюр еще удерживалась бельгийцами, как последнее средство для поддержания связи с союзниками, как последняя преграда на пути победоносного движения противника. Однако, после печального опыта с обороной Льежа, судьба Намюра была уже предрешена и падение этой крепости являлось вопросом лишь нескольких дней.

Намюр был укреплен знаменитым бельгийским военным инженером генералом Бриальмоном в 1882—92 г.г. и в последние годы перед войной усовершенствован в фортификационном отношении. Крепость, расположенная при слиянии Мааса с Самброй, имела 9 фортов: к северу от этих рек—Сюерле, Эмин, Коньеле и Маршовелет, на правом берегу Мааса—Мезере, Андов и Див, и между Маасом и Самброй—С. Эрибер и Милон. Общий обвод крепости—41 километр; форты находились от города на расстоянии от 4-х до 8-ми километров, промежутки между ними—от 3-х до 6-ти километров.

В гарнизоне крепости, под начальством коменданта, генерала Мишеля, находились: 4-я полевая дивизия, 4 крепостных полка (12 баталионов), 4 пулеметных роты, легкий артиллерийский дивизион, 12 крепостных батарей, саперный баталион и обозная рота, всего около 25 тысяч человек. В первые дни немецкой атаки в крепость прибыли 3 баталиона из состава 45-го и 141-го французских пехотных полков.

Для атаки Намюра был назначен VII рез. корпус генерала Бюлова, который 7 (20) августа развернул свои силы на обоих берегах Мааса против северо-восточного сектора фортов. 8 (21) августа началась атака, сопровождавшаяся бомбардировкой из орудий столь же крупных калибров, какие были введены в дело против Льежа. Уже 9 (22) пал форт Мезере, 10 (23)—форты Коньеле, Маршовелет и Эмин, после чего 11 (24) немцы заняли город; наконец, 12 (25) пал последний из левобережных фортов—Сюерле. С падением этих фортов, сопротивление остальных, находившихся к югу и югу-востоку от города, являлось бесцельным, почему еще 10 (23) августа остатки гарнизона стали покидать крепость и отходить к югу, вверх по Маасу, навстречу французским войскам. Между тем, в это время корпуса III германской армии уже форсировали р. Маас южнее Намюра и XII рез. корпус на левом берегу, между Арбр и Биуль, атаковал отходивших бельгийцев и нанес им большие потери; едва лишь 10—12 тысяч человек из них спаслись к югу и затем кружным путем были перевезены по железной дороге к Антверпену.

Падение Намюра, по своему стратегическому значению, представляло собой не только потерю укрепленного пункта, это была утрата опоры правого фланга англо-французского фронта на р. Самбре, значительно уменьшавшая шансы союзников на успех их наступления в Бельгию.

На сколько же времени задержали бельгийцы своим сопротивлением германские армии? Каково оказалось практическое значение их маасских крепостей? Задержка на оборонительной линии р. Мааса определяется продолжительностью сопротивления Льежа, т. е. двумя сутками, потому что падение этой крепости открыло немцам свободный доступ внутрь страны. Намюр же никого не задержал, а был обойден и с севера, и с юга. От Льежа до Брюсселя—85 километров или 4 обыкновенных перехода, следовательно, германская армия, если бы она не встречала сопротивления со стороны противника, могла бы, перейдя Маас у Льежа 25 июля (7 августа), занять столицу Бельгии 29—30 июля (11—12 августа); в действительности Брюссель был занят немцами 7 (20) августа. Следовательно, сопротивление, оказанное бельгийцами, как на Маасе, так и к западу от него, задержало немцев на 7 дней. Этот выигрыш во времени не принес, правда, никакой пользы бельгийцам, но он дал возможность французам закончить свою перегруппировку и выйти из того опасного положения, в котором они оказались при первоначальном развертывании своих армий в момент вторжения германских армий в Бельгию.

Оценка действий сторон.

Обращаясь теперь к оценке действий обеих сторон, мы должны раньше всего отметить то обстоятельство, что германцы обладали таким подавляющим превосходством, как в численности*), так и в стратегическом положении в отношении бельгийской армии (более широкий фронт, охватывавший оба неприятельские фланга), что нет никакой надобности искать об'яснения германских успехов в тех или других оперативных приемах их наступления. Немцы, несомненно, действовали в высокой степени целесообразно, смело, решительно, обнаружив уже с первых дней войны большое искусство в вождении крупных войсковых масс, но общие условия обстановки сложились для них в Бельгии настолько благоприятно, что, и при менее искусном ведении этих операций, германские армии должны были смести слабые бельгийские силы, пытавшиеся преградить им путь в северную Францию. Поэтому, входить здесь в оценку стратегических и тактических действий немцев при их вторжении в Бельгию не представляет особенного интереса: почему результаты этих действий были именно таковы— ясно само собой.

Гораздо интереснее войти в критическую оценку тех способов, которыми бельгийцы пытались оборонять свою территорию и задержать германское наступление. Являлись ли эти способы единственно возможными в тех условиях, в которых сражалась бельгийская армия? Соответствовали ли они общей стратегической обстановке? Могли ли они привести бельгийцев к успешному разрешению поставленных себе задач и дали ли они какие-нибудь благоприятные результаты?

Мы видели, что бельгийцы, оставивши на р. Маасе, в крепостях Льеже и Намюре, два авангарда, главную массу своей полевой армии держали в полном бездействии на путях к столице, в то время, когда эти авангарды изнемогали в неравной борьбе с противником. Бельгийская полевая армия, стоявшая в расстоянии 1—2 переходов от Льежа, не сделала ни малейшей попытки поддержать крепость своими действиями против атакующих войск неприятеля; Льеж был предоставлен собственным силам и полевая армия являлась лишь праздным зрителем разрушения германской артиллерией маасских укреплений, на длительном сопротивлении которых был построен весь план обороны бельгийцами своей территории. Такое бездействие главных сил бельгийской армии тем более непонятно, что в эти дни они еще ничем не были отвлечены в другую сторону и имели перед собой только разведывательные части германской конницы. И между тем, они лишь приняли на себя разбитые, удрученные неудачей войска гарнизона, покинувшие залитые кровью и дымившиеся развалины Льежа...

Таким образом, бельгийцы добровольно отказались от активной обороны своей важнейшей и сильнейшей оборонительной линии. Владея многочисленными переправами на реке Маасе, в районах

*) В I-й и II-й германских армиях—520 тысяч человек против 175 тысяч человек бельгийцев.

укреплений Льежа, Намюра и Гюи, следовательно, владея обоими берегами этой реки на участках значительного протяжения, они имели возможность отстаивать эту оборонительную линию с полной активностью, действуя во фланг и тыл неприятельским войскам, атаковавшим маасские крепости. Если выполнение этого, вследствие общих условий обстановки, являлось затруднительным и запоздалым в отношении противника, атаковавшего Намюр, то в районе Льежа и Гюи это представлялось вполне возможным; тем более, что в то время, когда немцы атаковали Льеж, главные силы германских армий еще не окончили своего сосредоточения и еще не переходили бельгийской границы,—на Маасе находился лишь немногочисленный отряд генерала фон-Эммиха и стратегическая конница I-й германской армии.

Единственным соображением, которое может до некоторой степени служить оправданием столь неискусного использования бельгийских войск, является предположение, что мобилизация бельгийской армии еще не была закончена и самостоятельные, обособленные действия маасских авангардов были нужны для обеспечения этой мобилизации. У меня в настоящее время нет определенных указаний на то—была ли в то время в действительности закончена мобилизация, или она считалась законченной только на бумаге; хотя источники, которыми я пользовался, говорят о том, что уже с 11 (24) июля в бельгийской армии начали осуществляться меры по усилению состава войск, а с 16 (29) июля—по приведению армии на военное положение. Следовательно, до начала атаки Льежа бельгийцы имели в своем распоряжении почти две недели для пополнения армии, почему с большой вероятностью можно предположить, что при малых расстояниях, существующих в Бельгии, и при большой густоте бельгийской железнодорожной сети, мобилизация армии могла быть вполне закончена к моменту появления войск генерала фон-Эммиха перед фортами Льежа.

Во всяком случае, в эти дни бельгийцам пришлось бы иметь дело с сравнительно незначительными силами противника: отряд фон-Эммиха, состоявший из 5 немобилизованных бригад, едва ли был сильнее двух бельгийских дивизий. И все преимущество немцев, стоявших в то время у Леежа, заключалось лишь в смелом, дерзком стремлении атаковать противника во что бы то ни стало, захватить его врасплох, поразить его воображение, подавить его моральные силы, его энергию, его активность. Потому что, в самом деле, ведь не в 42-х сантиметровой мортире, единственный экземпляр которой сопровождал войска Эммиха, заключалось это преимущество! Тем более, что разрушительная мощь этого орудия могла быть проявлена только против целей неподвижных, резко обозначенных на местности, против предметов пассивных, покорно ожидавших этого разрушения. Но она никогда не нашла бы себе такого губительного применения, если бы германским войскам, назначенным для атаки Льежа, пришлось вести полевые бои с бельгийской армией на обоих берегах Мааса.

Что касается неудач, сопровождавших действия бельгийских войск на р.р. Жете и Диль, то таковые являлись уже естественными последствиями неудачной обороны реки Мааса: раз бельгийцы допустили бить себя по частям и непроизводительно потеряли почти одну треть своей полевой армии в маасских крепостях, то они не могли уже рассчитывать на удачи в последующих боевых столкновениях.

Мне могут возразить, что и при всяком другом способе обороны реки Мааса бельгийская армия должна была быть раздавленной превосходными силами германцев. Да, это вероятно, но в таком случае следовало отказаться от сопротивления на этой оборонительной линии и вообще избрать способ борьбы с противником, более соответствовавший силам бельгийцев и общим условиям стратегической обстановки, в связи с намерениями и действиями союзников. Быть может, оборона бельгийцами Мааса и сопротивление, оказанное ими на путях к Брюсселю, были предприняты в связи с общим планом совместных действий союзников в Бельгии? Однако, ясно, что эти совместные действия союзников в Бельгии основывались не на каких-либо реальных данных, а единственно лишь на их добром желании совместно оборонять бельгийскую территорию, потому что английские войска не могли поспеть на Самбру ранее, как через $2^1/_2$ недели после об'явления войны, ближайшая же французская армия ранее этого срока не могла оказать существенной поддержки Намюру, а вместе с этой крепостью—правому флангу бельгийской армии. Об этом, конечно не могли не знать и английские, и французские военачальники; почему же этого не знали лица, руководившие действиями бельгийских войск?

Вообще, как эти, так и последующие боевые операции в Бельгии определенно указывают на отсутствие какого либо подготовленного, продуманного плана совместных действий союзников, опоздавших на помощь друг другу, выполнявших несогласованные одна с другой задачи, стремившихся к достижению целей на расходящихся направлениях.

Мы видели, что сопротивление бельгийцев замедлило наступление противника на 7 дней и немцы, вместо того, чтобы развернуть свои армии на французско-бельгийской границе к 2 (15) августа (что было бы возможно, если бы германские армии шли без боев), появились здесь лишь 9—10 (22—23) августа. Дал ли этот выигрыш во времени существенные оперативные выгоды союзникам? Никаких существенных выгод он им не дал. Правда, французы успели закончить свою перегруппировку, а англичане—сосредоточиться у Монса, но не пошло ли это скорее во вред союзникам, чем им на пользу? Из дальнейшего мы увидим, что этот выигрыш нескольких дней ввел англо-французов в соблазн выдвинуться частью сил в Бельгию, что привело их разбросанные армии под сосредоточенные удары сильных германских армий.

Было ли правильным решение бельгийцев, после неудачных боев на путях к столице, отойти к Антверпену? Несомненно, отступление

в этом направлении являлось в оперативном отношении совершенно нецелесообразным. Ведь оно приводило к раз'единению союзных сил, оно противоречило основной идее, вложенной союзниками в план обороны Бельгии и заключавшейся в соединении своих сил на бельгийской территории; наконец, оно обрекало полевую бельгийскую армию на пассивную роль и создавало ей серьезную угрозу быть запертой в крепости и лишиться возможности принять участие в дальнейшем ходе войны на ряду со своими союзниками.

Между тем, отойдя к югу или юго-западу, на реку Самбру, на соединение с англо-французами, бельгийцы усилили бы эту группу союзных войск и, быть может, могли бы повлиять на судьбу последующих сражений у Монса или Шерлеруа. Повидимому, лучшим решением вопроса было бы их отступление к левому флангу англичан, в район Конде, что, несомненно, затруднило бы, а, быть может, и остановило обходное движение I-й германской армии, едва не завершившееся катастрофой для английских корпусов, охваченных противником с левого фланга.

Представляется удивительным:—что могло притягивать бельгийцев к Антверпену, при условии ведения войны в союзе с англо-французами? Говорят, что их притягивала к крепости наличность в ней значительных продовольственных и боевых запасов, заготовленных здесь, как в последнем убежище, в котором бельгийская армия могла оказать упорное и длительное сопротивление германскому нашествию в ожидании прибытия английских войск на выручку крепости. Однако, могло ли такое сопротивление способствовать достижению тех общих целей, которые ставили себе союзники в Бельгии? Увеличивало ли оно шансы союзников на победу? Ведь при таком способе действий, не только все запасы Антверпена теряли всякое значение в общей экономии средств, которыми располагали союзники для ведения войны, но и сама живая сила бельгийцев, отрезанная от англо-французских армий, истощалась в бесполезной борьбе с противником, потому что возможно ли было рассчитывать на то, что слабая экспедиционная армия англичан будет в состоянии отбросить противника и открыть сообщение Антверпена с союзными армиями?

Конечно, такая самостоятельная, эгоистическая стратегия бельгийцев не говорит в пользу правильного, широкого понимания обстановки бельгийским высшим командованием, которое, повидимому, еще не прониклось в то время общими интересами коалиционной войны, а все еще тянуло в сторону частных интересов своей армии и своей страны. Но подобное стремление не моло, конечно, спасти Бельгию, а вместе с ней и ее армию; их могла спасти лишь борьба за общие интересы союзников, борьба, одушевленная взаимной помощью и готовностью нести тяжелые жертвы на пользу общего дела. К сожалению, на эту точку зрения бельгийцы стали уже значительно позже, когда тяжкий, горький опыт антверпенского сидения убедил

их не только в бесполезности, но и в крайней опасности того изолированного положения, которое они заняли на театре военных действий

В военной литературе встречается предположение *), что отступление бельгийцев к Антверпену соответствовало, будто-бы, видам французского высшего командования и было выполнено с его одобрения; будто бы предполагалось, что немцы своими главными силами потянутся за бельгийцами и подставят, таким образом, свой левый фланг и свой тыл удару союзников со стороны Намюра. Как известно, немцы поступили более целесообразно: направили к Антверпену небольшую часть своих сил, а остальными продолжали наступление к юго-западу У меня нет в настоящее время данных для решения вопроса—в действительности ли имелся подобный план действий у французов, но если он в самом деле был ими задуман, то приходится прийти к заключению, что он совершенно не был соображен ни с силами, которыми располагали союзники на французско-бельгийской границе, ни с временем, необходимым для их сосредоточения в районе Намюра.

Изучение боевых операций обеих сторон в Бельгии в эти первые дни войны указывает на то, что быстрое, смелое, бурное как ураган, вторжение германских войск на бельгийскую территорию, имевшее целью возможно скорее раздавить бельгийцев и занять их страну до высадки крупных английских сил и до подхода с юга французских армий, совершенно расстроило намечавшийся, постепенно слагавшийся план совместных действий союзных армий и поселило большую растерянность в высшем командовании этих армий. Эта растерянность, раз начавшись, продолжала роковым образом тяготеть над всеми действиями союзников в период их нахождения на территории Бельгии и она же привела их к тяжелым поражениям в большом пограничном сражении, завязавшемся одновременно с атакой Намюра.

VIII. Боевые действия в Эльзас-Лотарингии.

Наступательный план французов.

Мы видели, что, при первоначальном развертывании французских армий, главная их масса была сосредоточена на границе Эльзас-Лотарингии, в районе восточных крепостей; почему, естественно, будет предположить, что первоначальным намерением французов было—начать крупными силами наступательные действия на линию Мец—Страсбург и к верхнему Рейну. Едва ли такое развертывание могло иметь в виду только пассивную задачу, т. е. противодействие германскому наступлению, потому что одна уже система восточных крепостей, этот железный пояс Сере-де-Ривьера, являлся достаточным обеспечением против подобного вторжения, по крайней мере на первое время. Имели ли французы в действительности намерение повести главное наступление

*) Karl Egli. Der Aufmarsch und die Bewegungen der Heere Frankreichs, Belgiens und Englands auf dem westlichen Kriegsschauplatz bis zum 23 august 1914.

в Эльзас-Лотарингию—мне неизвестно; во всяком случае, если наступление главной массы французских войск в этом направлении и входило в планы французского высшего командования, то оно все же может быть понято. Хотя обеспеченность восточной границы и явная угроза германского вторжения в Бельгию и обязывали французов с первого же дня войны обратить самое серьезное внимание на бельгийский район и принять меры к тому, чтобы создать для себя именно здесь благоприятную стратегическую обстановку, тем не менее, как я уже говорил при обсуждении планов сторон, французы могли рассчитывать, бросая свои силы в Эльзас-Лотарингию, выполняя, таким образом, вполне самостоятельную крупную оперативную задачу,—захватить в свои руки инициативу и повлиять этим на действия и намерения противника. Но раз они уже отказались от подобной задачи и произвели перегруппировку своих армий с целью создать для себя более благоприятные условия для противодействия неприятельскому вторжению в Бельгию, то какие стратегические цели могли теперь привлекать их в сторону Эльзас-Лотарингии? Завязавшаяся борьба представлялась слишком опасной для Франции, для того, чтобы последняя могла позволить себе, одновременно с движением навстречу главному натиску противника, развлекаться крупными операциями на второстепенных участках и отвлекать для этого значительные массы своих войск. В виду этого, казалось бы, с той минуты, когда французским высшим командованием было принято решение изменить свой план действий и направить главную массу своих армий не в Эльзас-Лотарингию, а в Бельгию, следовало совершенно отказаться от наступательных действий на восточной границе и перебросить все, что было возможно, к северу, туда, где в ближайшие дни должна была решиться судьба Бельгии, а вместе с этим и судьба первых крупных сражений.

Между тем, несмотря на столь изменившуюся стратегическую обстановку, французы ставят двум своим армиям, 1-й и 2-й, по-прежнему наступательные задачи и вынуждают их затрачивать свои силы на выполнение операций, и неопасных для общего положения германцев на театре военных действий, и бесполезных для своего стратегического положения.

Посмотрим, в какой последовательности происходили события в Эльзас-Лотарингии в первые дни войны.

При первоначальном развертывании французских армий в двадцатых числах июля (старого стиля), на эльзас-лотарингской границе, как мы видели, развернулись две армии: 1-я, генерала Дюбайля (5 корпусов, 1 кавалерийская и 4 резервных дивизии, 240 тысяч человек), между Бельфором и Люневилем, и 2-я, генерала Кастельно (5 корпусов, 3 кавалерийских и 3 резервных дивизии, 240 тысяч человек), в районе Нанси. Следовательно, всего французами было сосредоточено против Эльзас-Лотарингии—480 тысяч человек.

Против них на неприятельской стороне находились тоже две армии: VI-я, кронпринца баварского (5 корпусов, 200 тысяч человек), на линии Мец—Саарбург, с передовыми частями на р. Сейль и VII-я, генерала Геерингена (3 корпуса, 120 тысяч человек) в районе Страсбурга, с передовыми частями у вогезских перевалов Донон и Бонном, и имея свой левый фланг прикрытым отдельным отрядом ландверных войск генерала Гедэ (40 тысяч человек) в верхнем Эльзасе. Таким образом, немцы, имея в общем лишь 360 тысяч человек, на этом участке фронта были слабее французов.

До 20 июля (2 августа) французские войска оставались в 10 километрах от границы, но с 21-го (3-го), когда германские части в некоторых местах вступили на территорию Франции, французы придвинулись к границе и вступили в первые боевые столкновения с противником. Однако, до 25 июля (7 августа) это продвижение французских войск не имело определенной оперативной цели и лишь в этот день войскам 1-й армии было дано приказание, не ожидая полного сосредоточения, наступать в Эльзас-Лотарингию. Цель этого наступления была двоякая: моральная—внесением в пределы этих провинций трехцветного знамени республики вызвать в населении возбуждение в пользу Франции, и стратегическая (демонстративная)—привлечь на себя неприятельские силы, дабы ослабить натиск противника на прочих участках фронта.

Первое французское наступление в верхний Эльзас. Схема № 9.

Впрочем, в этом наступлении приняло участие лишь незначительное количество французских войск, около 20 тысяч человек из состава 7-го корпуса, находившегося у Бельфора, под начальством генерала Бонно. Французам было известно, что верхний Эльзас занят немцами слабо, почему их войска вторглись туда несколькими колоннами на широком фронте, от швейцарской границы до Танна. Противник оказал слабое сопротивление: 25 июля (7 августа) штурмом был взят Альткирх, а на следующий день без боя был занят Мюльгаузен. Слабые германские части отошли к Рейну (у Истейна и Нейбризаха), французы же заняли оборонительное положение левым флангом у Танна и Сеннгейма, центром у Мюльгаузена, правым флангом—у Альткирха.

Занятию Мюльгаузена французы придавали большое моральное значение: Жоффр обратился к эльзасцам с воззванием, в котором приветствовал их с возвращением в лоно старого отечества, а военный министр в письме на имя генерала Бонно уведомлял его о том воодушевлении, которое было вызвано во Франции известием о занятии этого города и передавал ему благодарность правительства.

Однако, все эти ликования оказались преждевременными. Уже 27 июля (9 августа) обнаружилось наступление противника: с востока—частей XIV (баденского) корпуса генерала фон-Гюена, а с севера, от Страсбурга—одной дивизии XV-го корпуса, генерала фон-Деймлинга. В тот же день немцы атакуют войска генерала Бонно:

фон-Гюен — у Мюльгаузена и южнее, фон-Деймлинг обошел левый фланг французов у Сеннгейма; к 28 июля (10 августа) они занимают Мюльгаузен, Альткирх и Танн и отбрасывают французов к границе, нанеся им значительные потери. Французские войска в полном расстройстве отходят к Бельфору, вызывая своим быстрым и беспорядочным отступлением панику в резервных дивизиях, стоявших под крепостью. Генерал Бонно отрешен от командования 7-м корпусом и заменен генералом Филаре.

В результате этого наступления, начатого с недостаточными силами, веденного на излишне широком фронте и неискусно руководимого, верхний Эльзас вновь был занят немцами, а 7-й французский корпус был сильно ослаблен потерями и деморализован этой первой, столь крупной и неожиданной неудачей.

Второе наступление французов к Мюльгаузену.

Это первое поражение, особенно в пределах той провинции, среди населения которой Франция так желала утвердить свой военный престиж, показалось французскому высшему командованию настолько опасным для положения французских армий на эльзас-лотарингской границе, что решено было повторить наступление в верхний Эльзас, но уже с более значительными силами. Для этой цели в районе Бельфора из состава 1-й армии была выделена особая группа войск, вверенная командованию генерала По. Этот отряд состоял из 7-го корпуса, 44-й пехотной дивизии (прибывшей с итальянской границы), 8-й кавалерийской дивизии, 4-х резервных дивизий и 5 альпийских батальонов с 5 горными батареями. 1 (14) августа начала наступление левая колона генерала Батайля: 81-я пехотная бригада (7-го корпуса) и альпийские баталионы, через перевал Шлюхт на Мюнстер к Кольмару, выполняя роль бокового авангарда, обеспечивавшего главные силы от удара с севера, со стороны Страсбурга.

На следующий день началось движение главных сил отряда на фронте Танн—Альткирх—Пфирт. Так как корпуса VII-й германской армии (XIV и XV) уже были к этому времени оттянуты к северу и в верхнем Эльзасе остались лишь слабые ландверные части (2 бригады), французы не встретили на своем пути значительного сопротивления и легко овладели к 5 (18) августа Танном, Сеннгеймом, Мюльгаузеном и Альткирхом; 6 (19) августа колонна генерала Батайля подошла к Кольмару, занятому немецкой ландверной бригадой. Но дальнейшие успехи французских войск были прекращены общим неблагоприятным для французов положением дел в Лотарингии и южной Бельгии, где к тому времени уже обнаружилось наступление крупных неприятельских масс. В виду этого, войска генерала По постепенно оттягиваются к границе, а 12 (25) августа им приказано отойти на линию Танн—Дамеркирх, к подножью Вогезов. Немцы вновь заняли линию Гебвейлер—Сеннгейм—Альткирх—Пфирт.

Так неудачно закончилось это вторичное наступление в Эльзасе, бесцельное в стратегическом отношении, не притянувшее на себя с

севера никакик германских войск и расстроившее и физически, и морально отряд крупной численности, который мог бы быть использован более целесообразно на других, более важных участках фронта.

Посмотрим теперь, что происходило в это время в центре и на левом фланге 1-й французской армии.

Боевые действия в центральных Вогезах и на путях к Саарбургу.

В центре, на участке Вогезов, между перевалами Бонном и Донон развернулись части 14-го и 21-го французских корпусов; сначала здесь действовали лишь части 21-го корпуса, овладевшие к 25 июля (7 августа) проходами Бонном и Маркирх, но затем в районе этих проходов они были сменены частями 14-го корпуса, а сами продвинулись несколько севернее к долине реки Брейшы. 29 июля (11 августа) войска 21-го корпуса овладели Прованшером, оттеснивши к востоку слабые немецкие части, а 1 (14) августа повели наступление— одной дивизией (13-й) к проходу Донон с целью преградить здесь путь, идущий из долины реки Брейшы, а другой (43-й)—далее к северу на Вальшейд.

В это время части 14-го корпуса медленно продвигались к Маркирху и заняли его лишь 3 (16) августа.

Левофланговые корпуса 1-й армии к 31 июля (13 августа) сосредоточились на реке Мерте: 13-й—у Бакара, 8-й—у Фрамбуа, имея впереди себя, между Бадонвилером и границей, 6-ю кавалерийскую дивизию, только что прибывшую из состава 2-й армии из окрестностей Нанси. 1 (14) августа эти корпуса повели наступление к Саарбургу, тесня перед собою передовые германские войска, вторгнувшиеся на французскую территорию; 5 (18) августа они достигли окрестностей Саарбурга: 13-й корпус восточнее этого города, 8-й—к юго-западу от от него, где установили связь с правым флангом 2-й армии, наступавшей одновременно с 1-й армией. В то же время 43-я дивизия 21-го корпуса достигла Вальшейда. Все эти французские войска находились уже в тесном соприкосновении с передовыми неприятельскими частями.

6 (19) августа 13-я дивизия 21-го корпуса, занявшая Ширмек, атакована германскими частями XIV резервного корпуса и отброшена; между тем, 14-й французский корпус, успевший уже продвинуться от Маркирха к Вейлеру, получил приказание поддержать 13-ю дивизию и вновь овладеть Ширмеком. Однако, эта задача не была им выполнена: войска корпуса, изнуренные усиленными и бесцельными передвижениями в горах, подверглись у Вейлера нападению одной из колонн XIV резервного германского корпуса и были отброшены к югу. Потери и расстройство французских войск были здесь настолько значительны, что для поддержания их пришлось направить сюда бригаду 58-й резервной дивизии из района Бельфора и 71-ю резервную дивизию из Эпиналя; последняя приняла на себя оборону маркирхского прохода.

Из всего сказанного здесь о действиях 1-й французской армии видно, насколько неудачно был задуман план наступления ее войск

в неприятельские пределы и насколько невыполнимы были те оперативные задачи, которые были даны этой армии. В самом деле, армии, состоявшей из 14-ти пехотных и 2-х кавалерийских дивизий и рассбросанной на фронте в 125 километров, были поставлены три оперативные цели, находившиеся на расходящихся направлениях: эльзасская группа должна была наступать к Мюльгаузену и верхнему Рейну, вогезская группа — овладеть важнейшими проходами в хребте от Ворном до Донона, а левофланговые корпуса—занять район Саарбурга, действуя в связи с правым флангом 2-й армии. Таким образом, все три группы должны были разойтись веером, подобно растопыренным пальцам, не имея возможности ни поддерживать одна с другой оперативной связи, ни сосредоточить сил для достижения решительных результатов.

Подобный образ действий оказался тем более нецелесообразным, что неприятель, находившийся против этой армии и не обладавший в общем численным превосходством, действовал сосредоточенными силами в важнейшем направлении (на участке Саарбург—река Брейша) и вследствие этого приобретал значительные оперативные преимущества.

6 (19) августа на левом фланге 1-й французской армии 16-я дивизия (8-го корпуса) заняла Саарбург, а на следующий день другая дивизия того же корпуса (15-я) продвинулась до Госсельмингена (7 километров к северо-западу от Саарбурга). Однако, в этот день обнаружилось наступление крупных сил противника, вскоре резко изменившее обстановку в этом районе.

Наступление германских войск в район Саарбурга.

15-я французская дивизия атакована частями I баварского корпуса (левофлангового VI-й германской армии) и отброшена от Госсельмингена сначала к Кирхбергу (4 километра к западу от Саарбурга), а к вечеру того же дня и далее, к рейн-марнскому каналу (в 8-ми километрах к юго-западу от Саарбурга). 16-я французская дивизия пыталась удержать в своих руках Саарбург, но, под натиском баварских войск, была вынуждена к вечеру 7 (20) августа покинуть город и отойти к югу. Находившийся восточнее Саарбурга 13-й французский корпус сделал попытку своим наступлением оказать поддержку войскам 8-го корпуса, но сам атакованный частями XIV германского корпуса (правофлангового VII-й германской армии), продвинуться к северу не мог. В то же время 21-й французский корпус оставался в районе Вальшейда, ведя бои с передовыми частями XV и XIV резервного корпусов неприятеля, наступавшими со стороны Страсбурга.

Отступление левого фланга 1-й французской армии.

В этих обстоятельствах командующий 1-й французской армией принял решение занять своими двумя левофланговыми корпусами позиции к югу от Саарбурга, с целью остановить на них дальнейшее продвижение противника. Между тем, уже вечером в тот же день, 7 (20) августа, он получил приказание из главной квартиры отойти

своим левым флангом к реке Везус*), что было вызвано общим неблагоприятным положением французских войск в эльзас-лотарингском районе и неудачей, постигшей 2-ю французскую армию в ее наступлении в пределы Лотарингии.

Во исполнение этого приказания, к утру 8 (21) августа левофланговые войска 1-й французской армии отошли: 6-я кавалерийская дивизия—к Ожевилер, 8-й корпус—в район Бламона (на реке Везус, в 10 километрах к северо-востоку от Ожевилер), 13-й корпус—несколько восточнее Бламона, 21-й корпус—в район Бадонвилера. Что касается 14-го французского корпуса, находившегося в районе Маркирха, то 9 (22) августа 71-я резервная дивизия, под натиском неприятельских частей XIV резервного корпуса, наступавших от Вейлера, была сбита с маркирхского перевала, почему и все остальные войска этого корпуса отошли к перевалу Бонном; 13-я дивизия (21-го корпуса) отошла в расположение своего корпуса к Бадонвилеру.

Однако, оставаться в этом положении 1-я французская армия не могла: конницу, стоявшую у Ожевилера, в виду полного изнурения конского состава, пришлось отвести в тыл, отчего между 1-й и 2-й армиями образовался разрыв, тем более опасный, что правый фланг 2-й армии к 9 (22) августа отошел за реку Мерту. Приходилось и 1-й армии отходить далее. К 10 (23) августа войска этой армии заняли следующее расположение: 8-й корпус за р. Мортань у Хайлинвиль (в 15 километрах к северо-востоку от Шарма); 13-й корпус—восточнее, на обоих берегах Мортани, в районе Рамбервиллер; 21-й корпус—в районе Бакара, на реке Мерте; 14-й корпус—на участке Сенон—Прованшер; наконец, 71-я резервная дивизия—к югу от Прованшера. Перевал Бонном оставался в руках французов, альпийские баталионы продолжали занимать свои позиции к западу от Кольмара. Эльзасская группа генерала По, как мы видели, в это время уже постепенно отводилась к западу, к подножию вогезского хребта.

В виду событий, происшедших к тому времени на фронте 3-й, 4-й и 5-й армий, французское высшее командование решило прекратить активные действия в Вогезах и 7-му французскому корпусу было приказано грузиться в вагоны и ехать на север, на Сомму.

Вот как неудачно завершилось наступление 1-й французской армии в пределы Эльзас-Лотарингии. Что же происходило в это время в соседней, 2-й армии?

Наступление 2-й французской армии в Лотарингию.

2-я французская армия начала наступление несколькими днями позже 1-й армии. К 28 июля (10 августа) расположение ее войск было такое: 16-й корпус у Люневиля, на правом фланге армии; 15-й—на реке Мозеле, к юго-востоку от Понт-С. Венсена; 20-й—к северо-востоку от Нанси; 9-й—к северо-западу от Нанси; 18-й—к юго-западу от Понт-а-Муссона; группа резервных дивизий (59, 68 и 70)—в районе Туля;

*) Правый приток р. Мерты, впадающий в нее у Люневиля.

2-я и 6-я кавалерийские дивизии—восточнее Нанси; 10-я кавалерийская дивизия—в районе 15-го корпуса.

Уже 28 июля (10 августа) из состава 20-го корпуса была выдвинута пехотная бригада на границу к Лагарду, где она вступила в бой с сильными передовыми частями XXI германского корпуса и баварской конницей (VI германской армии) и была отброшена к югу. К 1 (14) августа, первому дню общего наступления 2-й армии, 15-й корпус продвинулся к Сересу, 20-й—собрал свои передовые части у Монселя, 70-я резервная дивизия выдвинулась к Амансу, три кавалерийские дивизии, сведенные в кавалерийский корпус генерала Конно, оставаясь в районе Нанси—Люневиль, направили в сторону противника лишь небольшие разведывательные части. Остальные войска оставались в прежнем расположении; 18-й корпус уже получил распоряжение об отправлении в состав 5-й армии.

К вечеру 1 (14) августа 16-й корпус достиг юго-восточных окрестностей Лагарда; 15-й—при движении своем от Сереса к р. Сейль, у Монкура, встретил столь сильное сопротивление передовых неприятельских частей, что не в состоянии был продолжать в этот день свое наступление; 20-й—выдвинулся главными силами к Монселю. На следующий день, 2 (15) августа, корпуса второй армии продолжали свое движение: 16-й—выдвинулся на линию Лагард—Аврикур, 20-й—придвинулся к реке Сейль, 9-й—достиг Номени, на реке Сейль. 3 (16) августа 16-й корпус продолжал движение только своим левым флангом, к северу от Лагарда, 15-й и 20-й корпуса выдвинулись на правый берег реки Сейль. Противник, оказывая лишь слабое сопротивление медленно отходил к северо-востоку под натиском превосходных сил французских корпусов. Это дало последним возможность: 16-му корпусу — достигнуть южных окрестностей Ангвейлера, 15-му — занять Марсаль, а 20-му — овладеть Шато-Саленом. Кавалерийский корпус генерала Конно был выдвинут перед правым флангом армии, к северо-западу от Саарбурга.

С этого дня французские корпуса уже имели перед собой значительные неприятельские силы, почему и продвижение их сильно замедлилось. В течение двух дней, 4-5 (17-18) августа, лишь левофланговые части 16-го корпуса выдвинулись несколько к северу от Ангвейлера, но вынуждены были опять отойти, под давлением противника, в южные окрестности этого селения; прочие корпуса не могли продвинуться далее. Между тем, пришло распоряжение отправить на север и 9-й корпус в состав 4-й армии, что значительно ослабило армию генерала Кастельно и затруднило ее наступление вглубь Лотарингии. К тому же, сведения, которые имелись в штабе армии о неприятеле, не вполне соответствовали действительности: хотя число германских корпусов, находившихся перед 2-й французской армией и их расположение на фронте и было известно французам, но местонахождение их главных сил предполагалось гораздо далее, чем они

находились в действительности, а I-й баварский корпус, обнаруженный к северу от Саарбурга, считался еще неготовым для немедленного наступления.

Вероятно, эти именно обстоятельства, несмотря на ослабление армии выделением из ее состава 9-го корпуса, и побудили генерала Кастельно дать своим войскам и на 6 (19) августа наступательные задачи: 16-му корпусу продвинуться к Лаутерфингену, 15-му—к Бенсдорфу, 20-му—к Моршингену; однако, лишь один 20-й корпус был в состоянии продолжать движение и достиг в этот день района Орон-Моршинген. На место ушедшего 9-го корпуса были выдвинуты 68-я и 70-я резервные дивизии, занявшие правый берег реки Сейль между Дельм и Монсель.

На 7 (20) августа корпусам 2-й армии приказано: 16-му и 15-му—достигнуть железнодорожной линии Саарбург—Бенсдорф, а 20-му—оставаться на месте для перегруппировки своей артиллерии и выяснения неприятельских намерений со стороны Меца. Но даже эта скромная задача не могла быть выполнена войсками этих корпусов, потому что в этот день около полудня началось решительное, общее наступление крупных германских сил на всем фронте от Дельм до Саарбурга.

Наступление германцев против 2-й французск. армии.

Здесь наступали вполне согласованно и в полной взаимной связи 6 германских корпусов: пять—VI-й и один (XIV-й)—VII-й армии; собственно же против войск 2-й французской армии—четыре корпуса VI-й армии.

На правом фланге немцев части III-го баварского корпуса атаковали у Орон левофланговую (39-ю) дивизию 20-го французского корпуса и с тяжелыми потерями отбросили ее к Шато-Салену; эта неудача вынудила к поспешному отступлению и правофланговую (11-ю) дивизию того же корпуса; отошла и 68-я резервная дивизия под натиском частей II-го баварского корпуса. Решительной, сильной и частью неожиданной атаке подверглись и остальные корпуса 2-й армии: 15-й—к северу от Марсаля частями II-го баварского и XXI корпусов, 16-й—у Ангвейлера частями I-го баварского резервного корпуса. Оба французских корпуса были в беспорядке и с большими потерями оттеснены к югу. Уже к 4-м часам пополудни положение на фронте 2-й армии оказалось настолько неблагоприятным, угрожавшим прорывом между внутренними флангами 1-й и 2-й армий у Саарбурга, что генерал Кастельно признал необходимым отдать распоряжение об общем отступлении к реке Сейль на линию Лагард—Марсель—Шато-Сален.

Вместе с тем приказано: двум бригадам 9-го французского корпуса, еще не успевшим выбыть из состава армии, оставаться у Нанси, 59-й и 70-й резервным дивизиям занять позицию к северо-востоку от этого города. Кроме того, из гарнизона крепости Туль были выдвинуты две резервных дивизии: 64-я к Домбалю (между Нанси и Люневилем), а 74-я в район Шарма, к переправам на реке Мозеле.

Между тем, корпусам 2-й армии указано на 8 (21) августа продолжать свое отступление: 16-му в район Монсель—Фрамбуа, 15-му за реку Мерту в район Домбаля, 20-му тоже за реку Мерту в район Ара, куда отведена и 68-я резервная дивизия. Кавалерийскому корпусу генерала Конно (2-я и 10-я дивизии) дана задача прикрывать форт Манонвиллер на участке между р. Везус и железной дорогой Люневиль—Аврикур. В этот день 2-я армия получила от французского высшего командования директиву:—закрепиться и устроиться между р. р. Мертой и Мозелем.

Вследствие того, что правый фланг армии отходил под сильным натиском противника, 16-й корпус не мог остановиться у Монселя и вынужден был отойти за р. Мортань к Бельшан, отчего вся армия расположилась фронтом к востоку. Левее 16-го корпуса, до Нанси, за р. Мертой, оставались: 15-й корпус, 64-я и 68-я резервные дивизии, 20-й корпус и две бригады 9-го корпуса; между Нанси и Понт-а-Муссоном—70-я и 59-я резервные дивизии. 10 (23) августа войска XXI германского корпуса заняли Люневиль, а передовые неприятельские части достигли р. Мортань у Жербевилер. К 12 (25) августа корпуса VI-й германской армии заняли следующее расположение: III-й баварский—на правом берегу р. Мерты в районе Сереса, II-й баварский и XXI-й—в районе Люневиля, остальные на р. р. Мортань и Мерте до Бакара. Таким образом, у внутренних флангов 1-й и 2-й французских армий французский фронт оказался как бы продавленным к югу: форт Манонвиллер, запиравший железную дорогу Люневиль—Саарбург, был обойден и подвергся обложению и атаке уже в тылу полевых германских корпусов. 12 (25) августа немцы возобновили свои атаки восточнее Люневиля частями I-го баварского и I-го баварского резервного корпусов, но были отбиты, после чего боевые действия на фронте 2-й французской армии затихают. Между тем, в центре 1-й армии французы теряют 14 (27) августа С. Дие, занятое германскими частями XIV резервного корпуса и отходят здесь за реку Мортань. В этот же день пал форт Манонвиллер, после 158 выстрелов 42-х сантиметровой мортиры с расстояния в 13 километров *).

Оценка действий сторон.

Эльзас-лотарингская операция французов оказалась проигранной. Потеряно около трех недель времени; огромные силы—8 армейских корпусов, 4 кавалерийских и 10 резервных дивизий—отвлечены от главных операций, развернувшихся в южной Бельгии, но сами не отвлекли из этого района ни одной неприятельской части; обе французские армии в лучшем случае отброшены в свое исходное положение, но местами оттеснены и далее, вплотную к стенам мозельских крепостей, понеся тяжкие потери и в людях, и в артиллерии **).

*) Форт имел бетонные покрытия толщиной в три метра и броню в башенных куполах в 30 сантиметров.

**) 2-я французская армия потеряла одними пленными 12.000 человек и кроме того 150 орудий.

Каковы же причины этой крупной и неожиданной неудачи? Главная из них это, несомненно, неправильная, неопределенная, неясная оперативная задача, которая была поставлена обеим южным армиям. Обе армии были двинуты в пределы неприятельской территории не с целью разбить находящиеся там войска противника и даже не с тем, чтобы овладеть каким нибудь важным в военном отношении пунктом или какой либо оборонительной линией, а для того, чтобы привлечь на себя неприятельские силы, оттянуть возможно большее их число от важнейших операционных направлений и, внесением французского оружия в Эльзас-Лотарингию, создать в этой провинции психологическую обстановку, выгодную для французских армий. Естественно, что такой демонстративный характер этого наступления и отсутствие реальных предметов для действий должны были отразиться неблагоприятно на операциях французских войск и вызвать вслед за собой остальные причины неудачных для них боев в Эльзасе, Вогезах и Лотарингии: отсутствие определенного плана, вялость и медлительность наступления при слабом взаимодействии войск, сражавшихся без поддержки соседей. Что касается 1-й армии, то мы видели, что эта неясность и неопределенность оперативных задач привела к наступлению войск этой армии тремя изолированными группами, по расходящимся направлениям, приводившему к расброске сил и создававшему опасность отдельного поражения этих групп сосредоточенными массами противника. Во 2-й армии нецелесообразное использование конницы,— на правом, внутреннем фланге, где уже с первого дня боевых действий кавалерия была втянута в район пехотных боев, без возможности вести широкую разведывательную деятельность,—привело к недостатку сведений о противнике и оставило левый, наружный фланг армии без охранения и наблюдения. Последнее обстоятельство, как мы знаем, вынудило к задержке наступления 20-го корпуса в районе Орон и подвергло его охвату превосходными силами немцев.

Три корпуса 2-й французской армии, занимавшие на линии Орон—Ангвейлер широкое, разбросанное расположение, при слабой взаимной связи между собою, были атакованы четырьмя германскими корпусами, наступавшими сосредоточенно, при полном взаимодействии отдельных колонн; точно также три левофланговые корпуса 1-й армии, наступавшие столь же безсвязно, как и их соседи во 2-й армии, подверглись согласованному, планомерному нападению других четырех германских корпусов, охвативших их фланги и создавших серьезную угрозу их положению на лотарингской границе.

В общем, имея численное превосходство над немцами (в особенности в начале операции, до переброски на север 9-го и 18-го корпусов), французы везде в решающих столкновениях с противником оказывались слабее его, что в сочетании с другими недостатками в

организации маршей, в управлении и поддержании связи между войсками, неизбежно должно было привести их армии к поражению. Следует отметить, что в то время, когда совместные действия обеих германских армий были отлично согласованы между прочим и об'единением командования, путем подчинения VII-й армии кронпринцу баварскому, французские армии, несмотря на общую цель, поставленную их наступлению, действовали каждая самостоятельно; ясно, что главная квартира французских армий, расположенная слишком далеко от фронта и занятая в то время более важными событиями, развивавшимися в южной Бельгии, не могла в должной мере об'единять и согласовать этих действий.

Из всего изложенного в этой главе видно, что наступление французов в Эльзас-Лотарингии являлось нецелесообразным в стратегическом отношении. Чем же оно вызывалось? Чего от него ожидали? Почему, имея уже сведения о вторжении немцев в Бельгию, уже решившись изменить группировку своих армий, французы все-таки отвлекали столь значительную массу войск для такой второстепенной операции? В начале этой главы я уже отметил это упорное тяготение французской активности в сторону Эльзас-Лотарингии, вопреки условиям стратегической обстановки, наперекор насущным потребностям государственной обороны. Некоторые из военных исследователей этого периода войны предполагают, что на решение французов осуществить наступление в Эльзас-Лотарингию повлияла их недостаточная ориентированность в силах и расположении неприятельских войск, которые считались ими здесь значительно слабее, чем это было в действительности. Это обстоятельство создавало соблазн к наступательным действиям и давало надежду достигнуть быстрых и решительных успехов в этом направлении, вторгнуться глубоко в неприятельскую территорию и, быть может, одновременно с наступлением северной группы армий (3-й и 4-й) в юго-восточную Бельгию, создать германским армиям, наступавшим к бельгийскому Маасу, опасную угрозу с юга, против их левого фланга и тыла.

С тех пор война на эльзас-лотарингской границе замирает и постепенно принимает в районе восточных крепостей неподвижный, позиционный характер. Этому в значительной мере благоприятствовало быстрое развитие решительных военных событий в других районах западного и восточного театров, отвлекавших в эти места все резервы, приковывавших к этим маршам и боям внимание высшего командования обеих сторон. На восточном театре русские армии уже вторгнулись в Восточную Пруссию и Галицию, на западном—на берегах Самбры и Мааса—уже разыгралось первое из грандиозных сражений этой войны, надолго определившее судьбу разбитой, несчастной Бельгии.

IX. Пограничное сражение.

К тому времени, когда обнаружилось наступление немцев в Эльзас-Лотарингии, остановившее вторжение в эти провинции 1-й и 2-й французских армий, операции германских войск в пределах Бельгии сопровождались уже полным успехом. Оборонительная линия реки Мааса была взята, бельгийская армия была разбита, почти вся территория Бельгии уже была пройдена немцами и правофланговые германские армии уже стояли на пороге северо-восточной Франции, готовые атаковать те англо-французские войска, которые пытались здесь задержать их победное движение...

Положение сторон на франко-бельгийской границе к 8 (21) августа. Схема № 6.

Посмотрим, каково было здесь в это время относительное положение сторон.

К 8 (21) августа англо-французские армии, после перегруппировки, о которой упоминалось в VI-й главе, занимали следующее расположение на границе Бельгии. Правая группа: 3-я французская армия—к северо-востоку от Вердена, на р.р. Шиере и Отэн; 4-я французская армия—на правом берегу Мааса, между этой рекой и бельгийской границей; против них находились IV-я и V-я германские армии, наступавшие через великое герцогство Люксембург и бельгийский Люксембург. Далее, к северо-западу, на территории Бельгии находилась левая группа: 5-я французская армия в углу между р.р. Маасом и Самброй, имея свою стратегическую конницу (1-й кавалерийский корпус генерала Сорде) на левом берегу Самбры (у Курсель) и поддерживая войсками своего 1-го корпуса связь с Намюром, уже атакованным немцами; наконец, к западу от Самбры, в районе Мобежа—английская армия. Против этих двух армий наступали I-я, II-я и III-я германские армии, из коих первые две уже находились всеми своими силами къ западу от Мааса, а третья подходила к этой реке на ее участке к югу от Намюра.

Наступательный план французов.

Выполнивши благополучно перегруппировку северных армий и, повидимому, будучи не вполне осведомлено о силах и распределении неприятельских войск, французское высшее командование принимает решение: наступать всеми четырьмя армиями, развернутыми на границе Бельгии, навстречу неприятельскому движению, причем 3-й и 4-й армиям наступать в бельгийский Люксембург, а 5-й и английской—от реки Самбры к северу. Это решение вылилось в следующую директиву главнокомандующего, генерала Жоффра, на 8 (21) августа: „Неприятель пытается обойти наши армии с севера; 3-й и 4-й армиям сегодня перейти в наступление на линию Нефшато—Арлон; 5-й армии, опираясь на Маас и Намюр, атаковать северную группу противника; английским войскам наступать через Суанье к Нивелю".

Немецкие авторы, обсуждая этот наступательный план французов, изображают его, как хитроумную комбинацию Жоффра, направленную к тому, чтобы создать в Бельгии западню для германских армий:

приманкой служила бельгийская армия, которая должна была завлекать немцев вглубь страны, на левый берег Мааса, и в то время, когда неприятельские войска были бы атакованы здесь соединенными силами 5-й французской и английской армий, левое крыло правой группы, отбросивши немцев в бельгийском Люксембурге, должно было броситься к северу, в район Намюра, с целью захлопнуть с востока эту западню.

У меня нет в настоящее время необходимых сведений для того, чтобы решить, был ли в действительности таков план французского высшего командования; во всяком случае, не трудно прийти к заключению, что в том виде, как он выражен в директиве Жоффра, наступательный план французов обладал крупными недостатками: во-первых, он совершенно не принимал во внимание сильную V-ю германскую армию, наступавшую в направлении весьма опасном для французских войск, направляемых за р. Семуа, а именно угрожавшую правому флангу и тылу 3-й французской армии; и, во-вторых, он возлагал на 5-ю французскую и английскую армии непосильную задачу—атаковать и остановить всю массу германских войск, находившихся в самбро-маасском районе, т.-е. три германские армии.

Происхождение этих крупных недостатков французского плана станет для нас понятным, если мы обратимся к тем сведениям о численности и распределении неприятельских сил, которые имелись у французского высшего командования ко времени составления вышеприведенной директивы Жоффра. Вот в каком виде представлялась для французов обстановка: на Маасе (к северу от Намюра)—7 германских корпусов и 4 кавалерийские дивизии, в бельгийском Люксембурге—3 корпуса и одна кавалерийская дивизия, между Люксембургом и Диденгофеном—3 корпуса и 2 кавалерийские дивизии, а всего в Бельгии и Люксембурге—13 корпусов и 7 кавалерийских дивизий. Первые сведения о германских резервных корпусах получены лишь 4 (17) августа, тогда же стало выясняться движение II-й германской армии (ее переправа через Маас между Гюи и Льежем); о движении I-й германской армии имелись смутные сведения, было лишь известно к 7 (20) августа о наступлении крупных сил противника на Брюссель. Столь же неясны были сведения о наступлении III-й германской армии, было лишь обнаружено движение каких-то неприятельских частей к Маасу южнее Намюра, но разведка в этом районе сильно затруднялась густой кавалерийской завесой противника. О IV-й и V-й германских армиях не имелось никаких определенных сведений.

Таким образом, та картина неприятельского наступления, которую рисовала в это время французская разведка своему высшему командованию, обладала двумя неблагоприятными особенностями: она сильно уменьшала численность противника, наступавшего через Бельгию*), и не давала никакого представления о группировке этих сил

*) Вместо 23 корпусов и 9 кавалерийских дивизий—13 корпусов и 7 кавалерийских дивизий.

по армиям и о тех направлениях, по которым эти армии наступали, иначе говоря, она не давала возможности разгадать намерения противника, уяснить себе, хотя бы в общих чертах, характер неприятельского плана. Естественно, что, при столь скудных и неверных сведениях о неприятеле, невозможно было составить оперативных соображений, соответствовавших обстановке. И для нас не могут показаться неожиданными и непонятными те крупные боевые неудачи англо-французских войск, которые явились результатом осуществления этих соображений.

После этих общих сведений о положении сторон на франзуско-бельгийской границе и о планах союзников перейдем к более подробному исследованию боевых действий, как в самбро-маасском районе, так и в бельгийском Люксембурге.

Наступление I, II и III германских армий.

Отбросивши бельгийскую армию к Антверпену и занявши столицу Бельгии, немцы продолжали свое решительное наступление к французской границе. I-я германская армия, после занятия Брюсселя, повернула к югу и продолжала движение на фронте Ат—Суанье—Нивель, имея на своем правом фланге крупные конные массы, быстро продвигавшиеся на Турнэ и далее на французскую территорию в долины Скарпы и верхней Шельды. II-я германская армия, обойдя Намюр с севера, наступала вдоль реки Самбры на фронте Нивель—Намюр; наконец, III-я германская армия продолжала свое наступление к Маасу на участок этой реки к югу от Намюра.

Таким образом, три немецкие армии, в составе 11 корпусов и 7 кавалерийских дивизий, наступали на дугообразном фронте, охватывавшем оба фланга самбро-маасской группы англо-французских войск.

Развертывание английской и 5-й французской армий. Схема № 7.

Между тем, расположение союзников в этом районе было следующее.

Английская армия (1-й и 2-й корпуса и $1^1/_2$ кавалерийских дивизии) к 8 (21) августа была сосредоточена к югу от Ландресси: 1-й корпус — у Васиньи, 2-й—правее, у Нувиона, конница—впереди Мобежа. В тот же день эти войска выступили к северу и к вечеру 9-го (22-го) развернулись в районе Монса, на линии Конде—Бинш, на фронте шириной более 40 километров: 2-й корпус—на участке Конде—Монс, 1-й—на участке Монс—Брей, 5-я кавалерийская бригада—у Бинш, кавалерийская дивизия—за левым флангом у Кюеврена. Следовательно, вместо того, чтобы наступать вглубь Бельгии навстречу противнику (как это требовала директива Жоффра), англичане заняли растянутое оборонительное расположение, ограничившись лишь высылкой конной разведки от 5-й кавалерийской бригады на Суанье и спрятавши большую часть своей кавалерии за пехотными корпусами. Вследствие этого, фельдмаршал Френч был плохо осведомлен о силах и группировке противника, хотя к вечеру 9 (22) августа ему было известно о занятии немцами Брюсселя, а потому он должен был ожидать с минуты на

минуту появления неприятельских войск перед участком фронта, занятом его корпусами. К тому же, с левым флангом 5-й французской армии, упиравшимся в реку Самбру у Тюина, английские войска не имели прочной связи. Все эти обстоятельства, взятые в совокупности, создавали для англичан весьма неблагоприятную боевую обстановку, угрожая им возможностью неожиданного столкновения с противником и необходимостью при этом вести с ним изолированные бои, без поддержки со стороны соседей.

Одновременно с развертыванием английской армии в районе Монса, 5-я французская армия сосредоточилась между Самброй и Маасом. К утру 8 (21) августа ее войска находились в следующих пунктах: 1-й корпус—на Маасе, на участке реки от Намюра до Живэ, 10-й корпус—к северо-востоку от Флоренна; 3-й—между Флоренном и Бомоном; 18-й—на левом фланге армии, у Трелона; две дивизии 19-го корпуса—в районе Филипвилля; резервные дивизии—в тылу армии: 51-я—у Рокруа, 53-я и 69-я—у Гирсона; кавалерийский корпус Сорде—у Курсель (на левом берегу Самбры).

На 8 (21) августа корпусам этой армии было приказано продвинуться к Самбре: 1-й корпус должен быть сменен 51-й резервной дивизией и сосредоточиться в юго-западных окрестностях Намюра, выславши один из своих полков в состав гарнизона крепости; 10-й корпус, усиленный одной дивизией 19-го корпуса,—дойти до Витривaля; 3-й, тоже усиленный одной дивизией 19-го корпуса, выдвинуться к Налинну; 18-й—сосредоточиться на реке Самбре у Тюина; две резервные дивизии должны были из окрестностей Гирсона перейти к Мобежу.

Таким образом, в этот день 5-я французская армия должна была подойти к реке Самбре с выдвинутым вперед правым флангом (1-м корпусом), но так как 1-й корпус не мог быть в тот же день сменен 51-й резервной дивизией, а 18-й корпус и резервные дивизии левого фланга находились еще далеко сзади, то 3-й и 10-й корпуса, сильно выдвинувшиеся к северу, оказались в изолированном, опасном положении. Тем более, что уже с 6 (19) августа германские войска появились в окрестностях Намюра, главным образом, с севера, в районе Первеца, а на следующий день потеснили находившийся здесь отряд бельгийских войск и начали обстрел правобережных фортов Мезере, Андов и Див; в ночь на 8 (21) августа немцы пытались прорваться в промежуток у форта Маршовелет. Столь энергичные действия противника в такой близости от правого фланга 5-й французской армии, естественно, обязывали французов держать свои войска сосредоточенно, во взаимной связи, в условиях, допускавших взаимную поддержку корпусов на случай возможного столкновения с неприятелем. Однако, ни одно из этих элементарных оперативных требований не было выполнено, почему начавшиеся с этого дня боевые действия на Самбре приобрели для французов случайный, эпизодический, беспорядочный характер и привели их к тяжелому поражению.

В указанном здесь расположении обе союзные армии, английская и 5-я французская, были атакованы превосходными силами трех германских армий, что привело к целому ряду боевых столкновений в течение 8—11 (21—24) августа, как к западу, так и к востоку от Самбры. Бои, происходившие западнее Самбры, на участке англичан, известны под названием сражения у Монса, бои восточнее этой реки и на реке — сражением у Шарлеруа.

Сражение у Монса 10—11 (23—24) августа.

На 10 (23) августа английская армия получила задачу: наступать к северу, как было ей указано в директиве французской главной квартиры от 8 (21) августа. Корпуса фельдмаршала Френча уже приготовились к наступлению, которое должно было начаться после полудня, но еще до начала своего движения они были внезапно атакованы немцами у Монса и на участке Монс—Брей—Бинш. Плохая разведка английской конницы и, вследствие этого, слабая ориентировка английского командования в обстановке сказались при первом же столкновении с противником: англичане не подозревали ни о такой близости неприятеля, ни о столь значительных его силах, наступавших к французской границе.

Под натиском войск IX-го германского корпуса, 5-я кавалерийская бригада генерала Четвуда отошла от Бинша, а правый фланг 1-го английского корпуса отошел к югу от Брей. В этот день вечером фельдмаршал Френч получил от Жоффра уведомление, что против англичан наступают три неприятельских корпуса (IV, IX и один резервный), а один неприятельский корпус (II-й) обходит их левый фланг на Турнэ. Хотя номера германских корпусов и их группировка были указаны не совсем правильно (на английском фронте наступали четыре корпуса противника, II-й, III-й, IV и IX, а на Турнэ шла германская конница), тем не менее общее число неприятельских войск показано было верно. Однако, повидимому, ни Френч, ни его корпусные командиры не доверяли этим сведениям и не считали обстановку угрожающей для своих войск. Несмотря на тяжелое и опасное положение 3-й английской дивизии у Монса, обойденной с правого фланга войсками III-го германского корпуса, командир 2-го корпуса, генерал Смит-Дорьен, писал командиру 1-го корпуса, Дугласу Хэйгу: „сражение будет выиграно, если вы пришлете мне два баталиона...“ Тот прислал ему три баталиона и, тем не менее, сражение было проиграно. Этот случай представляется весьма характерным в отношении боевой подготовки командного состава английской армии и ярко обрисовывает понимание английскими генералами обстановки и условий ведения современной войны массовыми армиями.

Френч не был также осведомлен о положении дел в 5-й французской армии, с которой им не было установлено связи; в этом отношении его не ориентировал и французский главнокомандующий. Не знали англичане ничего и о том, что уже с вечера 9 (22) августа передовые части германской конницы вошли в соприкосновение с

войсками группы генерала д'Амада, а 10 (23) августа, в полдень, французские территориальные дивизии: 82-я—у Турнэ и 81-я—у Лиля были атакованы немцами.

Между тем, германское наступление развивалось по всему фронту, занятому английской армией: II-й корпус наступал на Конде, IV-й—между Конде и Жемапом, III-й—на Жемап, IX-й—на Монс и восточнее; оба фланга англичан были обойдены противником. Бои и к западу, и к востоку от Монса продолжались весь вечер и всю ночь с явным перевесом на стороне германцев. С утра 11 (24) августа английские войска начали отходить к югу: сначала 2-й корпус, отступление которого прикрывала 2-я дивизия, задерживавшая натиск противника у Бинша, а затем и 1-й корпус. К вечеру этого дня английские войска отошли на линию Мобеж—Бавэ; в арьергардных боях деятельное участие приняла 2-я кавалерийская бригада (кавалерийской дивизии генерала Аленби), понесшая здесь тяжелые потери в конных атаках, а также французская конница генерала Сорде, переходившая в это время из района 5-й французской армии на левый фланг англичан.

В это время германская конница генерала фон-Марвица, совершавшая дальний обход левого фланга английской армии, произвела в дни 10—11 (23—24) августа три набега в районе Турнэ—Валансьен: 10 (23-го)—к Рубэ и Лилю, где участвовала в бою с французскими территориальными дивизиями; 11 (24-го)—к Конде и Валансьену и и далее вверх по реке Шельде на Денен и Бушен, где была остановлена артиллерийским огнем французских войск, преградивших ей здесь дорогу; и того же числа—к Бавэ, Ле-Кенуа и Солем (восточнее Камбрэ). Хотя все эти набеги и не дали германцам никаких материальных результатов и их конница вынуждена была, после первоначальных успехов, отойти под натиском французских территориальных войск, тем не менее моральное значение этого смелого продвижения конных масс противника на территорию Франции было, несомненно, велико, возбуждая в союзных войсках опасение за свой левый фланг, а у англичан и за свои сообщения с побережьем.

Неудачный исход сражения у Монса имел весьма тяжелые последствия для английской армии: он привел ее к отступлению почти до предместий Парижа, он же поставил в крайне затруднительное и опасное положение 5-ю французскую армию, обнажив ее левый фланг.

Что касается причин этого поражения, то из сказанного здесь они совершенно ясны: плохая осведомленность в обстановке, отсутствие связи с соседями и слабая тактическая подготовка командного состава; кроме того, необходимо отметить вообще невысокую боевую подготовку английских войск и неумение их маневрировать в условиях современного боя.

12 (25) августа, не дожидаясь подхода неприятельских войск, фельдмаршал Френч приказал своим войскам покинуть окрестности

Мобежа и отходить далее к югу. Помимо других соображений, столь быстрый отход без боя был вызван опасением, что разстроенная отступлением английская армия могла бы быть оттеснена к фортам Мобежа и заперта в этой крепости. Зная притягательную силу крепостей для разбитых, утомленных, морально подавленных войск, английский главнокомандующий предпочел продолжать отступление, чем рисковать при этих условиях потерей свободы действий из-за сомнительных выгод, которые могло бы дать союзникам сопротивление англичан на линии Мобеж—Бавэ.

Посмотрим теперь, что происходило в это время к востоку от англичан, на реке Самбре.

Сражение у Шарлеруа 8—10 (21—23) августа.

Мы видели, что к 8 (21) августа 5-я французская армия, имея свои фланговые войска уступами позади (на правом фланге—1-й корпус и 51-я резервная дивизия, на левом—18-й корпус, 53-я и 69-я резервные дивизии), своим центром, двумя корпусами (3-м и 10-м), усиленными каждый одной дивизией 19-го корпуса, выдвинулась к Самбре. Эти выдвинутые к северу корпуса первые из частей 5-й армии пришли в столкновение с противником, первые приняли на себя удар германских войск и своими боевыми действиями предопределили исход сражения, разыгравшегося на Самбре в течение 8—10 (21—23) августа.

Во исполнение директивы Жоффра для наступления в Бельгию, войска 5-й французской армии в течение 8 (21) августа совершили следующие передвижения: 1-й корпус выдвинул одну бригаду в юго-западные окрестности Намюра, где она и простояла весь день в бездействии; 10-й продвинулся к Тамину, где при переправе через реку 19-я дивизия была внезапно атакована с левого берега войсками X-го германского корпуса и, понеся тяжелые потери от неприятельского артиллерийского огня (с высот Буа-дю-Кюре, к северо-востоку от Тамина), отошла к Витривалю; при чем другая дивизия этого корпуса (20-я), находившаяся в нескольких верстах левее, никакого участия в этом бою не приняла. Штаб армии, получив донесение о тяжелом положении 19-й дивизии, приказал 1-му и 3-му корпусам оказать поддержку 10-му корпусу; однако, это оказалось невозможным: 1-й корпус еще не сменился с маасских переправ, а 3-й сам вел бой с неприятельскими войсками в окрестностях Шарлеруа. Этот последний получил в тот день ряд противоречивых, несовместимых одна с другой задач: быть готовым атаковать противника, принять меры к отражению неприятельской атаки южнее Самбры, изготовиться к содействию—направо, 10-му корпусу, налево—18-му и, наконец, не допускать германскую конницу на правый берег реки. В результате всех этих приказаний корпус занял передовыми частями 5-й дивизии участок реки к западу от Тамина до Шарлеруа, а другая его дивизия (6-я), совместно с 38-й (19-го корпуса), оставалась в 10—12 верстах сзади. К вечеру немцы, войсками своего X-го резервного корпуса, захватили мост у Розель (между Тамином и Шарлеруа), перешли здесь реку и,

обойдя правый фланг 5-й французской дивизии, отбросили ее к югу; дивизия потеряла связь с 10-м корпусом.

Между тем, конница Сорде, под натиском частей VII-го германского корпуса, несмотря на поддержку пехотной бригады 3-го корпуса, отошла к юго-западу, к Андерлю, а 18-й корпус к вечеру подошел к реке Самбре у Тюина и стал окапываться вдоль реки, наблюдая ее течение до Шарлеруа.

Атаки германских войск, обнаружившиеся в этот день по всему фронту 5-й французской армии, явились полной неожиданностью для французов, которые сами намеревались атаковать немцев на левом берегу Самбры на следующий день, 9 (22) августа. Эта неожиданность об'ясняется, главным образом, плохой разведывательной деятельностью французской конницы, находившейся впереди левого фланга армии (у Курсель), тогда как наступление немцев велось вдоль реки Самбры от правого фланга 5-й французской армии.

Тем не менее, на 9 (22) августа французским войскам все же даются преимущественно активные задачи: корпусам—1-му (с 8-й пехотной бригадой 2-го корпуса, оставшейся на Маасе после ухода конницы Сорде), 3-му и 10-му—приказано атаковать противника к западу от Намюра, 18-му с двумя резервными дивизиями—удерживать немцев в районе Тюин—Шарлеруа и поддерживать связь с английской армией. Генерал Ланрезак запросил Жоффра—когда именно должна его армия форсировать Самбру, имея в виду, что 9 (22) августа она будет вести бои одна, без содействия англичан, которые еще только совершали передвижение от Ландресси к Монсу. Жоффр ответил, что решение этого вопроса предоставляется его усмотрению. Таким образом, вместо того, чтобы согласовать операции союзных армий в Бельгии и взять руководство совместными действиями англо-французских войск в самбро-маасском районе в свои руки, французский главнокомандующий отстранил себя от этого дела, возложив всю ответственность за то или другое решение на командующего армией, который, конечно, не мог быть так хорошо ориентированным в обстановке, как он.

С утра 9 (22) августа на всем участке реки Самбры от Намюра до Тюина обнаружилось решительное наступление германских корпусов II-й армии генерала Бюлова: VII-й шел на Андерлю и Лобб (у Тюина), X-й резервный—на Шарлеруа, X-й—на Тамин, гвардейский—на Овелэ*). Но встречное наступление французских войск развивалось в этот день весьма медленно и неудачно. 1-й корпус был, наконец, сменен на маасских переправах 51-й резервной дивизией, но и то лишь к вечеру; бригада этого корпуса, выдвинутая накануне к реке Самбре, охраняла переправы на этой реке в районе фортов Намюра; а 3 французских батальона (45-го и 141-го пехотных полков) вошли в крепость, чтобы усилить состав гарнизона. В этот день форт Мезере уже пал, а бельгийские войска произвели неудачную вылазку.

*) В этот день эта армия была ослаблена на один корпус (гвардейский резервный), отправленный на восточный фронт.

10-й корпус, оправившись после неудачи прошлого дня, возобновил наступление к Тамину, поддержанный 37-й дивизией 19-го корпуса; однако, еще на правом берегу Самбры он был встречен контр-атаками германских частей X-го и гвардейского корпусов, из коих последний охватил его правый фланг. После непродолжительного, но упорного боя, в котором французы вели разрозненные атаки отдельными полками, все три французские дивизии были вынуждены отойти к югу от Витриваля. Прусская гвардия угрожала правому флангу этих войск своим движением на Метэ.

Столь же неудачно было наступление и 3-го корпуса (усиленного 38-й дивизией 19-го корпуса), пытавшегося продвинуться к захваченной накануне немцами переправе у Розель; контр-атаками противника он был оттеснен к Налинну. 18-й корпус по-прежнему оставался в бездействии у Тюина, конница же генерала Сорде, под давлением частей VII-го германского корпуса, продолжавшего свое движение к Тюину, отошла на правый берег Самбры*). Наконец, 53-я и 69-я резервные дивизии к ночи с 9-го (22-го) на 10-е (23-е) подошли к Самбре между Мобежем и Бомоном.

Таким образом, концентрическое наступление четырех германских корпусов постепенно приводило к охвату обоих флангов 5-й французской армии, которая с каждым днем оказывалась все в более и более трудном положении. В это время, в боях на реке Самбре у немцев не было численного превосходства, успех же их об'ясняется, главным образом, решительными и согласованными действиями, противостоять которым, конечно, были не в силах французские войска, наступавшие без связи между собою и без определенного плана. Будучи более, чем в $1^1/_2$ раза сильнее германцев**), французы, тем не менее, в решающих боях на реке, между Тамином и Шарлеруа, ввели в дело менее половины своих войск (не более 6-ти дивизий против 6-ти германских), все же остальные свои войска разбросали между Самброй и Маасом для второстепенных задач (наблюдение за переправами, охранение флангов и т. п.).

Боевые действия 9 (22) августа явились поворотным пунктом в ходе самбро-маасской операции, потому что уже с утра следующего дня французские войска не предпринимают более наступательных действий, а делают лишь безуспешные попытки как нибудь облегчить свое тяжелое положение. Последнее становилось тем тяжелее, что в этот день пал Намюр, служивший опорой правого фланга 5-й французской армии. Между тем, 1-й корпус, сменившийся накануне с маасских переправ, одну свою дивизию (1-ю) сосредоточил в южных окрестностях крепости, а другую (2-ю) направил к С. Жерару для противо-

*) Пехотная бригада 3-го корпуса, находившаяся при коннице, отошла к своему корпусу.

**) $13^1/_2$ пехотных дивизий 5-й французской армии против 8 германских пехотных дивизий II-й армии генерала Бюлова.

действия обходному движению германского гвардейского корпуса, наступавшего на Флоренн. Однако, эта дивизия не успела выполнить этого назначения, потому что в тот именно момент, когда она подошла к С. Жерару, обнаружилось форсирование корпусами III-й германской армии реки Мааса на участке Ивуар-Живэ. Это вынудило направить 2-ю французскую дивизию усиленным маршем к юго-востоку, к Морвилю, для прикрытия правого фланга и тыла своей армии.

Сражение у Динана 10—11 (23—24) августа.

III-я германская армия, подойдя 10 (23) августа к Маасу своими главными силами*), нашла все мосты на реке, как к северу, так и к югу от Динана, взорванными, а на левом берегу—сравнительно незначительные силы противника, разбросанные вдоль реки [51-ю резервную дивизию**)]. После обстрела неприятельского берега тяжелой артиллерией, германские корпуса стали переправляться через реку: XII-й резервный—у Ивуара и Хукса, XII-й—у Хукса и Динана, XIX-й—у Живэ и южнее. Французы оказали упорное сопротивление лишь на переправах у Динана. XII-й резервный корпус, продвигаясь на левом берегу Мааса, атаковал у Арбра бельгийцев, отходивших от Намюра, и нанес им тяжелые потери***). Это появление трех свежих неприятельских корпусов против правого фланга и тыла 5-й французской армии, уже понесшей неудачу, расстроенной и ослабленной, создавало величайшую угрозу самому существованию этой армии; тем более, что в центре бои принимали все более неблагоприятный оборот: 10-й корпус, атакованный немцами в окрестностях С. Жерара, и 3-й—у Налинна, находились оба в полном отступлении; 18-й, после упорного боя на переправах у Тюина с VII-м германским корпусом, был оттеснен к Бомону, куда отошли также и левофланговые резервные дивизии с р. Самбры. Конница Сорде получила приказание перейти на левый фланг английской армии, обходя Мобеж с севера, но так как в это время английские войска уже отступали после неудачного сражения у Монса, то французской кавалерии пришлось искать левый фланг англичан кружным путем к югу от Мобежа. Если к этому добавить, что южнее Живэ, в районе Хайбес-Жедин, левый фланг III-й германской армии был в связи с правым флангом IV-й, победоносно продвигавшейся в это время к реке Семуа, то станет понятной вся опасность, угрожавшая путям отступления французских войск генерала Ланрезака. Дальнейшее пребывание этих войск в углу между Самброй и Маасом могло привести их к окружению, тем более, что связь с англичанами была потеряна. Только быстрое отступление этой армии к югу, на территорию Франции, могло спасти ее от полного разгрома.

Однако, пока армия еще не вышла из этого опасного положения, необходимо было всеми доступными мерами, во что бы то ни стало,

---

*) Ослабленными на один корпус (XI-й), отправленный накануне на восточный фронт.

**) Эта дивизия обороняла участок реки протяжением в 30 километров.

***) См. стр. 85.

задержать продвижение противника южнее Живэ, на направлениях к Шимэ и Рокруа. С этой целью от Рокруа к Хайбесу подвозят на грузовиках один баталион, который, пользуясь естественными условиями левого берега реки, способствующими обороне, оказывает здесь упорное сопротивление частям XIX-го германского корпуса и задерживает их на несколько часов, в течение которых от Самбры подходит бригада 1-го корпуса и упрочивает здесь положение.

С утра 11 (24) августа 5-я французская армия отходит всеми своими войсками на линию Бомон—Живэ, выделивши из своего состава 20 тысяч человек в гарнизон Мобежа, который решено было удерживать за собой до последней возможности, как укрепленный пункт, запиравший прямой железнодорожный путь из Брюсселя к Парижу.

Так были проиграны союзниками два другие крупные сражения из целой серии боевых столкновений, разыгравшихся на французско-бельгийской границе, от верхней Шельды до Мозеля, и получивших в совокупности наименование пограничного сражения.

Излагая в последовательности боевые явления, я старался попутно отмечать те упущения со стороны французского командования и те положительные стороны германских действий, которые привели одних к поражению, а других к победе; поэтому, мне кажется, причины неудачного наступления 5-й французской армии в Бельгию в достаточной степени уже ясны для читателя. К сказанному мне остается лишь добавить следующие три замечания. Во-первых, что рискованное выдвижение армии генерала Ланрезака между реками Самброй и Маасом, повидимому, было связано с расчетом, что 4-я французская армия своим наступлением в Арденнах обеспечит безопасность участка реки Мааса от Живэ на Динан и далее до Намюра, что, однако, не осуществилось в действительности, вследствие поражения, которое понесла эта армия в боях на реке Семуа. Во-вторых, что задача, данная 5-й французской армии, не соответствовала обстановке: ей было указано атаковать северную группу противника, опираясь на Маас, к которому уже подходила целая неприятельская армия и на крепость, которая уже была атакована немцами; естественно, что эти неблагоприятные условия должны были вызвать ту нерешительность действий, которой так ярко окрашена вся эта операция на стороне французов. Наконец, в третьих, отсутствие какого бы то ни было взаимодействия, какой-либо связи и согласованности в операциях трех союзных армий, находившихся на территории Бельгии (английской, бельгийской и 5-й французской), создавали для французских войск, сражавшихся между Самброй и Маасом, чрезвычайно невыгодную обстановку, которая едва не привела эти войска к тому, что они были зажаты между двумя неприятельскими армиями в тиски, из которых им удалось вырваться не без значительных потерь и усилий.

В результате сражений у Монса, Шарлеруа и Динана, северная группа союзных армий была вытеснена из Бельгии и немцам откры-

вался теперь свободный доступ на территорию Франции. Этот успех германцев приобретал особенное значение еще в виду того, что и центральная группа французских армий (3-я и 4-я армии), наступавшая к реке Семуа, находилась уже в полном отступлении к Маасу.

Бои, которые вели эти две армии в бельгийском Люксембурге с германскими корпусами герцога вюртембергского и кронпринца германского, происходили одновременно с операциями в самбро-маасском районе и известны под названием сражений на реке Семуа и у Лонгви.

Сражение на р. Семуа 8—10 (21—23) августа.

Вторгаясь в бельгийский Люксембург своими двумя армиями, французы рассчитывали встретить здесь незначительные неприятельские силы и застать их врасплох. Между прочим, для того, чтобы обеспечить армиям внезапность нападения, было приказано совершать передвижения и вести разведку возможно скрытнее, а охранению не обнаруживать себя. Но эти меры, однако, не послужили на пользу французским войскам, тогда как слабая их осведомленность о силах и группировке противника, явившаяся отчасти результатом этих мер, пошла на пользу немцам: врасплох были застигнуты не германские, а французские армии.

К 8 (21) августа войска 4-й французской армии были расположены между рекой Маасом и бельгийской границей следующим образом. Армейская конница была выдвинута за реку Семуа: 4-я дивизия—к Пализей, 9-я—у Кюньон; разведкой этих конных частей было обнаружено присутствие 21-й (XVIII корпуса) и 24-й (XIX корпуса) германских дивизий к северу от Нефшато, а за рекой Лесс—какие то неприятельские войска на укрепленной позиции. Шесть корпусов и две резервные дивизии французов были развернуты вдоль реки Мааса: 2-й корпус—у Марвиля (на р. Отэн), колониальный—у Монмеди, 12-й—к югу от Кариньяна, 17-й—у Музона, 11-й—у Седана, 9-й—у Мезьера, 60-я резервная дивизия—севернее Шарлевиля и 58-я—у Фимэй.

В этот день левый фланг армии (9-й, 10-й и 11-й корпуса) без сопротивления со стороны противника выдвинулся своими передовыми частями за реку Семуа до линии Монсо—Офань—С. Медар; правый же фланг (12-й, колониальный и 2-й корпуса) достиг линии Флоранвилль—С. Венсен—Виртон, не доходя реки, причем лишь 12-й корпус встретил сопротивление мелких частей германской конницы, поддержанных пехотой.

На 9 (22) августа 4-й армии было приказано: наступать к северу, на линию Нефшато—Либрамон—Мессин—Жедин, имея 3-ю армию справа, уступом сзади, и атаковать противника там, где он окажется.

В это время главные силы IV-й германской армии находились еще на марше от верховьев реки Урты (участок Ларош—Хуфализ) к р. Лесс, но передовые части немецких корпусов уже находились между этой последней и р. Семуа. Таким образом, в результате встречного движения обеих сторон в пространстве между этими реками, в течение 9 (22) августа, должен был произойти целый ряд боевых столкновений.

Местность, на которой должны были разыграться эти бои, заполненная возвышенностями Арденн, имеет гористо-лесистый, закрытый и пересеченный характер, сильно затрудняющий движение войск, требующий особых мер для поддержания связи между колоннами и согласования их действий, а в боевых столкновениях—проявления инициативы со стороны частных начальников.

В этот день почти все французские корпуса, наступавшие к северу, были внезапно атакованы германцами в весьма невыгодных для себя условиях: 2-й корпус к северу от Виртона вступил в бой с противником, вынужденный в то же время часть своих сил отделить вправо, на поддержку левофлангового (4-го) корпуса 3-й армии; колониальный —на пути от Росиньоль к Нефшато своими передовыми частями нарвался на VI-й германский корпус (V-й германской армии), понес сильные потери, потерял часть своей артиллерии и отошел к реке (у Росиньоль); 12-й, наступая осторожно от Флоранвиля на С. Медар, у последнего пункта вступил в бой с частями XVIII-го резервного корпуса, но сохранил свое расположение и даже оказал еще некоторую поддержку войскам колониального корпуса; 17-й шел четырьмя бригадными колоннами из района Кюньон, имея впереди себя 9-ю кавалерийскую дивизию, присутствие которой, однако, не предохранило обе бригады 33-й дивизии от внезапного нападения частей VIII-го резервного корпуса противника у Ошан, где часть французской артиллерии была захвачена, а дивизия отброшена к Семуа; другая дивизия этого корпуса была отвлечена на поддержку 11-го корпуса, атакованного у Мессин войсками XVIII германского корпуса: наконец, 9-й корпус с 4-й кавалерийской дивизией достиг без боя линии Гудремон—Биевр.

Общее впечатление от действий французских войск в этот день: слабая разведка, плохая связь, как по фронту, так и в глубину, неумелые действия в лесисто-гористой местности, растерянность в управлении войсками во встречном бою.

Несмотря, однако, на эти неудачи, на 10 (23) августа армии вновь поставлена наступательная задача: удерживаясь правым флангом (2-м, колониальным и 12-м корпусами) в районе Виртон—Росиньоль, остальными корпусами продолжать движение к северу; армейской конице (4-й и 9-й дивизиям) перейти на правый фланг, в район Росиньоль—Тинтиньи. Из этой диспозиции явствуют два обстоятельства: во-первых, полная неориентированность командующего армией в обстановке, которая, конечно, при наличной группировке сил и обнаруженном немцами их тактическом превосходстве в боях в гористо-лесистой местности, не могла привести французские войска к успеху; а, во-вторых, нецелесообразное использование армейской конницы, которая, вместо того, чтобы предшествовать корпусам, предназначенным для наступления, должна была находиться впереди бездействующего правого фланга.

С утра этого дня главные силы IV-й германской армии перешли в общее наступление на всем фронте от Нефшато до Жедина, почему не только левофланговые французские корпуса не могли продвинуться к северу, но все вообще войска 4-й армии были вынуждены к отступлению под согласованным натиском пяти германских корпусов*). 2-й корпус отошел в западные окрестности Виртона, колониальный левее его, 12-й—к Каринъяну (на р. Шиеру), 17-й к Ремильи, 11-й—к Седану за р. Маас, 9-й, обойденный с левого фланга у Жедина VIII-м германским корпусом, отступил к Мамбр на р. Семуа, армейская конница к Шарлевилю. С отходом 9-го французского корпуса, правый фланг IV-й германской армии у Жедина вошел в связь с левой колонной XIX-го германского корпуса, наступавшего на Хайбес.

Наконец, к утру 11 (24) августа, левый фланг французской армии отошел за р. Маас: 9-й корпус—к Мезьеру, 60-я резервная дивизия — к Нувион, 52-я—в северные окрестности Шарлевиля. Директивой главнокомандующего, полученной в этот день, правый фланг 4-й армии был отодвинут назад, на р. Маас, на участок реки от Музона до Стенэ.

Следовательно, после 4-х суток боев и маршей, войска этой армии, понеся значительные потери в людях и материальной части, вернулись в свое исходное положение. Германские авангарды IV-й армии уже находились к югу от р. Семуа.

Сражение у Лонгви 8—10 (21—23) августа.

Бок о бок с 4-й французской армией, между р. Отэн и фортом Лонгви, сражалась 3-я армия генерала Рюффе против армии кронпринца германского. Первые немецкие войска,—конница, поддержанная егерями, вступили на французскую территорию со стороны города Люксембурга еще 20 июля (2 августа) в окрестностях Лонгви; подойдя к форту, немцы потребовали его сдачи, но это требование было отвергнуто. Затем, между 27 и 30 июля (9—12 августа) произошло несколько боевых столкновений между германской конницей и передовыми частями 2-го и 4-го французских корпусов на р. Отэн у Лонгюона, Спинкура и Манжиена, после чего немецкие войска были оттеснены за бельгийскую границу.

К утру 8 (21) августа войска 3-й французской армии были развернуты на р. Отэн: 7-я кавалерийская дивизия—к востоку от Спинкура, корпуса 6-й, 5-й и 4-й по линии Спинкур—Лонгюон—Марвиль; у последнего пункта входили между собою в связь внутренние фланги 2-го и 4-го корпусов. 67-я резервная дивизия находилась за правым флангом, у Этена. В этот день корпуса достигли передовыми частями линии Лонгви—Виртон, ведя бои с мелкими неприятельскими отрядами; 7-я кавалерийская дивизия выдвинулась к Оден-ле-Ромен. Лонгви в это время уже обстреливался неприятельской тяжелой артиллерией; с форта видны были германские колонны, двигавшиеся с

*) Четыре—IV-й армии и один (VI-й)—V-й армии, действовавший на левом фланге IV-й.

востока на запад и все французские корпуса получали сведения о присутствии невдалеке неприятельских войск.

На 9 (22) августа французским войскам была дана задача: выдвинуться на линию Дифердинген—Шатильон—Этель, дабы занять положение уступом сзади 4-й армии. На этот же день было назначено и общее наступление V-й германской армии с линии Арлон—Люксембург: V-й корпус—к Виртону, XIII-й—на Блейд, VI-й резервный—к Лонгви, XVI-й на Дифердинген и V-й резервный—на Эш; VI-й корпус временно был откомандирован к левому флангу IV-й армии, в район Нефшато. Результатом этих распоряжений обеих сторон явились встречные бои, завязавшиеся в этот день и к востоку, и к западу от Лонгви.

6-й французский корпус наступал двумя колоннами: 40-я дивизия—на Филиер, 12-я—на Лонгви, но, не достигши этих пунктов, обе дивизии были атакованы войсками XVI-го германского корпуса и отброшены к Аранси; 5-й корпус своей 9-й дивизией столкнулся в северо-западных окрестностях Лонгви с XIII-м германским корпусом,— дивизия опрокинута и своим поспешным отступлением привела в расстройство и другую, следовавшую за ней, дивизию (10-ю) того же корпуса, обе отошли к Лонгюону; наконец, 4-й корпус, внезапно атакованный у Виртона, к вечеру несколько подался к югу. В общем, боевые действия этого дня в районе Лонгви имели много схожего с боями, происходившими в то же время на фронте 4-й французской армии: та же малая осведомленность французов о противнике, слабая связь с соседями, отсутствие находчивости и инициативы в руководстве войсками во встречных боях; почему и результаты для обоих армий оказались одинаковыми.

Такой характер французского наступления, естественно, лишал всякого реального значения ту активную задачу, которая, тем не менее, все же (как и в 4-й армии) была дана на 10 (23) августа корпусам армии: все они должны были возобновить наступление на ранее указанную им линию. Однако, как и у их соседей слева, это движение не получило осуществления, потому что неприятельские войска настойчиво теснили французов: V-й корпус—к Монмеди и Марвилю, XIII-й—на Теланкур, VI-й резервный—на Лонгюон, XVI-й и V-й резервный—на Филиер и Оден-ле-Ромен. В течение 10 (23) августа 6-й французский корпус оставался у Аранси, 5-й отошел у Лонгюона за р. Шиеру, а 4-й—отступил за р. Отэн у Лиарвиля.

В виду столь неблагоприятных результатов этого наступления, директивой французского главнокомандующего от 11 (24) августа 3-й армии было приказано отойти в тот же день за р. Отэн, на линию Азанн—Дамвилер—Монмеди. Верденской группе резервных дивизий—укрепиться на маасских высотах к востоку от крепости.

Как я уже сказал, в боевых действиях 3-й и 4-й французских армий было много общего, и в самом ходе этой неудачной наступательной операции, и в тех результатах, к которым она привела. Общей

была задача, поставленная армиям: совместно вторгнуться в бельгийский Люксембург, с целью угрозы левому флангу неприятельских армий, наступавших к бельгийскому Маасу; общими оказались все недостатки разведывательной деятельности, управления, маневрирования французских войск, все то, что дало германцам такое неоспоримое превосходство во всех боевых столкновениях и, как результат этого,—решительную победу. Обе армии наступали с недопустимой медлительностью и вялостью, корпуса, дивизии и отряды действовали без связи, несогласованно, запаздывая поддерживать соседей, а часто и вовсе их не поддерживая; войска не обнаружили достаточного уменья вести разведку и бои в гористо-лесистой местности, а командный состав—управлять этими войсками во встречных, нередко неожиданных, боевых столкновениях. Особенно выделяется в отношении неудачного боевого управления третий день операции—10 (23) августа, в течение которого войска обеих армий получили целый ряд противоречивых приказаний: то наступать, то отступать, то продвигаться в одном направлении, то в другом, то оставаться на месте... Строевые начальники и их штабы колебались в своих решениях, сплошь да рядом путали, обнаруживая неуверенность в целесообразности своих распоряжений и неосведомленность в обстановке. И в этом отношении 3-я армия превосходила 4-ю*). Весьма скудны были также указания и сверху, из французской главной квартиры, почему в некоторые моменты операции получалось впечатление, что армии предоставлены сами себе и должны выходить из своего тяжелого положения тем способом, как умеют.

Оценка пограничного сражения.

При таких условиях, конечно, невозможно было ожидать какого-либо успеха от предпринятого обеими армиями наступления и их поражение явилось справедливым возмездием за все ошибки и за все упущения, сопровождавшие их боевую деятельность изо дня в день.

Итак, вторая крупная операция союзников, предпринятая ими для преграждения неприятельским армиям путей наступления, была проиграна: после поражения бельгийской армии в боях на Маасе и на путях к Брюсселю, были разбиты и англо-французские армии в большом сражении на французско-бельгийской границе. На всем огромном фронте от верхней Шельды до Лотарингии союзные армии отступали расстроенные, с большими потерями, подавленные этими первыми крупными неудачами. Бельгия была окончательно потеряна, связь с бельгийской армией являлась уже невозможной; англо-французским армиям приходилось уже думать не о поддержке своего слабого, самоотверженного союзника, а о своем собственном положении, которое с каждым днем становилось все хуже и хуже, все тяжелее и тяжелее.

Неудачный для союзников исход пограничного сражения может быть об'яснен, помимо тех частных причин, которые были мною ука-

*) В конце операции командующий 3-й армией генерал Рюффе был отрешен от должности и заменен генералом Сарайлем (командиром 6-го корпуса).

заны при разборе действий отдельных армий, также и общими неблагоприятными стратегическими условиями, в которых они вели эту наступательную операцию. В то время, когда германцы вели свое согласованное наступление на обширной дуге, концентрически, по внешним линиям, охватывая фланги противника, союзники, находясь во внутреннем положении, не сосредоточивали своих сил в каком либо одном направлении, а наступали в расходящихся направлениях, постепенно, с продвижением своим, все более ослабляя связь между своими колоннами, все чаще и чаще подвергая себя опасности быть разбитыми по частям. К тому же, почти каждая союзная армия имела двойственную задачу, развлекавшую ее внимание, разделявшую ее силы в противоположных направлениях: 5-я армия должна была левым флангом поддерживать англичан, а правым—тянуться к Намюру, с целью подать руку помощи бельгийской армии; 4-я—правым флангом идти к Нефшато, а левым—стремиться к северу, дабы ударить во фланг немецкие корпуса, наступавшие к Маасу; наконец, 3-я—левым своим крылом, в связи с правым 4-й армии,—выдвинуться на Арлон, а правым флангом должна была прикрывать Верден со стороны Меца и Диденгофена.

Столь сложные, во многом невыполнимые задачи, возложенные на французские войска, естественно, не могли способствовать сосредоточению усилий союзников для поражения живой силы противника и должны были привести их к неудаче. Тем более, что на неприятельской стороне цельность и единство плана, согласованность действий и общее стремление к нанесению врагу поражения создавали для немцев благоприятную обстановку для успеха. И эта победа, крупная стратегическая победа, увенчала собой трехдневные усилия германских армий, пробивших себе широкий путь для вторжения во Францию.

Боевые столкновения пограничного сражения почти все имели характер встречных боев, в значительной степени неожиданных для союзных армий; да и сама операция, взятая во всей совокупности, представлялась встречным стратегическим наступлением, имевшим на каждой стороне задачей предупредить противника в развертывании на французско-бельгийской границе. Как в области тактики, так и в области стратегии, как в организации встречных маршей, так и ведении встречных боев, немцы оказались более подготовленными, более находчивыми и предприимчивыми, чем союзники. Вообще же, уже в этом первом большом сражении с англо-французскими войсками, германцы обнаружили значительное свое превосходство над противником в искусстве маневрирования массовыми армиями, как при движении их к полю сражения, так и в использовании их в условиях боя.

Общее отступление союзников из Бельгии.

Исход пограничного сражения резко изменил всю стратегическую обстановку на западно-европейском театре войны и дал событиям новое направление. Днем 11 (24) августа положение на французско-бельгийской границе представлялось в следующем виде: правая группа французских армий находилась в полном отступлении на всем фронте

от верховьев Уазы до Лонгви; левая группа союзников, отступая к югу, уже была охвачена с обоих флангов. В таком тяжелом положении французский главнокомандующий принимает решение: отойти всеми четырьмя армиями на французскую территорию, дабы, освободив свои войска из тех тисков, в которые пытался зажать их противник, оторваться от неприятеля и вернуть своим армиям оперативную свободу для новой стратегической группировки. И в тот же день 11 (24) августа он отдает приказ об отступлении. Этот приказ, в сущности говоря, лишь подтверждал тот порядок вещей, который существовал в действительности и изменить который уже невозможно было никакими приказами.

Вслед за союзными армиями бурным потоком устремились во Францию германские армии, смелые и решительные, гордые и самоуверенные, упоенные уже одержанными победами. И уже в голубых далях равнин северной Франции, залитых ярким, горячим солнцем, немцам мерещилась бегущая неприятельская армия, павшая французская столица, покорная и униженная, и скорый, почетный мир, полный выгод и блеска для Германии. Однако, даже в эти дни, дни торжества и победы, война на два фронта стала уже бросать свои зловещие тени на поля сражений западного театра: в Восточной Пруссии VIII-я германская армия генерала фон-Притвица, после боев на линии Гумбинен—Гольдап, отходила к нижней Висле и новый командующий этой армией генерал Гинденбург потребовал на усиление своих войск два корпуса*) и одну кавалерийскую дивизию с запада. Кроме того, один из корпусов V-й германской армии**) удерживался в тылу, в районе Меца, на случай, если бы события на восточном фронте потребовали быструю переброску туда новых подкреплений.

К этим трем корпусам, потерянным для наступательного движения к Марне, необходимо прибавить еще три корпуса—III-й резервный и IX-й резервный, оставленные под Антверпеном и один корпус (VII-й резервный), получивший задачу овладеть Мобежем. Итого 6 корпусов из 27-ми, вторгнувшихся в Бельгию, не могли принять участия в победоносном движении в северную Францию. Это обстоятельство представлялось весьма благоприятным для союзников; нужно было только желание и уменье использовать его в полной мере.

X. Отступление англо-французских армий к Марне.

Отступление союзных армий с французско-бельгийской границы, после сражений у Монса, Шарлеруа, Динана, на р. Семуа и у Лонгви, определялось инструкцией главнокомандующего от 12 (25) августа, об'явленной в дополнение к директиве от 11 (24) августа. В числе оперативных указаний этой инструкции заслуживают особого внимания

Инструкция главнокомандующего от 12 (25) августа.

*) Гвардейский резервный (II-й армии) и XI-й (III-й армии).

**) V-й корпус.

те, которые заключаются в 1-й и 5-й ее статьях: в статье 1-й говорится об образовании на левом фланге отступавших союзных войск крупной маневренной группы из четырех армий—4-й, 5-й, английской и новой армии, еще подлежавшей формированию; в статье же 5-й предусматривалось это новое формирование, которое должно было быть произведено в промежуток времени от 14 (27) августа до 20 августа (2 сентября) в районе Амьена с целью наступательных действий на С. Поль—Аррас или С. Поль—Бапом. Из дальнейшего мы увидим, какое значение имели в последующих боевых действиях обеих сторон эти новые оперативные данные, теперь же обратимся к отступающим армиям и преследующему их противнику,

Порядок отступления союзных армий и движения за ними германцев. Схема № 10.

Мы видели в пред'идущей главе, что 12 (25) августа *английская армия*, не задерживаясь у Мобежа, продолжала свое отступление к югу. Войскам этой армии было указано отойти в этот день на линию Камбрэ—Ле-Като Ландресси, куда они и выступили, сильно теснимые немцами, по-прежнему пытавшимися охватить англичан с запада. В боевых действиях этого дня приняла участие, между прочим, и 4-я английская дивизия генерала Сноу, только что прибывшая из Англии и подвезенная 10 (23) августа из Гавра в район Ле-Като; она находилась на левом фланге англичан (у Серанвиля). В ночь с 12 (25) на 13 (26) августа части 1-го английского корпуса были атакованы между Ландресси и Ле-Като войсками IX-го германского корпуса, охватившими правый фланг англичан со стороны р. Самбры. Поддержка, оказанная здесь английским войскам двумя французскими резервными дивизиями, находившимися на левом фланге 5-й французской армии*), дала возможность ген. Дугласу Хэйгу отвести ночью свои части сначала к Васиньи, а затем и далее к Гизу. В то же время 2-й английский корпус был атакован войсками II-го и IV-го германских корпусов между Камбрэ и Ле-Като, а слева—обойден германской конницей. Дни 12—13 (25—26) августа были для английской армии одними из наиболее тяжелых дней за время ее отступления из Бельгии к Марне: на войска, еще не успевшие оправиться после поражения у Монса, обрушились превосходные силы трех германских корпусов и многочисленной конницы, охватившие оба фланга слабой и расстроенной армии фельдмаршала Френча. В результате этих боев, английские корпуса в течение 13 (26) августа отошли: 1-й—к Ориньи на р. Уазе, 2-й—к С. Кентену.

Сражение у Камбрэ-Ле-Като 12—13 (25—26) августа.

Расстройство и утомление английских войск были уже столь велики, что являлось необходимым безостановочно продолжать отступление, чтобы не подвергать эти войска всем опасностям боевых столкновений в тяжелой для них обстановке и дать им возможность поскорее оторваться от противника, выйти из-под его ударов. В виду этого, 14 (27) августа 2-й корпус отошел к Гаму (на р. Сомме), где

*) 53-я и 69-я.

был переформирован, часть людей была отвезена по железной дороге для отдыха в Компьен, а остальные к вечеру 15 (28) августа собрались у Нойона. К этому же времени 1-й корпус сосредоточился к Шони (на р. Уазе), сохраняя связь с 5-й французской армией в районе Ла-Фэра. Укрепления этого последнего пункта были покинуты французами без сопротивления.

В это время в Компьене состоялось совещание генерала Жоффра с Френчем; из доклада последнего, а также и из личных наблюдений, французский главнокомандующий убедился в полной небоеспособности английской армии, почему ей было приказано продолжать свое отступление далее к югу. 19 августа (1 сентября) англичане отошли на линию Сенлис—Нантейль—Бетц, на пути к которой им пришлось вести еще несколько арьергадных боев к югу от Компьена, у Вербери и у Виллер-Котрэ.

Вслед за английскими войсками быстро продвигалась *I-я германская армия*, проходя в среднем, при ежедневных боях и стоявшей в те дни жаркой погоде, по 35 километров в сутки. При этом немецкая армейская конница, следуя на правом фланге армии, угрожала англичанам обходом с запада, и, при поддержке своей пехоты, теснила от Арраса к Бапому две французские резервные дивизии.

Сосредоточение в районе Амьена новой армии.

Я уже упоминал выше, что инструкцией генерала Жоффра от 12 (25) августа предусматривалось образование в районе Амьена новой армейской группы с целью усиления левого фланга союзных армий. Эта новая армия, генерала Монури, начинает сосредоточиваться на линии Амьен — Нэль, с 14 (27) августа, в следующем составе*): 7-й корпус, перевезенный сюда из 1-й армии (из под Бельфора; в нем 13-я дивизия, оставшаяся в Лотарингии в составе 2-й армии, была заменена 63-й резервной дивизией из 1-й армии); марокская бригада, доставленная из шалонского лагеря; 55-я и 56-я резервные дивизии из укрепленного района Верден—Туль; и, наконец, 61-я и 62-я резервные дивизии, выдвинутые к Аррасу из состава парижского гарнизона. К этим войскам присоединился также кавалерийский корпус Сорде, отходивший вместе с английской армией. Между тем, быстрое отступление англичан поставило эту новую армию в весьма тяжелое положение: она сосредоточивалась буквально на глазах у противника; обе резервные дивизии, находившиеся у Арраса, были отброшены к Бапому; части 7-го французского корпуса, высаживавшиеся в Амьене под прикрытием марокских войск и выдвигавшиеся к Комблю с целью облегчить положение 5-й французской армии, 17-го (30) августа были атакованы здесь войсками I-й германской армии (II и IV корпусами) и вынуждены отойти к Амьену; наступление французской конницы к Перонну окончилось неудачей.

Бои у Бапома, Комбля и Перонна.

*) Сначала она была названа соммской, затем, после отхода к Парижу—парижской, и, наконец, когда вошла в общую линию на Марне,—стала называться 6-й армией.

Все эти события, в связи с общим отступлением союзников к югу, ясно обнаруживали невыполнимость той новой группировки войск, которая была намечена главнокомандующим на верхней Сомме, почему амьенской группе генерала Монури было приказано отходить к Парижу.

Одновременно с этим отступали и другие французские армии, так неудачно закончившие свои операции на бельгийской границе.

5-я французская армия, после своего отхода 11 (24) августа на линию Бомон—Живэ, продолжала на следующий день свое движение к югу, слабо теснимая противником *). К вечеру 12-го (25-го) она достигла линии Авен—Шимэ, где оставалась и 13 (26) августа. Однако, на следующий день ей пришлось отступать дальше, к верхней Уазе, потому что корпуса *II-й германской армии* уже наседали на ее утомленные и и растроенные войска, а быстрое отступление английской армии обнажило ее левый фланг, подвергавшийся опасности быть обойденным частями I-й германской армии и многочисленной немецкой конницей, группировавшейся в районе верхней Шельды. Впрочем, необходимо отметить, что в эти тяжелые для союзников дни, германская кавалерия не оправдала себя и, несмотря на свою большую численность (три дивизии или 72 эскадрона) и на благоприятные условия для энергичного преследования, достигла весьма незначительных результатов. Быть может, эта вялая деятельность германских кавалерийских дивизий об'ясняется изнурением конского состава, который находился уже беспрерывно три недели в напряженной боевой работе, связанной с пробегом больших расстояний.

Атака и падение Мобежа.

II-я германская армия быстро и решительно продвигалась вслед за французами. К 14 (27) августа она прошла своими главными силами линию Мобеж—Филипвиль и направилась к верхней Уазе. В тылу у нее оставалась крепость Мобеж, запиравшая железнодорожный путь из Брюсселя в Париж; и так как оставлять этот сильный укрепленный пункт на своих тыловых сообщениях представлялось этой армии невыгодным, то решено было овладеть им, для чего и был назначен VII-й резервный корпус (генерала фон-Цвеля), только что освободившийся после падения Намюра.

Крепость Мобеж расположена на обоих берегах реки Самбры: 3 форта на левом берегу (Лево, де-Сарт и Бусуа) и 3 на правом (Серфонтейн, Бурдио и Омон), форты — в расстоянии от 5 до 7 километров от центра, промежутки между фортами были усилены батареями и пехотными укрепленными позициями. Гарнизон состоял из 45 тысяч человек французских войск, комендант—ген. Фурнье.

Немцы повели атаку на северный участок де-Сарт—Бусуа, обложивши остальной фортовой обвод. Бомбардировка производилась из

*) В это время командующий армией ген. Ланрезак, за неудачные бои на Самбре, был отрешен от должности и заменен ген. Франше д'Эсперн (командиром 1-го корпуса).

42-х и 21-й сантиметровых мортир и 30,5 сантим. гаубицы. Атака началась 17 (30) августа; 19 августа (1 сентября) гарнизон произвел неудачную вылазку; 24 августа (6 сентября) пали форты Бусуа и де-Сарт, а на следующий день 25 августа (7 сентября), после штурма, который был поведен вслед за энергичной бомбардировкой всех фортов, крепость сдалась. Трофеями немцев были 40 тысяч пленных и 400 орудий. Из гарнизона спаслась лишь одна тысяча человек, которой удалось, с майором Шарлие во главе, прорваться к югу.

Сражение у С. Кентена и Гиза 16—17 (29—30) августа.

Пока шла эта борьба под стенами Мобежа, 5-я французская и II-я германская армии продолжали свое движение к югу. 15 (28) августа французы, оставивши без сопротивления форт Гирсон, приостановились на р. Уазе: правым флангом армии (1-й и 3-й корпуса) за рекой на участке Отион—Гиз, а остальными частями на обоих берегах реки, от Гиза до С. Кентена. В этом положении 5-я французская армия 16 (29) августа перешла к активным действиям против II-й германской армии, с целью облегчить положение англичан и задержать стремительное продвижение правого германского фланга. В этих боях, продолжавшихся два дня, 16—17 (29—30) августа, ей содействовали французские войска амьенской группы в районе Комбль—Перонн. Со стороны немцев, кроме частей II-й армии, здесь приняли участие и левофланговые войска I-й. Германцы подошли к расположению противника на р. Уазе в следующем порядке: гвардейский корпус на участке Отион—Гиз, X-й и X-й резервный корпуса—на участке Гиз—С. Кентен, а VII-й и IX-й корпуса пошли в обход С. Кентена с запада. Перейдя в наступление на всем фронте армии, французы направили свой главный удар двумя корпусами (1-м и 3-м) против прусской гвардии и достигли здесь сначала значительного успеха: части гвардейского и X-го корпусов, понеся большие потери, были оттеснены от реки и перешли к обороне. Тем не менее, это наступление не получило дальнейшего развития, потому что войска левого фланга не только не могли продвинуться, но были обойдены в районе С. Кентена, а правый фланг 5-й французской армии потерял связь с 4-й армией. Вообще, все указывало на то, что союзные армии еще не вышли из тисков, в которые зажал их противник на бельгийской границе и что для того чтобы высвободиться из них, необходимо было продолжать отступление. 18 (31) августа 5-я французская армия возобновила свое движение к югу и шла уже без боевых столкновений на Лаон и Суассон и далее к Шато-Тьери и за р. Марну. Следом за ней по-прежнему шла II-я германская армия, форсировавшая Марну у Шато-Тьери. Укрепления Лаона и Суассона были оставлены французами без сопротивления.

Образование 9-й французской армии.

В то время, когда 5-я армия пыталась задержать немцев на верхней Уазе, вправо от нее была образована новая, *9-я французская армия* ген. Фоша, выделением из состава 4-й армии двух корпусов (9-го и 11-го), марокской, 9-й кавалерийской и двух резервных дивизий, а из состава 3-й армии—42-й дивизии (6-го корпуса). Образование этой

новой армии было вызвано тяжеловесностью 4-й, состоявшей из 6-ти корпусов и 5-ти отдельных дивизий (2-х кавалерийских и 3-х пехотных), управление которыми, при создавшейся обстановке быстрого отступления, являлось весьма затруднительным. 9-я армия уже с 15 (28) августа заняла промежуток между 5-й и 4-й армиями, к югу от Гирсона и в дальнейшем отходила на Реймс, Эпернэ и далее за Марну.

Бои у Синьи-Ляббэ, Лонуа и Новион-Порсиен 16—17 (29—30) августа.

По путям ее отступления шла за ней *III-я германская армия.* Форсировавши р. Маас в районе Динана и южнее 10 (23) августа, эта армия встретила на левом берегу реки упорное сопротивление, как правого фланга 5-й, так и левого 4-й французских армий, и ей потребовалось пять дней для того, чтобы очистить себе путь до Рокруа, куда она дошла лишь 15 (28) августа. Затем, в дальнейшем своем движении к югу, она снова была задержана в районе к юго-западу от Мезьера, у Синьи-Ляббэ, Лонуа и Новион-Порсиен, в боях с левофланговыми войсками 4-й французской армии. 17 ((30) августа, преодолевши это сопротивление, III-я германская армия достигла излучины р. Эна у Ретеля, на участке от Шато-Порсиен до Атиньи. 18 (31) августа в тылу армии пал форт Живэ после незначительного сопротивления. 21 августа (3 сентября) германская конница заняла, покинутый французами без боя, Реймс, а на следующий день этот город был занят и пехотой. Без сопротивления был занят также войсками этой армии и Шалон-на-Марне, 23 августа (5 сентября), одновременно с форсированием реки между этим городом и Эпернэ.

4-я французская армия, оттесненная противником к 11 (24) августа на Маас, на участок этой реки от Шарлевиля до Стенэ, оказала немцам в течение трех дней, с 12 по 15 (25—28) августа упорное сопротивление в боях между Мезьером и Седаном, а также между Музоном и Нойе, где многочисленные французские батареи левого берега долго задерживали переправу немцев. Особенно упорный бой происходил у Нойе, где находился 12-й французский корпус. Однако, в последующие дни, во исполнение директивы главнокомандующего, 4-я армия начала отступление на Ретель и Вузье. Как только французские арьергарды отошли от Мааса, *IV-я германская армия* приступила к переправе через реку между Шарлевилем и Седаном и у Музона. Одновременно с этим германцы атаковали мезьерский форт Ле-Зайвель, находившийся на левом берегу Мааса к югу от Мезьера. Так как французская артиллерия, при своем расположении на форту, не могла успешно обстреливать участок реки в направлении к Седану, где велась переправа неприятельских войск, то комендант выдвинул свои батареи на открытые позиции, на которых они были в скором времени уничтожены огнем германских батарей с правого берега. Эта неудача сильно потрясла коменданта, который в тот же день застрелился; после его смерти форт сдался противнику.

Падение Мезьера.

На пути своего отступления к югу, 4-я французская армия задержалась на три дня, 15—17 (28—30) августа, перед Ретелем, в районе

Синьи-Лаббэ, Лонуа, Новион-Порсиен, где вела упорные аррьергардные бои с частями III-й германской армии, шедшей ей наперерез от Рокруа. В этом районе армия передала войска своего левого фланга во вновь сформированную 9-ю армию, развернувшуюся между 4-й и 5-й армиями. В дальнейшем 4-я армия отходила без боевых столкновений на Ретель—Вузье и Сюипп к Марне. Германцы следовали за ней на Вузье и С. Менегу.

Последняя из французских армий, принимавших участие в пограничном сражении,—3-я армия, теснимая противником, медленно отходила из своего расположения за р. Отэн к р. Маасу, на участок между Стенэ и Верденом. 17 и 18 (30—31) августа эта армия вела бои еще на этой реке; в начале этих боев, вместо ген. Рюффе вступил в командование армией ген. Сарайль, который нашел невозможным, принявши командование, первое свое приказание отдавать об отходе, а потому войска этой армии в течение двух суток удерживали свои позиции на Маасе. Лишь 19 августа (1 сентября) армия начала отступление к югу, в полосе между верденским укрепленным районом и Аргоннами.

Бои в районе Вердена.

Заслуживает внимания организация этого отступления ген. Сарайлем: он решил отходить возможно медленнее, только под непреодолимым натиском противника, дабы терять возможно меньше пространства, по его словам—„так легко утрачиваемого, но с таким трудом овладеваемого“; отходя, пользоваться всяким случаем с целью переходить в частичное наступление; и, наконец, не терять связи с Верденом, чтобы не подвергать этой крепости опасности окружения и обложения, а свою армию не лишать опоры правого фланга. Благодаря такому способу действий, настойчиво применявшемуся при отходе, операции этой армии в дни, предшествовавшие сражению на Марне, имели весьма деятельный и активный характер.

Отступление ее с Мааса происходило следующим образом. Две резервные дивизии (65-я и 67-я) были передвинуты по правому берегу реки на южную сторону Вердена (к Эпарж); оба же корпуса армии, 5-й и 6-й*), имея справа другие две резервные дивизии (54-ю и 72-ю), а слева—7-ю кавалерийскую дивизию, отходили к югу, все время сохраняя связь правым флангом с Верденом. Отход с Мааса был произведен под натиском XVI-го германского корпуса, переправившегося через реку у Вилон в ночь с 18 на 19 августа (31 августа—1 сентября). К вечеру 19 августа (1 сентября) 3-я французская армия, после аррьергардного боя у Бюзанси, заняла линию С. Ювен — Эксермон — Монфокон—Бетинкур (к северу от Варенна). Несмотря на то, что французская главная квартира предоставила ген. Сарайлю отходить к югу, оставивши Верден и передавши в крепость 72-ю резервную дивизию

*) 4-й корпус 18 (31) августа был выделен из армии для отправления в 6-ю армию, к Парижу и 20 августа (2 сентября) начал посадку в поезда на ст. С. Менегу.

и бригаду 54-й резервной дивизии, тем не менее Сарайль решил не бросать крепости до последней возможности. 20 августа (2 сентября) армия отошла на линию Варенн—Верден, 21-го (3-го)—Клермон—Верден, 22-го (4-го)—С. Менегу—Верден. Продвигаясь к югу левым флангом и центром, армия крепко держалась правым флангом за крепость. Из дальнейшего мы увидим, что этот же способ действий она применяла и во всех последующих боях, до отступления германских армий после сражения на Марне.

Между тем, *V-я германская армия*, переправившись через Маас у Мартинкура и Стенэ (VI-й корпус), у Дуна (XIII-й корпус), у Сиври (VI-й резервный корпус) и у Вилон (XVI-й корпус), неотступно преследовала французов, продвигаясь вслед за ними в узкий район между Аргоннами и Маасом. Два остальные корпуса этой армии были оставлены: V-й—в тылу, для предполагавшейся переброски на восточный фронт, а V-й резервный на правом берегу реки к северу от Вердена до Этена, для наблюдения за крепостью и обезпечения с этой стороны тыловых сообщений армии. У Этена левый фланг корпуса входил в связь с войсками, прикрывавшими крепость Мец. После отступления 3-й французской армии недолго продержались французские пограничные форты: Монмеди пал 11 (24) августа, причем немногочисленный гарнизон форта во время одной из вылазок пытался прорваться, но сбился с направления и частью был взят в плен, частью рассеялся; Лонгви, атакованный еще с 8 (21) августа, был взят 13-го (26-го) после сильных разрушений, произведенных в нем германской тяжелой артиллерией *).

Таким образом, как видно из изложенного выше, вся масса союзных войск, за исключением 1-й и 2-й французских армий, находилась в полном, но все-же планомерном отступлении к югу, направляясь в промежуток между крепостями Парижем и Верденом. Положение этих войск в это время и виды на ближайшее будущее были так охарактеризованы в официальном сообщении французского военного министерства: „в течение нескольких дней борьба изменит свой характер; французская армия на некоторое время перейдет к обороне, когда придет надлежащая минута, избранная главнокомандующим, армия снова предпримет энергичное наступление“.

Крепость Париж.

Однако, быстрое приближение боевых действий к столице вынудило правительство переехать 20 августа (2 сентября) в Бордо. Париж был передан в полное подчинение военному губернатору генералу Галиени, который обещал военному министру защищать столицу до последней возможности. 21 августа (3 сентября) ген. Галиени опубликовал следующее сообщение: „я получил приказ защищать Париж от вражеского нашествия; этот приказ будет выполнен мною до конца.“

*) Взято в плен 3.700 человек.

Париж представлял собой первокласную крепость-лагерь современного типа, расчитанную на крупный гарнизон и способную к продолжительному сопротивлению. Крепость имела две линии фортов: старую, внутреннюю, обводом в 50 километров, из 14 фортов, 3 редутов и 2 отдельных укреплений, и новую, внешнюю, 150 километров в окружности, из 22 фортов, 31 редута и батареи, расположенных главным образом на правом берегу р. Сены. Все укрепления внутренней линии, уже устаревшие, к тому времени были превращены в казармы и склады. Гарнизон крепости состоял из 4-х резервных дивизий (83-й, 85-й, 89-й и 92-й) и морской бригады ген. Ронара.

19 августа (1 сентября) главная французская квартира перешла из Парижа в Бар-сюр-Об: армиям была указана предельная линия отступления: Ножан (на р. Сене), Арсис (на р. Обе), Витри-ле-Франсуа, Бар-ле-Дюк. В виду тяжелого стратегического положения армий и опасности, угрожавшей столице, главнокомандующий потребовал полного невмешательства военного министерства в ведение операций и предоставления себе особых полномочий. В результате тех трений, которые по этому случаю возникли между правительством и высшим французским командованием, и в устранении которых приняло участие английское правительство, состоялась отставка кабинета и появление у власти нового министерства (министр-президент Вивиани, военный министр Мильеран, министр иностранных дел Делькассе).

С продвижением германских армий к югу главная германская квартира перешла из Кобленца в Люксембург 17 (30) августа. При быстром отступлении левого фланга союзников, три правофланговые армии немцев (I, II и III) с 20 августа (2 сентября) потеряли соприкосновение с противником, почему до 22 августа (4 сентября) германская главная квартира не имела никаких сведений о том, что происходило на левом фланге союзников. А здесь происходило следующее. Амьенская группа французских войск ген. Монури, получившая вслед за этим наименование 6-й армии, покинувши берега р. Соммы после боев 17 (30) августа и отходя через Клермон к югу, к 22 августа (4 сентября) достигла района Дамартена, между р.р. Уазой, Урком и Марной. Между тем, I-я германская армия, потерявшая соприкосновение и с этой группой неприятельских войск, и с английской армией, дойдя 21 августа (3 сентября) до окрестностей Нантейля [в 35 километрах отъ Парижа*)], повернула к юго-востоку, к нижнему Урку и к Ла-Фертэ, в районе которого и приступила 22 августа (4 сентября) к переправе на левый берег Марны. Таким образом, 6-я французская армия оказалась на фланге и даже частью в тылу германского правого фланга, устремлявшегося за Марну. О том, что Клук свернул к юго-востоку и что вследствие этого группа Монури оказалась в столь выгодном положении в отношении противника, стало известно во

Обстановка на нижней Марне к 22 августа (4 сент.).

*) Конница кавалерийского корпуса ген. фон-Марвица доходила с севера до предела артиллерийского огня с парижских фортов.

французской главной квартире в день переправы армии Клука через Марну. Естественно, что французский главнокомандующий решил возможно скорее использовать удачно сложившуюся обстановку, столь благоприятствовавшую осуществлению того флангового маневра, идея которого уже определенно была выражена им в инструкции от 12 (25) августа, устанавливавшей порядок отступления союзных армий с бельгийской границы.

С этой целью армиям было приказано 23 августа (5 сентября) прекратить свое отступление, с тем, чтобы уже на следующий день приступить к выполнению грандиозного маневра между Верденом и Парижем: опираясь правым флангом (3-й армией) на Верден и удерживаясь в центре (4-й и 9-й армиями), левым флангом (5-й, английской и 6-й армиями) нанести неприятелю удар с обходом его правого фланга*).

В виду таких решений, которые должны были резко изменить всю обстановку на театре военных действий и которые требовали для своего осуществления особого напряжения всех физических и моральных сил союзных войск, главнокомандующий телеграфировал командующим армиям: „настал час держаться во что бы то ни стало, погибнуть, но не отступить". А в приказе по армиям он писал следующее: „в то время, когда назревает сражение, от которого зависит честь отечества, необходимо помнить всем, что оглядываться назад недопустимо; все усилия должны быть использованы для атаки и оттеснения противника. Войска, которые не будут в силах наступать, должны во что бы то ни стало удержать свои позиции, должны умереть, но не отходить; в настоящих условиях никакая слабость недопустима".

Оценка германского решения идти за Марну.

Итак, сами немцы, ничем к тому не вынуждаемые, становились в весьма опасное положение, подставляя свой правый фланг обходному маневру противника. Правильно ли поступило германское высшее командование, приказавшее своей I-й армии прекратить движение на Париж и свернуть к юго-востоку?**). Немцы, повидимому, ставили себе целью — обойти левый фланг союзников, оттеснить их армии к крепостям восточной границы Франции и здесь их окружить и уничтожить. Была ли эта цель более достижимой, более важной в общем ходе войны, чем овладение французской столицей? Конечно, она была безконечно важнее овладения Парижем. Быть может, эта цель была и труднее достижима, но зато она приводила к более решительным результатам, которые дали бы немцам возможность в кратчайшее время

*) В литературе имеются указания, что на прекращении отступления и на скорейшем переходе в наступление настаивала Англия, для которой являлось весьма невыгодным удаление союзных армий от морского побережья; такое удаление создавало опасность захвата немцами побережья и затрудняло снабжение и пополнение английских войск.

**) Следует полагать, что такое решение не могло быть принято по инициативе командующего армией и определялось общим планом германского наступления.

победоносно закончить войну. Как ни велико могло быть моральное значение падения Парижа, но оно все же не могло привести к таким плодотворным последствиям и не обещало скорого окончания войны, не говоря уже о том, что осада столь обширной крепости, естественно, должна была на продолжительное время ослабить активные операции полевых армий, что дало бы неприятелю и возможность, и время усилиться и занять более выгодное стратегическое положение. Для немцев же, как мы знаем, при ведении войны на два фронта, выигрыш во времени являлся повелительным фактором, необходимым условием для достижения решительного успеха. Поступая таким образом, немцы оставались верны стратегическим заветам Мольтке, который еще в своих мемуарах, относящихся к 1859 году, писал по поводу возможной войны с Францией: „если французская армия будет сгруппирована в районе Реймса, то нам необходимо отбросить ее сначала за Марну, Сену, Ионну и Луару и только после этого идти на Париж...“

Несомненно, что следуя этому завету своего великого учителя, германский генеральный штаб ставил своим армиям правильную задачу и указывал им важнейшую цель на пути к достижению победы. Немецкие исследователи этих событий так и оценивают это решение немцев; французские же писатели, считая это решение неправильным, не проявляют в этом случае ни беспристрастности, ни понимания того положения, в котором находились германцы накануне сражения на Марне: практические результаты этого сражения, стратегический успех, столь неожиданно достигнутый французами в многодневной операции между Парижем и Верденом, повидимому вскружили им голову, затуманили в ней ясность критического мышления. Однако, не вполне правы и немецкие авторы; правильно оценивая целесообразность движения армии Клука за Марну, они об'ясняют дальнейшие неудачи немцев, то тяжелое положение, в котором оказался на нижней Марне правый фланг германцев, случайным обстоятельством: неожиданно, говорят они, раскрылись стены парижской крепости и оттуда, как из-под земли, вышла новая армия. Но это об'яснение, конечно, неверно. Новая французская армия пришла на р. Урк не из Парижа, а с р. Соммы, из амьенского района, где она уже с 15 (28) августа заняла положение, угрожавшее правому флангу I-й германской армии; это опасное для немцев фланговое положение она сохраняла во все время своего отступления к Парижу, причем уже на последнем переходе до Марны армия Клука, следуя восточнее, опередила армию Монури, подставляя под ее удары свои сообщения.

Все это ясно указывает на то, что немцы не отдавали себе в это время отчета в том, что именно происходило на левом фланге союзников и не уясняли себе действительного значения амьенской группы противника; это являлось, конечно, естественным результатом потери ими в последние дни соприкосновения с неприятельскими армиями и слабой разведывательной деятельности их конницы, сгруппированной

на правом фланге армии Клука. Вообще, насколько действия немецкой кавалерии были решительными и быстрыми в период операций в Бельгии, настолько они стали вялыми и медлительными при отступлении союзников к Марне. Так, например, группа Монури на всем своем пути от Соммы до Парижа, несмотря на сравнительно медленное свое движение, не подвергалась нападениям противника, который, повидимому, даже и не наблюдал за отступлением этих войск. Таким образом, ошибка немцев заключалась вовсе не в том, что они не пошли на Париж, а ушли за Марну, а в том, что, принимая это совершенно правильное решение, они не выяснили обстановки на своем правом фланге и не приняли мер для прочного обеспечения этого фланга. Эта ошибка нисколько не стала бы более извинительной, если бы армия Монури даже и появилась неожиданно из Парижа, потому что, имея на своем фланге обширную крепость, вмещавшую в себе крупный гарнизон, наступавший обязан был оставить против этой крепости достаточно сильный заслон. Из дальнейшего мы увидим, что такого сильного заслона немцы не имели; увлеченные преследованием англо-французских войск, ушедших за Марну, уверенные в своих силах, горевшие нетерпением поскорее покончить с противником, не допускавшие с его стороны смелого контр-маневра, они пренебрегли и Парижем, и теми неприятельскими силами, которые могли еще оставаться к северу от Марны. Но неумолимый, безпощадный закон войны покарал их за это пренебрежение. Похоже было на то, как будто бы судьба устанавливала некое равновесие в стратегическом положении сторон: ошибка французов, допущенная ими при развертывании их армий на границе в первые дни войны и приведшая их к тяжким поражениям в большом пограничном сражении и к отступлению до стен Парижа, эта ошибка, казалось, должна была сократиться за ошибку германцев, сделанную ими в своем победоносном движении за Марну. В эти дни обстановка на театре военных действий складывалась таким образом, что каждый последующий день, каждый последующий час мог дать совершенно новые, неожиданные явления. И таковыми действительно изобиловало разыгравшееся вслед за этим великое сражение на Марне.

XI. Сражение на Марне.

Расположение сторон к 23 августа (5 сент.). Схема № 11.

В результате всех передвижений и перегруппировок, указанных в предыдущей главе, войска обоих сторон заняли к 23 августа (5 сентября) нижеследующее расположение между Парижем и Верденом.

6-я французская армия, ген. Монури (7-й корпус, 45-я дивизия, 55-я и 56-я резервные дивизии и 1-й кавалерийский корпус ген. Сорде), развернулась восточнее Парижа фронтом на восток между Дамартеном и правым берегом р. Марны.

Английская армия, фельдмаршала Френча [1-й, 2-й и 3-й корпуса *), 1-я кавалерийская дивизия и 5-я кавалерийская бригада],—к югу от Марны, вдоль левого берега р. Б. Морэн, на линии Вильнев—Отфэй—Водои.

5-я французская армия, ген. Франше д'Эспери (1-й, 3-й, 10-й и 18-й корпуса, 51-я, 53-я и 69-я резервные дивизии и 2-й кавалерийский корпус ген. Конно),—правее англичан, на линии Провэн—Сезанн.

Эти три армии составляли в оперативном отношении левофланговую группу, хотя и не имели об'единенного, группового командования.

Далее к востоку располагалась 9-я французская армия, ген. Фоша (9-й и 11-й корпуса, 42-я и марокская дивизии, 52-я и 60-я резервные дивизии и 9-я кавалерийская дивизия),—на линии Сезанн—Майи (Сомсу).

4-я французская армия, ген. Лангль-де-Кари (2-й, 12-й, 17-й и колониальный корпуса),—между Сомпюи и Сермэзом.

Наконец, 3-я французская армия, генерала Сарайля (5-й корпус, одна дивизия 6-го корпуса**), 54-я, 65-я, 67-я и 72-я резервные дивизии ген. Поль Дюрана и 7-я кавалерийская дивизия),—на фронте Ревиньи—Суйи—Верден.

Эти шесть союзных армий составляли массу в 17 корпусов, 3 отдельных пехотных, 11 резервных и 10 кавалерийских дивизий или около 1 миллиона человек, из коих собственно боевого состава не более 650 тысяч. Они образовали своим расположением обширную дугу, как бы прикрепленную своими концами к двум крепостям—Парижу и Вердену. Наибольший прогиб этой дуги к югу был в центре, на участке 9-й армии, находившейся, примерно, на полпути между реками Марной и Об.

Правый фланг всего этого фронта обеспечивался укрепленным районом Верден—Туль и далее—двумя южными армиями, 1-й и 2-й, занимавшими укрепленные позиции в районе Нанси и в Вогезах.

Против этих союзных армий германцы развернулись таким образом.

I-я армия, ген. фон-Клука (II, III, IV, IX и IV рез. корпуса и кавалерийский корпус фон-Марвица), заняла фронт на левом берегу Марны от Мо до Эстернэ (против английской и 5-й французской армий), оставивши на правом берегу реки, в качестве заслона к западу, лишь один IV рез. корпус генерала Шверина.

II-я армия, ген. фон-Бюлова (гвардейский, VII, X и X рез. корпуса), развернулась на линии Монмирай—Вэртю (против правого фланга 5-й и левого—9-й французских армий).

---

*) 3-й корпус ген. Пэльтеней был сформирован под Парижем из вновь прибывших во Францию дивизий—4-й и 6-й.

**) Другая, 42-я, находилась в 9-й армии; вместо нее в состав 6-го корпуса была введена бригада 54-й резервной дивизии. 4-й корпус в это время перевозился в 6-ю армию.

III-я армия, ген. фон-Гаузена (XII, XIX и XII резервн. корпуса)—на линии Вэртю—Шалон (против правого фланга 9-й и левого—4-й французских армий).

IV-я армия, герцога вюртембергского (VIII, XVIII, VIII резерв. и XVIII рез. корпуса), развернулась частью против 4-й, частью против 3-й неприятельских армий, на фронте Шалон—С. Менегу.

V-я армия, кронпринца германского (VI, XIII, XVI, V-й рез. и V рез. корпуса) охватывала своим левым флангом Верден с севера, на правом берегу Мааса, а к западу от этой реки заняла фронт от Консанвойе до С. Менегу, против 3-й французской армии.

Все эти германские войска—21 корпус и 9 кавалерийских дивизий—имели численность около 900 тыс. человек, из коих боевого состава 600 тысяч. В Эльзас-Лотарингии, против 1-й и 2-й французских армий, по-прежнему находились VI-я и VII-я армии.

Германцы не прекращали своего наступления к югу; особенно же быстро и решительно продвигалась армия Клука. Медленнее других двигалась армия кронпринца германского, встречавшая упорное сопротивление французской армии Сарайля и значительные затруднения в местных условиях Аргонских гор. Но в то время, когда немцы еще продолжали свое движение, союзники уже остановились для того, чтобы вслед за этим немедленно же перейти в наступление по всему фронту. С часу на час должны были завязаться между Парижем и Верденом многочисленные встречные бои, а из сложного сочетания этих боев—развернуться величайшее в военной истории встречное сражение, которому суждено было резко изменить всю стратегическую обстановку на западе.

Распоряжения французской главной квартиры для наступления.

В приказах союзным армиям от 22 и 23 августа (4 и 5 сентября) план предстоявшего наступления был изложен таким образом: 1) решено было использовать невыгодное стратегическое положение, в котором оказалась на нижней Марне I-я германская армия и атаковать ее на следующий день, 24 августа (6 сентября), всеми силами левофланговой группы армий; 2) войскам 6-й армии приказано быть в полной готовности к вечеру 23-го (5-го), с целью форсировать р. Урк между Лизи и Мэй, в общем направлении на Шато—Тьери; 3) английской армии к тому же времени быть в готовности наступать из района Куломье на Ребэ и Монмирай; 4) 5-й армии, развернувшись на линии Куртасон—Эстернэ—Сезанн, к тому же времени быть готовой наступать к северу, имея на своем левом фланге 2-й кавалерийский корпус ген. Конно для связи с английской армией; 5) 9-й армии прикрывать правый фланг 5-й и удерживать проходы через с.-гондские болота, выделив часть своих сил на плато к северу от Сезанна; 6) наступление начать с утра 24 августа (6 сентября); и 7) 4-й и 3-й армиям, выждав результатов этого наступления, атаковать противника в общем направлении на запад.

Таким образом, основная идея французского плана—удар превосходными силами трех армий (6-й, английской и 5-й) по правому флангу неприятеля (по I-й и отчасти II-й армии)*), с обходом этого фланга на правом берегу Марны; в то время, когда этот молот должен был разбивать западную оконечность германского фронта, французский центр (9-я армия) получал задачу—удерживаться на месте, служа связью между обоими флангами союзников. В указаниях, данных двум правофланговым французским армиям, 4-й и 3-й, заключается намек на желание охватить противника с обоих флангов; в этом случае, положение 9-й армии, которая должна была своими действиями связывать эти две фланговые операции и подвергалась опасности оказаться перед превосходными силами немцев, представлялось тяжелым и весьма ответственным в общем ходе сражения. Ниже мы увидим, что эта армия действительно оказалась в весьма трудном положении.

Район сражения.

Районом этого большого сражения, обыкновенно называемого сражением на р. Марне, послужило обширное пространство, ограниченное с запада р. Сеной, с востока р. Маасом, а в направлении с юга на север раскинутое по обоим берегам Марны и по верхнему течению р. Эн. Этот район перерезан многочисленными реками, речками и ручьями, имеющими направление своего течения преимущественно с востока на запад и образующими ряд водных рубежей, из которых некоторые обладают немалым тактическим значением: одни благодаря характеру своих берегов (некоторые участки р. Марны), другие благодаря сопровождающим их болотам (верхнее течение р. М. Морэн с с.-гондскими болотами). В отношении устройства поверхности район представляет большое разнообразие, от равнин Иль-де-Франса до лесистых хребтов Аргонских гор. Все эти местности густо населены и изобилуют селениями, которые прочностью своих построек могут способствовать упорству боевых столкновений.

Район предстоявшего сражения имел для французских армий совершенно особое психологическое значение, потому что в его центре, в излучине р. Марны, к югу от Шато-Тьери и Эпернэ, лежат места, с именами которых связаны воспоминания о блестящих победах французских войск в кампании 1814 года. Здесь, на этих памятных полях Фэр-Шампенуаза, Этожа, Вошана, Шампобера и Монмирайя и в теснинах с.-гондских болот, великий император французов, со своей малочисленной и изнуренной армией, в течение трех месяцев сопротивлялся наступлению превосходных сил союзников, одерживая над ними одну победу за другой. И вот теперь, через 100 лет после этих событий, обвеянных славой наполеоновских походов, озаренных блеском наполеоновского гения, французам вновь приходилось на тех же полях давно прошедших сражений бороться с врагом, попиравшим родную их землю. Как будто бы тень великого императора опять поднялась

*) В общем, 24 пехотных и 8 кавалерийских дивизий союзников против 14 пехотных и 3 кавалерийских дивизий немцев.

над Францией и над ее доблестными армиями, воодушевляя их для предстоявшей борьбы, призывая их к новым подвигам, предвещая им новые победы.

Бои на р. Урке 23—28 августа (5—10 сентября). Схема №12.

Сражение на р. Марне началось боями на р. Урке, где 6-я французская армия атаковала правый фланг I-й германской армии. К полудню 23 августа (5 сентября) войска ген. Монури располагались здесь таким образом: 45-я алжирская дивизия ген. Дрюда, 55-я и 56-я резервные дивизии ген. Ламазе и марокская бригада—у Дамартена, 7-й корпус ген. Вотье—у Лувра, конная бригада ген. Жиле—у Кле; кавалерийский корпус ген. Сорде—выступил с левого берега Сены к Нантейлю. Первые боевые столкновения начались в этом районе после полудня 23 августа (5 сентября) с войсками IV резервного германского корпуса ген. ф. Шверина, оставленного Клуком на правом берегу Марны с целью обеспечения своего правого фланга и тыла от вылазок из Парижа; бо́льшей опасности с этой стороны немцы, повидимому, не ожидали. Германские войска занимали расположение по линии д. д. Барси, Шамбри и Пеншар.

Бои завязались у д. Монтион: марокские стрелки атаковали Пеншар, 55-я рез. дивизия—Марсили и Шамбри, 56 рез. дивизия—Барси; все эти селения были взяты французами. Уже к утру 24 августа (6 сентября) корпус Шверина был оттеснен к Урку. В это время главные силы I-й германской армии продолжали с боями наступление к югу от Марны против войск английской и 5-й французской армий. Однако, получивши донесение о боях на Урке, Клук быстро ориентируется в обстановке и, разгадав действительное положение дел, уже с 10 часов утра 24-го (6-го) прекращает наступление южнее Марны, приступает к смене своих корпусов конницей ген. ф. Марвица и начинает переброску войск на правый берег, на поддержку корпусу Шверина. Первыми направлены туда дивизии II-го корпуса, которые сосредоточились еще засветло у д. д. Варед и Лизи (при впадении Урка в Марну), а к вечеру подошли: 3-я дивизия у Варед к левому флангу IV рез. корпуса, а 4-я дивизия у Этавиньи к правому флангу этого корпуса. Вслед за II-м корпусом спешил к северу и IV-й. Между тем, войска Шверина, под натиском французских частей, особенно 7-го французского корпуса, к вечеру 24 августа (6 сентября) находились в полном отступлении, несмотря на поддержку тяжелой артиллерии, занявшей позиции на Урке между Мэй и Варед.

К утру 25 августа (7 сентября) к берегам Урка подошел IV-й германский корпус, переправившийся через Марну у Шарли. Пользуясь прибывшими подкреплениями, немцы переходят в этот день в наступление: IV-й корпус, совместно с 4-й дивизией II-го, атакует у Этавиньи 7-й французский корпус и отбрасывает его к Аси. Но и Монури в этот день получает подкрепления—61-ю резервную дивизию из парижского гарнизона; это дает ему возможность не только удержаться против натиска бо́льшей части армии Клука, уже переброшен-

ной на Урк, но и самому продвигаться: 26 августа (8 сентября) 45-я дивизия атакует Варед и продвигается к Шанжи и Трильпору, но зато 7-й корпус оттеснен к Бетцу и Тюри-ан-Валуа, не взирая на усиление его тремя полками 61-й резервной дивизии. В этот день на поле сражения, к левому флангу французских войск, сосредоточивается 4-й корпус ген. Боэля, только что прибывший из 3-й армии. Однако, первая же из прибывших дивизий этого корпуса, а именно 8-я, спешно переводится на правый фланг армии, к р. Марне, для содействия левому флангу английской армии, которому, по сообщению фельдмаршала Френча, угрожала, будто бы, большая опасность со стороны противника.

Между тем, командующий I-й германской армией, в своем стремлении поскорее покончить с французскими войсками на Урке, чтобы освободиться для дальнейших операций к югу от Марны, принимает решение сосредоточить против Монури все свои силы и 26 августа (8 сентября) переводит на правый берег Марны последние два корпуса своей армии, III-й и IX-й, оставляет на левом берегу только конницу фон-Марвица, а для обеспечения своего левого фланга приказывает взорвать мосты на р. Марне*). С этого дня I-я германская армия уже всей массой своих войск, пятью корпусами, теснит 6-ю французскую армию, пытаясь охватить ее левый фланг в районе Бетца; положение французов становится здесь весьма тяжелым и Монури требует у главнокомандующего подкреплений. На помощь ему опять приходит военный губернатор Парижа, ген. Галиени: он отправляет на поле сражения усиленным маршем только что окончившую высадку из вагонов 7-ю пехотную дивизию (4-го корпуса), а на следующий день, 27 августа (9 сентября), по собственной инициативе, отправляет туда же 62-ю рез. дивизию, для быстрой переброски которой собирает в Париже около тысячи таксомоторов.

В этот день с утра Клук переходит всеми своими силами в решительное наступление: IV-й германский корпус стремительно наступает от Бетца к Нантейлю и после горячего боя оттесняет 4-й французский корпус и занимает Нантейль и ближайшие окрестности. Французская кавалерийская дивизия ген. Бриду пытается обойти правый фланг немцев, но встречает сопротивление частей IX-го германского корпуса и отходит. III-й и IX-й германские корпуса, направленные к правому флангу, в район Бетца, постепенно охватывают левый фланг французов, который вынужден шаг за шагом отходить на линию Сенлис—Дамартен. Одновременно с этим немцы теснят противника и у Этрепильи. Положение 6-й французской армии становится весьма затруднительным, временами даже критическим: эта армия уже отброшена от Урка, угрожаемая прорывом в центре и охватываемая с севера; отсутствие резервов и утомление войск, сражавшихся безпрерывно пятые

*) Это было выполнено лишь отчасти.

сутки, не давали уже возможности произвести какого нибудь контр-маневра с целью изменить неблагоприятно сложившуюся обстановку.

Но в этот тяжелый для французов момент, когда, казалось, на важнейшем из полей сражений этой великой битвы на Марне военное счастье вновь улыбалось германцам, в этот момент противник заколебался, ослабил свои атаки, приостановил свое наступление и в ночь с 27 на 28 августа (с 9 на 10 сентября) начал уже отводить свои войска к северу. Победоносная армия Клука, выполняя полученное ею приказание германской главной квартиры, начала свое отступление к нижнему Эну, прикрываясь сильными арьергардами. Французы, для которых это отступление немцев явилось совершенно неожиданным, утомленные и расстроенные тяжелыми боями, оставались в эту ночь на поле сражения; результатом этой остановки явилась потеря соприкосновения 6-й французской армии с противником.

Чем же об'ясняется это неожиданное отступление I-й германской армии? Что могло побудить германское высшее командование отдать приказ Клуку покинуть поле сражения, отвоеванное им у противника с таким искусством и с такой затратой физических и моральных сил? Ответ на эти вопросы мы получим ниже, после изложения боевых явлений, развернувшихся по южную сторону Марны. А теперь бросим критический взгляд на действия обеих сторон на берегах Урка.

В действиях германцев обращает на себя внимание быстрота и решительность выполнения нового боевого плана, заключавшегося в переброске крупных сил с южного на северный берег Марны и немедленном же введении их в дело в новом направлении. При этом сама эта переброска произведена весьма искусно и незаметно для противника, как находившегося по южную сторону Марны, так и того, который уже атаковал слабый заслон ген. Шверина на нижнем Урке. Войскам II-го германского корпуса, занимавшим расположение ближайшее к Марне, пришлось, при своем движении на правый берег реки, совершить фланговый марш по отношению к противнику, наступавшему на Пеншар и Варед, но французы не использовали этого опасного положения германских колонн, слишком поздно обнаруживши их приближение к нижнему Урку. Затем, необходимо отметить: искусное маневрирование немцев на поле сражения, приводившее к охвату левого неприятельского фланга, несмотря на постепенное удлинение его французами к северу; стремительность германских атак и быстрое сосредоточение тяжелых батарей между Мэй и Варед для поддержки артиллерийским огнем корпуса Шверина до подхода к полю сражения пехоты.

В действиях французов заслуживают быть отмеченными в положительном смысле лишь быстрые и целесообразные, полные инициативы меры, принимавшиеся генералом Галиени для усиления французских войск, сражавшихся с армией Клука; во всем же остальном эти действия не только не могут считаться образцовыми, но во многом они

даже не соответствовали обстановке. Армия Монури слишком рано перешла в наступление, не давши левобережным войскам Клука уйти от реки к югу и тем предоставивши им возможность быстро вернуться на правый берег; обладая значительным численным превосходством над противником в течение двух дней, 23 и 24 августа [5 и 6 сентября] *), эта армия не с'умела в столь продолжительный срок разгромить противника, а лишь оттеснила его к Урку, что, в сущности говоря, не создавало для немцев тяжелого положения и позволяло им за спиной IV рез. корпуса производить переброску своих сил с одного берега реки на другой. Наконец, в боевых действиях французов невозможно обнаружить какого либо определенного маневра с решительной целью, что особенно удивляет в первые два дня боев, когда французы были гораздо сильнее немцев и когда их действия против флангов противника являлись легко выполнимыми. В общем, они действовали активно только до прибытия к берегам Урка первых двух германских корпусов с левого берега Марны, а с этого времени они лишь отбивают наносимые им противником удары и местами ведут контр-атаки на коротке. В результате же сражения, веденного столь неискусснo и нерешительно, армия Монури позволяет немцам отойти без всякой с своей стороны помехи и в первый же день после сражения теряет с ними боевое соприкосновение.

Бои на Б. и М. Морэне, 24—26 августа (6—8 сентября). Схема № 12.

В то время, когда 6-я французская армия начала свои атаки между Дамартеном и Урком против войск IV рез. корпуса ген. фон-Шверина, главные силы I-й германской армии продолжали свое стремительное наступление по южную сторону Марны на позиции, занятые англичанами и левым флангом 5-й французской армии. Здесь, считая с запада на восток, наступали корпуса—II-й, IV-й, III-й и IX-й. К вечеру 23 августа (5 сентября) II-й корпус достиг западных окрестностей Куломье, IV-й—восточных окрестностей этого местечка, кавалерийский корпус ген. фон-Марвица дошел до Куртасона (между Ла-Фертэ-Гошэ и Провэн), III-й—до Эстернэ, IX-й—восточнее III-го. Следовательно, армия Клука наступала, имея свой левый фланг выдвинутым вперед. С раннего утра 24 августа (6 сентября) II-й корпус, ген. Линсингена, теснит англичан и отбрасывает их к лесу Креси; англичане вследствие этого теряют связь с правым флангом войск Монури. В это же время IV-й корпус продвигается на Провэн, в обход левого фланга 5-й французской армии, вынуждая к отходу французскую конницу ген. Конно; на фронте армии ген. Франше д'Эспери наступали III-й и IX-й германские корпуса. Вообще, наступление Клука развивалось здесь с полным успехом: союзные войска отходили по всему фронту, английская армия была обойдена с обоих флангов, 5-я французская—с левого фланга. Между тем, неблагоприятная обстановка, сложившаяся для немцев на правом берегу р. Марны, вследствие появления здесь новой неприятельской армии, угрожавшей их правому флангу и их

*) 5½ дивизий против 2-х дивизий ген. Шверина.

тыловым сообщениям, вынуждает Клука в 10 часов утра 24 августа (6 сентября) прекратить наступление и начать переброску своих войск на правый берег Марны. Германская пехота постепенно сменяется конницей ген. фон-Марвица, при которой, для введения противника в заблуждение, оставляется некоторое количество тяжелой артиллерии. Этим способом германцы весьма удачно маскировали вывод из боевых линий и оттяжку в тыл II-го и IV-го корпусов и союзники весь день до вечера, несмотря на приостановку неприятельских атак, ничего не знали о начавшейся переброске немецких дивизий на ту сторону Марны. II-й корпус двумя колоннами шел на Трильпор и Шанжи, к устью р. Урка; IV-й предварительно стянулся к Ребэ, а затем выступил к переправе у Шарли. Лишь вечером английские корпуса перешли в наступление и оттеснили германские арьергарды к Б. Морэну на линию Вийе—Шуази.

Весь следующий день, 25 августа (7 сентября), английские корпуса, имевшие перед собой лишь спешенную конницу противника, медленно, нерешительно продвигались к северу и к вечеру своими главными силами утвердились на обоих берегах р. Б. Морэн, на линии Мезонсель — Куломье — Шуази. Кавалерия ф. Марвица, не будучи в силах сдерживать натиск превосходных сил английской армии, отошла своими главными силами за р. М. Морэн, к Ла-Фэртэ-су-Жуар, оставив свои передовые части в боевом соприкосновении с противником. 26 августа (8 сентября) английские летчики донесли, что войска I-й германской армии переправляются в нескольких местах через Марну, заполнивши все дороги, ведущие к переправам. В виду этого, батареи 3-го английского корпуса, находившегося ближе других к р. Марне, открыли огонь по мостам, особенно по тем, которые находились у Ла-Фэртэ-су-Жуар. Вместе с тем, британская пехота, наступавшая до тех пор весьма медленно, ускорила свое движение: энергичнее других продвигался правофланговый, 1-й корпус, передовые части которого настигли на правом берегу М. Морэна 2-ю германскую кавалерийскую дивизию и потеснили ее к Марне. К ночи английские корпуса заняли правый берег М. Морэна от устья этой реки до Вьель-Мезон.

Ознакомившись теперь с положением дел в районе английской армии в течение 26 августа (8 сентября), естественно, приходится недоумевать—зачем понадобилось англичанам в этот день содействие 8-й французской дивизии, переброшенной с левого фланга войск Монури на правый фланг и, вследствие этого, отвлеченной от боевых действий на одном из важнейших в то время направлений, против правого фланга I-й германской армии? Обладая подавляющим численным превосходством над противником (6 пехотных и 1½ кавалерийских дивизий против 3 кавалерийских дивизий немцев), английская армия не только не проявила решительности в своем наступлении, но еще и отвлекла от соседней армии целую дивизию для обеспечения себя от воображаемой опасности, которая будто бы угрожала ей с

другого берега Марны. Ясно, что еслибы немцы намеревались обрушиться на англичан, то они сделали бы это еще 24 или 25 августа, и для этого им не было никакой надобности уходить за реку. Между тем, 8-я французская дивизия бездействовала в течение суток на берегу Марны, поджидая возможности оказать какое нибудь содействие английским войскам.

27 августа (9 сентября) английская армия, не встречавшая уже почти никакого сопротивления со стороны германской конницы, переправившейся на правый берег Марны, тем не менее, продвигалась столь же вяло, как и в предыдущие дни: 3-й корпус весь день оставался у Ла-Фэртэ-су-Жуар, не перебросивши за реку ни одной своей части; 2-й продвинулся за реку только до Монтрей, а 1-й до Шато-Тьери. При этом появление каких то неприятельских сил между Мариньи и Шато-Тьери побуждает Френча обратиться за помощью к соседней, 5-й армии, хотя в его распоряжении находились три корпуса, еще совершенно свежие, еще не участвовавшие ни в каких крупных боевых столкновениях.

Наступила ночь, а вместе с ней и крупная перемена в обстановке: армия Клука начала отступление с берегов Урка. Однако, англичане спокойно отдыхали на берегах Марны, еще не подозревая об этом, все еще более опасаясь противника, чем стараясь самим сделаться опасными для него.

Теперь, проследивши ход событий на фронте английской армии, мы можем уяснить себе то взаимное положение сторон на нижней Марне, которое побудило германское высшее командование отдать приказание Клуку отступить к северу, несмотря на успешное для немцев сражение на Урке. После ознакомления с боевыми действиями в районе Монмирайя, где 5-я французская армия сражалась со II-й германской, это станет для нас еще более понятным. Достаточно взглянуть на карту, чтобы ясно представить себе, в каком невыгодном положении оказалась I-я германская армия после переброски всех своих сил на правый берег Марны: повернувши свой фронт на запад, она убрала свой тыл из-под ударов 6-й французской армии, но вместе с тем подставила последний под удары английской и 5-й французской армий, особенно же первой, на пути движения которой находились лишь слабые части германской конницы. Уже к полудню 27 августа (9 сентября) англичане, подойдя к Марне, оказались в тылу корпусов Клука, между ними и армией Бюлова; связь между двумя правофланговыми армиями немцев уже была нарушена и дальнейшее продвижение англо-французских войск за Марну, на участке Ла-Фэртэ-су-Жуар—Шато-Тьери, угрожало войскам Клука окружением на Урке. Для того, чтобы выйти из этого тяжелого положения необходимо было одно из двух: или возможно скорее разбить армию Монури, оставить затем для преследования ее незначительные силы, а с остальными броситься на англичан, или отойти к северу, с целью уклониться от

грозивших ей тисков и вернуть себе оперативную свободу для последующих действий. Первого не удалось достигнуть: хотя бои на Урке и были вполне успешными для немцев, но французы еще не были здесь разбиты; на правом фланге Клука уже был занесен мощный удар тяжелым молотом из двух корпусов, III-го и IX-го, направленных для обхода и сокрушения левого неприятельского фланга, но для окончательной победы необходимо было еще не менее одного дня; времени же уже не было: английская армия уже шла по мостам, наведенным через Марну. Следовательно, оставалось одно—уступить поле сражения противнику и отойти к северу.

Посмотрим, что происходило в это время далее к востоку, где бои велись и с тем же оживлением, как на нижней Марне, и с такими же решительными результатами.

Бои в районе Монмирайя, 24—27 августа (6—9 сентября). Схема № 12.

На рассвете 24 августа (6 сентября) 5-я французская армия ген. Франше д'Эспери перешла в наступление в общем направлении на Эстернэ и Монмирай; левый фланг армии охранялся кавалерийским корпусом ген. Конно, который поддерживал связь с правым флангом англичан. Корпуса армии располагались, начиная от левого фланга, в таком порядке—18-й, 3-й, 1-й и 10-й. Против них, на фронте от Бетон-Базош до Эстернэ, находились два корпуса I-й германской армии (III-й и IX-й), а восточнее Эстернэ—два II-й армии Бюлова (VII-й и X-й резервный). Несмотря на то, что уже в этот день, с утра, войска Клука постепенно уходили на ту сторону Марны, Бюлов считал своей обязанностью продолжать наступление, рассчитывая, что конница ген. ф. Марвица обеспечит его правый фланг. Вследствие этого, все корпуса его армии энергично продвигались навстречу противнику; VII-й и X-й резервный наступали против правого фланга 5-й французской армии, на фронте от Эстернэ до Шарлевиля. При этом, X-й резервный, спустившись с высот Монмирайя, пытался через Голь охватить этот фланг и проникнуть в промежуток между 5-й и 9-й армиями, но эта попытка окончилась неудачей. Между тем, 1-му французскому корпусу удалось продвинуться до Эстернэ, атаковать этот пункт и овладеть им после полудня.

С утра 25 августа (7 сентября) французские летчики донесли, что большие неприятельские колонны направляются к северу, к переправам через Марну у Шарли; это были части левофланговых корпусов Клука, III-го и IX-го, начавших в этот день свое движение к Урку. Но армия Бюлова продолжала свое наступление. Продвижение французских войск к Монмирайю встретило чрезвычайно сильное сопротивление ее правофланговых корпусов. Оно было тем более чувствительно, что одновременно с этим обнаружился яростный натиск немцев на левый фланг 9-й французской армии. Для поддержки атакованных войск ген. Фоша пришлось направить к ним сначала 10-й, а затем и 1-й корпуса. Остальные же, 18-й и 3-й, продолжали продвигаться к Монмирайю, тесня перед собой войска VII германского корпуса.

На следующий день, 26 августа (8 сентября), 3-й французский корпус (ген. Гаша), после 8-ми часового ожесточенного боя, овладел Монмирайем, а 1-й и 10-й помогли левому флангу 9-й армии вернуть потерянное накануне С. При, причем 1-й корпус даже продвинулся к Вошану. 18-й корпус (ген. Модюи) в то же время был направлен на правый берег М. Морэна на плато Бри. VII-й и X-й рез. корпуса армии Бюлова шаг за шагом отходили к р. Марне. 27 августа (9 сентября) 18-й корпус, имея на левом фланге конницу Конно, занял Шато-Тьери, 3-й—достиг р. Марны у Жольгонн, 1-й продвинулся несколько севернее Вошана; 10-й корпус—оставался на левом фланге 9-й армии в полной готовности поддержать ее. Армия Бюлова постепенно отходила к северу, имея свой правый фланг откинутым назад и прикрытым конными частями кавалерийских корпусов ген. ф. Рихтгофена и ф. Марвица. Однако, левый фланг этой армии, гвардейский корпус, еще упорно сражался у истоков р. М. Морэн, в с.-гондских болотах. В ночь с 27 на 28 августа (с 9 на 10 сентября) II-я германская армия, выполняя директиву верховного командования, начинает общее отступление за Марну.

Из описания боевых действий в районе 5-й французской и II-й германской армий видно, что, с отходом войск Клука на правый берег Марны, правый фланг армии Бюлова потерял свою устойчивость; несмотря на смелые, активные действия германцев у Монмирайя и Шарлевиля, войскам этой армии, обойденным англичанами с запада и теснимым с юга корпусами ген. Франше д'Эспери, уже с 25 августа (7 сентября) пришлось местами отходить к северу, постепенно откидывая свой правый фланг все дальше и дальше к стороне Марны. Таким образом, связь между I-й и II-й германскими армиями была нарушена, большой разрыв, образовавшийся между ними, от Урка до Шато-Тьери,—протяжением в 25 километров,—был занят лишь слабыми частями германской конницы и потому являлся опасной угрозой для положения германских войск Клука, сражавшихся к западу от Урка. Эта опасность значительно усилилась, когда три корпуса английской армии и два—5-й французской утвердились на Марне на участке от Ла-Фэртэ-су-Жуар до Жольгонн. Бои за Урком, в общем успешные для немцев, однако еще не привели их к решительному результату потому все резервы Клука нужны были пока для действий против войск Монури и не могли быть использованы для противодействия англо-французскому продвижению к Марне; других же резервов у немцев не было в этом районе. Все это приводит нас к заключению, что положение правого германского фланга вообще и I-й армии Клука в частности представлялось настолько невыгодным в оперативном отношении, столь угрожающим, что принятое германской главной квартирой решение отойти несколько к северу, чтобы восстановить нарушенный фронт, являлось вполне целесообразным и единственно возможным в условиях сложившейся обстановки.

Бои в районе с.-гондских от, —28 августа (6—10 сентября). Схема № 13.

С утра 24 августа (6 сентября) войска 9-й французской армии ген. Фоша развернулись следующим образом: 42-я и марокская дивизии—на линии С. При, Шарлевиль, Мондеман; 9-й корпус—у Фэр-Шампенуаза, с авангардами к северу от с.-гондских болот; 11-й корпус—у Соммсу; 9-я кавалерийская дивизия—у Майи, прикрывая большую дорогу Шалон, Соммсу, Арсис-сюр-Об, Труа; резервные дивизии, 52-я и 60-я, находились во второй линии, за Фэр-Шампенуазом.

Директивой Жоффра для предстоявшего наступления армии Фоша была указана пассивная задача: удержание позиций в центре стратегического фронта союзников и поддержание прочной связи между его двумя наступательными флангами. Однако, эту пассивную стратегическую задачу командующий армией решил выполнить, не ожидая в неподвижном положении неприятельского наступления, а тактически наступая на некоторых участках своего расположения. 42-я и марокская дивизии утром 24 августа (6 сентября) выступили от С. При с целью достигнуть Вошана; не доходя до берега М. Морэна, они были атакованы частями X-го германского корпуса, но удержались на высотах севернее С. При. Авангарды 9-го корпуса, выдвинувшиеся к к северу от с.-гондских болот, подверглись натиску превосходных сил прусской гвардии и были оттеснены к южной окраине болот; наконец, 11-й корпус, атакованный XII-м германским корпусом (правофланговым III-й армии ген. фон-Гаузена), был потеснен у Соммсу.

На следующий день настойчивые атаки немцев продолжались по всему фронту 9-й французской армии; 42-я дивизия теряет С. При и отброшена к югу, весь левый фланг Фоша западнее с.-гондских болот едва держится. В то же время прусская гвардия овладевает южными выходами из с.-гондских болот, а XII-й корпус, после основательной подготовки огнем тяжелой артиллерии, вновь атакует 11-й французский корпус и опять оттесняет его далее к югу. В этих тяжелых обстоятельствах Фош обращается за помощью к 5-й армии; два правофланговые корпуса последней, 1-й и 10-й, получают приказание поддержать левый фланг 9-й армии.

26 августа (8 сентября), при содействии этих двух корпусов, 42-я и марокская дивизии вновь занимают С. При; но в центре и на правом фланге армии Фоша дела по-прежнему идут плохо: 9-й корпус, под натиском германской гвардии, а 11-й, настойчиво атакуемый XII-м германским корпусом,—продолжают отходить все дальше и дальше. К утру следующего дня положение правого фланга 9-й армии стало критическим: он был отброшен за Майи и несмотря на усиление его двумя резервными дивизиями и на содействие 10-го корпуса 5-й армии, не мог остановить неприятельского натиска. Соммсу, Фэр-Шампенуаз и Майи были заняты немцами, связь с 4-й французской армией была потеряна и германские войска проникли в образовавшийся прорыв, уже утверждаясь на высотах, отделявших долину М. Морэна от долины р. Об. Необходимо было во что бы то ни стало восстановить

положение правого фланга, в противном случае это вынудило бы Фоша отойти за Об, расстроить весь стратегический фронт и обнажить левый фланг 4-й армии. Между тем, марокская дивизия ген. Эмбера упорнейшим образом обороняется у Мондемана; пользуясь такой устойчивостью своего левого фланга, Фош задумывает смелый маневр: усилив мароканцев частью 10-го корпуса, все еще сражавшегося с его армией, он приказывает 42-й дивизии атаковать со стороны Мондемана, во фланг, германскую гвардию, занимающую Фэр-Шампенуаз. Этот маневр выполнен в течение 28 августа (10 сентября); 42-я дивизия овладевает Фэр-Шампенуазом и отбрасывает части гвардейского корпуса к северу. Этим моментом пользуется 9-й французский корпус, который переходит в наступление восточнее Фэр-Шампенуаза; одновременно с ним 11-й корпус наступает на Соммсу. Прусская гвардия, вынужденная отходить через с.-гондские болота после сильного дождя и под натиском противника, несет здесь огромные потери и теряет часть своей артиллерии, застрявшую в трясине. К вечеру этого дня войска 9-й армии занимают с.-гондские болота и правый фланг Фоша достигает линии Вэртю—Ватри. 10-й корпус (5-й армии) продвигается на Байе и Шампобер.

В этот день, 28 августа (10 сентября), уже ясно обозначилось общее отступление II-й германской армии, а в ночь на 29-е (11-е) и отступление III-й. Из корпусов последней раньше других стал отходить XII-й, сражавшийся против правого фланга армии Фоша. Таким образом, 9-я французская армия вышла из своего затруднительного положения, стратегический фронт был восстановлен, неприятельские войска вынуждены к отступлению.

Бои в районе 9-й армии представляются весьма поучительными: они ясно обнаруживают все огромное оперативное значение активных действий, при которых даже более слабые силы могут достигать решительных результатов. Мы видели, что Фош для выполнения возложенной на него задачи решил: наступать своим левым флангом, в центре активно оборонять с.-гондские теснины, а на правом фланге ограничиться пассивной обороной. Соответственно такому распределению и напряжению активных действий и успех боев, завязавшихся на фронте его армии, оказался совершенно различный. На левом фланге французы успешно сопротивлялись неприятельскому наступлению и даже были в состоянии, в наиболее критическую минуту боя, выделить отсюда часть своих сил для решительного содействия соседнему боевому участку; в центре уже не было такого успеха, хотя активная оборона с.-гондских болот все же замедлила продвижение противника и дала возможность 9-му корпусу сохранить связь с войсками левого фланга; наконец, на правом фланге пассивная оборона 11-го корпуса, несмотря на усиление его двумя резервными и кавалерийской дивизиями, терпит полную неудачу и приводит к длительному и опасному отступлению с разрывом фронта и потерей связи с 4-й армией.

В действиях германцев обращают на себя внимание два обстоятельства: наступательная энергия первого натиска, угрожавшего полным разгромом центру и правому флангу Фоша и ослабленного лишь отходом немцев в районе Монмирайя; и полная согласованность действий фланговых корпусов двух соседних армий.

Боевые фронты армий обеих сторон не совпадали между собой; против армии Клука сражались две союзных—6-я французская и английская, а в первые дни и два корпуса 5-й французской; против армии Бюлова и одного корпуса армии Гаузена—5-я и 9-я французские армии. Следовательно, против 10 пехотных и 3 кавалерийских дивизий Клука союзники имели сначала 19½ пехотных и 8 кавалерийских дивизий, а в дальнейшем 15½ пехотных и 5 кавалерийских; против 10 пехотных и 2 кавалерийских дивизий Бюлова и Гаузена—сначала 15 пехотных и 1 кавалерийскую, а затем 19 пехотных и 4 кавалерийских дивизии. Вообще же, вся эта большая группа союзных армий (6-я, английская, 5-я и 9-я), состоявшая из 34½ пехотных и 9 конных дивизий, имела против себя значительно слабейшие германские силы,—20 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Тем не менее, как мы видели, почти во всех крупнейших боевых столкновениях, в течение 23—28 августа (5—10 сентября)—на р. Урке, на Б. Морэне, в районе Монмирайя и у с.-гондских болот—немцы не только не были численно слабее своего противника, но местами даже обладали численным превосходством. Это об'ясняется их высокой способностью к маневрированию и удивительным взаимодействием войск, полным инициативы и дерзания.

Бои на обоих берегах Марны в районе Витри-ле-Франсуа, 24—30 августа (6—12 сентября).

Обратимся теперь к исследованию боевых действий в восточной части поля сражения, от верхней Марны до Мааса. 4-я французская армия ген. Лангль-де-Кари к вечеру 23 августа (5 сентября) развернулась на обоих берегах Марны от Эмбовиля до Сермэза: 17-й и 12-й корпуса на левом берегу, колониальный и 2-й—на правом. Против левобережных корпусов находились два левофланговых корпуса III-й германской армии ген. Гаузена, XII-й рез. и XIX-й, против правобережных—вся IV-я германская армия герцога вюртембергского (VIII-й и VIII-й рез., XVIII-й и XVIII-й рез. корпуса), к востоку от Витри-ле-Франсуа.

С утра 24 августа (6 сентября) 2-й (правофланговый) корпус 4-й французской армии был атакован у Сермэза частями XVIII-го рез. корпуса, но удержался в своем расположении. На боевых участках остальных корпусов в этот день произошли лишь мелкие столкновения передовых войск. Выполняя директиву главнокомандующего, генерал Лангль-де-Кари сохранял выжидательное положение до выяснения результатов боевых действий на нижней Марне. Однако, германцы вынудили его раньше времени выйти из этого пассивного состояния и принять деятельное участие в тех упорных боях, которые с 25 августа (7 сентября) развиваются в районе Витри-ле-Франсуа.

В этот день германские атаки у Сермэза становятся настойчивее и упорнее, немцы пытаются прорваться между внутренними флангами 4-й и 3-й французских армий; 2-й французский корпус ген. Жерара, атакованный превосходными силами XVIII-го и XVIII-го рез. корпусов, покидает Сермэз и отходит к Шеминону. На поддержку ген. Жерару прибывает из 3-й армии бригада 15-го французского корпуса, но она не в силах восстановить утраченное положение правого фланга. Между тем, тяжелая обстановка складывается и на левом фланге армии: здесь, у Сомпюи, 17-й французский корпус атакован частями XII-го рез. и XIX-го корпусов III-й германской армии и вынужден отходить. Но на следующий день, 26 августа (8 сентября), ген. Лангль-де-Кари получает подкрепление: у Васси (к югу от С. Дизье) высаживается только что прибывший из Вогез, из 1-й армии, 21-й корпус и усиленными переходами направляется в район 4-й армии; однако, он может принять участие в боевых действиях только 27 августа (9 сентября). Тем временем, в течение всего дня 26 августа (8 сентября) германский натиск усиливается на всем фронте корпусов ген. Лангль-де-Кари: XII-й рез. и XIX-й корпуса занимают Сомпюи и Эмбовиль, VIII-й и VIII-й рез. продвигаются между Витри-ле-Франсуа и Блемом, XVIII-й и XVIII-й рез.—теснят правый фланг 4-й французской армии южнее Сермэза.

Как мы знаем, одновременно с этим и соседняя 9-я французская армия находилась в тяжелом и опасном положении, с правым флангом отброшенным почти до р. Оба. Таким образом, левый фланг 4-й армии был обнажен и уже охвачен у Эмбовиля. Этот момент, примерно с полудня 26-го (8-го) до полудня 27-го (9-го), был наиболее тяжелым, критическим для союзников в ходе боевых действий этой великой битвы на Марне. Казалось, еще один удар со стороны германских корпусов III-й и IV-й армий,—и англо-французский фронт будет расколот. Однако, та стратегическая обстановка, которая уже сложилась к тому времени на нижней Марне, начинала оказывать свое влияние и на положение дел в центре: отступление корпусов II-й германской армии создавало уже неустойчивое, неуверенное настроение в соседних армиях. С утра 27 августа (9 сентября) наступательная энергия немцев в районе Витри-ле-Франсуа заметно ослабевает, германцы как будто выжидают чего то; между тем, на стороне французов в этот день вступает в дело 13-я дивизия вновь прибывшего 21-го корпуса, атакующая, вместе с 17-м корпусом, части XII рез. корпуса у Сомпюи и вынуждающая их к отступлению. Этот успех положил начало восстановлению положения у внутренних флангов 9-й и 4-й французских армий. В то же время 2-й корпус, при поддержке 15-го (3-й армии), овладевает Сермэзом, а 12-й и колониальный прочно удерживаются в центре.

На следующий день, с утра, обнаружился частичный отход войск III-й и IV-й германских армий, которые, имея уже приказ германской главной квартиры, касавшийся общего отступления, видоизменяли

группировку своих сил с целью обеспечить себе планомерное выполнение этого движения. С этого дня немцы уже переходят к обороне, проявляя особенное упорство у Витри-ле-Франсуа, укрепления которого весь день удерживались саксонскими частями III-й армии. К вечеру 28 августа (10 сентября) и IV германская армия начала общее отступление к северу. Французские корпуса следовали за нею, причем 17-й и 21-й, наступая вдоль левого берега Марны, угрожали охватить правый фланг войск герцога вюртембергского и вынудили саксонцев оставить Витри-ле-Франсуа, покинутый их арьергардом на следующий день.

Бои в Аргоннах и у Вердена, 24—29 августа (6—11 сентября). В тесной связи с войсками генерала Лангль-де-Кари вела бои 3-я французская армия ген. Сарайля в районе Аргонских гор и у Вердена. К вечеру 23 августа (5 сентября) эта армия занимала следующее расположение: 5-й корпус между Соммэйе и Нюбекуром, 6-й—у Суйи, 3 рез. дивизии—на левом берегу Мааса, к северу от Тройона, 7-я кавалерийская дивизия—впереди левого фланга армии, в направлении на Пассаван. Против этой армии находилась V-я армия кронпринца германского на фронте от Соммэйе на Триокур и Консанвойе: VI-й корпус—у Соммэйе, V-й резервный—у Триокура, XIII и XVI—далее до р. Мааса. VI резервный и V корпуса, как мы видели, оставались на правом берегу: первый из них против северного сектора верденского укрепленного района, а второй—между Верденом и Мецом в ожидании переброски на восточный фронт.

В гарнизоне Вердена (комендант — ген. Кутансо) находились, кроме крепостных войск, две резервные дивизии—72-я и 75-я.

Из сказанного здесь видно, что расположение войск ген. Сарайля отвечало двум условиям: сохранению прочной связи с Верденом, с целью воспрепятствовать обложению крепости противником, и занятию охватывающего положения по отношению левого фланга кронпринца германского, между Верденом и р. Эр. Этими обоими выгодными условиями Сарайль и решил воспользоваться в первый же день начатого им наступления, 24 августа (6 сентября), наметивши себе следующий план действий: одной бригадой 5-го корпуса прикрыться со стороны Соммэйе, а всеми остальными войсками правого фланга ($1^1/_2$ дивизии 5-го корпуса, $1^1/_2$ дивизии 6-го и 3 резервные дивизии), при содействии крепостного гарнизона, атаковать немцев между Триокуром и Верденом. Коменданту крепости он посылает приказание произвести решительное наступление на Виль-сюр-Кузанс, во фланг противнику. Ген. Кутансо назначает для этой цели 72-ю рез. дивизию ген. Геймана. В результате всех этих распоряжений, в течение 24-го (6-го), между верховьем р. Эна и крепостью происходит ряд упорнейших боев с частями двух германских корпусов, XIII и XVI-го; здесь обе стороны, в общем, сохраняют свои позиции. Но на левом фланге Сарайля дела идут плохо: под натиском VI и V рез. германских корпусов французские войска 5-го корпуса отброшены за Ревиньи; немцы явно стремятся прорваться к Бар-ле-Дюку.

План германского наступления заключался здесь в нанесении главного удара по левому флангу Сарайля, с тем, чтобы разобщить его армию от 4-й французской армии и оттеснить ее к р. Маасу, в то время, когда войска V-го германского корпуса, направленные из-под Меца к Вердену, должны были угрожать тылу французских войск с правого берега Мааса, от Тройона или С. Мьеля.

На следующий день, 25 августа (7 сентября), левый фланг Сарайля продолжает отходить к югу, но центр и правый фланг стойко сопротивляются и удерживаются на месте после упорных боевых столкновений в гористо-лесистой местности Аргонн. В это время VI рез. германский корпус бомбардирует северные и северо-восточные форты Вердена, с целью отвлечь крепостной гарнизон от содействия полевой армии. Между тем, в тяжелом положении оказался в этот день и правый фланг 4-й армии у Сермэза; ген. Ланглъ-де-Кари просит помощи у Сарайля. Последний посылает приказание головной бригаде высаживающегося в Бар-ле-Дюке 15-го корпуса, только что прибывшего из 2-й армии*) спешить к Сермэзу. Эта бригада, брошенная на Вассинкур, в боях 25—26 августа (7—8 сентября) не имеет успеха и правый фланг 4-й армии отброшен немцами к Шеминону. С утра 26-го (8-го) немцы настойчиво пытаются прорваться в промежуток между 5-м и 6-м корпусами у Нюбекура; Сарайль бросает им навстречу 7-ю кавалерийскую дивизию, находившуюся в это время за левым флангом армии, и бригаду 5-го корпуса из корпусного резерва. Когда опасность неприятельского прорыва здесь миновала, командующий армией вновь переводит конницу к левому флангу и дает ей задачу—поддерживать связь с отступающей 4-й армией и обеспечивать левый фланг со стороны леса Труа-де-Фонтэн (у Шеминона), уже занятого немцами.

В этой тяжелой обстановке Сарайль получает донесение, что форт Тройон, на правом берегу Мааса, бамбардируется тяжелой германской артиллерией и что комендант форта не надеется удержаться долее двух суток. С своей стороны комендант Вердена, ген. Кутансо, посылает приказание гарнизону Тройона—держаться во что бы то ни стало, а сам обращается за помощью к командующему 2-й армией ген. Кастельно. Итак, неприятель теснит 3-ю армию на фронте, охватывает ее левый фланг и угрожает ее тылу... В самом деле, какое тяжелое положение!.. Этот день, 26-е августа (8 сентября),—один из труднейших дней в боевых действиях армии Сарайля под Верденом. Как в этих трудных условиях помочь Тройону? А эта помощь была необходима, потому что падение этого форта обнажило бы тыл 3-й французской армии и дало бы возможность немцам форсировать Маас к югу от крепости. Единственным резервом, которым мог в это время располагать командующий армией, была армейская конница, та 7-я

*) Выделен из 2-й армии 23 августа (5 сентября).

кавалерийская дивизия, которая уже спасла положение у Нюбекура и теперь обеспечивала левый фланг армии. Сарайль решает еще раз использовать ее в качестве подвижного резерва и спешно направляет ее к Маасу, в расчете, что движение к Тройону этой конной массы явится демонстрацией, которая создаст у противника представление о подходе французских подкреплений. Рассчет его оправдался: конница, конечно, не могла оказать форту никакой существенной помощи, но приближение к реке французских колонн развлекло внимание атакующего и дало обороняющемуся выигрыш во времени, имевший в данном случае решающее значение.

Между тем, принимая во внимание неблагоприятно сложившуюся в этот день обстановку в районе правофланговых армий, французская главная квартира разрешила Сарайлю отойти далее к югу и предоставить Верден собственной его участи. Но командующий 3-й армией твердо решил во что бы то ни стало сохранить тактическую связь с крепостью. 27 августа (9 сентября) к его левому флангу подходят уже все части прибывшего из 2-й армии 15-го корпуса и здесь положение французских войск становится более прочным; центр и правый фланг Сарайля, по-прежнему, сохраняют свое положение, а форт Тройон все еще держится. Немцы опять предпринимают сильную бомбардировку левобережных северных укреплений Вердена (Мортом и Буа-Бурю), но эта демонстрация не оказывает никакого влияния на ход боевых действий в поле. Однако, на следующий день, 28 августа (10 сентября), когда на фронте соседней армии уже обнаружилось неприятельское отступление, войска Сарайля все еще вели тяжелую борьбу с противником, атаковавшим их с полной энергией: XIII и XVI германские корпуса сильно теснили 6-й французский корпус, едва державшийся под ударами превосходных сил германцев; в тылу, форт Тройон готов был пасть с минуты на минуту, а у Ла-Круа-сюр-Мез (немного южнее Тройона) немцы уже пытались форсировать переправу через Маас. Сарайль принимает тогда решение: до падения Тройона не покидать Вердена, если же этот форт будет взят немцами, то отвести свой правый фланг вверх по Маасу. Но уже к вечеру этого дня обстановка неожиданно изменилась в пользу французов: V германская армия, выполняя директиву германской главной квартиры, начала общее отступление к северу. Это дало возможность 15-му французскому корпусу продвинуться к Ревиньи, тесня перед собой части XVIII рез. корпуса (левофлангового IV германской армии), а 6-му корпусу—успешно вести бой с XIII и XVI корпусами противника. 29 августа (11 сентября) корпуса кронпринца медленно отходили, уступами с правого фланга, что дало возможность левому флангу Сарайля выдвинуться в этот день за Ревиньи. Бои у Вердена затихли; форт Тройон, получивший накануне поддержку из 2-й армии (73-ю рез. и 2-ю кавалерийскую дивизии), отразил три неприятельских штурма, немцы прекратили свои приготовления к переправе у Ла-Круа-сюр-Мез. Все это позволило

Сарайлю сосредоточить свои усилия на оттеснении противника в Аргоннских горах, где отступление германских корпусов шло уже полным ходом. Тем не менее, каждый шаг вперед, каждое незначительное продвижение к северу французским войскам приходилось покупать дорогой ценой в тяжелой борьбе с немецкими арьергардами.

Боевые действия 3-й французской армии в дни сражения на Марне являются поучительным образцом активной обороны полевой армии, опирающейся на крепость. Отступая в Аргоннах, под натиском превосходных сил противника, ген. Сарайль правильно оценил то значение, которое могли иметь для исхода всей операции тесная связь между крепостью и полевой армией и их взаимодействие вне границ крепостного района. Результатом этого было его твердое решение не терять тактической связи с Верденом, во что бы то ни стало уберечь эту крепость от обложения и осады. И мы видели, что даже в самые трудные минуты сражения, теснимый с фронта, обходимый с фланга и угрожаемый с тыла, командующий 3-й армией настойчиво стремиться к поставленной себе цели: не разлучаться с Верденом, не бросать крепости на произвол судьбы, не предоставлять врагу возможности отрезать ее от полевой армии. Следует отметить также искусное маневрирование войск ген. Сарайля: переброску конницы из одного района в другой, удар во фланг противнику из крепости на Виль-сюр-Кузанс и быстрое, своевременное использование резервов в боях на левом фланге. Только благодаря этим ценным особенностям своей оперативной деятельности, армии Сарайля удалось и сохранить связь с Верденом, и вести бои в полном согласии со своим соседом слева, и недопустить противника пробиться к Бар-ле-Дюку и С. Дизье, а также форсировать Маас южнее крепости.

Что касается V-й германской армии, то ее действия, подобно таковым же других немецких армий, были полны решительности и отваги, почему и привели ее к крупным тактическим успехам. На долю этой армии пришлась местность наиболее трудная и для движения значительных войсковых масс, и для боевых действий этими массами; но, несмотря на это, корпуса кронпринца германского и в лесисто-гористой местности Аргоннских хребтов обнаружили свою подвижность и способность к маневрированию, боевой порыв, облегчавший им преодоление препятствий, создаваемых на пути их наступления и природой, и неприятельскими войсками. Насколько решительно было продвижение этой армии к югу, настолько же методично и планомерно оказалось ее отступление к северу: армия отступала шаг за шагом, уступами с правого фланга, подолгу задерживая противника в арьергардных боях. Такая медленность отхода могла поставить ее в дни 28—29 августа (10—11 сентября) в весьма опасное положение, потому что, имея свой фронт обращенным к востоку и юго-востоку, эта армия, с отходом из района Витри-ле-Франсуа корпусов герцога вюртембергского, подвергалась с запада охвату 4-й французской армией; однако, немцы

с'умели и здесь правильно оценить обстановку, определить тот предел, до которого следовало сохранять упорство и успели отойти без крупных потерь и без нанесения ущерба общему положению дел на фронте.

Боевые действия в Эльзас-Лотарингии.

В то время, когда на берегах Марны, в многодневных боях между главными силами германских и французских армий, решались важнейшие вопросы этой великой войны, на второстепенном театре военных действий западного фронта, на границе Эльзас-Лотарингии, тоже разгорелись оживленные бои. Немцы возобновили здесь свое наступление, как в районе Нанси, так и в вогезских проходах; 1-й и 2-й французским армиям, ослабленным выделением нескольких своих корпусов для северных армий, пришлось вести в эти дни тяжелые оборонительные бои с численно превосходным противником. Но к 29 августа (11 сентября) и здесь сказался успех, достигнутый союзными армиями на нижней Марне: с этого дня немцы прекращают свои атаки на эльзас-лотарингском фронте и оттягивают свои войска к востоку. Французы продвигаются вслед за ними и, без большого сопротивления со стороны противника, занимают Жербевилер, Люневиль, С. Дие, Бакара и Понт-а-Муссон.

Разбор и оценка сражения на Марне.

С последними арьергардными боями в Аргоннах, в течение 28 августа (10 сентября), сражение на Марне закончилось; уже к утру 29 августа (11 сентября) все германские армии, на фронте от Урка до Мааса, свернулись в походные колонны и отходили к р. Эну. Союзники повели преследование вне поля сражения.

Таким образом, победоносное, смелое, решительное наступление немцев, еще так недавно угрожавшее англо-французским армиям, сменилось неожиданным отступлением; повсеместный тактический успех германских войск, достигнутый ими во всех боях, разыгравшихся в эти дни между Парижем и Верденом, привел их к стратегической неудаче... В чем же заключается причина этого замечательного явления, на первый взгляд такого странного, столь непонятного?

Попытаемся отдать себе отчет в сущности тех оперативных намерений, которые имелись в этом сражении у обеих сторон. Германцы, устремляясь главной массой своих войск между Парижем и Верденом, сначала задавались целью обойти левый фланг союзников и отбросить их армии к крепостям восточной границы, а затем, когда обнаружилась угроза их правому флангу со стороны Парижа, решили прорвать неприятельский фронт в центре, вдоль большой дороги, ведущей из Шалона на Соммсу, Арсис (на Обе) и Труа. В свою очередь союзники поставили себе задачей: переходя в наступление на всем фронте, от нижней Марны до Мааса, неожиданно для противника нанести удар в его правый фланг, в районе Урка. Собственно говоря, ни одна из сторон не обладала ни численным превосходством над противником, ни достаточным количеством свободных сил для того, чтобы придать намеченному для себя маневру решительный характер и создать для неприятеля безвыходное положение, угрожавшее разгромом. Однако,

каждый из этих маневров, даже при таких условиях, мог иметь серьезное оперативное значение в случае своего успешного выполнения. И ценность каждого из них зависела от возможности предупредить маневр противника, осуществить свой замысел ранее неприятельского. Представим себе, что армия Монури была бы сформирована не в то время, когда англо-французские армии отступали из Бельгии, а, например, лишь на Марне, почему она начала бы свою фланговую операцию на несколько дней позже. Несомненно, что в этом случае немцы успели бы настолько продвинуться к югу, что и обход левого фланга союзников, и прорыв их центра были бы выполнены ими, почему маневр армии Монури явился бы запоздалым и неосуществимым в условиях новой обстановки. К счастью для союзников, и сам этот маневр был задуман, и потребные для него войска были собраны еще за неделю до прихода на Марну, что дало возможность французскому главнокомандующему выждать удобный момент для использования этих войск и в подходящую минуту приступить к выполнению намеченного маневра. И в этом, мне кажется, заключается главная заслуга Жоффра,— в этом заблаговременном создании плана будущего сражения и образовании ударной группы, олицетворявшей в себе основную идею задуманной операции; и настолько же велика была ошибка германцев, не разгадавших в эти дни действительной обстановки, проглядевших подготовку противником флангового маневра на нижней Марне.

Во всяком случае, благодаря предусмотрительности французского высшего командования, союзники предупредили немцев в выполнении своего маневра и уже в одном этом заключался залог удачного исхода для англо-французских армий всей операции на Марне. Предупредивши в этом отношении противника, они вырвали из его рук инициативу и расстроили его оперативный план, который, несмотря на всю энергию, проявленную германскими войсками, и на все искусство маневрирования, обнаруженное ими, уже не мог выполняться в первоначальном направлении, потому что для этого уже не хватало сил, отвлеченных в другую сторону, и этому не благоприятствовало взаимное положение сражавшихся.

Я уже упоминал о том, что все бои, из которых слагается это великое сражение, были выиграны немцами; что везде, от Парижа до Вердена, тактический успех неизменно сопровождал наступление германских войск. В самом деле, разве бои на Урке не привели армию Клука к победе над противником, оттесненным чуть ли не к стенам парижской крепости и обойденным с левого фланга? Разве английская армия, отброшенная за р. Б. Морэн и потерявшая связь с соседними армиями справа и слева, не понесла поражения под натиском корпусов I-й германской армии? А критическое положение армии Фоша в дни 26—27 августа (8—9 сентября), когда центр англо-французского фронта был прорван и союзным войскам угрожала опасность быть расколотыми на две группы с охваченными внутренними флан-

гами? Наконец, оттеснение левого фланга Сарайля к Бар-ле-Дюку, ежеминутная опасность для его правого фланга потерять связь с Верденом и угроза его тылу германскими войсками с правого берега Мааса,—разве подобная совокупность тактических положений не свидетельствует об успехе, достигнутом армией кронпринца германского в верденском районе? Менее ярки и менее решительны были успехи немцев в боях с 5-й и 4-й французскими армиями, в районах Монмирайя и Витри-ле-Франсуа, но все же и здесь это были тактические успехи, это были удачные для немцев, выигранные ими бои. И если бы при всем этом, на необ'ятное поле сражения не упала неожиданно мрачная тень опасности, откуда то появившейся в тылу правого фланга корпусов Клука, то результатом всех этих частных германских побед, несомненно, было бы тяжелое поражение англо-французских армий. Однако, эта зловещая тень легла между сторонами, и победоносные германские армии вздрогнули и остановились в своем стремительном движении к югу.

Решающим фактором победы и поражения в сражении на Марне явился удар 6-й французской армии ген. Монури во фланг I-й германской армии ген. Клука. Этот удар обладал двумя весьма опасными для противника свойствами: он угрожал сообщениям правофланговых германских армий и он произведен был неожиданно,—следовательно, вызвал необходимость спешных, непредусмотренных передвижений и перегруппировок на широком фронте. Поэтому, наиболее существенное значение этой фланговой атаки—значение маневренное; не столько важен был тот материальный урон, который мог быть непосредственно нанесен правому флангу германского фронта, сколько было важно то расстройство неприятельского марша-маневра, которое должно было явиться неизбежным результатом мер, необходимых для противодействия занесенному на фланге удару. Это расстройство приобрело тем более важное значение, что к началу сражения германские армии еще не установили между собою полной тактической связи; их движение к югу еще не было наступлением против изготовившегося к обороне противника, это было пока лишь преследование отступавшего.

Оценивая все последствия, которые могли проистекать из этого маневра для взаимного положения сторон, приходится прийти к заключению, что атака Монури, о чем я уже упоминал выше, была начата слишком рано; если бы она началась даже в момент, указанный в директиве главнокомандующего, именно с утра 24 августа (6 сентября), а не днем 23-го (5-го), то корпуса Клука, быстро продвигавшиеся к югу, отошли бы от Марны на значительное расстояние, которое затруднило и замедлило бы их переброску на правый берег реки, на поддержку войскам Шверина. Между тем, преждевременное обнаружение 6-й французской армией задуманного Жоффром маневра и определившееся уже к вечеру 23 августа (5 сентября) тяжелое положение войск IV германского резервного корпуса, дали возможность

Клуку уже на следующий день утром приступить к организации быстрого и решительного контр-маневра на нижней Марне.

Не мало облегчили ему выполнение этого контр-маневра и англичане: вместо того, чтобы, вцепившись в корпуса Клука, находившиеся к югу от Марны, задержать их возможно дольше на своем фронте и дать возможность армии Монури глубже зайти им в тыл, английские войска бездействуют до вечера 24 августа (6 сентября), позволяют немцам сменить пехоту спешенной конницей и среди бела дня отводить свои корпуса на правый берег реки. Не сумевши задержать противника, они не сумели и преследовать его, потерявши весь день 24-го (6-го). Между тем, насколько опаснее оказалось бы положение I-й и II-й германских армий, если-бы корпуса фельдмаршала Френча появились на марнских переправах не 27-го (9-го), а 25-го (7-го) или 26 августа (8 сентября): к этому времени Клук еще не успел бы отбросить французов от Урка, а Бюлов—откинуть свой правый фланг к Марне.

Таким образом, мы видим, что ближайшие сотрудники Жоффра своими неискусными действиями не только затрудняли выполнение отлично задуманного им оперативного плана, но и своими грубыми ошибками ослабляли широкое маневренное значение того наступления, которое повела 6-я французская армия.

Для того, чтобы в полной мере уяснить себе все оперативное значение того или другого маневра, того или иного плана, необходимо представить себе выполнение их в наиболее благоприятной обстановке, т. е. предположить, что мысль полководца правильно понята исполнителями и намерения его осуществляются своевременно и целесообразно. И если бы эти условия были соблюдены при выполнении общих указаний, данных французским главнокомандующим для сражения на Марне, то результатом боев 24—27 августа (6—9 сентября) явилось бы, помимо общих крупных стратегических успехов союзников, еще и тяжелое тактическое поражение армии Клука, которого ей удалось избежать вследствие торопливости Монури и нерешительных действий Френча. Однако, сама идея этого флангового маневра, задуманного Жоффром, оказалась настолько жизненной и плодотворной, что, несмотря на все промахи исполнителей, она проявила свое решающее влияние на всем длительном ходе этой сложной боевой драмы, развернувшейся между Парижем и Верденом. Не взирая на все эти ошибки, вопреки всем неудачам, постигшим союзников во всех тактических предприятиях, все же в окончательном выводе стратегическое положение правого германского фланга оказалось настолько невыгодным и опасным, что пришлось пожертвовать всеми плодами победоносных боев и предоставить поле сражения противнику. Разрыв германского фронта между I-й и II-й армиями, угроза тылу корпусов Клука и обход правого фланга войск Бюлова—вот те действительные, грозные опасности, уклониться от которых возможно было для немцев

только путем общего отступления. В самом деле, возможен ли был какой нибудь другой способ выйти из этого трудного положения? При сложившихся условиях, при относительной численности войсковых масс обеих сторон,—никакого иного выхода из создавшегося для немцев положения не было. Только прекращением сражения и отходом к северу германские армии могли приобрести оперативную свободу для новых группировок и для восстановления нарушенного стратегического фронта.

Конечно, быть может, совершенно иначе сложилась бы для немцев обстановка, если бы в этих условиях у них нашлись свободные силы, которые возможно было бы использовать в качестве резервов; таковые могли бы быть брошены ими или на поддержку Клука с целью разгромить армию Монури и загнать ее за линию парижских фортов, или для заполнения промежутка между войсками Клука и Бюлова, или, наконец, против неприятельского центра, в прорыв в районе Фэр-Шампенуаза, чтобы добиться здесь решительного успеха. Но этих резервов у немцев не оказалось *).

Обыкновенно, при обсуждении этого вопроса, неудачу немцев об'ясняют отвлечением на восточный фронт двух корпусов для организации наступления против русских армий в Восточной Пруссии. Несомненно, это ослабление сил имело некоторое значение, но таковое в большинстве случаев сильно преувеличивается. Мы видели, что незадолго до сражения на Марне от главных операций на западном фронте были отвлечены не только эти два корпуса, но и еще четыре других; следовательно, сущность дела заключается не в том, что за несколько дней до решительного столкновения Гинденбургу отправили эти два корпуса, а в том, что вообще немцы в этом сражении не обладали численным превосходством, которое дало бы им возможность сосредоточить на важнейшем направлении подавляющие силы.

В связи с вопросом о значении для немцев в сражении на Марне наличности свободных сил, которые возможно было бы использовать на решительном направлении, находится принципиальный вопрос о стратегическом резерве, о целесообразности его, о способах его применения. Впрочем, это—вопрос общий для всей минувшей войны, в операциях которой переброска крупных масс на значительные расстояния, с целью достижения каких либо оперативных преимуществ, встречается постоянно. Поэтому я рассмотрю этот вопрос в последней главе этой книги, в общих выводах из боевых действий всего маневренного периода войны, в более широких рамках всей изучаемой нами кампании.

---

*) Германская главная квартира пыталась образовать такой резерв, для чего 24 августа (6 сентября) из состава VII армии XV корпус, из-под Эпиналя, был направлен через Трир и Брюссель на поддержку Клука, но он опоздал (об этом корпусе—см. главу XII).

Я уже говорил о том, что директива Жоффра для перехода в наступление на 24 августа (6 сентября) производит впечатление, как будто бы союзники задумали охватить оба германских фланга. И в некоторых немецких исследованиях о сражении на Марне такое предположение высказывается определенно. Однако, я думаю, что едва ли французская главная квартира задавалась в то время столь широкими и решительными задачами, особенно имея в виду только что пережитые союзными армиями неудачи. Для этого у союзников не имелось достаточного превосходства в силах и, кроме того (что гораздо важнее), они не обладали и превосходством в маневрировании сравнительно с противником. Правильнее будет прийти к заключению, что указанное в директиве наступление 3-й и 4-й французских армий к западу должно было послужить лишь вспомогательным маневром для содействия центру в удержании им своего положения. Как известно, это наступление не удалось французам и 9-я французская армия была спасена лишь общей переменой в стратегической обстановке, вызванной событиями на западном фланге.

Французские исследователи этих событий часто называют победу союзников в этом сражении—чудом. И, в самом деле, эти удивительные боевые явления, развернувшиеся в дни 24—27 августа (6—9 сентября) на берегах Марны, заключают в себе значительную долю чудесного... Эта неожиданная для немцев остановка англо-французских армий; этот внезапный их переход в наступление, во многих местах полное порыва и решительности; эта как будто бы из-под земли появившаяся новая армия, занявшая такое угрожающее положение по отношению к противнику; наконец эта, витавшая над необ'ятным полем сражения, воодушевлявшая одну сторону и подавлявшая другую, гениальная идея флангового маневра на нижней Марне.

Да, это было действительно чудо, чудо гениального замысла, чудо вдохновенной отваги в решительную минуту, одно из тех чудес, которыми обыкновенно отмечены в военной истории человечества великие победы и великие поражения. И все эти необыкновенные условия, в которых началась, велась и завершилась эта великая битва на Марне, это сложное сочетание неожиданностей, резких перемен в стратегическом положении, несбывшихся рассчетов и разочарований с одной стороны, чудесного осуществления надежд с другой,—все это лишь еще раз убеждает нас в том огромном значении, которое имеет в боевых предприятиях оперативный замысел, эта душа стратегической операции.

Велики ли были для союзников результаты их победы на Марне?

Немецкие авторы, производя оценку боевых действий обеих сторон, всячески стараются умалить значение французской победы, указывая на то, что германские армии отошли лишь на незначительное расстояние и на новых позициях очень скоро остановили продвижение союзников. Конечно, как мы увидим из дальнейшего изложения, союз-

ные армии отвоевали этой победой у противника небольшую площадь французской территории и вообще достигли незначительных материальных результатов; потому что отличная боевая подготовка германских войск и искусное управление ими спасли немцев от тех тяжких последствий, которые обыкновенно бывают уделом посредственных войск, понесших подобную неудачу. Тем не менее, значение марнской победы нисколько не ослабляется такими соображениями.

Эта победа должна измеряться в своем значении не материальными результатами, не добытыми ею трофеями, не пространством захваченной победителем территории, а теми моральными последствиями, которые она повлекла за собой для стороны победившей. И в этом именно отношении сражение на Марне является одним из важнейших боевых актов этой войны, поворотным пунктом в ходе военных операций, обозначающим собой перелом в психологии французских армий. Важно не то, сколько пленных и сколько орудий взяли в этом сражении французы и на сколько именно километров они отбросили противника; важно то, что они вообще отбросили этого врага, что отступали уже не они, а германцы, что пленных и орудия брали и они у немцев; важнее же всего то, что французская победа разрушила легенду о непобедимости германцев, что этот враг, который уже столько лет представлялся Франции несокрушимым, который своим победным высокомерием так болезненно давил на психологию нескольких поколений, что этот враг отдал теперь поле сражения союзным армиям, он отступил, он признал себя побежденным... Успех англо-французского оружия на Марне произвел резкую перемену в настроении французских войск, в их отношении к вопросам наступления и обороны в общем характере французской боевой доктрины. Он как бы смыл с этой доктрины значительную долю робости, осторожности и пассивности, накоплявшихся на ней в течение почти полувека, прожитого Францией и ее армией под гнетущим впечатлением неудач и унижений 1870—71 г.г. и в постоянном страхе повторения таких бедствий.

На боевых полях великого сражения на Марне, под торжествующий грохот французских батарей, Франция освободилась от гипноза германской непобедимости, вновь обрела веру в свои собственные силы, в доблесть своей армии, в свой военный гений, внезапно блеснувший так ярко на фоне мрачных событий, предшествовавших сражению на Марне, подобно солнечному лучу, проглянувшему из-за туч.

Вот в чем заключается сущность марнской победы; и вот с какой именно точки зрения и следует оценивать этот стратегический успех союзных армий. И каков бы ни был дальнейший ход этой борьбы на западе Европы, уже ничто не могло вернуть французскую армию к ее прежней психологии, к ее до-марнским нерешительным настроениям, столь сковывавшим ее оперативную деятельность в течение первого месяца войны. А генералиссимус Жоффр, виновник этих чудесных событий и их великих последствий, искупил здесь в полной мере

перед своим отечеством и перед военным искусством все свои ошибки, совершенные им как при стратегическом развертывании англо-французских армий, так и в боевых действиях на бельгийской границе. Франция, конечно, не забыла и не могла забыть этих поражений, но она уже благословляла имя того полководца, который впервые за полстолетия уныния и робости дал ей право гордо взглянуть на врага, дал ей возможность вкусить сладость победы.

XII. Отступление германских армий к р. Эну и сражение на этой реке.

Движение войск обеих сторон к реке Эну, 28—30 августа (10—12 сентября). Схема № 14.

К тому времени, когда на западе решалась судьба величественной борьбы, происходившей на берегах Марны и уже ясно обозначилось, что военное счастье склонялось здесь на сторону англо-французов, на других театрах европейской войны произошли крупные события решительного значения. В Восточной Пруссии германцы уничтожили одну из русских армий (2-ю—ген. Самсонова) в боях у Танненберга, а другую (1-ю—ген. Ренненкампфа) уже вытесняли из своих пределов, вынудив ее к поспешному отступлению в чрезвычайно тяжелых условиях. На русско-австрийской границе уже закончилось большое галицийское сражение и русские войска победоносно устремлялись вглубь Галиции, преследуя разбитые австрийские армии. Таким образом, на востоке значение блестящих побед Гинденбурга было сильно ослаблено тяжким поражением австрийцев, отдававших в руки неприятеля обширную пограничную территорию; и при этих условиях восточный театр не только не мог считаться надежным обеспечением тыла Германии, направившей свои главные силы на запад, но с часу на час он мог потребовать новых подкреплений с запада, мог ослабить германские армии, сражавшиеся в северной Франции. Еще не покончены были счеты и с Бельгией: Антверпен еще держался, бельгийская армия, ведя активную оборону крепости, предпринимала наступательные операции в поле, приковывая к этому району крупные силы германцев и создавая угрозу тыловым сообщениям немецких армий, уже потерпевшим неудачу на Марне. Такова была в общих чертах стратегическая обстановка на европейских театрах в то именно время, когда германские армии начали свое отступление к р. Эну.

Мы видели в предыдущей главе, что это отступление началось в ночь с 27 на 28 августа (с 9 на 10 сентября), причем раньше других в эту ночь начала отходить армия Клука, а затем, в течение следующего дня и следующей ночи последовательно стали отходить и остальные армии.

I-я германская армия отходила к нижнему Эну на Нойон и Суасон, без давления со стороны 6-й французской армии, которая, заночевавши на поле сражения, потеряла соприкосновение с противником. Это соприкосновение было восстановлено войсками Монури лишь

30 августа (12 сентября) на р. Эне, между Суасоном и Виком*). Вслед за армией Клука шла также английская армия, наступавшая вообще весьма медленно и задержанная на переправах через Марну германской конницей, броневиками и велосипедистами. В дальнейшем войска Френча двигались на линию Нэйи-сен-Фрон, Ла-Фэр-ан-Тарденуа, причем, достигнувши р. Урка, они ночевали здесь с 28 на 29 августа (с 10 на 11 сентября) и лишь 30 августа (12 сентября) достигли реки Вэль, где были задержаны на целый день германскими аррьергардами у Брэн.

II-я германская армия, теснимая войсками 5-й и 9-й французских армий, перешла Марну 29 августа (11 сентября) между Дорман и Эпернэ и направилась далее к р. Вэль, на участок этой реки к западу от Реймса. В тот же день, 29-го (11-го), войска Бюлова оказали сильное сопротивление наступлению армии ген. Франшэ д'Эспери к югу от Реймса, а на следующий день и в северных окрестностях этого города, когда Реймс был занят 1-м французским корпусом, а 18-й французский корпус (ген. Модюи) энергичным натиском оттеснил германцев к р. Эну.

III-я германская армия отходила на участок Марны между Эпернэ и Шалоном; по пятам за ней шла 9-я французская армия, которая, направив 9-ю кавалерийскую дивизию от Майи на Шалон, с целью преградить здесь путь противнику, сильно теснила немцев к Марне. Параллельное преследование французской конницы поставило немцев в весьма тяжелое положение на переправах (особенно XII и XIX корпуса), почему командующим армией было решено оказать здесь сильное сопротивление своими аррьергардами, с целью облегчить переправу своих войск на правый берег реки. Весь день 30 августа (12 сентября) между Эпернэ и Шалоном шли упорные аррьергардные бои, под прикрытием коих корпуса III-й армии отошли за Марну и далее к реке Вэль, восточнее Реймса. Вслед за ними армия Фоша продолжала движение к Мурмелону.

IV армия герцога вюртембергского долго держалась своим правым флангом в районе Витри-ле-Франсуа, с целью обезпечить себе планомерный отход, но когда ген. Ланрэзак-де-Кари направил три корпуса (12-й, 17-й и 21-й) от Витри на С. Менегу в обход правого фланга немцев, с целью отбросить их в Аргонны, то IV армии пришлось быстро отходить к С. Менегу, на путях к которому, севернее р. Орнэн, ей пришлось выдержать несколько аррьергардных боев с противником, воодушевленным удачными боевыми действиями и смело преследовавшим отступавших.

Наконец, V армия кронпринца германского отходила весьма медленно, упорно задерживая французов; в течение трех суток она сопротивлялась на путях от Ревиньи к Варенну, причем в аррьергардных боях наиболее деятельное участие принял XVI корпус. Такое упорство

*) В это время, на поддержку этой армии уже шла переброска из Лотарингии 13-го французского корпуса (1-й армии ген. Дюбайля).

войск кронпринца об'ясняется тем, что V-й армии необходимо было выиграть время для того, чтобы успеть увезти из-под Вердена осадный артиллерийский парк, предназначавшийся для бомбардировки и атаки северных и северо-восточных фортов крепости, а также дать время войскам и обозам пройти трудный для движения участок пути через Аргоннские горы. Тем более, что движение германцев через Аргонны, под натиском противника, было весьма затруднительно: оно было закончено успешно к 31 августа (13 сентября), когда главные силы кронпринца дошли до линии Виенн-ла-Виль, Варенн, Консанвойе, а арьергарды были у С. Менегу, Лезилет и Клермона. Железная дорога С. Менегу—Верден перешла в руки французов. В этом положении армия примкнула левым флангом к VI рез. корпусу, занимавшему позиции против северного и северо-восточного секторов верденских фортов, а также притянула к себе из-под Меца V корпус, предназначавшийся раньше для переброски на восточный фронт. Вслед за отступавшими немцами медленно продвигались к северу французские войска Сарайля, достигшие к 31 августа (13 сентября) северной окраины верденского укрепленного района.

Германские армии, совершая общий отход к северу, повидимому, не задавались какой-либо определенной оперативной целью в смысле создания той или иной группировки своих сил, преследуя лишь цель—возможно скорее занять положение, в котором можно было бы остановить неприятельские войска между Уазой и Маасом. Обратно, союзники, пользуясь расстройством германского фронта и отсутствием местами тактической связи между отдельными группами противника, задались целью прорвать этот фронт между Суассоном и Реймсом, куда устремились соединенные силы английской и 5-й французской армий. Эта попытка прорыва в этом направлении легла, как руководящая идея, в основание того оперативного плана, по которому союзники вели в ближайшие дни сражение на р. Эне.

30 августа (12 сентября) во французской главной квартире полагали, что на этой реке остановились лишь сильные германские арьергарды, имевшие задачей облегчить главным силам отступавших германских армий отойти на Лаон, Гирсон и Вузье в долину Мааса. Между тем, в действительности, немцы стояли к этому времени всеми своими силами по р. Эну и по северной окраине Аргоннских гор.

Положение сторон на р. Эне к 30—31 августа (12—13 сентября).

Германские армии 29 августа (11 сентября) получили приказание прекратить отступление и остановить противника, но лишь к 31-му (13-му) им удалось организовать сопротивление неприятельскому преследованию: весь день 30-го (12-го) ушел на подготовку к активным действиям. Армия Клука переправилась через Эн в районе Суасона вечером 29 августа (11 сентября) и в ночь на 30-е (12-е), без давления со стороны противника; первые французские передовые войска появились перед Суасоном днем 30-го (12-го), когда мосты на реке уже были взорваны. Для усиления I-й германской армии, еще 24 августа

(6 сентября), в начале сражения на Марне, было приказано командующему VII армией ген. Геерингену, войска коего сражались в районе Эпиналя, передать, из трех корпусов своей армии, два корпуса (XIV и XIV резервный) в VI армию, а с одним корпусом (XV-м) спешить на помощь Клуку. XV корпус был направлен по железной дороге через Трир в Брюссель, куда прибыл 26 августа (8 сентября) и так как было ясно, что к полю сражения на Марне он не поспеет,—он был задержан в Брюсселе, тем более, что в это время началось второе наступление бельгийских войск из Антверпена к югу, в отражении коего корпус принял участие 27-го (9-го).

Одновременно с этим пал Мобеж, освободив для службы в поле VII резервный корпус, подчиненный теперь ген. Геерингену.

28 августа (10 сентября) этим корпусам было приказано: XV-му—сосредоточиться к С. Кентену, с целью обеспечения правого фланга Клука со стороны Амьена, а VII-му резервному—следовать к Лаону. XV-й корпус собрался у С. Кентена к 30 августа (12 сентября) и здесь принял на себя части германской армейской конницы, отходившей из района Амьена под давлением французских отрядов, выдвинутых сюда из Парижа.

С утра 31 августа (13 сентября) англо-французские войска встретили уже сильное сопротивление со стороны германских армий, как на р. Эне, так и южнее этой реки. Таким образом, с этого дня преследование окончилось. 9-я французская армия была остановлена противником в бою у Бэйн (к востоку от Реймса); 5-я—задержана своим правым флангом у Реймса и на эно-марнском канале, левый же ее фланг (18-й корпус ген. Модюи) продвинулся к Бери-о-Баку, где и форсировал р. Эн; в течение дня этот корпус продвинулся к Краону, сопровождавшая его 2-я кавалерийская дивизия направилась к Сиссон (к востоку от Лаона), а вслед за 18-м корпусом шли 51-я, 53-я и 69-я рез. дивизии. Английская армия переправилась через Эн между Бурж-э-Комэн и Бюси-ле-Лонг*); наконец, 6-я французская армия форсировала в этот день р. Эн между Суасоном и Атиши, пытаясь обойти правый фланг Клука на Траси. В общем же, в этот день союзники, хотя и переправились во многих местах через р. Эн, но продвинуться далее и утвердиться на правом берегу не могли. Левый германский фланг (III-я, IV-я и V-я армии) остановился на линии С. Хилер, Бинарвиль, Варенн, Консанвойе, где задержал продвижение французских армий Сарайля и Лангль-де-Кари.

Как уже было мною упомянуто, союзники задались целью прорвать германский фронт между Суасоном и Реймсом. Тот разрыв между I-й и II-й германскими армиями, который образовался в сражении на Марне, сохранялся во все время отступления этих армий к р. Эну, и даже теперь, когда германцы уже изготовились к решительному про-

*) 1-й корпус—у Бурж, 2-й—у Вайи, 3-й—у Бюси.

тиводействию неприятельскому преследованию, он еще не был заполнен и обе эти армии еще не восстановили между собой тактической связи. И вот в это-то слабое место, в район Корбени, Краон, Бери-о-Бак, и устремились левофланговые войска 5-й французской армии (18-й корпус, кавалерийская и три резервные дивизии), имевшие задачей разобщить армию Клука от армии Бюлова и обойти левый фланг первой; при этом, положение войск Клука осложнялось еще и тем обстоятельством, что 6-я французская армия, как я сказал выше, пыталась обойти их правый фланг на Траси и Карльпон.

В это время германские армии, хотя уже и прекратили отступление, но еще не были готовы к наступательным, активным действиям, изготовившись пока лишь к обороне на высотах правого берега р. Эна, где они деятельно укреплялись с вечера 29 августа (11 сентября). Немецкие исследователи, описывающие эти события, находят, что положение германских войск на р. Эне было значительно труднее, чем положение союзников на Марне перед сражением; армии и корпуса медленно устраивались на новых позициях под натиском противника, с трудом устанавливая связь между собою; а в огнестрельных припасах ощущался большой недостаток, для восполнения которого требовалось время. Вообще же, они считают, что сражение на р. Эне было для немцев одним из опаснейших сражений, которые им пришлось вести в эту войну на западном театре.

Посмотрим же, как развивалось оно и к каким результатам привело обе стороны.

Сражение на р. Эне 31 августа —2 сент. (13—15 сентября). Схемы №№ 11 и 14.

31 августа (13 сентября) германские армии Клука, Бюлова и Эйнема (заменившего во главе III-й армии отчисленного по болезни Гауэна) завязали с противником оживленные бои по всему фронту от устья р. Эна до Суэна. Клук развернул на правом берегу реки сво корпуса в следующем порядке, считая с правого фланга,—IV-й резервный, IX, IV, II и III, по фронту в 45 километров от Траси до уазо-энского канала; на правом берегу Уазы, в районе Ройе—Ласиньи находились небольшие отряды, прикрывавшие правый фланг I-й германской армии. Французские войска Монури атаковали правый фланг Клука, главным образом IX корпус, который и был ими оттеснен к Карльпону. Однако, главная опасность для этой армии была не здесь, а в районе Краона, где, как мы видели, фланги I-й и II-й германских армий все еще не сомкнулись. Сюда то и были спешно направлены немцами все их свободные резервы: сначала VII рез. корпус, отправленный еще 28 августа (10 сентября) к Лаону, вслед за ним от С. Кентена—XV корпус и, наконец, IX рез. корпус из-под Антверпена.

Между тем, Монури, достигнувши некоторых успехов в бою с IX германским корпусом, далее продвинуться не мог и укреплялся по окраине правобережных высот. Френч, частями 1-го и 2-го корпусов атаковал левый фланг Клука (III-й корпус) и охватил его на уазо-энском канале; 1-й английский корпус продвинулся к Куртесону. В тесной

связи с ним наступал 18-й французский корпус (5-й армии), занявший Краон. Таким образом, англо-французские войска успели вклиниться в промежуток между I-й и II-й германскими армиями, поставивши эти армии в очень опасное положение. В это время Бюлов развернул свои корпуса от Бери-о-Бака (на р. Эне) до Бейна (к востоку от Реймса),— VII, X, X рез. и гвардейский,—и с трудом удерживал натиск 5-й французской армии между марно-эпским каналом и р. Сюипп. Однако, после упорного боя немцам удалось здесь задержать противника и упрочить свое положение настолько, что Бюлов нашел возможным, с целью обеспечения своего правого фланга и противодействия попыткам англо-французских войск утвердиться в промежутке между двумя германскими армиями, протянуть расположение VII корпуса за р. Эн, а 20-ю дивизию (X корпуса) перебросить к Корбени для прикрытия дороги, ведущей к Сиссону.

Рядом с Бюловым, далее к востоку, стояла III-я германская армия, имея XII и XII рез. корпуса у С. Хилер-ле-Гран, а XIX-й—у Суэна; эта армия выдерживала натиск 9-й французской армии, уже остановленной в своем продвижении к северу.

В общем, положение этих трех правофланговых германских армий представлялось в этот день весьма тяжелым, а армий Клука и Бюлова—даже опасным. Необходимо было во что бы то ни стало остановить продвижение неприятельских войск в районе Краона и заполнить прорыв, существовавший между I-й и II-й армиями. В решении этой задачи и заключалась теперь для немцев вся сущность, весь смысл боевых столкновений на р. Эне, потому что с утверждением противника в районе Краон—Корбени, на путях к Лаону и Сиссону, расположение германских войск на этой реке являлось бы, конечно, невозможным. А решение этой задачи находилось в руках генерала Геерингена, в распоряжении которого имелись два корпуса, XV-й и VII-й резервный, предназначенные для контр-атаки в краонском прорыве и уже спешившие к Лаону.

VII-й резервный корпус ген. фон-Цвеля шел от Мобежа усиленными маршами, причем в последние 24 часа перед прибытием к месту назначения он сделал переход в 60 километров; корпус, ослабленный осадой двух крепостей (Намюра и Мобежа) и выделением части своих сил для конвоирования многочисленных пленных, взятых в Мобеже, имел малый численный состав (не более 10 тыс. штыков) и слабую артиллерию*). 31 августа (13 сентября) утром корпус прибыл к Монберо (в 7 километрах к югу от Лаона). Мы знаем, что именно в это время правофланговый (1-й) корпус англичан и левофланговый (18-й) корпус 5-й французской армии уже обошли левый фланг Клука, уже внедрились в промежуток между I-й и II-й германскими армиями

*) Последнее обстоятельство, повидимому, явилось результатом того, что до тех пор корпус действовал все время под крепостями, почему, вероятно, часть его полевой артиллерии была передана другим корпусам.

в районе Краон-Корбени, а за ними в этот прорыв шли три французские резервные дивизии; кроме того, кавалерийский корпус генерала Конно (4-я, 8-я и 10-я дивизии), наступая между пехотными корпусами, пытался пробиться на Сиссон. Неблагополучно было и на правом фланге Клука, где французская конница, продвигаясь к северу по правому берегу Уазы, достигла Тернье, угрожая железной дороге, ведущей из С. Кентена в Лаон, по которой в одну сторону двигались санитарные поезда с ранеными, а в другую—шли эшелоны с войсками XV корпуса, перевозившегося к Лаону. В этом районе, на участке Шони-Тернье, обеспечением правого фланга I-й германской армии являлись лишь небольшие отряды, составленные из легко раненых и из этапных войск. Между тем, командиру VII рез. корпуса было приказано прямо с похода атаковать 1-й английский и 18-й французский корпуса; ген. фон-Цвель бросил в атаку все до последнего человека. В это время английская кавалерийская дивизия уже подходила к Корбени (на шоссе Реймс—Лаон), а французская конница шла от Корбени на Сиссон. Батареям VII резервного корпуса удалось удачным огнем остановить и рассеять неприятельскую кавалерию. Затем, немецкая пехота бросилась на краонское плато и здесь, у Краона, Куртесона, Хуртебиза, Краоннеля, Корбени и Буконвиля, начались упорнейшие бои. Селения несколько раз переходили из рук в руки, сначала немцы были оттеснены с краонского плато, но к ночи, благодаря удачным и самоотверженным действиям своей артиллерии, они вновь продвинулись к Краону. Во всяком случае, в результате энергичной контр-атаки Цвеля, опасность неприятельского прорыва в этом направлении была предотвращена, продвижение Хэйга и Модюи на Краон и Корбени было остановлено.

Во время этих боев на флангах I и II германских армий, англо-французские войска вели повсеместно и фронтальные атаки, как по р. Эну, так и на эно-марнском канале; однако, нигде они не привели союзников к успеху: германские корпуса стояли в своем новом положении вполне прочно, отражая все попытки противника выбить их из занятых ими позиций.

Что касается III-й, IV-й и V-й германских армий, то в этот день на их фронте не было никаких крупных боевых столкновений: V-я армия оставалась на линии Варенн—Консанвойе, а перед ней—французская армия Сарайля, IV-я германская армия занимала участок Суэн—Бинарвиль, имея перед собой французскую армию Лангль-де-Кари; на обоих участках боевые действия велись лишь незначительными силами. Более оживленной была боевая деятельность на фронте III-й германской армии, между Бейном и Суэном, где французские войска Фоша все еще безуспешно пытались продвинуться к р. Сюипп, но и здесь бои в этот день не достигли значительного напряжения. Такое же положение сохранялось здесь и весь следующий день, 1 (14) сентября, в течение которого III-я германская армия

успешно сдерживала натиск 9-й французской армии и обеспечивала левый фланг армии Бюлова в направлении на Пон-Фаверж.

Между тем, эта последняя, хотя и допустила небольшое продвижение 5-й французской армии ген. Франше д'Эспери за марно-энский канал, тем не менее, в общем, удачно отражала атаки противника, стремившегося отбросить немцев за р. Сюипп; эта армия по-прежнему занимала участок от Бейна (восточнее Реймса) до Ювинкура (на правом берегу р. Эна). Столь же нерешительны были в этот день и боевые действия на фронте и правом фланге I-й германской армии: 2-й и 3-й английские корпуса, а также французские войска Монури, не могли здесь продвинуться далее и постепенно переходили в оборонительное положение; 3-й английский корпус встретил особенно сильное сопротивление противника у Круи. Как и накануне, решение боевых действий этого дня лежало в районе Краона, в промежутке между I-й и II-й германскими армиями. Что же происходило здесь в этот день?

С утра 1 (14) сентября бой возобновился здесь с прежним ожесточением, но к полудню VII германский резервный корпус, обессиленный в борьбе с численно превосходным противником, под натиском войск 1-го английского и 18-го французского корпусов, очистил краонское плато и отошел за р. Эйлет. Это был критический момент боя: путь на Корбени и Сиссон был открыт и туда уже готовы были броситься массы французской и английской конницы, чтобы нанести удар тыловым сообщениям неприятельских армий. Однако, тотчас после полудня, к полю сражения начали подходить передовые части XV германского корпуса, которые и дали возможность ген. Геерингену спасти положение; тяжелая артиллерия этого корпуса открыла сильный огонь по расположению англо-французов на краонском плато, а 14-й егерский баталион бросился к Корбени. Вновь загорелся упорный бой в районе Краон—Корбени. По мере вступления в дело подходивших войск XV корпуса, контр-атака германцев становилась все упорнее и настойчивее, и к вечеру этого дня продвижение англо-французских корпусов было приостановлено.

На следующий день, при почти полном затишьи на фронтах армий, боевые действия в районе Краона продолжались с прежним оживлением и уже с явным успехом для немцев. В результате своих энергичных атак на позиции, оборонявшиеся англо-французами, генералы Цвель и Деймлинг в течение 2 (15) сентября вынудили противника уступить германским войскам целый ряд занятых им пунктов: 1-й английский корпус потерял Куртесон и был прижат к уазо-энскому каналу; французская конница, все еще пытавшаяся в этот день пробиться на Сиссон, отошла к югу, под угрозой быть отрезанной продвижением германской пехоты к Эну; 18-й французский корпус потерял Краон и был оттеснен к высотам правого (северного) берега реки; французские резервные дивизии, находившиеся правее этого корпуса, были отброшены у Бери-о-Бака на левый берег; наконец, атака лево-

фланговых частей 5-й французской армии между р. Эном и Реймсом, имевшая целью облегчить положение корпуса Модюи, не привела к успеху.

В общем, победа в этот день осталась за немцами, и в итоге трехдневного боя, веденного обеими сторонами в районе Краона с крайним упорством, прорыв англо-французских войск между I-й и II-й германскими армиями был предотвращен и натиск их в направлении к Лаону остановлен. С этих пор союзники переходят уже, не только в этом районе, но и на всем занятом ими фронте, к оборонительным действиям и к прочному закреплению за собой тех позиций, на которых им удалось удержаться к вечеру 2 (15) сентября. Почти повсеместно от устья р. Эна до Бери-о-Бака им удалось удержать за собой высоты правого берега реки, сохранение которых представлялось для них весьма важным, чтобы иметь возможность вести активную оборону этого водного рубежа; на этом участке укреплялись 6-я французская и английская армии, а от устья р. Вэль, вдоль этой реки до Виллер-Алеран—5-я французская армия. Против них, на правом берегу р. Эна и на правом берегу р. Вэль до Бейна, стояли корпуса Клука и Бюлова; VII резервный и XV корпуса, одержавшие победу 2 (15) сентября, заполнили промежуток между этими двумя армиями. Далее до Мааса положение сторон оставалось прежнее.

Оценка сражения на р. Эне.

Так закончилось отступление германских армий после сражения на Марне, приведшее обе стороны к новому положению между Уазой и Маасом. Здесь, в этом новом расположении, и та, и другая сторона были вынуждены перейти к обороне; англо-французы уже выдохлись в своем победоносном порыве, германцы же еще не собрались с силами для перехода в наступление. Однако, чем дольше затягивалось это затишье на фронте, тем глубже зарывались обе стороны в землю, тем сильнее закреплялись они на занятых позициях и тем больше утрачивали они способность к активным, маневренным действиям. И в самом деле, как увидим из дальнейшего изложения событий, с этих пор фронт между Уазой и Маасом как бы застывает, твердеет, костенеет и постепенно война принимает здесь неподвижный, позиционный характер. Мы знаем, что на эльзас-лотарингском фронте, под стенами французских крепостей, позиционная война установилась уже на три недели ранее, непосредственно после общего отступления 1-й и 2-й французских армий из района Саарбурга и из вогезских гор. Теперь ее мертвящие, тяжелые оковы охватывали новые участки фронта и позиции обеих сторон от Мааса до Уазы росли и ширились, точно гигантские плотины, предназначенные для того, чтобы остановить набегающие волны...

И потому, как увидим, как только каждая из сторон вновь приобрела силу и желание для активных действий, она стала искать им применения на флангах, там, где еще был простор для маневра, где еще была возможность осуществить широкий стратегический замысел.

Сражение на р. Эне легло резкой разграничительной чертой, раздельной гранью между двумя периодами боевых операций на западе: периодом широких маневренных операций, завершившихся отступлением немцев от Марны и периодом менее решительных, более ограниченных боевых действий, уже сжимаемых в тисках позиционной войны. Внешняя сторона этого сражения не представляет собой ни богатства, ни разнообразия боевых явлений, и в тактическом отношении не имеет особого интереса. Бои этих дней происходили главным образом на участке р. Эна от ее устья до Бери-о-Бака, да и то лишь те, которые велись в районе Краона, приобрели энергичный и напряженный характер. На остальных же участках фронта боевые действия велись с обеих сторон вяло и нерешительно.

Тем не менее, это сражение имеет большое стратегическое значение. Стратегический смысл его заключается в том, что благодаря тому сопротивлению, которое было оказано немцами в этих боях противнику, германские армии вернули себе оперативную свободу и стратегическую инициативу для последующих действий. Сражение на р. Эне невозможно рассматривать отдельно от отступательного марша-маневра немцев с марнского поля сражения, потому что оно являлось заключительным актом этого отступления, последним арьергардным боем, остановившим преследование союзников. В этом сражении необходимо различать три момента: отход германцев за р. Эн, их отпор противнику наличными силами на новых позициях за этой рекой, с утверждением своего нового положения и введение ими в дело свежих частей для частичного перехода к активным действиям.

Наибольший интерес представляет, конечно, этот последний момент, драматические боевые эпизоды которого разыгрались на краонском плато, столь прославленном в военной истории. Здесь немцы еще раз с полным блеском проявили свою изумительную способность быстро ориентироваться в обстановке и с бесповоротной решимостью приводить в исполнение задуманный план. При этом необходимо отметить, что победа германцев у Краона и Корбени достигнута ими с силами значительно меньшими, чем те, которые имелись в распоряжении у противника: у англо-французов здесь сражалось 7 пехотных и 4 кавалерийских дивизии*), а у немцев 4 пехотных дивизии**), из коих обе дивизии VII-го резервного корпуса имели весьма слабый состав, а все четыре были брошены в бой прямо с похода, после продолжительного, форсированного марша. Что касается англо-французских армий, то они не обнаружили в сражении на р. Эне уменья использовать тот тяжелый для отступавшего противника момент, когда он прекратил свой отход и пытался перейти к активным действиям. Не-

*) 1-й английский и 18-й французский корпуса, три французские резервные дивизии, французский кавалерийский корпус ген. Конно и английская кавалерийская дивизия.

**) VII резервный и XV корпуса.

мецкие авторы правы, утверждая, что положение германских войск на р. Эне было значительно тяжелее, чем положение союзников на Марне: последние остановились в своем отступательном движении, уже оторвавшись от неприятеля, вне тактического соприкосновения с ним, которое было восстановлено лишь после того, как англо-французские армии повернулись лицом к северу и изготовились к наступлению. Тогда как немцы отходили за Эн под натиском противника, вынужденные под его ударами устраивать свой новый фронт, в одно и то же время вести на этой реке бои, имевшие арьергардный характер для прекращаемого уже отступления и авангардный—для подготовлявшегося контр-удара.

Во всяком случае, в результате этого сражения, веденного трое суток на фронте между Уазой и Маасом, установилось некоторое равновесие сил и стратегического положения обеих сторон, почему, как я уже упомянул выше, обе стороны стали искать решения в боевых действиях на флангах, где обстановка еще могла представить благоприятные условия для достижения решительного оперативного превосходства для одного из противников.

Об этих именно операциях, об этих попытках и немцев, и союзников найти себе новое поле для маневренных действий, я буду говорить в следующей главе.

XIII. Операции на флангах.

Положение сторон между Уазой и Маасом после сражения на р. Эне.

С 3 (16) сентября бои на р. Эне затихают и постепенно с этих пор война к востоку от Уазы принимает нерешительный, неподвижный характер. Однако, еще некоторое время обе стороны, подчиняясь закону боевой инерции, продолжают здесь свои попытки активных действий, что приводит в ближайшие дни к целому ряду частных боев местного значения, не связанных общей идеей, не об'единенных никакой широкой оперативной целью. На участке к западу от Реймса эти бои принимают оживленный характер лишь в районе Краона, где между 10-м (23-м) и 15 (28) сентября 18-й французский корпус, поддержанный англичанами, безуспешно пытался расширить тот плацдарм, которым он владел на правом берегу р. Эна; у Реймса, с 3-го (16-го) по 7 (20) сентября, X-й и X-й резервный корпуса II-й германской армии потеснили войска 5-й французской армии и заняли часть северной окраины города*), но за то в тоже время восточнее, у Суэна, XIX-й

*) С этого времени начался обстрел реймского собора германской артиллерией (21 снм. мортирами), вызывавший такое возмущение в Европе и считавшийся проявлением варварства. Немецкие авторы говорят об этом обстреле с большим сожалением, но считают его военной необходимостью, так как этот собор служил французским артиллеристам наблюдательным пунктом. Немцы говорят, что обстрела невозможно было избегнуть, потому что позиционная война включила Реймс в линию укреплений; Реймс уже перестал быть городом, он сделался лишь участком позиций.

корпус III-й германской армии потерял свои позиции и вынужден был отодвинуться к северу. В эти же дни на фронте V-й германской армии войска XIII-го и XVI-го корпусов вели частичные атаки у Варенна и Монфокона, где французские части армии Сарайля были несколько оттеснены к югу; с своей стороны, французы предприняли атаку от северного сектора верденских фортов, при поддержке крепостной дальнобойной артиллерии, на позиции, занятые VI-м резервным германским корпусом, но не могли продвинуться за дорогу Форж—Варенн.

Все эти боевые действия, веденные сравнительно небольшими силами, без особенного напряжения и энергии, не захватывавшие большого пространства, не имели никакого решающего значения и нисколько не изменили общего стратегического положения сторон между Уазой и Маасом. И они, конечно, ни в какой мере не препятствовали и той, и другой стороне укреплять занятые ими позиции, зарываться в землю все глубже и глубже, прибегать все чаще и чаще к приемам и средствам позиционной войны. А по мере того, как усиливались эти укрепленные позиции и атака их становилась все труднее и труднее, каждая из сторон, хотя и ослабленная предшествовавшими боями, но еще обладавшая некоторым запасом сил и активности для наступательных предприятий, искала для своей предприимчивости простора вне этих укрепленных линий. Единственным местом для этого являлся свободный, западный фланг стратегического фронта, т. е. правый берег р. Уазы. И вот сюда то и устремились все свободные силы обеих сторон.

Зарождение активных операций на западном фланге.

Такими свободными силами раньше всего располагали германцы, в виде VII рез. и XV корпусов, из коих последний первоначально даже был выдвинут на правый берег Уазы, к С. Кентену, т. е. в район, весьма удобный для активных действий, особенно в связи с германской конницей, находившейся на верхней Сомме. Однако, как мы знаем, эти резервы понадобились для боевых действий в районе Лаона, где германцам угрожала опасность прорыва между I и II армиями, новых же резервов пока еще взять было неоткуда. Поэтому, естественно, инициатива активных операций на западном фланге осталась за союзниками, у которых к тому времени (в первые дни сентября по ст. стилю) эти резервы оказались. Таковым резервом послужил 13-й французский корпус, переброска которого из 1-й армии ген. Дюбайля на усиление 6-й французской армии ген. Монури началась еще в дни сражения на Марне; к 3 (16) сентября этот корпус был уже сосредоточен на правом берегу Уазы, к юго-западу от Компьена. На следующий день он образовал, вместе с 4-м корпусом (армии Монури), группу ген. Боэля, получившую назначение наступать вверх по Уазе: 13-й корпус—по правому, 4-й—по левому берегу. Ближайшим предметом действий этой фланговой группы явились тыловые железнодорожные сообщения немцев, которые вели от Тернье на С. Кентен и Камбрэ,

на Ле-Като и Мобеж и на Гирсон. Сначала французские корпуса продвигались успешно: 13-й до р. Мац, 4-й—до Карльпона, а французская конница выдвинулась даже до С. Кентена, где, впрочем, была остановлена в своем движении германской кавалерией. Между тем, 5 (18) сентября к Шони стали прибывать эшелоны IX резервного германского корпуса, переброшенного сюда из-под Антверпена и в тот же день его головные части подошли к р. Мац, где и усилили слабые фланговые отряды немцев, с трудом удерживавшие здесь натиск превосходных сил противника. В горячем бою на этой речке немцы отбросили неприятеля, нанеся ему тяжелые потери. Таким образом, первая попытка французов вернуться к активным действиям на фланге окончилась неудачей. Теперь дальнейшая судьба этих фланговых операций должна была перейти в руки того из противников, кто раньше будет в состоянии, кто раньше сумеет сосредоточить к западу от Уазы свежие силы и введением их в дело успеет захватить стратегическую инициативу.

В этом отношении обе стороны находились в разных условиях. Вообще говоря, переброска французских войск вдоль фронта могла производиться более быстро, чем это возможно было для немцев; во-первых, потому что французы, занимая внутреннее положение, пользовались выгодами более коротких расстояний, а, во-вторых, и потому, что железнодорожная сеть, находившаяся в тылу французских армий, была в полной исправности и имела нормальное оборудование; тогда как германцы, имея свой фронт по огромной внешней дуге, охватывавшей расположение противника от Мюльгаузена до р. Уазы, были вынуждены производить свои перевозки кружными путями (наприм. через Трир, Льеж, Намюр, Брюссель), как вследствие отсутствия сквозных железнодорожных линий в кратчайшем направлении вдоль фронта, так и вследствие того, что на многих участках и рельсовые пути, и станции были разрушены во время боев и отступления противника.

Обходные бои между Уазой и Соммой, 8—11 (21—24) сентября.

Такое свое преимущество французы использовали в полной мере при всех последующих перебросках своих войск из районов, где уже установилась позиционная война, в районы, в которых еще возможно было вести операции маневренного характера. Потерпевши неудачу в наступлении группы ген. Боэля вдоль Уазы, французское высшее командование принимает решение: организовать наступление в обход правого германского фланга в более крупном масштабе, сразу выдвинувши новую обходную группу возможно далее. С этой целью в районе Амьена приказано сосредоточиться 2-й армии ген. Кастельно, в состав которой вошли корпуса—19-й (из 5-й армии), 14-й (из 1-й армии) и 11-й (из 9-й); корпуса же этой армии, оставшиеся в Лотарингии (16-й и 20-й), были переданы в 1-ю армию ген. Дюбайля, которая таким образом, заняла теперь фронт от Туля до Бельфора.

Войска ген. Кастельно с 7 (20) сентября высаживались из поездов в районе Амьена и затем походным порядком выдвигались к во-

стоку на линию Ласиньи, Ройе, Шольн. Это направление вело уже прямо в тыл I-й германской армии, к Шони и Ла-Фэру, почему для возможности противодействия этому фланговому маневру, имевшему задачей—глубокий обход германского расположения, уже было недостаточно одного удлинения правого фланга немцев на р. Уазе, а необходимо было осуществить более решительную меру,—загнуть этот фланг или образовать за ним сильный уступ, для чего нужны были свободные силы. Однако, этих сил под рукой в то время у немцев не было; они должны были вскоре собраться, но переброска их с востока на запад требовала еще несколько дней. А пока, наступление французских войск ген. Кастельно должна была задерживать германская конница, начавшая с противником бои на верхней Сомме 8 (21) сентября. На следующий день, 9-го (22-го), французы повели общее наступление на всем фронте от Шольна до Ласиньи, направляясь левым флангом на Гам и С. Кентен, а правым—непосредственно угрожая расположению армии Клука на Уазе. Под давлением превосходных сил противника германская конница отошла к Гаму. На правом берегу Уазы, в районе Ласиньи, находились лишь небольшие части II германского корпуса, переброшенные сюда еще 5 (18) сентября, и теперь загнувшие фланг от Ласиньи на Кандор; конечно, они не были в состоянии остановить наступление французских войск от Ройе на Шони и Ла-Фэр, почему правый фланг I-й германской армии подвергался серьезной опасности быть окруженным на берегах Уазы, в случае, если бы немцы не успели в ближайшие дни подвести сюда достаточно сильных подкреплений.

Между тем, переброска таких подкреплений шла уже полным ходом и сотни воинских поездов уже везли сюда из Лотарингии корпуса VI-й германской армии кронпринца баварского. Эта армия, оставивши в районе Нанси—Люневиль III-й баварский и I-й баварский резервный корпуса, образовавшие в Эльзас-Лотарингии с XIV и XIV рез. корпусами (бывшей VII-й армии) армейскую группу ген. Штрантца, остальные свои войска—I-й бав., II-й бав. и XXI-й корпуса—направила в район С. Кентена, куда на присоединение к ним отправлены: XVIII корпус из IV-й германской армии (из Шампании) и 26-я рез. дивизия (из Вогезов). К 10 (23) сентября армия кронпринца баварского, в своем новом составе, уже разворачивалась на линии Руазель—Гам—Нойон: I-й бав. корпус наступал на правом фланге к Перонну, XXI-й—в центре на Нэль и Шольн, XVIII-й на левом фланге на линию Ройе—Ласиньи. В горячих встречных боях между Перонном и Нэлем, французы отброшены на линию Брэй (на р. Сомме)—Розиер; Ласиньи взято немцами. 11 (24) сентября наступление войск Кастельно остановлено на всем своем фронте и с этого дня французские войска переходят здесь к обороне и начинают окапываться на занятых ими позициях от Брэй на Лихон, Ройе и Ласиньи. Германцы, едва успевшие сосредоточить в этом районе силы, необходимые для контр-атаки,

и еще не закончившие переброски своей VI-й армии, не могли развить достигнутого ими успеха и ограничились здесь закреплением за собой занятого расположения.

Таким образом, ни с той, ни с другой стороны боевые действия не привели к решительному результату; оба противника удлинили свой фронт к западу от р. Уазы, загнули свой фланг к северу, но после непродолжительной борьбы отказались от активных действий и перешли к обороне. Между тем, боевая деятельность на флангах, однажды начатая, естественно, не могла уже прекратиться: обе стороны ясно сознавали, что при том моральном и материальном положении, к которому временно привели их предшествовавшие бои, не было никакой возможности преодолеть сопротивление противника на сильных позициях, уже созданных к тому времени на всем фронте от Уазы до верхнего Эльзаса; и слишком велик был соблазн использовать на свободном фланге те небольшие силы, которые удавалось время от времени снимать то с одного, то с другого участка фронта. Казалось, что маневренный дух остановившихся друг перед другом противников тяготился малодеятельным и неподвижным характером позиционной войны, рвался из оков укрепленных позиций. Маневренная война, постепенно замирая, однако еще пред'являла свои права, еще стремилась сохранить свое преобладающее значение. И операции на флангах, обходные маневры то с той, то с другой стороны продолжались еще с удивительной настойчивостью в течение всего сентября.

Бои на р. Анкре, 12—14 (25—27) сентября.

Когда для французского высшего командования стало ясно, что обходное движение войск ген. Кастельно не удалось, и что немцы успели сосредоточить на верхней Сомме достаточные силы для противодействия этому маневру, Жоффр решает не выпускать из своих рук инициативу действий и, пользуясь возможностью быстрой переброски войск с юга на север, намечает образование новой маневренной группы севернее Амьена. Эта группа получает наименование 10-й армии и во главе ее войск ставится ген. Модюи, бывший командир 18-го французского корпуса (5-й армии), обративший на себя внимание энергичными и успешными действиями своих частей, как в боях на Марне, так, в особенности, в сражении на р. Эне.

Однако, пока армия Модюи перебрасывалась, сосредоточивалась и развертывалась, войска Кастельно еще делали последние попытки приобрести какие-либо оперативные преимущества в отношении противника на своем левом фланге. К 12 (25) сентября к этому флангу, в район Альбер—Бапом (на р. Анкре), подошли четыре территориальные дивизии ген. Брюжера, которые в тот же день перешли в наступление к северо-востоку, на Камбрэ и Дуэ, имея в виду обойти правый фланг войск кронпринца баварского; в то же время французская конница ген. Сорде выдвинулась к Лилю и Туркоину. Такое движение французских войск в этом районе имело целью, помимо выполнения своей основной задачи—угрозы флангу и тыловым сообщениям про-

тивника,—еще и прикрытие сосредоточения и развертывания 10-й армии. Между тем, навстречу Брюжеру и французской коннице немцы бросили от С. Кентена две кавалерийские дивизии (гвардейскую и 4-ю), поддержанные пехотными частями II баварского корпуса, только что подоспевшего в район Перонна для прикрытия правого фланга I баварского корпуса. В боях между Соммой и Анкром, в течение 13—14 (26—27) сентября, германцы оттеснили и пехоту Брюжера, и конницу Сорде за р. Анкр. В это время к правому флангу VI германской армии прибыла из Вогезов (от С. Дие) 26-я резервная дивизия и упрочила занятое здесь баварцами положение.

С этого дня активные действия на фронте Кастельно и кронпринца баварского совершенно замирают, но с тем большей энергией они вспыхивают далее к северу.

Пока догорали последние бои на Анкре, положение сторон между Камбрэ и Аррасом представлялось весьма неопределенным: сюда с обеих сторон уже подходили войска за войсками, и здесь со дня на день назревали новые события. Модюи спешно собирал свою армию на линии Дулан—С. Поль, имея в виду, до полного сосредоточения всех своих сил, ограничиться стратегической обороной. Против него, в районе между Бапомом и Аррасом, уже усиливался и удлинялся к северу правый фланг кронпринца баварского.

Бои у Арраса и Ленса, 15—25 сентября (28 сент.—8 окт.).

К 15 (28) сентября армия Модюи развернулась по указанной выше линии и начала наступление к северо-востоку, на фронт Аррас—Ленс—Бетюн, угрожая правому флангу германской конницы (гвардейской и 4-й дивизиям), находившейся в районе Бапома. 10-я французская армия состояла из трех корпусов: 21-го (бывшего сначала в 1-й, а затем в 4-й армии), 10-го (из 5-й армии) и вновь сформированного 33-го (из 66-й, 70-й и 77-й рез. дивизий), во главе которого стоял ген. Петэн; кроме того, в армию были включены 45-я дивизия (из 6-й армии) и кавалерийские части, находившиеся в то время на путях к Бетюну и Лилю.

Задачей этой армии являлось наступление на Камбрэ и Дуэ и закрепление за собой линии Аррас—Ленс—Ла-Бассэ, на которой до тех пор находились лишь отдельные французские территориальные баталионы. Конница этой армии было указано войти в связь с гарнизоном Дюнкерка, который должен был, своим выдвижением к Лилю и Дуэ, оказать содействие наступлению войск Модюи. Помимо всего этого, от Остенде и Дюнкерка английские броневые отряды, только что прибывшие из Англии, были направлены к Куртрэ и Туркоину. Таким образом, против правого фланга немцев, едва достигавшего к этому времени Арраса, противник направлял свои войска по трем направлениям: с запада, северо-запада и севера. Это обстоятельство ставило VI германскую армию в весьма тяжелое положение, тем более, что в это время она могла противопоставить французскому наступлению севернее Арраса лишь одну конницу (I, II и IV кавалерийские корпуса), сосредоточенную у Валансьена.

И только эта конница и была сначала брошена немцами навстречу наступательному движению французских войск Модюи; разрушая мосты на путях наступления противника и ведя бои в спешенных строях широким применением пулеметов, германские эскадроны шаг за шагом задерживали продвижение неприятеля, с целью выиграть время до прибытия пехотных подкреплений. Тем не менее, остановить французов, задержать их на продолжительное время им все таки не удалось. 18 сентября (1 октября) войска Модюи заняли Аррас и повели наступление на Дуэ. Между тем, на стороне немцев усиление армии кронпринца баварского продолжалось безостановочно и в дополнение к тем корпусам, которые уже вели бои на Анкре, подвозились: гвардейский корпус ген. фон-Плетенберга (из II армии, из-под Реймса, где он сменен 12-й дивизией VI корпуса V армии), IV-й (из I-й армии) и I баварский резервный (из Лотарингии). В то время, когда французские войска начали наступление от Арраса к Дуэ, гвардейский корпус немцев сосредоточился у С. Кентена; 19 сентября (2 октября) он двинулся вместе со 2-й кавалерийской дивизией к Бапому против правого фланга армии Модюи и здесь в удачных боях 20—21 сентября (3—4 октября) оттеснил французов за железную дорогу Альбер—Аррас. Часть его сил повернула к северу и 23 сентября (6 октября) достигла Аньи, к югу от Арраса, облегчив этим продвижение IV корпуса, наступавшего севернее. Этот последний наступал на Аррас, но занять его не мог; в свою очередь, французы не могли продвинуться к востоку от этого города. Что касается левого фланга 10-й французской армии (33-й корпус и территориальные дивизии Брюжера), то он наступал между р. Скарпой и каналом Ла-Бассэ; за железнодорожно линией Аррас—Бетюн он был атакован частями I баварского резервного корпуса, разбит и отброшен за эту железную дорогу. Войска 33-го корпуса, укрепившись на высотах левого берега Скарпы у Монт-С. Элуа, с большим трудом остановили здесь натиск баварцев.

Во всяком случае, с 23 сентября (6 октября) наступление Модюи было приостановлено. И теперь уже германская конница ген. фон-Марвица (I и II кавалерийские корпуса), движением своим от Дуэ на Лоос, угрожала обходом левому флангу 10-й французской армии. В окрестностях Лиевина, 23 сентября (6 октября), происходит ряд боевых столкновений между немецкой кавалерией и французской конницей, поддержанной альпийскими егерями, но эти бои не приводят к решительному результату. На следующий день от Бетюна к Ла-Бассэ подходит 21-й французский корпус и вынуждает Марвица перейти к обороне. 25 сентября (8 октября) германскую конницу сменяет здесь XIV германский корпус, подвезенный из Лотарингии, в результате чего происходит фронтальное столкновение этого корпуса с 21-м французским и, после нерешительных боев,—закрепление их на занятых позициях на фронте Ленс—Лоос—Ла-Бассэ. До 29 сентября (12 октября) кое где между р. Уазой и Аррасом еще происходят местные бои огра-

ниченного значения, особенно оживленные у Ройе и Альбера, но затем здесь все стихает в оковах позиционной войны, подобно тому, как на р. Эне и под стенами восточных крепостей.

В двадцатых числах сентября (по ст. стилю) командование французскими войсками, занимавшими позиции к северу от Соммы (10-я армия Модюи и отдельные части, находившиеся во Фландрии), было об'единено в руках бывшего командующего 9-й армией, ген. Фоша.

Переброска английской армии с р. Эна во Фландрию, в конце сентября (ст. стиля).

Между тем, пока к западу от Уазы обе стороны, стараясь предупредить друг друга, забегали все далее и далее к северу с целью создать угрозу неприятельскому флангу и вызывали этим беспрерывную переброску войск из одного района в другой, на р. Эне произошла крупная перегруппировка на стороне союзников, не имевшая однако, непосредственного отношения к событиям, развивавшимся на западном фланге. Во второй половине сентября (по ст. стилю) английское высшее командование высказало французскому главнокомандующему свое желание перевести английскую армию с р. Эна к северу, в район побережья; фельдмаршал Френч об'яснял желательность такой переброски необходимостью для английских войск быть ближе к своей базе и иметь более короткие и безопасные сообщения с отечеством, а также лежащей на них обязанностью прикрывать своим расположением побережье и Англию, что, между прочим, и входило в задачи английской экспедиционной армии в первоначальном плане, предусматривавшем совместные против германцев операции английских и французских войск.

Нельзя не согласиться со справедливостью этих соображений, тем более, что, благодаря солидным укреплениям, созданным союзниками на своих позициях вдоль р. Эна, вывод английских войск из боевых линий на этой реке и замена их более слабыми французскими частями представлялись вполне возможными. Дело заключалось лишь в том — своевременна ли была эта мера в оперативном отношении, имея в виду массовую перевозку французских войск с юга на север, требовавшую огромного количества перевозочных средств. В это время по всем железнодорожным магистралям, ведущим из района восточных крепостей к Амьену и севернее, двигались сотни войсковых эшелонов, спешивших подвести за р. Сомму корпуса, предназначенные для удлинения и усиления свободного фланга союзников. Естественно, что перевозка английских войск, непосредственно не вызывавшаяся оперативными соображениями, должна была замедлить и затруднить эту операцию. Тем не менее, французское высшее командование не нашло возможным не считаться с желанием английской армии находиться в более близком расстоянии от своей базы и согласилось на переброску этой армии в район побережья.

Немецкие авторы считают, что требование Френча было несвоевременно, не вынуждалось обстановкой и сильно затруднило французское командование; некоторые из них даже называют это требование эгоистичным и неслыханным (unerhörte Verlangen).

Перевозка английских войск началась 18 сентября (1 октября), причем первой была отправлена конница ($1^1/_2$ дивизии), находившаяся в резерве за укрепленными позициями. 20 сент. (3 окт.) был снят с позиции 2-й корпус, стоявший в центре армии; его сменили временно фланговые части соседних корпусов, растянувшие свое расположение; 22-го (5-го) ушел 3-й корпус, смененный дивизией 6-й французской армии. Наконец, последним, 24 сентября (7 октября), был выведен из боевых линий 1-й корпус, передавший свои позиции одной дивизии 5-й французской армии. Для высадки всех этих войск был избран район С. Омер—Хазебрук, за левым флангом армии Модюи. К этому времени в Остенде уже собирался прибывший из Англии 4-й английский корпус ген. Роулинсона (в составе 7-й пехотной и 3-й кавалерийской дивизий); кроме того, на пути из Индии находилась лагорская (туземная) дивизия, а в Англии были готовы к отправлению на материк две дивизии ездящей пехоты.

Собиравшаяся у побережья английская армия была включена в состав фронта, подчиненного ген. Фошу и должна была действовать в тесной связи с французскими войсками, находившимися севернее Соммы.

Таким образом, как мы видим, фронт союзников должен был в ближайшие дни протянуться еще далее к северу, дотянувшись чуть ли не до морского берега. Естественно, что это должно было вызвать соответствующие меры и со стороны противника, тем более, что такое приближение боевых операций к побережью угрожало в известной степени и осаде Антверпена, а возможность маневрировать здесь еще не исчезла. Переброска английской армии к северу, между прочим, имела ввиду оказать содействие Антверпену и выручить бельгийскую армию из того положения, в котором она оказалась к тому времени. Однако, как увидим из следующей главы, английская помощь запоздала: крепость пала ранее, чем английская армия успела сосредоточиться и изготовиться к наступлению в Бельгию. С падением Антверпена эта цель отпала, а вместе с тем у обеих сторон появились новые задачи: у немцев—движение к Кале, с целью захвата побережья для возможности угрожать отсюда Англии, у союзников—упорная оборона этого побережья. Все перегруппировки, передвижения и маневры, исполненные обеими сторонами в течение ближайших дней в этом прибрежном районе имели целью облегчить им выполнение этих задач. Все эти меры, во всей своей совокупности, образуют подготовку к крупным операциям во Фландрии, которые, хотя по времени и месту и составляют как бы продолжение изложенных выше боев на флангах, но по своему внутреннему значению, по идее, положенной в их основание, по своим стратегическим целям представляют совершенно особые, самостоятельные операции первостепенного значения. О них я буду говорить в одной из следующих глав.

Оценка операций на флангах.

Операции на флангах, веденные обеими сторонами с таким ожиблением в течение второй половины сентября (по ст. стилю), представляют собой весьма интересное явление, вызванное к жизни особенными стратегическими условиями театра военных действий. До тех пор, пока оба противника обладали свободой маневрирования на фронте, значительная доля их внимания была поглощена событиями, происходившими здесь, почему боевым действиям на флангах придавалось лишь вспомогательное, второстепенное значение. Но когда позиционная война постепенно стала зажимать в своих тисках полевые армии, оставляя им в удел ограниченное поле действия между укрепленными линиями, естественно, что оперативная инициатива и боевая энергия противников направилась по линиям наименьшего сопротивления, устремилась на свободные фланги,—туда, где еще окопы не бороздили будущих полей сражений, где враг еще не прятался в прочных, неуязвимых для артиллерии убежищах, где войска, подходившие к боевым линиям, еще не были скрыты от наблюдения в извилистых ходах сообщений... И вот, вызванное этим сильным стремлением к маневренной свободе, желанием избежать стеснительных условий позиционной войны, соблазном легко достигнуть здесь существенных преимуществ над противником, началось это настойчивое забегание в обход неприятельского фланга, с целью достигнуть чувствительных мест в расположении врага, создать для него тяжелую обстановку. И каждая из сторон одновременно и заносила эти удары по флангу противника, и защищалась от подобных же неприятельских ударов. А в результате этих взаимных обходов фронт все удлинялся и удлинялся, протягиваясь к северу, как бы стремясь найти точку опоры для своего обнаженного, еще уязвимого фланга. Казалось, что оба противника торопились дотянуть этот фланг возможно скорее до моря, возможно скорее добежать до морского берега, чтобы, опоясавши театр военных действий сплошной линией трудноодолимых укрепленных позиций, окончательно преградить врагу путь для дальнейшего продвижения. Это был своеобразный бег к морю, скачка к побережью, столь характерная для этого переходного, нерешительного периода войны на западе*).

Это последовательное набегание войсковых масс обеих сторон одна на другую, их горячие, но короткие схватки, быстрая остановка их стремительного движения и, наконец, переход к малоподвижному, пассивному стоянию с редкими вспышками боевой энергии, еще временами пытающейся нарушить тишину и однообразие позиционной жизни, все это напоминало встречное движение двух потоков раскаленной лавы, которые набегая один на другой с треском и шипением, перемешивали свои огненные массы, останавливались в своем течении, постепенно с поверхности потухали, покрывались пеплом, твердели и

*) Французы называют этот фланговые операции—„la course à la mer," немцы—„der Wettlauf nach dem Meere".

каменели, в то время, как сквозь их застывшую, еще не окрепшую поверхность время от времени пробивались горячие извержения, потрясавшие землю и наполнявшие воздух раскаленными парами и пеплом. И не успевали эти лавовые потоки замереть в неподвижности, как рядом с ними набегали другие и так далее и далее, пока не вырос вплоть до моря этот твердый, как гранит, этот неподвижный, как горный хребет, неприступный барьер, разделивший собой на продолжительное время обоих противников.

Задумавшись над причинами, которые вызвали столь продолжительные, непрерывные операции на флангах, охватившие такую обширную тирриторию театра военных действий, мы придем к заключению, что эти причины распадаются на две группы. Первая из них — ближайшие причины, ограниченного значения и по времени, и по пространству: притягательная сила обнаженного неприятельского фланга, стремление обеспечить свой собственный фланг, желание оживить замирающие операции на фронте давлением на чувствительные точки на тыловых сообщениях. Это—оперативные факторы, непосредственно влиявшие на зарождение и развитие той оживленной борьбы на флангах, которая велась так долго обеими сторонами. Но не они главным образом руководили намерениями противников и двигали их массы все дальше и дальше к северу; в этом процессе обнаруживалось действие более общих, более могучих факторов, глубже таившихся в сложных условиях широкой стратегической обстановки. Это—не всегда ясно сознававшееся даже высшим командованием обеих сторон, непреодолимое стремление противников связать операции на Эне и на Уазе с операциями в Бельгии, тяготение союзников к восстановлению оперативной связи с бельгийской армией и спешившими ей на поддержку английскими подкреплениями, стремление немцев преградить неприятелю пути к достижению этой цели и прикрыть осаду Антверпена. Впрочем, во французских сочинениях об этом периоде войны определенно высказывается мнение, что конечной целью обходных операций союзников было именно установление такой связи с Антверпеном; и чем резче и откровеннее обнаруживалось в действиях англо-французов это стремление, тем сильнее становилось побуждение немцев ускорить овладение этой крепостью, которая, к тому же, являлась постоянной угрозой их тыловым сообщениям.

Вот каков был внутренний оперативный смысл этой скачки к морю, побуждаемой и подготовляемой, руководимой и направляемой потребностями широкого стратегического значения. Естественно, если война между Уазой и Маасом, а также на линии восточных крепостей, уже утратила свои прежние широкие задачи, их нужно было искать в другом месте, к их осуществлению приходилось стремиться на других направлениях. И эти новые задачи нашлись у каждого из противников, и они то и привлекали к морскому побережью все их свободные силы, всю еще не израсходованную ими энергию. Каковы были

эти задачи и как выполняли их обе стороны—будет изложено мною в последующих главах. А теперь, дабы покончить с боевыми действиями между Уазой и Маасом, коснемся вкратце той обстановки, которая создалась для обеих сторон у Вердена и которая явилась непосредственным результатом закрепления германскими армиями своего стратегического положения после сражения на р. Эне.

Бои в районе Вердена, 9—15 (22—28) сентября. Схемы №№ 15 и 16.

Верден служил в этом периоде боевых операций опорой правого фланга наступательного фронта союзников и связующим звеном этого фронта с укрепленными позициями на эльзас-лотарингской границе. Отступление немцев от Марны лишило их возможности окружить эту крепость, изолировать ее от полевой армии, что, повидимому, и было задачей войск кронпринца германского во время их наступления в Аргоннах. Сохранение французами Вердена в период маневренной войны дало им возможность широко использовать эту крепость,—часть ее крепостных верков, ее сильное вооружение, ее богатое снаряжение, ее убежища и склады*),—в последующей затем позиционной войне. В этом отношении Верден служит наглядным доказательством того крупного значения, которое имеют в современной войне крепости, сохраняющие тесную тактическую связь с полевой армией, и того—насколько ценнее это маневренное, так сказать полевое их значение, чем то, которое они могут иметь, как крепости в собственном смысле этого слова, когда, отрезанные от полевой армии, они подвержены осаде и блокаде неприятельских войск.

Мы видели, что с переброской VI-й германской армии в район Арраса, на правом берегу Мааса, между Верденом и Нанси, была оставлена армейская группа ген. фон-Штранца, в состав которой вошли I баварский резервный, III баварский, XIV резервный и XIV корпуса**). На эти войска, совместно с корпусами V-й германской армии, была возложена задача возможно более стеснить верденский укрепленный район. Эти операции начались одновременно и с севера, и с востока: 9 (22) сентября XIII и XVI-й германские корпуса атаковали французские войска ген. Сарайля на линии Варенн—Монфокон, но не могли овладеть неприятельскими позициями; в то же время немцы повели наступление и на правом берегу Мааса.

Французы занимали здесь войсками верденского укрепленного района так называемые маасские высоты (hauts de Meuse), прикрывающие крепость с востока, по дуге от Орн на Дамлю, Эпарж и С. Мьель. Немцы атаковали южный участок этих позиций от Фрэна на Гатон-шатель, Гедикур и Эссей: на правом фланге—V-й, в центре—III-й ба-

---

*) Со времени осады Льежа и Намюра французы произвели много усовершенствований в системе обороны Вердена, что отмечают, между прочим, и немецкие авторы.

**) Несколько позже, в период подготовки к сражению во Фландрии, I баварский рез. и XIV корпуса были перевезены к Аррасу в армию кронпринца баварского.

варский, на левом фланге—XIV-й корпуса; V-й корпус оттеснил французов почти до форта Тройона, баварцы продвинулись к Гедикуру, а XIV-й корпус обеспечивал эту операцию с юга, достигнув некоторых успехов у Флирей.

Между тем, Сарайль, воспользовавшись приостановкой наступления германских войск V-й армии, перебросил часть своих резервов на правый берег Мааса и к 11 (24) сентября остановил здесь наступление Штранца. Тем не менее, рано утром 12 (25) сентября 6-я баварская дивизия, после сильной артиллерийской подготовки, атаковала французские укрепления у С. Мьеля (так называемый римский лагерь, Camp de Romains) и овладела ими, получивши, таким образом, удобный наблюдательный пункт на Маасе. Тотчас же после этого, баварцы форсировали реку, с целью наступления в тыл 3-й французской армии и заняли на левом берегу Шованкур (предместье С. Мьеля), но подоспевшими резервами Сарайля и 2-й армии, при содействии крепостной артиллерии соседних фортов (Ле-Пароша, Лиувиля и Жиронвиля), они были отброшены на правый берег. Здесь бои продолжались с переменным успехом для обеих сторон до 15 (28) сентября, когда они совершенно затихли. Немцы удержали за собой захваченный ими С. Мьель, у которого их укрепленный фронт, огибавший Верден с севера и с востока, от Консанвойе на Орн, Этен и Фрэн, упирался здесь в правый берег Мааса; затем он поворачивал круто к востоку, пересекая Мозель несколько севернее впадения в него р. Мерты. Такое положение германские позиции сохраняли здесь до начала 1916 года, до памятных боев под Верденом, когда армия кронпринца германского сделала свою последнюю и на этот раз самую энергичную, длительную попытку овладеть этим мощным форпостом Франции, падение которого должно было открыть лотарингской группе германских войск пути к Парижу и в тыл французских позиций, расположенных между Маасом и Уазой. В частности, С. Мьель оставался в руках немцев до конца войны, являясь постоянной угрозой для тыла французских войск, находившихся на левом берегу Мааса.

С тех пор боевые действия под Верденом, в районе Реймса, на р. Эне и между р.р. Уазой и Соммой затихают, принимая ясно выраженный позиционный характер; но тем с большей силой вспыхивают и разгораются бои в районе Арраса и во Фландрии.

После 12 (25) сентября германская главная квартира перенесена из Люксембурга в Шарлевиль.

XIV. Осада и падение Антверпена.

Мы оставили бельгийскую армию в тот момент, когда она, после неудачных боевых операций на Маасе и на путях к Брюсселю, пренебрегши соединением своих сил с англо-французскими войсками, уже спешившими к ней на помощь, приняла самостоятельное решение

укрыться в Антверпен. Мы видели, что вслед за этой армией германцы отрядили два своих корпуса—III резервный и IX резервный, сначала для наблюдения за крепостью, а затем и для овладения ею.

Значение Антверпена для обеих сторон.

Раньше, чем приступить к изложению событий под стенами Антверпена, постараемся уяснить себе: какое значение имело обладание этой крепостью для каждой из сторон и что представляла она собой с точки зрения современных требований военно-инженерного искусства.

Для союзников вообще, а для бельгийцев в частности, Антверпен имел значение опорного пункта, удержание которого в своих руках давало им возможность сохранять свое господство в приморской полосе Бельгии, к западу от р. Шельды, в этой местности, столь важной в то время для поддержания связи между Англией и Францией; кроме того, эта крепость, заключая в себе крупный гарнизон, хорошо снабженный боевыми и продовольственными запасами и до своего падения сохранявший свободное сообщение с внешним миром, являлась постоянной угрозой неприятельским тыловым сообщениям и могла во всякое время послужить базой, опорой и исходным пунктом для расширения и развития боевых операций союзников в Бельгии. С другой стороны, для германцев обладание Антверпеном было необходимо для того, чтобы дать опору своему правому флангу, который после сражения на р. Эне постепенно протягивался к северу, закрепить за собой господство на всей территории Бельгии и получить доступ к побережью, откуда возможно было бы затруднять сообщение Англии с Францией и непосредственно угрожать одному из противников по ту сторону канала.

Все эти соображения побуждали: союзников всеми возможными мерами удерживать эту крепость в своих руках, а германцев—стремиться овладеть ею во что бы то ни стало. В VII главе я старался доказать, что отступление бельгийцев к Антверпену было крупной стратегической ошибкой, которая должна была рано или поздно или погубить бельгийскую армию, или поставить ее в крайне тяжелое положение; и что те невыгоды, которые являлись результатом этого отступления под защиту крепостных фортов, тот риск, с которым было связано пребывание полевой армии за стенами крепости, не окупались теми стратегическими преимуществами, которые давало бельгийцам 6-ти недельное удержание в своих руках Антверпена. Но раз уж эта ошибка была сделана и связь бельгийской армии с англо-французами, вытесненными из Бельгии, была утрачена, бельгийцам не оставалось другого выбора, как защищать эту крепость до последней возможности, в надежде ли быть выручennыми союзными армиями, или в расчете, в удобную минуту, покинув крепость, соединиться с союзниками. Как увидим ниже, им удалось выполнить именно последнее.

Описание Антверпена Схема № 17

Антверпен представлял собою весьма обширную крепость-лагерь новейшего типа, созданную по плану великого бельгийского инженера генерала Бриальмона, трудившегося над постройкой, переделкой и

усовершенствованием этой крепости с 1859 года до своей смерти (в 1903 году). Однако, несмотря на это, вследствие постоянно возникавших новых потребностей в тех или других изменениях крепостной обороны, вызывавшихся прогрессом артиллерийского дела и развитием военной техники, крепость к началу войны не была вполне готова соответственно новейшим требованиям: линия новых, наружных фортов кое-где еще не была закончена, начатая с 1909 года переделка внутренней непрерывной ограды во многом еще была не выполнена, наконец, до последних дней перед войной среди бельгийских военных инженеров и артиллеристов не установилось полного единомыслия в отношении того характера, который должно получить вооружение новых фортов с вращающимися броневыми куполами. Уже во время самой войны, пользуясь печальным опытом борьбы с германской артиллерией в Льеже и Намюре, бельгийцы внесли много усовершенствований, как в общую систему обороны Антверпена, так и в устройство и вооружение отдельных его укреплений.

В общем, эта крепость к началу осады ее германцами имела следующий вид. На правом берегу р. Шельды, в двух километрах от окраины города, охватывая его с севера, востока и юга, шла старая непрерывная ограда, состоявшая из 12 фронтов полигонального начертания; у северной оконечности этой ограды, на берегу реки, находилась старая цитадель, имевшая форму люнета о пяти фасах, сомкнутого горжей в виде тенали. Затем, в 3—4 километрах от непрерывной ограды находилась линия внутренних (старых) фортов*) числом девять (от № 1 до № 8 и форт Мерксем); к этой системе внутренних фортов относятся также старые форты: на правом берегу, непосредственно у реки (к северо-западу от города),—С. Филип и Лилло, а на левом берегу—Крюнбек, Цюиндрехт, С. Мари, Ла-Перль и Лифкеншек. Всего внутренних, устаревших фортов—16.

Далее, в 10—12 километрах от них, шла линия дальней обороны, линия новых, наружных фортов, расположенная почти вся на правом берегу Шельды: на левом берегу находился лишь один форт Рюпельмонд, близь впадения реки Рюпель в Шельду; Рюпельмонд был связан со старым фортом Крюнбек системой нескольких редутов. На правом берегу Шельды линия дальней обороны состояла из следующих укреплений: начиная от места слияния Шельды и Рюпеля вверх по последнему—форты Борнем, Лицеле и Брендонк, редуты Пюэр, Пюиллер и Вилебрек; затем, вдоль р. Неты: форты Вэльхейм, Дюфель, Вавр-С. Катарин, Конингсхойкт, Льер, Кессель и Брэхем, редуты железнодорожный, Грэнстрет, Дорпфельд, Вавр и Талер. На остальной окружности внешней оборонительной линии находились 6 фортов: Элегем, Гравенвезель, Шоотен, Брассхэт, Эртбранд и Стабрек, промежутки между которыми были заняты менее значительными укреплениями

*) Все эти старые сооружения были построены в промежуток времени между 1859 и 1870 годами.

(редутами, люнетами, батареями): Массенхевен, Шильде, Одрэн, Дрижхэк, Капелен, Оордерен и Барендрех. Всего новых фортов—17. Все они были построены с широким использованием бетона и в большинстве снабжены броневыми вращающимися башнями для орудий*). Общий обвод крепости—около 130 километров.

Описание крепости было бы не полно, если бы мы не сказали об естественных условиях местности в крепостном районе. Оборонительная сила южного и восточного секторов наружного фортового пояса усиливалась болотистыми долинами р. р. Рюпеля и Неты; западный сектор был прикрыт с востока трудно проходимой преградой реки Шельды; северный сектор, по характеру местности (сухой, покрытой рощами), был более доступен для атаки, чем остальные, но близость к нему голландской границы сильно стесняла здесь свободу действий осаждающего. Местность к северо-западу от города, на обоих берегах р. Шельды, была подвержена наводнениям на 5—6 километров к востоку и западу от реки, что в известной мере сокращало линию обороны северного и западного секторов. Во всяком случае, как эти особенности местности, так и большая окружность внешних укреплений, чрезвычайно затрудняли полное обложение Антверпена.

Боевые действия под крепостью до начала германской атаки [до 15 (28) сентября]. Схема № 18.

Отойдя 7 (20) августа под защиту крепостных фортов, бельгийская армия расположилась своими пятью армейскими дивизиями (1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й) впереди восточного и южного секторов внешнего фортового пояса, а свою кавалерийскую дивизию поставила вдоль излучины р. Шельды между С. Николя и Термондом, с целью обеспечить свои сообщения с Гентом и Остенде. Спустя некоторое время к коннице присоединились здесь остатки 4-й дивизии, спасшиеся после падения Намюра.

В это время германский наблюдательный отряд, состоявший из III рез. и IX рез. корпусов, выделенных из I-й армии, занимал своими передовыми частями позиции к югу от линии Термонд — Мехельн (Малин)—Хейст; за ними в нескольких местах располагались подвижные резервы. Войска ожидали прибытия осадного парка из-под Намюра и Мобежа, а также второочередных частей, которые должны были сменить IX рез. корпус. Командование осадной армией было поручено генералу фон-Безелеру, имевшему репутацию большого знатока крепостного дела и крепостной войны. Осадная артиллерия начала прибывать лишь в первых числах сентября (по ст. стилю), почему атака крепости могла быть начата лишь 15 (28) сентября: до тех же пор германские войска под Антверпеном были обречены на пассивное ожидание, которое, впрочем, несколько разнообразилось отражением вылазок, производимых бельгийцами.

Таких вылазок было три. Первая из них началась 11 (24) августа и была поведена от Мехельна на юг, на линию Гехт—Вольфертем; считая с востока, дивизии наступали в таком порядке—2-я, 6-я, 1-я

*) О том каково было вооружение фортов у меня сведений не имеется.

и 5-я, 3-я дивизиа шла в резерве. Бельгийские войска легко дошли 12 (25) сентября до указанной выше линии, тесня перед собой слабые охранительные части немцев, но далее продвинуться не могли, встретивши здесь сильное сопротивление противника. Особенно неудачны были попытки 2-й дивизии форсировать от Гехта канал Лувен—Мехельн. В виду этого, на следующий день бельгийцы отошли к крепости.

Вторая вылазка была произведена с 27 по 31 августа (с 9 по 13 сентября) и имела целью оказать содействие союзным армиям, сражавшимся в это время на р. р. Марне и Эне, путем задержания под крепостью германских войск, которые могли быть отправлены на юг. План этого наступления заключался в обходе правого фланга немцев в направлении на Лувен. В боевых действиях приняли участие дивизии—1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 6-я и кавалерийская; фронт наступления, как и при первой вылазке, был указан по линии Гехт—Вольфертем, но главные силы (1-я, 2-я и 6-я дивизии) были сосредоточены в направлении от Мехельна на Гехт и Лувен, по обе стороны Лувен-Мехельнского канала. До 29 августа (11 сентября) бельгийцы продвигались успешно и оттеснили передовые части германской наблюдательной армии до линии Лувен—Вольфертем. Однако, с этого дня начались энергичные контратаки немцев, в результате коих к 31 августа (13 сентября) бельгийские дивизии были оттеснены к фортам крепости. Тем не менее, эта вылазка достигла поставленной себе цели, потому что германцы, в виду наступления бельгийцев, задержали на несколько дней под крепостью назначенный к отправлению на юг, к р. Эну, IX-й резервный корпус и даже вернули с пути, уже отправленную туда, 6-ю резервн. дивизию (из состава III-го резервного корпуса).

Наконец, третья вылазка бельгийцев из Антверпена состоялась 12 (25) сентября и имела целью отбросить к югу левый фланг германцев и открыть с этой стороны сообщение с Брюсселем. Казалось, что уход IX резервного корпуса из окрестностей Термонда должен был облегчить бельгийским войскам выполнение этой задачи, тем более, что главный удар в направлении на Алост приводил атакующих, при удаче, на кратчайшие пути,ведущие от р. Шельды к Брюсселю. В этом новом наступлении приняли участие пять пехотных и кавалерийская дивизии; 2-я дивизия оставалась в крепости. Пехотные дивизии наступали на фронте от Мехельна до р. Шельды, причем две из них (4-я и 5-я) были брошены к Алосту; в то же время бельгийская конница двинулась туда же со стороны Гента. Находившаяся между Термондом и Алостом, на левом фланге немцев, 37-я ландверная бригада (сменившая здесь недавно отправленный к р. Эну IX рез. корпус) была атакована бельгийцами с трех сторон, едва не была отрезана от прочих германских войск и с большими затруднениями и потерями отошла на Ломбеек. Несмотря, однако, на этот частный успех, достигнутый на правом фланге, наступление бельгийцев на всем осталь-

ном фронте окончилось неудачей. Нигде более они не были в состоянии продвинуться и на следующий день вновь потянулись под защиту фортов.

Между тем, осадный парк уже прибыл к германцам и тяжелые батареи спешно устанавливались ими против избранных для атаки участков фортовой линии. Через три дня после боя у Алоста осадная армия генерала фон-Безелера приступила к атаке Антверпена.

План германской атаки.

К этому времени состав этой осадной армии был следующий: III рез. корпус (5-я и 6-я рез. дивизии), 26-я и 37-я ландверные бригады, морская и 4-я эрзац-резервная дивизии, осадная артиллерийская и саперная бригады; всего около 50 тыс. человек. Осадный парк заключал в себе наиболее могущественные калибры: 42 сант. и 21 сант. мортиры, 30½ сант. гаубицы и 28 сант. пушки (морские). Бельгийский гарнизон насчитывал в своих рядах около 60 тысячь человек.

Обширные размеры крепости, в связи с указанными выше особенностями некоторых ее фронтов, а также численное превосходство бельгийского гарнизона не давали немцам возможности произвести полное обложение Антверпена. Приходилось поневоле ограничиться атакой на узком фронте, предоставивши противнику свободу сообщений с внешним миром и ставя себе целью во что бы то ни стало возможно скорее овладеть крепостью, хотя бы гарнизон ее и имел возможность в последнюю минуту спастись отступлением. Скорейшее овладение крепостью представлялось для германцев необходимым не только по тому, что нужно было освободить для действий в поле прикованные к ней войска, но и потому, что приближение к Антверпену англо-французских полевых армий могло создать совершенно новые, более трудные условия борьбы за эту крепость; необходимо было овладеть Антверпеном, пока он еще был изолирован от полевых армий, пока он еще не вошел в общую линию неприятельского фронта. Потому то, когда после сражения на р. Эне, путем последовательных операций на флангах, общий фронт борьбы обеих сторон стал быстро растягиваться к северу, с каждым днем приближаясь к Антверпену, германцы напрягли все свои усилия для скорейшего овладения крепостью.

Для атаки был избран участок в 14 километров по р. Нижней Нете, от слияния Б. и М. Неты и до р. Диль, где размеры водной преграды, как в отношении ширины и глубины русла, так и болотистого характера берегов, были наименьшие. На этом участке стоял III рез. корпус, на который была возложена задача—нанести главный удар, пробить внешний пояс фортов и затем броситься внутрь крепости. Для обеспечения этих операций и для вспомогательных действий были назначены: правее III-го рез. корпуса—26-я ландверная бригада на участок М. Неты; левее—морская дивизия по обе стороны р. Диль и 4-я эрзац-резервная дивизия далее до р. Шельды. Наконец, 37-я ландверная бригада, расположенная у Алоста, должна была обеспечивать левый фланг всей осадной армии. Таким образом, для атаки

был избран не более слабый участок, каковым являлся сектор между фортами Брэхем и Шоотен, а наиболее трудный—юго-восточный. Это об'ясняется тем, что немцам приходилось держать свои главные силы на путях к Брюсселю, дабы не дать бельгийской армии возможности прорваться к югу, на соединение с союзными армиями. Кроме этого, более северное расположение осадной армии было бы стеснено близостью голландской границы.

Атака укреплений на р. Нете, 15—23 сентября (28 сент.—8 октября). Схема № 17.

Атака Антверпена началась 15 (28) сентября бомбардировкой фортов: Вэльхейма—снарядами австрийской 30½ сант. гаубицы и германской 21 сант. мортиры и Вавр-С. Катарина—снарядами 42 сант. мортиры; бомбардировка велась с расстояния 12—15 километров. На следующий день обстрел этих фортов продолжался и началась бомбардировка фортов по р. Рюпелю (особенно форта Брендонка). Огонь германских батарей корректировался с привязных шаров. Вследствие сильного огня германской осадной артиллерии, бельгийская пехота отошла за линию фортов. Уже в этот день оказались разрушенными форты Вэльхейм и Вавр-С. Катарин, редут Вилебрек (за фортом Брендонком), некоторые промежуточные батареи и проволочные заграждения перед ними. Раненый комендант Вэльхейма с остатками гарнизона с часу на час ожидал штурма; артиллерия этого форта уже была не в силах бороться с германскими осадными батареями и вскоре здесь были подбиты все орудия, даже стоявшие в броневых башнях.

17 (30) сентября подверглись разрушению форты Кёнингсхойкт и Льер и редут Дорпфельд. Вообще же, на третий день бомбардировки оказались разрушенными почти все наиболее могущественные укрепления, усиленные бетоном и броней. Король Альберт ясно понимал всю грозную опасность положения, почему в этот день он обратился за помощью к Китченеру и Жоффру. Но чем могли они в это время помочь Антверпену? Крепости необходима была скорая и могучая помощь, между тем, союзные армии были так далеко от нее, что расчитывать на такую поддержку не было никакой возможности. Тем не менее, каждый из союзников сделал, что мог: Жоффр отправил из Парижа через Гент морскую бригаду адмирала Ронара, Китченер приступил к отправке в Антверпен морской дивизии. Тем временем, бельгийцы начали эвакуацию крепостных запасов и раненых в Гент и Остендэ, а также приняли ряд особых мер по обеспечению сообщений крепости с этими пунктами: из эскадронов дивизионной конницы и велосипедистов была сформирована 2-я кавалерийская дивизия, поставленная у Локерена; 1-я кавалерийская дивизия расположена у Ветерена. 4-я дивизия, несмотря на тяжелое положение крепости, оставлена для обороны Шельды в районе Термонда.

В дни 18—20 сентября (1—3 октября) немцы, в связи с продолжавшейся бомбардировкой, произвели ряд пехотных штурмов: 18-го (1-го) весь участок от Вэльхейма до Льера был разрушен и пал форт Вавр-С. Катарин; 19-го (2-го) пали форты Вэльхейм, Льер и Кёнинг-

схойкт, а также редуты Дорпфельд, Талер и железнодорожный; 20-го (3-го) пал форт Дюфель. В это время на участке р. Рюпеля велась лишь перестрелка и происходили мелкие столкновения между передовыми частями обеих сторон.

Подкрепления союзников прибывали медленно и скупо. Английская морская дивизия ген. Париса (8 тыс. чел. и 12 орудий) вступила в Антверпен 20 сентября (3 октября); ее привел сам морской министр Англии Уинстон Черчиль, несколько ободривший своим присутствием защитников крепости. Английские моряки заняли участок передовых позиций по р. Нете, в районе форта Льер. Французская морская бригада адмирала Ронара (6 тыс. чел.) только 26 сентября (9 октября) подошла к Генту, почему она и 4-й английский корпус ген. Роулинсона, замешкавшийся у Брюгге, уже не успели принять участия в крепостных боях и оказали бельгийцам поддержку лишь при их отходе от Антверпена к р. Изеру.

Между тем, атака немцами юго-восточного сектора внешнего пояса фортов настойчиво продолжалась: 21 сентября (4 октября) германская пехота III резервного корпуса вела упорные бои с частями 1-й, 2-й и 5-й бельгийских и английской морской дивизией за обладание переправами на р. Нете; город Льер был взят немцами, которые, перейдя здесь реку, оттеснили противника внутрь крепости. На следующий день германские войска закрепились на правом берегу р. Неты. В ночь с 22 на 23 сентября (с 5 на 6 октября) англо-бельгийцы сделали отчаянную попытку отбросить неприятеля за эту реку, но потерпели неудачу и с наступлением дня сами были отброшены на линию Контиш—Бушут, между внешней и внутренней линиями фортов. В тот же день разрушен форт Брэхем, 26-я ландверная бригада немцев атаковала этот форт, и заняла его, переправившись здесь через реку М. Нету.

Таким образом, к 23 сентября (6 октября) весь фронт по р. Нете, протяжением в 16 километров, был занят германцами, войска которых пробились уже глубоким клином за линию внешних фортов, на расстояние всего лишь 2-х километров от фортов внутренних (сел. Бушут). С этого дня германская осадная артиллерия, подвезенная к р. Нете, начала уже громить и эти последние. Положение Антверпена становилось отчаянным.

Что касается боевых действий на южном секторе, вдоль р. Рюпеля, то здесь по-прежнему немцами велась демонстративная бомбардировка бельгийских укреплений и шли небольшие пехотные бои местного значения.

Бои на р. Шельде, 19—22 сентября (2—5 окт.). Схема № 18.

Одновременно с атаками на р. Нете и демонстрациями на р. Рюпеле, генерал фон-Безелер предпринял ряд боевых действий, имевших целью произвести давление на сообщения бельгийской армии. Прибывшие под Антверпен 19 сентября (2 октября) подкрепления из Германии (баварская ландверная бригада и некоторые мелкие части) дали возможность начать эти операции, не ослабляя общей боевой линии

атакующего. 19-го (2-го) 37-я ландверная бригада выдвинулась от Алоста к Термонду, овладела с бою этим населенным пунктом, а бельгийцев, оборонявших здесь реку (части 1-й кавалерийской и 4-й дивизии), оттеснила на левый берег реки. Ночью с 21 на 22 сентября (с 4 на 5 октября) немцы построили мост между Термондом и Шоонарде, утром 22-го (5-го) форсировали здесь реку и с боя заняли ее левый берег.

Так как появление противника на этом берегу создавало большую опасность для сообщений Антверпена с Гентом и Остенде, то явилась необходимость принять спешные меры для задержания неприятельского продвижения в этом направлении. С этой целью в район Термонда были направлены: конная бригада от Ветерена (из состава 2-й кавалерийской дивизии) и вся 6-я дивизия с рюпельского фронта. Такая забота об обеспечении за собой путей, ведущих на запад, являлась для бельгийцев тем более необходимой, что в эти дни бельгийское высшее командование уже подготовляло вывод своих войск из разрушенной крепости.

Последние дни Антверпена, 23—27 сентября (6—10 октября). Схема № 17.

К вечеру 23 сентября (6 октября) положение крепости представлялось в следующем виде: весь фронт между фортами Вэльхейм и Брэхем (протяжением в 20 километров) был взят немцами; передовые части атакующего стояли уже в непосредственной близости к линии внутренних фортов; р. Шельда к югу от крепости была занята противником, уже закрепившимся на ее левом берегу; сообщения Антверпена с Гентом и Остенде находились под угрозой захвата их неприятелем; наконец, сильнейший из внутренних фортов, Мерксем, уже громился германской артиллерией. При таких условиях, естественно, не следовало терять ни одного часа для спасения бельгийской армии, которая, в случае дальнейшего своего пребывания в пределах крепости, неизбежно должна была или быть уничтоженной, или сдаться в плен неприятелю.

В ночь с 23 на 24 сентября (с 6 на 7 октября) бельгийские войска, под прикрытием сильного огня крепостных и полевых батарей, были стянуты на левый берег Шельды; только две дивизии,—2-я бельгийская и английская морская,—были оставлены впереди линии внутренних фортов. Днем 24-го (7-го) бельгийская полевая артиллерия была отведена на левый берег.

В этот день, в 4 часа дня, генерал фон-Безелер через парламентера потребовал сдачи крепости; но так как в этом ему было отказано, то ночью на 25 сентября (8 октября) германские батареи начали обстрел города. Между тем, англо-бельгийские войска приступили к взрыву крепостных сооружений и уничтожению всего того, чего нельзя было вывезти. В различных частях города и крепостного района начались пожары. В течение 25-го (8-го) последние войска союзников покидали Антверпен. Король Альберт отправил свое семейство в Англию, бельгийское правительство уехало в Гавр, сам же король остался при армии. Утром 26 сентября (9 октября) генерал фон-Безелер отправил

в город парламентера, но там уже никого не было из военных властей; к немцам явился бургомистр Антверпена, который и передал победителю город и крепость. После этого еще в течение нескольких часов сопротивлялись северные форты,—С. Мари, Шоотен, Стабрек,—но после угрозы германцев возобновить обстрел города, они прекратили огонь. Наконец, 27 сентября (10 октября) комендант Антверпена (ген. Дегиз, находившийся на форту С. Мари) передал немцам и остальные форты. Трофеи победителя состояли из 12 тыс. пленных, 500 орудий и большого количества различных запасов. А в то время, когда немцы вступали во владение дымившейся в развалинах крепостью, бельгийская армия уже шла усиленными маршами на запад, навстречу союзным войскам, спешившим поддержать ее в этих тяжелых условиях.

Отступление бельгийской армии от Антверпена к р. Изеру, 25—28 сентября (8—11 окт.). Схемы №№ 18 и 19.

Бельгийские дивизии, покинувшие Антверпен, сосредоточились в течение 25 сентября (8 октября) у С. Николя для дальнейшего движения к западу. На Шельде, в районе Термонда, их прикрывали с юга 4-я дивизия и почти вся конница. Однако, в виду того, что германцы, утвердившись на обоих берегах реки у Шоонарде и сосредоточивши здесь к тому времени крупные силы (3 дивизии), серьезно угрожали фланговому маршу бельгийцев на Брюгге,—необходимо было принять более действительные меры для обеспечения этого опасного движения. Для этого, между прочим, следовало некоторое время удерживать район Гента, заключавший в себе важный узел железнодорожных и водных сообщений. С этой целью, еще 24 сентября (7 окт.) к сел. Мэль (в 7 километрах к юго-востоку от Гента) были спешно направлены все войсковые части и команды, которые возможно было перебросить сюда из соседних тыловых районов: полицейские отряды, волонтеры, жандармские команды и 2 роты 5-го французского территориального полка. Командование этим сборным отрядом было вверено генералу Клоотэну. Войска, по мере своего сосредоточения у Мэля, спешно возводили здесь укрепления. 25-го (8-го) сюда подошли 4-я бельгийская пехотная бригада с 3 батареями (от С. Николя) и французская морская бригада адмирала Ронара (из Дюнкерка). К утру 26 сентября (9 октября) укрепленная позиция между Мэлем и Катрехтом была готова, но внезапной ночной атакой частей 1-й эрзац-резервной дивизии сборный отряд союзников, не имевший ни надлежащей сплоченности, ни средств управления, был отброшен к сел. Мэль.

В виду того, что бельгийцы, заблаговременным сосредоточением своих войск на левом берегу Шельды в районе С. Николя и сопротивлением своего арьергарда в Антверпене в течение 25 сентября (8 октября), выиграли время для организации своего отступательного марша, немцы не могли рассчитывать на успешное преследование противника своими главными силами со стороны крепости, почему ген. фон-Безелер решил предпринять параллельное преследование своим левым флангом со стороны Термонда; это последнее к тому же могло привести германцев к более решительным результатам, преграждая

бельгийской армии пути к Лилю на соединение с левым флангом 10-й французской армии ген. Модюи и с подходившими сюда английскими корпусами. 26 сентября (9 октября) немцы перешли р. Дандр у Шоонарде и Алоста и направились: 37-я ландверная бригада и 4-я эрзац-резервная дивизия—на левый берег Шельды в район Локерен—Лоохристи (к северо-востоку от Гента), с целью атаковать во фланг бельгийские походные колонны, а 1-я ландверная баварская бригада и 1-я эрзац-резервная дивизия—к Катрехту, для овладения Гентом. Первый из этих германских отрядов на следующий день, 27-го (10-го), настиг между С. Жиль и Моэрбеком хвосты 2-й бельгийской и английской морской дивизий, атаковал их на походе, часть захватил в плен, а часть оттеснил на голландскую территорию; другой из этих отрядов, как мы видели, в ночном бою с 26 на 27 сентября (с 9 на 10 октября), отбросил войска ген. Клоотэна к сел. Мэль.

Бой у сел. Мэль 27 сент. (10 окт.).

Между тем, к вечеру 26-го (9-го) к Генту подошла из Брюгге 7-я английская дивизия (4-го английского корпуса), начальник коей, ген. Каперс, принял общее командование всеми союзными войсками, сосредоточенными в этом районе. Теперь союзники уже обладали здесь явным превосходством в силах и имели возможность оказать противнику успешное сопротивление для удержания в своих руках Гента в течение нескольких дней. 27 сентября (10 октября) немцы энергично атаковали тремя бригадами отряд генерала Каперса, но после горячего боя, продолжавшегося весь день, отошли в свое исходное положение, не добившись никаких положительных результатов; при том, утомление и потери их войск оказались настолько велики, что на следующий день они уже не возобновляли атаки. Оставались пассивными и союзники, почему весь день 28-го (11-го) в районе Гента стояло затишье.

Таким образом, бой у Мэля задержал на два дня продвижение германских войск вдоль р. Шельды; и пока происходили эти боевые действия на этой реке, бельгийская армия быстро уходила к западу: 1-я дивизия была посажена в вагоны на ст. С. Николя и перевезена к Остенде; остальные дивизии отошли за канал Тэрнейцен, где первоначально допускалась возможность оказать сопротивление противнику. Однако, уже бои у Катрехта и Мэля и движение крупных сил неприятеля вдоль р. Шельды обнаружили затруднительность удержания за собой этой оборонительной линии. Вообще, обстановка во Фландрии складывалась в это время неблагоприятно для каких-либо операций бельгийцев между Шельдой и Изером: большие силы германцев уже собирались на Шельде*), участок р. Лиса от Армантьера до Гента уже был под ударами противника, левый фланг французов еще не достиг Лиля, наконец, английская армия еще только начала прибывать в район С. Омер—Хазебрук. Все это могло привести к разобщению бельгийских и французских войск, если бы первые задержались

*) IV-я германская армия герцога вюртембергского (см. следующую главу)

еще на несколько дней где-либо в районе Гента, или между этим городом и Брюгге. Эти обстоятельства побудили бельгийского короля принять решение отвести свою армию за р. Изер, где она могла бы более надежно обеспечить свою связь с войсками союзников и образовать один из участков общего стратегического фронта. В течение 27 и 28 сентября (10—11 окт.) бельгийские войска были перевезены с попутных станций по железной дороге к р. Изеру, где и расположились в районе Туру—Ньюпор.

Теперь сопротивление союзников в районе Гента являлось уже излишним, почему ген. Каперс получил приказание отвести свои войска к западу: морская бригада адмирала Ронара отошла в ночь с 28 на 29 сентября (с 11 на 12 окт.) на Эльдре, Тьельт к Диксмюду*), куда прибыла в полдень 2 (15) октября под давлением противника со стороны Кортемарка; 7-я английская дивизия отходила за бригадой адм. Ронара, сначала тоже на Тьельт, а затем к Ипру, где к ней присоединилась (из Остенде) 3-я английская кавалерийская дивизия,—обе дивизии составили здесь 4-й английский корпус ген. Роулинсона. Бельгийская конница прикрывала отступление всех союзных войск, оставаясь на канале Шипдонск до 30 сентября (13 окт.), после чего она отошла к главным силам армии: 1-я дивизия—через Лостенхюле, 2-я—через Брюгге.

Следовательно, к концу сентября (ст. стиля) вся бельгийская полевая армия, а также отряды союзников, поддерживавшие ее под Антверпеном, благополучно вышли из той западни, которую готовили им немцы между крепостью и Гентом. Период борьбы за крепость уже окончился, теперь бельгийцам предстояло, уже плечом к плечу со своими союзниками, начать новую борьбу с противником в новых условиях, за осуществление иных оперативных задач, за достижение иных стратегических целей.

Разбор и оценка боевых действий районе Антверпена.

Хотя опыт невероятно быстрого падения крепостей Льежа, Намюра и Мобежа уже до известной степени подготовил Европу к восприятию дальнейших успехов германцев в области крепостной войны, тем не менее, падение Антверпена на 12-й день с начала атаки произвело весьма сильное впечатление, как среди противников Германии, так и в нейтральных странах. Антверпен считался перед войной одной из сильнейших крепостей Европы, удовлетворявшей важнейшим требованиям современного крепостного дела и в изобилии снабженной прочнейшими покрытиями—бетоном и броней; если к этому добавить, что крепость к тому же не подверглась полному обложению и сохранила свободу сообщений с внешним миром, то станет понятно, насколько велика должна была быть ее способность к сопротивлению неприятельской атаке.

---

*) 29 сентября (12 октября) французские моряки прошли в 20 часов 55 километров.

Чем же об'ясняется при всем этом столь быстрое овладение ею противником?

Это об'ясняется тремя весьма существенными обстоятельствами. Во-первых, подавляющим превосходством германской осадной артиллерии над всеми пассивными и активными средствами обороны Антверпена: ни одно из находившихся в крепости покрытий, было ли оно из бетона или из брони, не могло устоять против разрушительной силы снарядов столь мощных калибров, каковыми являлись 42-сант. крупповские мортиры и 30,5 сант. австрийские гаубицы; не могли бороться с этими могучими орудиями и антверпенские батареи, вооруженные более слабыми калибрами. Во-вторых, быстрый успех германской атаки явился результатом своеобразных условий антверпенской крепостной позиции, общих всем бельгийским крепостям, построенным по системе Бриальмона. Бельгийская крепостная позиция состояла главным образом из крупных фортов, усиленных бетоном и броней, на которых и была сосредоточена почти вся крепостная артиллерия; в дополнение к фортам имелось некоторое число небольших укреплений (батарей, редутов), частью группировавшихся около них, частью находившихся на более слабых участках крепостного обвода, но все они имели второстепенное значение. Собственно же промежутки между фортами развиты были в бельгийских крепостях весьма слабо *) и во всяком случае главная борьба велась не на промежуточных позициях, а на фортовых верках. Такой характер обороны приводил к тому, что форты, сосредоточивавшие в себе все оборонительные средства крепости, естественно, привлекали к себе подавляющий огонь неприятеля, обладавшего могущественной артиллерией, а так как к тому же они представляли собой ясно видимые и удобные для стрельбы по ним цели, занимавшие сравнительно небольшую площадь, то и подвергались быстрому разрушению, теряя всю свою артиллерию. Между тем, если бы бо́льшая часть крепостных орудий была вынесена на промежутки (как это и требуется новейшей теорией крепостной войны), где заняла бы, на более обширной площади, менее заметное для противника расположение, а форты, вооруженные только противоштурмовой артиллерией, сохранили бы свое значение, как пункты, обеспеченные от атаки открытой силой, как основные устои крепостной позиции,— то сопротивление Антверпена и прочих бельгийских крепостей, по всей вероятности, было бы более продолжительным **).

В третьих, быстрое падение Антверпена явилось последствием также и искусного применения атакующим принципов полевого боя: решительного стремления к прорыву, смелого маневрирования в районе

*) Насколько слабо они были укреплены видно из того, что 23 йюля (5 августа) германская конница без затруднения прорвалась между восточными фортами Льежа (см. VII главу).

**) Справедливость такого предположения до известной степени подтверждается примером Вердена весной 1916 года.

фортов и широкого развития пехотных действий, что в свою очередь облегчалось указанным выше слабым развитием фортовых промежутков.

Все это, взятое в совокупности, дало германцам возможность осуществить при нападении на Антверпен приемы ускоренной атаки, давшие им столь блестящие результаты в такой непродолжительный срок. Пробивши широкую брешь на юго-восточном секторе внешних фортов, немцы смело бросили свою пехоту во внутрь крепости, оттеснивши неприятельский гарнизон к внутренней фортовой линии и создали серьезную угрозу с фланга и тыла для тех фортовых участков (рюпельского, форта Брэхем), сопротивление коих еще не было сломлено с фронта.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что германцы, не обладая численным превосходством (у них $6^1/_2$ пехотных дивизий, у противника—7 пехотных и 2 кавалерийских дивизии), не только имели постоянный перевес в непосредственных действиях против крепости (что являлось прежде всего результатом превосходства в артиллерийских средствах), но и сумели теми же силами в течение $1^1/_2$ месяцев обеспечивать свои фланги от покушений неприятеля и даже угрожать его сообщениям вдоль р. Шельды. Они могли достигнуть этого, конечно, лишь благодаря значительной пассивности обороняющегося, который не использовал с надлежащей энергией ни своих сил, ни того продолжительного времени, в течение которого крепость лишь наблюдалась немцами. Правда, бельгийцы, как мы видели, три раза производили крупные вылазки из крепости; однако, хотя последние и предпринимались с достаточными силами, но всегда имели весьма ограниченные цели, не простиравшиеся далее отвлечения на себя сил германской обсервационной армии в период решающих боевых операций полевых армий на юге (в дни сражений: пограничного, на Марне, на Сомме). Ни разу бельгийцы не задавались решительной целью—смелыми действиями против флангов или сообщений противника отбросить его от крепости или недопустить сосредоточения под крепостью тех могучих артиллерийских средств, которые с такой небывалой быстротой проложили дорогу для германской пехоты в недра Антверпена. Все наступательные операции бельгийцев велись крайне осторожно и вяло, главной массой войск—на фронте противника и вообще имели какой то однообразный, шаблонный характер; похоже было на то, как будто бы, предпринимая их, бельгийская армия не сознавала того, что уже в этих боях она должна была вести отчаянную борьбу за существование свое и крепости, не дожидаясь того времени, когда враг поведет атаку на укрепления, являвшиеся последним убежищем этой армии.

Конечно, с того дня, когда мощная германская артиллерия начала громить антверпенские форты—соотношение сил резко наруши-

лось в пользу немцев и шансы обороняющегося на успешность сопротивления значительно пали; но до тех пор, в течение тех пяти недель когда Антверпен не был еще ни атакован, ни обложен, ни осажден, а лишь изолирован от полевых армий,—в эти пять недель была полная возможность предпринять со стороны крепости какую нибудь более решительную операцию против германцев. И в этом случае англичане должны были помочь бельгийцам переброской к Антверпену всех свободных сил, которые находились в Англии.

Однако, они этого не сделали; даже 4-й корпус ген. Роулинсона не был своевременно доставлен в Бельгию. Не поддержали бельгийцев и французы, имевшие возможность в августе и первой половине сентября (по ст. стилю) передать в Антверпен гарнизон Дюнкерка и территориальные баталионы, местами разбросанные около бельгийской границы. С этими подкреплениями бельгийцы, быть может, были бы в состоянии оттеснить от крепости германскую обсервационную армию, затруднить ей подвоз осадного парка и отдалить момент атаки Антверпена. А это замедление, в связи с приближением в сентябре к морю стратегического фронта полевых армий, могло бы создать для крепости совершенно новые условия борьбы и дать событиям новое направление. Антверпен, обороняемый в тесной связи с полевыми армиями союзников, имеющий обеспеченные фланги и тыл и пополняющий свои потери за счет полевых войск, естественно, мог бы проявить более упорное и длительное сопротивление неприятельскому натиску, чем Антверпен изолированный, с угрожаемыми сообщениями, с ограниченными источниками живых сил и материальных средств обороны.

Во всяком случае, оборона Антверпена представляет собой типичный пример самостоятельной борьбы большой маневренной крепости с осадной армией противника в условиях современной войны; пример, значение которого в значительной мере возрастает от того обстоятельства, что, несмотря на обилие больших крепостей в пределах театра военных действий, он является и единственным *).

XV. Сражение во Фландрии.

Стратегическое значение сражения во Фландрии.

Из описания боевых действий, следовавших за сражением на реке Эне, мы видели, что обе стороны, под влиянием различных обстоятельств и соображений, постепенно удлиняли свой стратегический фронт к северу; с другой стороны, падение Антверпена и отступление бельгийской армии к р. Изеру образовало новый боевой участок, не-

*) Льеж, Намюр и Мобеж, по своим размерам и значению, не могли идти в сравнение с Антверпеном, Верден же ни разу не был атакован собственно как крепость, вне тактической связи с полевой армией.

посредственно прилегавший к морю. Следовательно, образование сплошного фронта между р. Уазой и морем шло с двух сторон, встречным движением, и с севера, и с юга. И теперь только нужно было, чтобы кто нибудь связал эти сближавшиеся между собой боевые участки и сомкнул стратегический фронт. Это и произошло в ближайшие же дни после падения Антверпена, как результат неудержимого образования обеими сторонами новых войсковых групп для операций на флангах, все еще возможных в довольно широком масштабе, все еще обещавших успех стороне, захватившей инициативу. Со стороны союзников в этом смыкании фронта приняли участие: английская армия, переброшенная с р. Эна в район С. Омер—Хазебрук и новые французские отряды, собиравшиеся в верхнем течении р. Лиса; со стороны немцев—войска, преследовавшие бельгийскую армию от Антверпена к р. Изеру, и новые силы, сосредоточенные ими в районах Лилля и Ипра.

Все эти перемещения, переброски, перегруппировки и обходные операции на флангах представляли собой, в сущности говоря, продолжение той „скачки к морю", о которой я говорил в XIII-й главе и которая, конечно, не могла остановиться на полпути, а должна была достигнуть предела, обозначенного каким нибудь естественным рубежем; таким рубежем могло служить, при данных условиях театра, только морское побережье. И само сражение во Фландрии, явившееся конечным результатом всех этих сложных маневров обеих сторон в приморском районе, представляло собой, по своему внутреннему значению, один из крупнейших эпизодов этой „скачки к морю", одну из наиболее настойчивых и решительных попыток той и другой стороны выиграть неприятельский фланг, уже готовый примкнуть к морскому берегу, уже становившийся неуязвимым для обходного маневра.

В этом ходе боевых операций, обнимающих собой промежуток времени от падения Антверпена до установления позиционной войны во Фландрии, необходимо различать два периода, весьма различных по своему оперативному значению: подготовительные действия к фландрскому сражению, представляющие собой продолжение фланговых маневров, начатых обеими сторонами на р. Уазе еще в первых числах сентября (по ст. стилю), и само сражение во Фландрии, как заключительный акт маневренной войны на западе, сосредоточивший в себе последние могучие усилия, последние яркие стремления обеих сторон добиться решительного успеха на просторе полевого, маневренного боя.

Обратимся же теперь к изложению событий, непосредственно предшествовавших сражению во Фландрии.

Мы знаем, что к 1 (14) октября бельгийская армия уже расположилась на р. Изере, а вслед за нею надвигались сюда германские силы со стороны Антверпена. Что же происходило в это время в районе Лилля, где северные фланги обеих сторон оставались свободными и, естественно, привлекали к себе внимание?

К 25 сентября (8 октября) левый фланг 10-й французской армии, с прибытием к Ла-Бассэ 21-го корпуса, получил некоторую устойчивость и занял неподвижное положение. Против него к этому времени определился правый фланг VI-й германской армии,—здесь стоял XIV-й корпус. Между тем, к северу от этого фланга, по обе стороны р. Лиса и далее до верхнего течения р. Изера, оставался еще широкий, никем незанятый промежуток. Сюда то теперь и устремились с обеих сторон те свободные силы, которые перебрасывались с других участков стратегического фронта. Раньше всего сюда были брошены крупные массы германской конницы, только что смененной у Ла-Баасэ пехотой XIV-го корпуса: 8 кавалерийских дивизий, под общим начальством генерала фон-Марвица, ринулись к северу, к берегам р. Лиса и 25 сентября (8 октября) заняли Байе и Армантьер. На правом берегу Лиса и в западных окрестностях Лилля германская конница имела ряд крупных боевых столкновений с французским кавалерийским корпусом генерала Конно, выдвинутым к Лаванти из состава 10-й армии генерала Модюи; французские эскадроны были отброшены к западу и конница Марвица заняла Лилль. На следующий день немецкая кавалерия, переправившись своими главными силами через Лис, заняла Ипр и Поперинг и заполнила все пространство между этой рекой и Изером; 27 сентября (10 октября) она достигла линии Кассель—Хазебрук. Ее передовые эскадроны и разведывательные части проникли еще далее к западу, распространяя повсюду смятение. Тем временем, к Лиллю подошла французская территориальная бригада из состава гарнизона Дюнкерка и вытеснила из города германскую конницу; в то же время немецкие эскадроны, наступавшие между Лисом и Изером, с 27 сентября (10 октября) уже встретили в районе Касселя и Хазебрука сопротивление со стороны прибывавших сюда по железным дорогам с юга английских войск: кавалерийский корпус ген. Аленби у леса Ниепп, а части 1-го корпуса севернее Хазебрука остановили дальнейшее продвижение германской кавалерии; с 28 сентября (11 октября) последняя начинает отходить на правый берег р. Лиса к Мервилю, Эстеру и Лаванти, теснимая у леса Ниепп 2-й английской кавалерийской дивизией ген. Гэфа.

Набег германской конницы между р р. Лисом и Изером, 25—27 сентября (8—10 октября). **Схема № 19.**

Этот смелый набег германской конницы в глубину неприятельского расположения имел двойственную задачу: во-первых, он должен был воспрепятствовать высадке английской армии в районе С. Омер—Хазебрук и этим задержать ее продвижение к Ипру и Лиллю, а, во-вторых, он должен был послужить завесой, за которой немцы могли бы скрытно и безопасно сосредоточить необходимые силы на р. Лисе с целью решительного удара на английскую армию в момент ее сосредоточения и развертывания между р.р. Лисом и Изером. Однако, ни одна из этих задач не была выполнена немецкой кавалерией: ко времени появления ее эскадронов на линии Кассель—Хазебрук, высадка английских войск шла уже настолько успешно, что англичане легко

остановили, а затем и отбросили противника на правый берег Лиса; соответственно этому, конница ген. фон-Марвица не имела возможности прикрыть развертывания германских корпусов на обоих берегах этой реки и успела лишь до некоторой степени облегчить выдвижение XIX-го (саксонского) корпуса к Лиллю.

Сосредоточение и развертывание английской армии во Фландрии.

Между тем, английская армия постепенно сосредоточивалась в районе С. Омер—Хазебрук—Эр; южной границей района сосредоточения английских войск была назначена дорога Бетюн—Лилль, где эти войска входили в связь с 10-й французской армией. По мере своего сосредоточения, корпуса выдвигались к востоку, с целью заполнить своими войсками свободный промежуток, еще остававшийся между бельгийской и 10-й французской армиями. Раньше всего собралась конница ген. Аленби, которая 26 сентября (9 октября) выдвинулась на линию Хазебрук—Бетюн, по обе стороны р. Лиса, прикрывая собой высадку и сосредоточение армейских корпусов. Вслед за этим стали выдвигаться к востоку и корпуса.

Так как в это время (в последних числах сентября по ст. стилю), положение немцев в районе Куртрэ—Лилль казалось неустойчивым и союзники рассчитывали решительным наступлением вдоль р. Лиса выйти к р. Шельде и угрожать правому флангу VI-й германской армии кронпринца баварского, то фельдмаршалу Френчу была дана французским высшим командованием задача: с находившимися в его распоряжении четырьмя армейскими и кавалерийским корпусами наступать по обе стороны Лиса, правым флангом к Лиллю, левым—на Варнетон, Комин и Мэнен к Куртрэ; войска Френча были усилены французским кавалерийским корпусом ген. Конно, выделенным из 10-й армии, а для обеспечения его левого фланга была выдвинута из Поперинга к Ипру 87-я французская территориальная дивизия, которая 3 (16) октября вытеснила из города германскую конницу*).

Фельдмаршал Френч решил выждать полного сосредоточения своей армии, раньше чем приступить к выполнению данной ему задачи; однако, прибытие войск 1-го корпуса к Хазебруку настолько затянулось, что когда явилась возможность располагать ими, то обстановка здесь изменилась в сторону неблагоприятную для наступательных действий союзников вдоль р. Лиса. На это изменение повлияла, главным образом, неудача, постигшая французов в районе Лилля.

Бой у Лилля 28—29 сентября (11—12 октября).

Мы видели в XII-й главе, что с 25 сентября (8 октября) к правому флангу VI-й германской армии подошел из Лотарингии XIV-й корпус, который, выдвинувшись на линию Лоос—Ла-Бассэ, остановил продвижение левофлангового (21-го) корпуса 10-й армии Модюи. Таким образом, здесь к этому времени, как будто бы, установилось с обеих сторон равновесие. Однако, правее XIV-го корпуса 26 сентября (9 октября)

*) 87-я и 89-я территориальные дивизии имели вообще назначение обеспечить занятие Ипра 1-м английским корпусом, который прибывал в район сосредоточения позже других английских частей.

стали подходить передовые части VII-го германского корпуса, переброшенного с р. Эна (из состава II-й армии), а еще далее к северу, в окрестностях Лилля,—войска XIX-го корпуса, прибывшего из Шампани (из состава III-й армии) и следовавшего усиленными маршами от Валансьена, где была его высадка. Первые части XIX-го корпуса появились перед Лиллем вечером 28 сентября (11 октября); в это время город был занят французским гарнизоном, состоявшим из территориальной бригады и 3-х эскадронов, под начальством подполковника Пардье. Немцы предложили начальнику гарнизона сдать им Лилль; Пардье отказался и приготовился оборонять город, опираясь на его несовершенные, устаревшие укрепления. На следующий день сюда подошли 3 пехотные бригады и почти вся артиллерия XIX-го германского корпуса, что дало немцам возможность не только атаковать слабо укрепленный город, защищаемый небольшим гарнизоном, но и обложить его на более важных направлениях. В результате горячего боя, завязавшегося 29 сентября (12 октября), как в самом городе, так и вокруг него, Лилль был взят германцами. Пардье с 5 тыс. человек вынужден был положить оружие, потому что все пути отступления оказались для него отрезанными. Тотчас же после занятия этого города, XIX-й корпус продвинулся к Армантьеру; в это время VII-й корпус уже сосредоточился севернее Ла-Бассе. Следовательно, в то время, когда правый фланг английской армии (2-й корпус) успел дойти лишь до Бетюна, а левый еще находился у Хазебрука,—германцы уже прочно заняли район Лилль—Армантьер—Ла-Бассэ, откуда могли серьезно угрожать во фланг наступлению Френча вдоль реки Лиса к Куртрэ.

Наступление английской армии по обе стороны р. Лиса, 28 сент.—7 октября (11—20 октября).

Занятие немцами Лилля упрочило до известной степени положение правого фланга VI-й германской армии, хотя этот фланг все еще не мог войти в связь с германскими войсками ген. Безелера, преследовавшими от Гента бельгийцев и постепенно создавшими новый боевой фронт к северу от Лиса. В виду этого, направление вдоль этой реки, по-прежнему, вело к слабейшему месту в расположении германцев, в обход внутренних флангов VI-й армии и группы генерала Безелера. Вот сюда то и был направлен удар фельдмаршала Френча; несмотря на неудачу французов у Лилля, союзники все еще рассчитывали на неготовность немцев в районе Лилль—Куртрэ—Ипр. Между тем, германское высшее командование, уже задавшееся новыми, широкими оперативными планами в направлении к морскому побережью, приняло ряд спешных мер для сосредоточения между Лисом и берегом моря крупных сил, которые могли бы не только отразить неприятельское наступление, но и начать здесь активные операции. Этой группе войск было дано наименование IV-й армии и во главе ее был поставлен герцог вюртембергский, прибывший в первых числах октября (по ст. стилю) со своим штабом из Аргонн в Гент*). Однако,

*) Корпуса бывшей IV-й армии были переданы в состав соседних армий.

на сосредоточение этих войск, составленных главным образом из резервных корпусов последнего формирования, необходимо было несколько дней, в течение которых наличным германским силам, находившимся между Куртрэ и Лиллем, пришлось отражать наступление англичан и к югу, и к северу от р. Лиса. Посмотрим, как было организовано это английское наступление и к каким результатам оно привело.

Я уже упоминал о том, что вслед за английской кавалерией, начавшей 26 сентября (9 октября) наступление от Хазебрука в район Ипра, стали выдвигаться к востоку и армейские корпуса англичан. 28-го (11-го) 2-й корпус продвинулся от Эра на линию Мервиль—Бетюн, имея своей задачей наступать южнее Лиса, между этой рекой и дорогой Бетюн—Ла-Бассэ; на следующий день 3-й корпус направился от С. Омера севернее реки на Байе, а 2-й достиг линии Камбрен—Вьей-Шапель, ведя оживленный бой с значительными силами, отошедшей сюда с Лиса, германской конницы, поддержанной пехотой VII-го корпуса. Левее 3-го корпуса, между Байе и Ипром, наступала 2-я английская кавалерийская дивизия ген. Гэфа, правее его—части французского кавалерийского корпуса ген. Конно. В это время войска 1-го английского корпуса еще только прибывали и высаживались в Хазебруке, а 4-й корпус, как мы знаем из описания отступательного марша союзников от Гента во Фландрию, отходил в район Ипра.

К 1-му (14) октября войска фельдмаршала Френча, не встречая пока сильного сопротивления со стороны противника, заняли следующее расположение: конница ген. Аленби достигла дороги Ипр—Армантьер, откуда установила связь с 4-м корпусом*), который в этот день сосредоточивался к востоку от Ипра, у Зилебеке; 3-й корпус—овладел Байе; 2-й—продвинулся до линии Живанши—Лаванти. На следующий день английская конница заняла Комин (на Лисе), а 3 (16) октября одна ее дивизия выдвинулась к Зандвоорде, а другая к Зоннебеке, в то же время французская кавалерия ген. Конно на правом берегу Лиса удерживала части XIX-го германского корпуса у Армантьера, поддерживая связь между 2-м и 3-м английскими корпусами. С этого дня английские войска уже начали встречать сильное противодействие немцев, почему продвижение их значительно замедлилось.

3 (16) октября правый фланг 2-го корпуса, при поддержке пехотной бригады 21-го французского корпуса (левофлангового 10-й армии ген. Модюи), атакует немцев у Лооса и Вермеля, но отброшен контр-атаками XIV-го германского корпуса; в этот же день на левом берегу Лиса части 4-го корпуса выдвигаются от Ипра к востоку: 7-я пехотная дивизия—на линию Зандвоорде—Гелювельт—Зоннебеке, а 3-я кавалерийская—к Лангемарку, где она вошла в связь с французским кавалерийским корпусом ген. Митри (4-я, 5-я, 6-я и 7-я дивизии),

*) 7-я пехотная дивизия ген. Каперса и 3-я кавалерийская дивизия ген. Биинга.

находившимся в районе леса Хутульст. На следующий день англичане возобновляют свои атаки на всем фронте 2-го корпуса, от Ла-Бассэ до Армантьера, поддержанные справа, южнее Ла-Бассэ, по-прежнему частями 21-го французского корпуса, а слева, у Армантьера,—французской конницей и правофланговыми войсками 3-го английского корпуса. Весь этот день здесь шли упорные бои с XIV-м и VII-м германскими корпусами, а также с конницей ген. фон-Марвица, продолжавшей держаться между пехотными частями на линии Ла-Бассэ—Армантьер.

5 (18) октября 2-й корпус, совместно с правым флангом 21-го французского корпуса, вновь атакует Ла-Бассэ, но овладеть им не может; в то же время правобережные части 3-го корпуса наступают восточнее Армантьера до линии Радингем—Фрелингиен, где своими передовыми частями достигают северо-западных укреплений Лилля, но далее продвинуться не могут. Между тем, в то время, когда эти английские войска (2-й корпус и правый фланг 3-го) при поддержке французской конницы на Лисе и французской пехоты у Ла-Бассэ, атаковали правый фланг VI-й германской армии кронпринца баварского (XIV, VII и XIX корпуса), левобережные дивизии фельдмаршала Френча (левый фланг 3-го корпуса, 7-я дивизия 4-го корпуса и две кавалерийские дивизии) имели задачу—захватить Мэнен и выйти в тыл германским войскам, находившимся между р. Лисом и Лиллем. Особенно опасным в этом отношении для немцев являлось наступление к Мэнену 7-й английской дивизии от Ипра, тем более, что до 5 (18) октября германцы имели здесь еще весьма слабые силы, состоявшие из частей IV-го кавалерийского корпуса, поддержанных небольшими пехотными отрядами XIX-го корпуса. И если бы в дни 3—5 (16—18) октября англичане наступали здесь более решительно и быстро, они, быть может, могли бы захватить Мэнен, Туркоин и Рубэ и поставить в трудное положение правый фланг кронпринца баварского. Однако, действуя медленно и нерешительно, они упустили момент; и когда 6 (19) октября 7-я английская пехотная дивизия атаковала Мэнен, а 3-я кавалерийская наступала к Ледегему, прикрывая левый фланг своей пехоты, обе встретили в этом районе противника в столь значительных силах (не менее корпуса), что не только не могли овладеть этим пунктом, но вынуждены были в тот же день под натиском врага отойти к западу. На следующий день, 7-го (20-го), они заняли свое прежнее расположение по линии Зандвоорде—Гелювельт—Зоннебеке, поддержанные на левом фланге двумя французскими территориальными дивизиями (87-й и 89-й), подошедшими от Ипра; одновременно с этим в восточных окрестностях Ипра сосредоточились войска 1-го английского корпуса, прибывшие через Поперинг из Хазебрука.

Откуда же взялись те крупные силы, которые задержали и отбросили англичан у Мэнена и Ледегема? То были войска IV-й германской армии герцога вюртембергского, уже прибывавшие во Фландрию и заполнявшие собой промежуток между р.р. Лисом и Изером, между

правым флангом VI-й германской армии и группой ген. Безелера (на р. Изере), включенной вслед затем в состав этой новой армии.

Таким образом, наступление Френча окончилось неудачей; вместо того, чтобы опрокинуть слабые силы противника в районе Мэнен—Куртрэ, обойти фланг неприятельской армии и угрожать ее тылу, англичане нарвались на превосходные силы врага и были отброшены в свое исходное положение. Последняя попытка союзников найти у противника такое слабое место, которое дало бы им возможность, удачным маневром против его фланга, создать серьезную угрозу его тыловым сообщениям и вынудить его отойти,—не привела к благоприятным результатам: германцы уже и здесь, между р.р. Лисом и Изером, так же, как несколько дней перед этим у Лилля, успели в самый опасный для них момент подвести достаточно крупные силы и остановить натиск союзников. К 7 (20) октября уже на всем фронте от Арраса до берега моря стояла сплошная боевая линия германских войск, живая стена немецкого воинства, готового с часу на час ринуться к западу для выполнения новых оперативных задач.

Посмотрим теперь, что происходило в это время на р. Изере, на участке бельгийской армии, недавно прибывшей из Антверпена.

Бельгийская армия на р. Изере с 1 (14) до 7 (20) октября. Схемы №№ 19 и 20.

В то время, когда бельгийцы достигли р. Изера, англо-французский фронт во Фландрии еще не имел прочного положения; английская армия еще только прибывала с юга в район С. Омер—Хазебрук, французские же войска составляли здесь лишь небольшой отряд ген. д'Урбайля из двух территориальных дивизий (87-й и 89-й), кавалерийского корпуса ген. Митри и морской бригады адмирала Ронара; к этим войскам спешно подвозили с юга, и по железной дороге, и на автомобилях, французские дивизии, которые лишь в первых числах октября (по ст. стилю), к началу сражения во Фландрии, образовали здесь 8-ю французскую армию ген. д'Урбайля, вошедшую в состав фронта, вверенного ген. Фошу. Таким образом, первое время, в течение нескольких дней после своего сосредоточения на р. Изере, бельгийской армии приходилось самостоятельно бороться с противником, наступавшим от Гента, ей необходимо было пока принять на себя натиск германцев, чтобы дать возможность англо-французским войскам собраться и устроиться между р. Лисом и берегом моря. В виду этого, ген. Фош потребовал от бельгийского высшего командования—продержаться на р. Изере в течение 48 часов. Однако, выполнение этой задачи требовало от бельгийцев величайшего напряжения, потому что армия короля Альберта была сильно изнурена боевыми действиями под Антверпеном и поспешным отступлением от крепости. К тому же, эта армия была очень слаба: при общей численности людей в 82.000 человек, пехота имела всего лишь 48.000, да, кроме того, во французской морской бригаде адм. Ронара было 6.000; следовательно, 54.000 человек должны были удерживать участок от Боезинге (к сев.-зап. от Ипра) до моря, протяжением в 35 километров. Между тем, против

этих слабых сил бельгийской армии уже в первые же дни их пребывания на р. Изере обнаружилось наступление четырех германских корпусов и нескольких отдельных бригад и дивизий, развернувшихся на линии Брюгге—Тьельт. Положение бельгийцев несколько облегчалось лишь тем обстоятельством, что, вследствие перевозки некоторых их дивизий по железной дороге, немцы потеряли с ними соприкосновение, которое было восстановлено лишь 2 (15) октября.

Бельгийская армия заняла с 1 (14) октября следующее расположение на р. Изере: 2-я дивизия от Маннекенсвеере до Ломбартзиде; 1-я—правее, на Шоор до Тервате; 4-я—от Тервате до Беерст; 5-я и 6-я—между р. Изером и Ипром у Нордшооте и Боезинге; 3-я—на левом берегу реки у Ламперниса, 2-я кавалерийская—на том же берегу между Ньюпором и Фюрном, обе последние—в резерве; наконец, 1-я кавалерийская вместе с французской конницей ген. Митри—у леса Хутульст. В Диксмюде находилась французская морская бригада адм. Ронара.

С 3 (16) октября, почти по всему фронту, занятому бельгийцами, начались боевые столкновения с передовыми и разведывательными частями германских войск, наступавших с востока. На следующий день сильные германские колонны показались на участке Ньюпор—Диксмюд; к югу от Диксмюда, где местность изобилует прудами и канавами, имеет сильно пересеченный характер и бедна дорогами, неприятель обнаружил незначительные силы, не проявлявшие активности. Это обстоятельство дало возможность бельгийцам перебросить 5-ю и 6-ю дивизии к северу, к Диксмюду (к Ооcткерке и Ламперниcу), а 3-ю—передвинуть к Вульпену (между Фюрном и Ньюпором), что привело бельгийскую армию к более сосредоточенному расположению.

4 (17) октября 4-я германская эрзац-резервная дивизия атаковала Ломбартзиде, но была отброшена 2-й бельгийской дивизией, при содействии, со стороны моря, огнем английских мониторов адмирала Худа. Между тем, 5-я германская резервная дивизия (III-го резервного корпуса) овладела деревнями Шоор и Кейем на участке 1-й бельгийской дивизии, а части XXII-го резервного корпуса уже захватили большую дорогу от Туру на Рулер и Мэнен. При этих условиях, бельгийская главная квартира приняла решение, с целью ослабить натиск противника в районе Ньюпора, перейти в наступление от Диксмюда. 6 (19) октября 5-я бельгийская дивизия брошена от Ооcткерке к Власдлоо, французская морская бригада—от Диксмюда на Беерст; оба атакованные пункта взяты союзниками. В то же время, несколько южнее, у Кортемарка и Рулера, союзная конница (1-я бельгийская, 5-я, 6-я и 7-я французские дивизии) пытается продвинуться к востоку, но оттеснена к лесу Хутульст частями XXIII-го германского корпуса. Мы знаем, что в этот же день подобная же неудача постигла и английские войска, наступавшие в районе Ипра и встретившие у Мэнена и севернее его крупные неприятельские силы, появившиеся со

стороны Куртрэ. Таким образом, расположение бельгийской армии на р. Изере подвергалось опасности обхода противником с правого фланга, от Мэнена на Ипр, тем более, что 1-й английский корпус в это время еще только подходил своими головными частями к Ипру, а 4-й был слишком слаб для того, чтобы задержать те сильные колонны, которые уже были обнаружены на линии Мэнен—Ледегем. Это обстоятельство побудило бельгийскую главную квартиру отказаться от наступления со стороны Диксмюда, потому что дальнейшее продвижение здесь к востоку слабых французско-бельгийских частей могло поставить правый фланг бельгийского фронта в опасное положение. В виду этого, 5-я дивизия отошла к Оостkерке, французская морская бригада—к Диксмюду.

Этими боевыми действиями к 7 (20) октября завершается первый подготовительный период сражения во Фландрии, период стратегических перегруппировок, в течение которого обе стороны настойчиво пытались помешать одна другой занять более выгодное положение, затруднить друг другу образование устойчивого фронта, найти в расположении противника слабое место, удар по которому расстроил бы его оперативные планы. К этому дню на всем протяжении от Ла-Бассэ до моря хаос передвижений, перемещений, высадок на железнодорожных станциях, встречных движений, частичных наступлений и отступлений, этот хаос, продолжавшийся здесь последние полторы недели, сменился у обоих противников планомерным, устойчивым распределением войск, занявших теперь сплошной фронт от Арраса до моря. Обе стороны, не успевши одолеть одна другую в сложной, запутанной обстановке первых боевых столкновений во Фландрии, не с'умевши приобрести в этих предварительных, авангардных, разведывательных боях решительных преимуществ над неприятелем, теперь, развернувши друг перед другом крупные массы войск, доставленные с других участков театра военных действий, спешно устраивались на новом фронте, с тем, чтобы, бросившись здесь друг на друга сосредоточенными силами, сделать еще одну попытку решить в этом большом сражении важнейшие вопросы этой великой войны.

В то время, пока во Фландрии происходили эти события и назревали новые, на всем остальном стратегическом фронте, от Арраса до Уазы, от Уазы до Мааса и далее вдоль эльзас-лотарингской границы постепенно устанавливалась позиционная война: обе стороны усиленно укреплялись, все глубже зарываясь в землю и все гуще опутываясь проволокой, и бои на позициях все более и более замирали; на такое прекращение активности обеих сторон влияло не только развитие укрепленных позиций, стеснявшее оперативную свободу войск, но и значительное ослабление живой силы, оборонявшей эти позиции, потому что удлинение фронта к северу, вплотную до морского берега и вызванная этим переброска крупных войсковых масс в Пикардию, в Артуа и во Фландрию, приводили к растянутому, жидкому распо-

ложению корпусов и дивизий, при котором активные действия против укрепленных позиций противника являлись, конечно, невозможными. Но чем спокойнее и молчаливее становились эти уже затвердевшие участки фронта, тем оживленнее становилось на новых позициях, еще таких подвижных, таких доступных; тем напряженнее была на них боевая деятельность, тем сильнее сгущались над ними грозовые тучи и ярче сверкали молнии... Со дня на день, с часу на час, должна была завязаться ожесточенная борьба на обширных равнинах Фландрии.

Район боевых действий сражения во Фландрии. Схемы №№ 19, 20 и 21.

Районом боевых действий фландрского сражения послужила обширная низменность Фландрии, раскинувшаяся по обе стороны французско-бельгийской границы между берегом моря и линией Бегюн—Лилль—Куртрэ. Эта низменность заключает в себе бассейны р.р. Изера (впадающей в море у Ньюпора) и Лиса (левого притока р. Шельды). По характеру местности, она может быть разделена на три участка: долина р. Лиса, Ипрская возвышенность и приморская полоса.

Долина р. Лиса представляет собой широкую, открытую, с низкими берегами долину, изобилующую болотами, легко заливаемую в половодье, с глинистой почвой, сильно распускающейся и размякающей после дождей; река медленно течет в широком русле и в плоских берегах и там, где она не сопровождается болотами, почти везде легко проходима. Долина покрыта обработанными полями, лугами, рощами, перерезана густой сетью изгородей и изобилует сельскими поселениями, которые местами образуют сплошную полосу деревень и хуторов. В тактическом отношении местность в долине р. Лиса, вследствие обилия местных предметов, представляет большие выгоды для обороняющегося; в смысле передвижения,—в сухое время года,—она проходима без затруднений для всех родов войск, но в дождливую погоду, особенно в период зимних дождей, превращающих ее в сплошную лужу, трудно проходима, вследствие глинистой почвы и часто встречающихся болот.

Ипрская возвышенность, расположенная между р.р. Изером и Лисом, состоит из длинной, широкой цепи холмов (так называемых фландрских гор), которые тянутся с запада от Касселя на Кеммель, Мессин и Вульвергэм (холмы Кат, Нуар, Руж...); их высота колеблется от 70 до 150 метров. Их продолжением к северо-востоку являются более низкие холмы по другую сторону Изер-Ипр-Коминского канала, у Холебеке, Гелювельта, Зоннебеке, Пашендале и Вестрозебеке. Все эти возвышенности резко возвышаются над окружающей их глинистой равниной; местами они поросли лесом, по их скатам и на их вершинах разбросаны ветряные мельницы, усадьбы, церкви. У северной границы этой возвышенной полосы извивается плоская долина верхнего и среднего Изера (от истоков до Диксмюда), обильная водой, покрытая пастбищами, с разбросанными по ним многочисленными селениями и фермами, перелесками и изгородями, вообще предста-

вляющая собой хотя и пересеченную местность, но не затруднительную для движения и действий войск. Вообще же, в тактическом отношении Ипрская возвышенность является районом вполне удобным, как для наступательных, так и для оборонительных операций.

Приморская полоса, заключающая в себе нижний Изер от Диксмюда до моря, представляет собой много своеобразного: непосредственно вдоль морского берега тянется естественный барьер из дюн, местами глубоко вдающийся песчаными холмами, покрытыми вереском, внутрь страны; вся поверхность приморской полосы изрезана многочисленными каналами, выведенными из Изера и делающими эту местность весьма пересеченной и трудно проходимой для войск. Во многих местах на каналах устроены искусственные плотины из глины, снабженные шлюзами; открывая и закрывая последние, понижают или повышают уровень воды в реке и каналах, а также затопляют некоторые участки местности. Эта часть фландрского района населена слабо, селения здесь редки и малы, обработанных полей немного, но пастбищ—изобилие; древесная растительность встречается в весьма небольшом количестве. Эта приморская полоса своими естественными условиями благоприятствует оборонительным действиям, но для наступательных, особенно связанных с передвижением крупных отрядов, представляет значительные затруднения.

Расположение сторон во Фландрии к 7 (20) октября. Схема № 19.

Совокупность боевых действий, разыгравшихся в описанном выше районе, со дня прибытия на р. Изер бельгийской армии и до установления здесь позиционной войны, известна под названием сражения во Фландрии. Соответственно различному характеру и значению боев в различные моменты этого сражения, оно может быть разделено на два периода: уже упоминавшийся мною подготовительный период, события которого изложены мною в начале этой главы и период главных операций. Первый из них, это — подготовка к решительному столкновению, это—бои, обезпечивавшие сосредоточение, бои за передовые позиции, бои за выгодное в оперативном отношении исходное положение. Они закончились с одной стороны развертыванием английских войск в районе Ипра и на берегах р. Лиса, связавшим бельгийскую армию с 10-й французской в одну общую линию стратегического фронта, а с другой—сосредоточением между морем и р. Лисом IV-й германской армии, предназначенной для главного удара к морскому побережью. И с этого уже момента, когда обе стороны подвели, сосредоточили и развернули во Фландрии крупные массы войск, получившие определенную оперативную группировку, с этих пор они уже вводят в дело свои главные силы с целью добиться решительного результата. Эти бои, соответственно своему распределению по территории, охваченной этим грандиозным сражением, образуют два частных сражения: *на р. Изере*, где бельгийская армия, поддержанная французскими частями ген. д'Урбайля, сражалась против правого фланга IV-й германской армии, и *у Ипра*, в котором англичане, при

содействии войск частью 8-й, частью 10-й французских армий, вели бои с левофланговыми корпусами герцога вюртембергского и правым флангом кронпринца баварского.

Расположение сторон к моменту общего наступления немцев во Фландрии, к 7 (20) октября, представляется в следующем виде.

Бельгийская армия стояла по р. Изеру, имея часть своих сил на левом берегу реки (3-ю дивизию—у Вульпена, 5-ю—у Оосткерке, 6-ю—у Ламперниса, 2-ю кавалерийскую—между Ньюпором и Фюрном), а остальные—впереди Изера (1-ю, 2-ю и 4-ю дивизии на линии Ломбартзиде—Шоор—Тервате—Бекрст, а 1-ю кавалерийскую—у леса Хутульст с французской конницей); у Диксмюда находилась французская морская бригада адмирала Ронара с бельгийской бригадой полковника Мейзе (11-й и 12-й линейные полки). Далее к югу, у леса Хутульст, был расположен французский конный корпус ген. Митри (4-я, 5-я, 6-я и 7-я дивизии), у Меркема—89-я, а у Боезинге—87-я французские территориальные дивизии *); кроме того, 42-я пехотная дивизия (ген. Гросети) у Коксида, в ближайшем тылу бельгийцев, а 9-й корпус—у Поперинга. Все эти французские войска составляли *8-ю армию ген. д'Урбайля*, занимавшую участок фронта от правого фланга бельгийцев (у Диксмюда) до левого фланга англичан (у Лангемарка).

Правее д'Урбайля находилась *английская армия:* 1-й корпус к северо-востоку от Ипра на линии Лангемарк—Зоннебеке, 4-й—от Зоннебеке на Гелювельт до Зандвоорде **), имея на своем правом фланге (у Кортевильд и Гард-Дье) две английские кавалерийские дивизии третья кавалерийская дивизия была у Зоннебеке; 3-й корпус, усиленный недавно прибывшей во Францию лагорской (индийской) дивизией,—на линии Мессин—Фрелингиен—Радингем; наконец, 2-й корпус между Радингемом и Живанши. В тылу этого последнего корпуса, у Лаванти и Обер, располагался 2-й французский кавалерийский корпус ген. Конно (три дивизии).

Южнее англичан шли позиции *10-й французской армии* ген. Модюи: 58-я резервная дивизия—у Комбрен; 21-й корпус (13-я и 43-я дивизии)—к югу от Вермеля, 92-я территориальная дивизия—за этим корпусом, 70-я резервная дивизия—у Каренси, 33-й корпус (45-я алжирская и 77-я резервная дивизии)—к северу, а 10-й—к югу от Арраса. Последний из этих корпусов держал связь с левым флангом 2-й армии ген. Кастельно.

---

*) Обе составляли отряд ген. Бидона.

**) Этот корпус состоял собственно из одной дивизии (7-й армейской), потому что 3-я кавалерийская выполняла обыкновенно кавалерийские задачи вне корпусного района. В литературе имеются указания, что к началу сражения во Фландрии англичане высадили на материк и 8-ю армейскую дивизию (только что сформированную), но где она находилась в это время—у меня сведений нет; по крайней мере, в боях во Фландрии она нигде не упоминается.

Итого, в общем, к 7 (20) октября у союзников между р. Скарпой и берегом моря находилось: 28½ пехотных и 12 кавалерийских дивизий, из них собственно на фландрском участке (от Ла-Бассэ до моря), на котором и разыгрались главные боевые действия,—19½ пехотных и 12 кавалерийских дивизий.

Против этих союзных войск развернулись следующие германские силы *).

Между берегом моря и р. Лисом—*IV-я армия герцога вюртембергского*, состоявшая из войск бывшей осадной армии ген. Безелера и четырех новых резервных корпусов, сформированных в значительном числе из добровольцев.

Войска этой армии располагались: 4-я эрзац-резервная дивизия—у Вестенде, за ней 37-я ландверная бригада; в тылу, у Остенде,—морская дивизия. III-й резервный корпус—между Пьеркапеле и Кейемом; XXII-й резервный—у Беерста и Власдлоо; XXIII-й резервный—против Диксмюда и южнее (у Зарэн); XXVI-й резервный—у Вестрозебеке и Пашендале; XXVII-й резервный—у Ледегема.

К югу от этой армии, у Мэнена, Комина, Варнетона и на правом берегу р. Лиса, находились 8 кавалерийских дивизий ген. фон-Марвица.

Между р.р. Лисом и Скарпой—*VI-я армия кронпринца баварского:* ландверная бригада к северу от Лилля; XIX-й корпус на линии Варнетон—Радингем; VII-й—между Радингемом и Маркийе; XIV-й—к югу от Ла-Бассэ; I-й баварский резервный **)—между Лоосом и Вими; наконец, IV-й—у Арраса. Войска, находившиеся к югу от Арраса, до р. Уазы у Шони, и входившие раньше в состав армии кронпринца баварского, вошли теперь в состав армейской группы ген. Бюлова.

Общее число германских войск, развернутых между р. Скарпой и морем, составляло 23 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, из коих на фландрском участке (Ла-Бассэ—морской берег)—17 пехотных и 8 кавалерийских дивизий.

Таким образом, к началу решительных боев на Изере и у Ипра союзники численно превосходили немцев; однако, значение этого превосходства сильно ослаблялось целым рядом неблагоприятных условий, в которых находились союзники по сравнению со своим противником. Во-первых, все их войска недавно участвовали в боях, преимущественно неудачных, и были утомлены и расстроены, тогда как у немцев было четыре свежих корпуса (XXII, XXIII, XXVI и XXVII резервные), а остальные войска имели удачные наступательные бои (у Антверпена, Гента, Мэнена и Лилля); во-вторых, войска союзников

---

*) Примерно в эти дни в германской главной квартире произошла крупная перемена: на посту начальника штаба верховного главнокомандующего генерал Мольтке по болезни был заменен генералом Фалькенгайном (бывшим военным министром).

**) Единственный корпус, оставшийся в VI-й армии из ее прежнего состава в Лотарингии.

состояли из контингентов трех государств, различных по духу, обучению и воспитанию, обладавших различными традициями и национальными особенностями, тогда как германские войска представляли в этом отношении полное однообразие; в третьих, хотя ген. Фош и командовал северным фронтом, от Арраса до моря, но ему, в сущности говоря, подчинялись только французские войска, бельгийская же и английская армии пользовались большой самостоятельностью, обязанные лишь сообразовать свои действия с действиями французских войск, что, конечно, отражалось неблагоприятно на совместных операциях; в четвертых, союзники имели очень мало тяжелой артиллерии *), а бельгийцы сильно нуждались в огнестрельных припасах, между тем, как германские корпуса были хорошо снабжены тяжелыми батареями**), а батареи обильно снабжены боевыми припасами.

Цели и задачи сторон в боевых действиях во Фландрии.

О целях и задачах обеих сторон в сражении во Фландрии до сих пор нам мало известно определенного и достоверного. Тем не менее, было бы неправильно предположить, что цель этих операций заключалась только в поражении или уничтожении живой силы противника, подобно тому, как это являлось единственной целью предшествовавших сражений в Бельгии, на Марне и на Эне. Фландрия стала театром войны не потому, что здесь были сосредоточены с обеих сторон крупные массы войск, которые, как мы знаем, естественным ходом войны первоначально были направлены в другие районы театра; она сделалась ареной борьбы потому, что обе стороны, потерявши надежду разгромить живые силы противника, начали задаваться другими целями, на пути к достижению которых поражение врага являлось лишь средством. Эти цели, эти задачи, повидимому, появились во Фландрии как естественный результат нерешительных операций в северной Франции и раньше, чем на Изере и Лисе сосредоточились крупные силы; эти последние спешно перебрасывались сюда обеими сторонами именно для выполнения тех новых задач, которые здесь зарождались. В каком же виде представляются нам эти цели и эти задачи?

В боевых операциях во Фландрии, особенно же во втором, решительном их периоде, нападающей стороной, сохранявшей в своих руках инициативу, являлись немцы, почему естественно искать активную цель этих операций на стороне германцев. Французы утверждают, что их противник поставил себе целью захват морского побережья от Кале до Булони для создания здесь базы своему подводному флоту и для непосредственной угрозы отсюда британским островам. Немцы отрицают подобное намерение германского высшего командования и об'ясняют свое наступление во Фландрию необходимостью обеспечить свой правый фланг у побережья от покушений со стороны англо-францу-

*) К концу сражения во Фландрии у французов было всего лишь 60 тяжелых орудий, у англичан и бельгийцев их вовсе не было.

**) Корпус имел 60 тяжелых орудий: 16—15 сант. с дальностью 7.400 метров, 36—10½ сант. с дальностью 10.500 метров и 8—21 сант. с дальностью 8.500 метров.

зов*). Однако, французское об'яснение представляется мне более правдоподобным, На это указывает нам целый ряд разнообразных обстоятельств, обнаружившихся как до начала боевых действий во Фландрии, так равно и во время самого сражения. Так, сосредоточение германских войск в районе Гента (главным образом кавалерии) началось еще до падения Антверпена, в то время, когда за Изером и на верхнем Лисе находились лишь слабые силы ген. д'Урбайля, которые, конечно, не могли угрожать положению германцев во Фландрии; затем, на важный, решительный характер фландрских боев, на необходимость во что бы то ни стало добиться победы, неоднократно указывается в боевых приказах германских генералов, что уже само по себе свидетельствует о том, что целью столь решительных действий едва ли могло быть лишь отражение неприятельского наступления, которого к тому же и не было, ни в боях на р. Изере, ни в сражении у Ипра. Приезд германского императора в Куртрэ в самый разгар боевых действий на Изере и у Ипра еще более подчеркивает активный, решительный характер германских намерений в отношении операций во Фландрии**). Наконец, тот интерес, который проявляла к этим операциям германская печать и военные обозреватели, те крупные силы, которые были сосредоточены немцами на фландрском фронте, особенно же на р. Изере,—все это указывает на то, что эти операции на стороне германцев должны были иметь более яркую и более значительную цель, чем обеспечение своего стратегического положения в приморском районе. И, конечно, этой целью мог явиться лишь захват морского побережья, ближайшего к Англии, имевшего такое важное оперативное значение для совместного ведения войны на материке английской армией с армиями французской и бельгийской.

Замысел захватить побережье на кратчайших путях, ведущих из Англии в северную Францию, заключал в себе идею разобщения друг от друга этих союзных стран, с целью затруднения им совместных операций на материке; попутно с этим немцы ставили себе и более узкую задачу: разобщить союзников и на поле фландрского сражения, разгромив и оттеснивши к побережью английскую армию, и отколовши ее от французского фронта. Судя по группировке германских войск во Фландрии и по тем направлениям, по которым был занесен главный удар каждой из этих групп, оперативные их задачи, повидимому, были распределены таким образом: те войска герцога вюртембергского, которые наступали на Изере, имели задачей прижать бельгийскую армию к морю и захватить морской берег у Дюнкерка и Кале; остальные войска этой армии, совместно с правым флангом кронпринца

*) Так утверждает ген. Фалькенгайн (Journal de Geneve, 29 janv. 1915).

**) В литературе имеются указания на то, что приезд императора находился в связи с предположением, в случае занятия немцами Ипра, торжественно провозгласить в этом древнем бельгийском городе присоединение Бельгии к Германии.

баварского,—отбросить англичан к западу и разобщить их от французских армий. Обе эти задачи приводили к обходу левого фланга французского фронта, что, конечно, поставило бы союзников в очень тяжелое стратегическое положение и что побуждало их к крайнему напряжению своих сил для противодействия германскому натиску.

Сражение на р. Изере 7—29 октября (20 окт.—11 ноября). Схемы №№ 19 и 20.

Перейдем теперь к изложению событий, разыгравшихся на полях Фландрии с того дня, когда немцы перешли в общее наступление.

Мы видели, что наступление бельгийского правого фланга у Диксмюда не удалось и к 7 (20) октября бельгийская армия частью своих сил уже находилась за р. Изером, Однако, имея три дивизии на правом берегу, она имела еще возможность продолжать активную оборону реки. С этого дня начался сильный натиск немцев на фронте от Ньюпора до Диксмюда, одновременно по трем направлениям: от Вестенде на Ломбартзиде 4-й эрзац-резервной дивизией, от Пьеркапеле и Кейема на участок Шоор—Тервате войсками III-го рез. корпуса и от Беерста и Владслоо на Диксмюд частями XXII-го рез. корпуса. В результате этого наступления на правом берегу реки завязались упорные бои этих германских частей с 1-й, 2-й и 4-й бельгийскими дивизиями, поддержанными 42-й французской дивизией, по—бригадно у Ломбартзиде и у Тервате, и отрядом адмирала Ронара. Несмотря на упорное сопротивление союзников, немцы к 11 (24) октября овладели почти всеми селениями, занятыми союзниками на правом берегу: Ломбартзиде, Бамбургом, Тервате, Шоорбаке, Вуменом, Вифюизеном, Люигемом и Меркемом. В центре, у Тервате, они форсировали реку и частями 6-й и 44-й резервных дивизий утвердились на левом берегу. На всем участке от Ньюпора до Диксмюда союзники были отброшены за реку: 2-я бельгийская дивизия отошла к тет-де-пону у Ньюпора (к Палинбругу), 1-я—к каналу Ноорд, 4-я—к Виконь; Ронар еще держался в Диксмюде. Таким образом, с этого дня союзники уже были обречены на пассивную оборону реки, оборонительная линия которой местами уже была ими потеряна (между Ньюпором и С. Жоржем и у Тервате); первый период сражения на Изере, период активной обороны, закончился. С 11 (24) октября начинается второй период сражения—постепенный захват немцами левого берега реки с оттеснением союзников к полотну железной дороги, ведущей из Ньюпора в Диксмюд.

Первый период сражения, 7—10 (20—23) октября.

Второй период сражения, 11—20 октября (24 окт.—2 ноября).

В течение 11—12 (24—25) октября войска XXII-го резервного корпуса настойчиво штурмовали Диксмюд, временами достигая Каскерке, но всякий раз были отражаемы и отбрасываемы отрядом адм. Ронара. Между тем, 13-го (26-го) частям III-го резервного корпуса удалось на левом берегу, в районе Шоорбаке—Тервате, взять во фланг бельгийские позиции на ручье Беверинк, что вынудило 4-ю бельгийскую дивизию отойти здесь на линию железной дороги и организовать оборону на участке от Первиза до Рамскапеле. Немцы, продвинувшись на левом берегу до Стюивекенскерке, где расположили свои батареи,

пытались отсюда угрожать Диксмюду, но большой активности в этом отношении не проявили, что дало возможность адмиралу Ронару сохранить свое расположение у Диксмюда. Два следующие дня, 14 — 15 (27—28) октября, на берегах Изера установилось затишье. Обе стороны были изнурены десятидневными беспрерывными боями и ослаблены тяжелыми потерями; особенно велики были эти потери в бельгийской армии, где ни в одном пехотном полку не числилось более 1.200 штыков. Почти все бельгийские резервы уже были введены в дело: 3-я и 6-я дивизии, по частям, усилили собой некоторые участки боевой линии, а обе кавалерийские дивизии на всякий случай заняли, в качестве тыловой позиции, фюрнский канал. Ожидать дальнейших подкреплений было неоткуда, потому что английские корпуса сами вели тяжелые бои в районе Ипра, а французские войска 8-ой армии генерала д'Урбайля едва успевали поддерживать англичан в отражении упорных атак германских войск, наступавших между Диксмюдом и р. Лисом.

При таких трудных условиях бельгийцы, естественно, не могли расчитывать удержаться на линии железной дороги, отступать же далее к западу было невозможно: это привело бы к потере последнего клочка бельгийской территории, сохранение которого в бельгийских руках имело крупное моральное значение для армии. В виду этого, бельгийское высшее командование принимает своеобразное решение; призвать к себе на помощь силы природы, обратиться за содействием к водной стихии, усилить расположение своих войск разливом реки, сделавши их позиции недоступными для противника. И вот 14 (27) октября, во время прилива, шлюзы у Ньюпора открываются, а когда река переполнилась водой, набежавшей в нее с моря, шлюзы были закрыты. В результате этого, в течение последующих дней, от Ньюпора вверх по реке постепенно распространялось наводнение. Однако, раньше, чем последнее сделало здесь боевые действия невозможными, немцы 16 (29) октября атаковали частями III-го резервного корпуса бельгийские позиции у Первиза (4-й бельгийской дивизии) и у Рамскапеле (1-й бельгийской дивизии и 151-го французского пехотного полка). В обоих пунктах союзники оказали упорное сопротивление; особенно ожесточенным был бой у Рамскапеле, где немцы настойчиво атаковали в течение двух дней, 17 18 (30—31) октября, и, наконец, овладели этим селением. Но поздно вечером 18-го (31-го) блестящей контр-атакой французских резервов (42-й дивизии) Рамскапеле было вновь занято союзниками.

К этому времени, переполненная водой река, не имевшая, вследствие закрытия шлюзов у Ньюпора, необходимого стока, затопила свои берега и на протяжении 30-ти километров образовался разлив, достигший до 5 километров ширины и до 4 футов глубины. Вода, поднимаясь, постепенно заливала германские траншеи и вынуждала немцев последовательно покидать свои позиции на левом берегу и отходить

за реку. 19 октября (1 ноября) последние германские части ушли с левого берега и взорвали за собой мосты на реке. С этого дня боевые действия в центре, между Ньюпором и Каскерке, прекращаются, а вместе с тем и кончается второй период сражения. Затем, следует последний его период—боевые действия на флангах, у Ньюпора и Диксмюда.

Третий период сражения, 21—29 октября (3—11 ноября).

21 октября (3 ноября) 2-я бельгийская дивизия, стоявшая у Ньюпора, пыталась овладеть д. Ломбартзиде, но контр-атакой германской морской дивизии была отброшена к Ньюпору. После этого боевые действия не возобновлялись здесь до 27 октября (9 ноября), когда, прибывшая на усиление бельгийского левого фланга, 81-я территориальная французская дивизия оттеснила немцев к Ломбартзиде и закрепилась в 200 метрах от этого селения. В тот же день возобновились бои и у Диксмюда, где с первого дня наводнения на Изере обе стороны бездействовали. После сильной артиллерийской подготовки из тяжелых орудий (до 21 сант. калибра), немцы атаковали Диксмюд значительными силами XXIII-го резервного корпуса. Город был занят в это время французской морской бригадой адм. Ронара с несколькими французскими и бельгийскими батареями; части 42-й французской дивизии, стоявшие раньше у города, находились теперь: 151-й пехотный полк на дороге из Диксмюда в Еессен, а 8-й стрелковый баталион у Вумена. Бой за Диксмюд, весьма упорный и ожесточенный, продолжался в течение трех суток, но к 5-ти часам вечера 29 октября (11 ноября) немцы овладели городом; адмирал Ронар отвел свои войска на левый берег и взорвал мосты на реке.

С этого дня участок р. Изера, от моря до Диксмюда, становится совершенно пассивным для обеих сторон, и боевые действия прекращаются здесь надолго. В боях на Изере немцы потеряли около 28 тысяч человек, при чем некоторые полки понесли огромные потери, от 1.300 до 2.400 чел., что свидетельствует о большом упорстве боевых действий. Бельгийцы потеряли в этих боях около 18 тысяч, французы—более 3 тысяч человек.

Между тем, в это время, южнее, в районе Ипра и на берегах р. Лиса, бои еще не затихли: здесь немцы предпринимали свои последние попытки пробиться к Ипру. Проследим как развивались эти бои и к каким они привели результатам.

Сражение у Ипра 7 (20) октября 2 (15) ноября. Схемы №№ 19 и 21.

В тот день, когда на р. Изере немцы начали свое общее наступление на позиции, занятые бельгийцами, в районе Ипра и к югу от р. Лиса английские войска еще медленно продвигались, тесня перед собою передовые части противника; особенно успешно наступал 3-й английский корпус на обоих берегах реки, а 4-й корпус упорно оборонялся на линии Зоннебеке—Рейтель—Геллювельт. Однако, на следующий день, 8 (21) октября, немцы повели сильное наступление на участке от Ипра до Арраса, введя здесь в действие весьма крупные силы, не менее 7-ми корпусов, из них по крайней мере 4 корпуса наступали против английской армии.

Бои к югу от р. Лиса, 8—16 (21—29) октября.

Натиск германцев начался с юга и постепенно распространялся к северу: первые бои разыгрались на правом берегу Лиса; здесь 8 (21) октября 2-й английский корпус был атакован частями VII-го германского корпуса и в трехдневном бою, понеся весьма тяжелые потери и выбитый из Херлиеза, Фромеля и Радингема, вынужден был отойти на линию Нэф-Шапель, Живанши. В то же время, 3-й английский корпус твердо удерживал свои позиции от Легейра до Радингема. 11 (24) октября немцы, не ведя пехотных действий, подвергли расположение 2-го английского корпуса сильнейшему обстрелу, как легкой, так и тяжелой артиллерией, чем нанесли англичанам большие потери; убыль людей и повреждение материальной части оказались настолько значительными в этом корпусе за последние 4 дня, что для того чтобы сохранить его боеспособность явилась необходимость усилить этот корпус 4-мя баталионами и артиллерийским дивизионом, вызванными из состава 10-го французского корпуса (армии Модюи) из-под Арраса. Эти подкрепления дали возможность англичанам 13 (26) октября отразить атаку немцев на всем фронте 2-го корпуса, а 15-го (28-го), с прибытием сюда индийской бригады, – даже атаковать Нэф-Шапель, который сначала был взят англо-индийскими войсками, но затем вновь отдан противнику. Между тем, на следующий день, 16 (29) октября, немцы возобновили свои атаки на берегах Лиса, у Легейра и Арман-тьера, но были отражены 19-й английской бригадой. Эти бои сильно ослабили и утомили английские войска, почему, по распоряжению ген. Фоша, 2-й и 3-й английские корпуса были усилены пятью баталионами и шестью батареями 9-го и 16-го французских корпусов *). Однако, 2-й английский корпус оказался уже настолько небоеспособным, что пришлось в тот же день сменить его на позициях индийскими войсками и отвести в резерв **).

Бои к северу от железной дороги Ипр-Рулер, 8—16 (21—29) октября.

Как я уже говорил только-что, наступление немцев на левом английском фланге началось несколько позже, чем на берегах Лиса, и 8 (21) октября, войска 1-го английского корпуса, занимавшего расположение к северу от железной дороги Ипр-Рулер (по линии Ланге-марк—Зоннебеке), еще сами наступали на германские позиции: 1-я дивизия ген. Ломакса—на Поелькапеле, 2-я—ген. Монро—на Пашендале, но продвинуться к этим пунктам не могли ***). В то же время,

---

*) Дивизии 16-го корпуса (переброшенного по железной дороге из 1-й армии, с лотарингского участка) прибыли в район Ипра: 31-я—к Вормхуду—14 (27) октября, 32-я—к Мессин—17 (30) октября.

**) Какие это были индийские части, когда и откуда они прибыли,—у меня сведений нет. Из предыдущего мы знаем лишь о прибытии лагорской дивизии, включенной 7 (20) октября в состав 3-го английского корпуса.

***) Немецкие авторы считают это наступление, как и атаки 3-го английского корпуса 7 (20) октября, последней попыткой союзников пробиться в долину р. Шельды, однако, уже более узко задуманной, чем предыдущие; это была, правильнее сказать, попытка активными действиями задержать наступление немцев, а не угрожать им.

в районе леса Хутульст, французский кавалерийский корпус генерала Митри, поддержанный двумя территориальными дивизиями генерала Бидона, был атакован частями XXIII-го и XXVI-го резервных корпусов и отброшен за Биксхооте; этот пункт, а также лес Хутульст, были заняты немцами. На следующий день, 9-го (22-го), германские войска XXIII-го рез. корпуса развили свой успех далее к северу, овладевши д.д. Вумен, Вифюизен, Люигем и Меркем и едва не захватили участок Изер-Ипрского канала у Дригрaхтена. Однако, 10 (23) октября союзники несколько оправились: части 1-й английской дивизии выбили немцев из Биксхооте и заняли С. Жан, а также потеснили их между Лангемарком и Поелькапеле. В тот же день, с целью сокращения общего фронта, занятого слабыми английскими корпусами, обе дивизии 9-го французского корпуса (ген. Дюбуа), 17-я и 18-я, сменили 1-й английский корпус по линии Лангемарк—Зоннебеке; последний перешел за линию железной дороги Ипр-Рулер, где занял участок Зоннебеке—Рейтель, сдвинув войска 4-го английского корпуса к югу.

В течение четырех дней, с 11 (24) по 13 (26) октября, эти французские войска, усиленные в последний день 31-й дивизией (16-го корпуса), успешно продвигались на Поелькапеле и Пашендале, овладели первым из этих пунктов, но второго взять не могли, встретивши здесь упорное сопротивление германских частей XXVI-го резервного корпуса. Левее, за железной дорогой Ипр—Кортемарк, 87-я французская территориальная дивизия то брала Биксхооте, то теряла его, утвердившись, наконец, 16 (29) октября, в этом селении. В тот же день к левому флангу этой дивизии была подвезена с юга на автомобилях 38-я французская дивизия ген. Эмбера (вновь сформированного 32-го корпуса), начавшая наступление к Меркему с целью облегчить положение соседних территориальных частей. Однако, ее продвижение происходило весьма медленно и не оказало никакой существенной помощи положению французских войск между Изер-Ипрским каналом и лесом Хутульст.

Бои к югу от железной дороги Ипр-Рулер до р. Лиса, 8—16 (21—29) октября.

Одновременно с этим, оживленные бои велись и к югу от железной дороги Ипр-Рулер, где немцы атаковали сначала английскую конницу и части 4-го английского корпуса, а затем и 1-го, перешедшего с северной на южную сторону железнодорожного полотна. 8 (21) октября германские войска XV-го корпуса, только что перешедшего с юга (с р. Эна) в район Комина, на левый берег Лиса, атаковали 2-ю английскую кавалерийскую дивизию и отбросили ее от Хутема к Холебеке, но были задержаны брошенными сюда резервами 1-го английского корпуса*). В этот же день части XXVII-го резервного германского корпуса обрушились на 7-ю английскую дивизию (4-го корпуса) на участке от железной дороги у Зоннебеке до Зандвоорде; английская

*) По другим сведениям, XV-й германский корпус прибыл из Валансьена лишь 17 (30) октября, а до тех пор в районе Комин—Хутем сражались части XIX корпуса и недавно прибывшая из-под Вердена 26 дивизия (XIII корпуса).

пехота, поддержанная на флангах обеими бригадами 3-й английской кавалерийской дивизии, удержалась в этот день; однако, на следующий—подалась назад своим левым флангом (22-й бригадой), а 10 (23) октября уступила неприятелю лес Полигон и д. Рейтель. Между тем, как мы видели, одновременно с этой неудачей, дивизии 1-го английского корпуса перешли на участок Зоннебеке—Рейтель, чем и сгустили боевое расположение англичан между железной дорогой Ипр—Рулер и р. Лисом. Это дало им возможность оказать более сильное сопротивление неприятельскому натиску, а с 12 (25) октября даже продвигаться в районе Беселаре, медленно тесня германские части XXVII-го резервного корпуса; вместе с тем, 7-я английская дивизия успешно отражала атаки противника у дер. Крюизейк. Тем не менее, в результате этих боев, правый фланг 1-го английского корпуса 16 (29) октября был оттеснен к Гелювельту, что побудило ген. Фоша направить сюда французские подкрепления—бригаду пехоты и бригаду конницы из состава 9-го корпуса. Большие потери в 4-м английском корпусе и расстройство некоторых его частей, сильно ослабленных еще во время отступления от Гента к Ипру, побудили фельдмаршала Френча реорганизовать свою армию, сокративши число корпусов: 4-й корпус, не имевший уже надлежащей боеспособности как самостоятельное оперативное соединение, был расформирован, и обе его дивизии, 7-я пехотная и 3-я кавалерийская, введены в состав 1-го корпуса и составили в боевом расположении у Ипра правый участок от Гелювельта на Зандвоорде и южнее.

Образование германцами новой армейской группы.

До этих пор немцы вели бои в районе Ипра преимущественно лишь теми войсками, которые были сосредоточены и развернуты здесь к 7 (20) октября; но теперь, с 17 (30) октября, они вводят на участке от Ипра до р. Лиса новые крупные силы. Убедившись, что союзники здесь достаточно сильны, чтобы оказать стойкое сопротивление, и желая во что бы то ни стало прорвать неприятельский фронт у Ипра, германское высшее командование уже в первые же дни завязавшегося в этом районе сражения приступило к переброске с юга, с различных частей фронта, новых подкреплений, собиравшихся между железной дорогой Ипр—Рулер и р. Лисом. К 17 (30) октября сюда подошли следующие части: 6-я баварская резервная дивизия (III-го бав. рез. корпуса)—к Беселаре, XV-й корпус—к Гелювельту и Зандвоорде*), II-й баварский—к Хутему и 26-я дивизия (XIII-го корпуса)—к Варнетону. Все эти вновь прибывшие войска образовали самостоятельную армейскую группу генерала фон-Фабека**).

---

*) Некоторые части XV корпуса, прибывшие сюда несколько раньше, приняли участие в боевых действиях против англичан еще до 17 (30) октября.

**) В литературе имеются указания, что к этому времени в район Ипра были также переброшены с р. Изера: 37-я ландверная бригада, 4-я эрзац-резервная и морская дивизии, но где находились две последние части и какое участие они приняли в последующих боях—мне неизвестно.

С образованием этой новой армейской группы, введение которой в дело, естественно, давало возможность немцам задаться более смелыми и решительными целями, кончается первый период сражения у Ипра и начинается второй. Основной задачей боевых действий германцев этого второго периода является прорыв у Ипра, на что определенно указывает найденный у одного германского пленного, захваченного союзниками в бою 17 (30) октября, приказ по XV корпусу, подписанный ген. фон-Деймлингом: согласно этого приказа, исполнение этого прорыва было возложено на войска XV, XIII и II баварского корпусов.

Бои в районе Ипра 17—26 октября (30 окт.—8 ноября).

К началу этого нового наступления немцев, англо-французские войска у Ипра были расположены следующим образом: территориальная группа ген. Бидона (87-я и 89-я дивизии) к северу от Биксхооте; 9-й французский корпус—от Биксхооте на Поелькапеле, Валемолен до Зоннебеке; 1-й английский корпус: 2-я дивизия от Зоннебеке до Рейтеля, 1-я—на участке Рейтель—Гелювельт, 7-я—Гелювельт—Зандвоорде, 3-я кавалерийская—от Зандвоорде до Клейн-Зилебеке; наконец, английский конный корпус ген. Аленби (две дивизии)—от Клейн-Зилебеке до Мессин. Из этого видно, что фронт англичан был сильно вдавлен в районе железной дороги Ипр-Комин и расположение 7-й и 3-й кавалерийской дивизий, образовавшее у Зандвоорде исходящий угол, было подвержено охвату и с юга, и с востока. Сюда то и был направлен немцами главный натиск вновь прибывших войск генерала фон-Фабека.

Атаки начались утром 17 (30) октября, главным образом, на позиции, занятые войсками 1-го английского корпуса. XV-й германский корпус и 6-я баварская резервная дивизия стремительно атаковали 1-й и 7-ю английские дивизии по трем направлениям: от Беселаре, вдоль мэненской дороги, и с юга на Зандвоорде. 1-я английская дивизия не выдержала этого бешенного натиска и отошла к западу, покинувши Гелювельт; между нею и 7-ю дивизией образовался прорыв, в который бросились части XV-го германского корпуса, охватившие левый фланг 7-й английской дивизии. А так как в то же время и правый фланг этой дивизии у Зандвоорде, к которому примыкали лишь слабые, спешенные части английской конницы, подвергся атаке противника и Зандвоорде было взято немцами, то положение этой дивизии представлялось чрезвычайно опасным. Тяжелые минуты переживали и левофланговые войска 1-го английского корпуса, атакованные частями XXVII-го резервного корпуса и 6-й баварской резервной дивизии: 2-я английская дивизия едва держалась между Зоннебеке и Рейтелем, 1-я—уже была оттеснена, оба начальника дивизий (генералы Монро и Ломакс) выбыли из строя. Однако, благодаря тому, что в это время на более северных участках поля сражения германцы не обнаружили большой активности, явилась возможность резервы 9-го

французского корпуса, находившиеся под начальством ген. Мусси в восточных окрестностях Ипра, направить на поддержку англичан и контр-атаками остановить продвижение противника. Эта задержка и эти подкрепления дали возможность ген. Дугласу Хэйгу (командиру 1-го английского корпуса) на следующий день организовать успешное сопротивление неприятельскому натиску: правый фланг 2-й дивизии и левый—1-й, при содействии 42-й французской артиллерийской бригады, перешли в наступление от Рейтеля на Беселаре; 7-я дивизия, при поддержке слева (у леса Херентаге) английской конницы, начала продвигаться вдоль мэненской дороги, части 9-го французского корпуса подошли к Зандвоорде, но овладеть этим селением не могли. За каналом, у Витсхаете, 2-я английская кавалерийская дивизия (корпуса ген. Аленби), атакованная баварскими войсками, сначала подалась назад, но усиленная 4-мя баталионами 2-го английского корпуса (находившегося в армейском резерве) и несколькими эскадронами 9-й французской кавалерийской дивизии, отбросила немцев в их прежнее расположение.

Во всяком случае, к вечеру 18 (31) октября почти на всех атакованных участках ипрского фронта положение союзников было восстановлено; тем не менее, потери и утомление английских войск были столь значительны, что фельдмаршал Френч принял было решение отойти к западу, за Ипр-Коминский канал, но ген. Фош, прибывший в этот вечер в штаб английской армии в Вламертинге, успел уговорить его отказаться от этого намерения.

С этого дня натиск германцев в центре ослабевает, но зато в течение ближайших дней бои на флангах принимают более оживленный характер. 19 и 20 октября (1—2 ноября) 38-я французская дивизия продвигается к Меркему, а французская конница ген. Митри у Бикскхооте пытается оттеснить немцев за р. С. Жан. 21 октября (3 ноября) германские войска XXVI-го резервного корпуса атакуют французов (территориальные дивизии Бидона и части 9-го корпуса) на линии Бикскхооте—Лангемарк—Поелькапеле и овладевают первым из этих пунктов. Успешно ведется в это время наступление немцами и к югу от Ипра, где части II-го баварского корпуса занимают Витсхаете и Капелери: на поддержку английской конницы, отброшенной от этих селений, направлена от Мессин 32-я французская дивизия (16-го корпуса), но она прибывает туда слишком поздно; эти селения остаются за немцами. Такой нерешительный, местный, но в общем успешный для немцев, характер сохраняют бои вокруг Ипра до 27 октября (9 ноября), когда с обеих сторон появляются новые крупные подкрепления, свежие силы, стянутые сюда для усиления войск, ослабленных многодневным сражением. Между тем, к югу от Лиса все время велись мелкие бои с переменным успехом, не изменявшие в существенных чертах положения сторон и не оказывавшие никакого заметного влияния на ход боевых действий в районе Ипра.

Уже почти три недели непрерывно продолжалось сражение, а считая с боями подготовительного периода—даже целый месяц, но до сих пор ни одна из сторон еще не достигла решительного результата, не могла считать себя победительницей. И вот обе стороны делают последнее напряжение—направляют сюда с южных участков фронта все, что еще может быть снято с укрепленных позиций, последние резервы, которые возможно еще перебросить к полю этого упорнейшего, этого длительного сражения. К 27 октября (9 ноября) к союзникам прибывает 20-й французский корпус (из Лотарингии): 39-я дивизия—к Эльвердинге и Боезинге, 11-я—к Ипру. К тому же дню у немцев вступают в боевую линию: 6-я дивизия (III-го корпуса) у Зарэна, где она сменяет XXIII-й резервный корпус, отведенный к Туру; 8-я бригада (II-го корпуса)—у Меркема; некоторые части V-го резервного корпуса—у Лангемарка; 37-я ландверная бригада—у Моорследе; 3-я дивизия (II-го корпуса) и гвардейская дивизия—у Комина. Таким образом, германцы у Ипра усиливаются более, чем 4-мя дивизиями. Теперь им представляется возможность сделать еще одну попытку разгромить своего упорного противника, еще раз напречь свои усилия для овладения Ипром. И с 27 октября (9 ноября) они приступают к выполнению этой задачи. Начинается третий и последний период ипрского сражения.

Последние бои у Ипра 27 октября (9 ноября)—2 (15) ноября.

В первый день германцы подвергли жестокой бомбардировке весь фронт союзников от Меркема до р. Лиса, особенно же позиции 9-го французского корпуса между железнодорожными линиями из Ипра в Рулер и Кортемарк; это была мощная артиллерийская подготовка тех атак, которые начались на следующий день. Уже в этой оглушительной канонаде, потрясавшей в течение целого дня фландрские равнины, в этом несметном числе артиллерийских снарядов, с таким упорством долбивших неприятельские окопы, чувствовалось что то новое, что то несвойственное полевому бою, какой то новый способ подготовки атаки, чувствовался новый характер боя,—боя в условиях позиционной войны. И в самом деле, в течение того месяца, когда обе стороны с такой энергией и с такой настойчивостью оспаривали друг у друга каждый клочек земли в окрестностях Ипра, со дня на день, последовательно и методично укреплялись те позиции, на которых оборонялись противники, росли и ширились укрепления, долженствовавшие преградить путь для неприятельского наступления. Таким образом, постепенно нарождалась позиционная война, перемешивая свои формы и приемы ведения боевых действий с элементами еще не угасшей, еще клокотавшей маневренной войны. Еще обе стороны искали решения в широком столкновении крупных масс, но укрепленные позиции уже стесняли подвижность последних, уже ограничивали маневренный замысел. И вот для того, чтобы освободиться от этих стеснений, вернуть маневру его широкий размах,—необходимо было раньше всего разрушить эту сплошную линию силь-

ных укреплений, за брустверами которых уже начинала прятаться и отсиживаться живая сила врага. Отсюда и явилась эта потребность в длительном ведении артиллерийского огня по расположению оборонявшегося, эта настойчивая подготовка атаки.

28 октября (10 ноября), когда во многих местах укрепления союзников оказались разрушенными, немцы повели атаку одновременно на всем фронте от Меркема до Лиса. Главная атака была направлена на позиции англо-французов, ближайшие к Ипру; здесь немцы бросились на врага концентрически по нескольким направлениям: войска XXVI-го резервного корпуса с северо-востока, вдоль железной дороги Ипр-Рулер, против дивизий 9-го французского корпуса; войска XXVII-го резервного корпуса, 6-я баварская резервная дивизия и 37-я ландверная бригада—с востока, южнее этой железной дороги, на участок англичан Зоннебеке — Гелювельт — Зандвоорде; наконец, XV-й корпус и гвардейская дивизия с юго-востока, по обе стороны железной дороги Ипр—Комин, на участок Зандвоорде—С. Элуа, против английской конницы, поддержанной небольшими частями французской пехоты (9-го корпуса).

В то же время, на флангах натиск германцев оказался не менее сильным: у Меркема 6-я германская дивизия и 8-я бригада атаковали части 38-й и 42-й французских дивизий; у Биксхооте части V германского резервного корпуса—французскую конницу ген. Митри и территориальные полки ген. Бидона; на правом фланге, на участке от С. Элуа до р. Лиса, английская конница ген. Аленби подверглась нападению двух германских дивизий: 3-й (II корпуса) и 26-й (XIII корпуса).

Почти на всех участках фронта, атакованного немцами под Ипром, первоначальный натиск, в связи с продолжительной бомбардировкой неприятельских позиций, привел их в первый день атаки к благоприятным результатам: на левом фланге французские войска были оттеснены за р. Иперлее (на участке Дригрхтен—Хет-Сас); правый фланг 9-го французского корпуса (18-я дивизия) отброшен у железной дороги за дорогу Пашендале — Беселаре; 6-я баварская резервная дивизия оттеснила англичан за лес Полигон и овладела этим лесом; наконец, XV-й корпус продвинулся до Клейн-Зилебеке. К этим успехам на следующий день, 29 октября (11 ноября), присоединилась удача на южном участке, где баварцы овладели С. Элуа, отбросивши английскую конницу к Вормзееле. Но за то на противоположном фланге, на участке Меркем—Биксхооте, французские войска, при поддержке подошедших подкреплений (22-й бригады 32-го корпуса и частей 39-й дивизии от Боезинге), перейдя в контр-атаку, восстановили здесь свое положение. Совсем неудачны были действия германцев в районе Лангемарка, где левый фланг 9-го французского корпуса, усиленный частями 20-го корпуса (со стороны Боезинге и Ипра), опираясь на

сильные укрепления Лангемарка, оказал немцам упорнейшее сопротивление; не достиг атакующий успеха и на мэненской дороге. Тем не менее, бои вокруг Ипра продолжались с прежним ожесточением еще в течение нескольких дней. Для обеспечения наступательных действий немцев от Варнетона на Витсхаете и С. Элуа части XIX-го германского корпуса и 26-й дивизия (XIII-го корпуса) удерживались у Плегстеерта против войск 3-го английского корпуса. Что же касается положения дел к югу от р. Лиса, то здесь, от Армантьера до Ла-Бассе, боевые действия не отличались оживлением: немцы вели на некоторых участках атаки местного значения, индийские войска (недавно сменившие здесь 2-й английский корпус) успешно их отражали.

30 октября (12 ноября) бой в районе железной дороги Ипр—Рулер принимает успешный оборот для французов: поддержанная 1-й бригадой 1-го английского корпуса, 18-я французская дивизия переходит здесь в наступление и оттесняет германцев. После этого, на поле ипрского сражения устанавливается некоторое равновесие сил: настойчивые, фронтальные, лобовые атаки германской пехоты на укрепленные позиции союзников приводят атакующего к огромным потерям, быстро ослабляющим боевой состав его частей, почему в последние три дня боевых действий, 31 октября—2 ноября (13—15 ноября), хотя бои и ведутся с неослабевающим напряжением с обеих сторон, но они уже не могут привести ни одну из них к какому либо решительному результату. Ко 2-му (15-му) ноября и германцы, и союзники, уже истощивши свои силы, ослабляют свою активность и с этого дня бои в районе Ипра постепенно затихают. В этот день 16-й французский корпус сменяет войска 1-го английского корпуса от Зоннебеке до Клейн-Зилебеке; англичане отводятся в резерв к Ипру для пополнения своих рядов, сильно поредевших в течение последних боев, и для отдыха. Пользуясь этой приостановкой боевых действий, обе стороны начинают усиленно укрепляться: французы от Меркема на Биксхооте, Лангемарк, Зоннебеке, Гелювельт, до железной дороги Ипр—Комин, англичане—далее к югу, на Витсхаете, Плегстеерт, Армантьер и Ла-Бассе. Однако, обе стороны напрасно так спешат с укреплением своих позиций, потому что уже ни та, ни другая не имеют ни материальных, а тем более моральных сил, для того, чтобы возобновить борьбу в ближайшие дни. Бои у Ипра прекращаются и прекращаются на долго, а вместе с тем и кончается сражение во Фландрии.

Разбор и оценка сражения во Фландрии.

В результате этого грандиозного сражения обе стороны оказались почти в том же взаимном положении, в котором они находились перед сражением и почти на тех же местах, на которых они развернули свои силы накануне боев. Оправдали ли себя при этих условиях те великия напряжения и те огромные жертвы, которые были затрачены сражавшимися на пути к достижению поставленных себе целей? Мы

видели, что активная роль в этой упорной борьбе на равнинах Фландрии принадлежала германцам и что, повидимому, конечной целью их стремлений являлся захват морского побережья у Кале для создания здесь непосредственной угрозы Англии. Союзники, хотя и ставили временами своим войскам наступательные задачи, но таковые никогда в этом сражении не имели широкого оперативного значения, сохраняя лишь местный характер; почему стратегическая роль союзных армий в боевых операциях во Фландрии является безусловно пассивной, оборонительной: они должны были стать на путях германского наступления, они должны были остановить могучий натиск противника, направленный к морскому побережью. Как известно, они успели преградить врагу доступ к морскому берегу, они остановили его наступление. Таким образом, цель поставленная себе германцами, не была ими достигнута: союзные армии не были разгромлены, бельгийцы не были разобщены от англо-французов, Дюнкерк и Кале были спасены. Чем же об'ясняется столь неудачный результат этого сражения для немцев, несмотря на те значительные силы, которые они ввели в дело, не взирая на всю энергию, обнаруженную ими в этих боях и явное боевое превосходство их над противником? Ответ на этот вопрос мы получим, сделавши разбор и оценку этого сражения, как в отношении общих условий стратегической обстановки во Фландрии, так и в отношении использования тех сил и средств, которыми располагали обе стороны.

Раньше всего, неудачу германцев во Фландрии следует поставить в связь с неискусной стратегической подготовкой ими этого сражения. Идея наступления к морскому побережью едва-ли явилась случайной в ряду оперативных замыслов германского генерального штаба и, по всей вероятности, она зародилась вскоре же после отступления немцев от Марны, когда стало ясно, что их первоначальный стратегический план уничтожения союзных армий в районе восточных крепостей Франции потерпел крушение, и что теперь необходимо поставить германским армиям какую нибудь новую значительную цель, стремление к которой могло бы вернуть им стратегическую инициативу и создать для них более выгодную стратегическую обстановку. Следовательно ничто, повидимому, не препятствовало немцам согласовать свои действия во Фландрии с действиями их осадной армии под Антверпеном, тем более, что новые резервные корпуса, предназначенные для этих операций, уже были сформированы и находились в боевой готовности еще до падения этой крепости. Между тем, сосредоточение этих войск на р. Шельде в районе Гента, как мы знаем, было произведено на несколько дней позже сдачи Антверпена, вследствие чего немцы не только не имели возможности отрезать бельгийцам путь отступления к Изеру и одним широким маневром захватить всю их армию между крепостью и Гентом, но даже не могли организовать правильного преследования этой армии, с тем, чтобы, не давая ей времени

на остановку и укрепление на Изере, на плечах противника пробиться к французскому побережью.

Таким образом, несогласованность действий двух германских армейских групп, оперировавших между Антверпеном и французско-бельгийской границей, спасла бельгийскую армию, дала англо-французам время для переброски во Фландрию крупных войсковых масс, а в результате всего этого—способствовала образованию укрепленного фландрского фронта союзников. Правда, на защиту этого фронта стали боевые силы мало сплоченные и характера разнообразного,—войска трех государств, трех различных армий, не похожих одна на другую ни своей боевой подготовкой, ни своим воинским духом, ни своей боевой доктриной, слабо связанных общим командованием; но за то все они сражались теперь в обстановке, вызывавшей в них небывалое воодушевление, которое скрепляло их союзные отношения прочнее всяких внешних связей, которое спаяло их стремления, их боевые порывы в одно могучее напряжение массовой воли, которое об'единило их в одном безповоротном решении добиться победы. В этих боях на фландрских равнинах бельгийцы сражались за последний клочек родной земли, бесконечно дорогой для них в эти дни тяжких боевых испытаний; англичане—за безопастность своих сообщений с отечеством, столь необходимую для продолжения этой борьбы; наконец, французы—за существование своих слабых союзников, за целость коалиции, которой еще ни разу до этого не угрожала опасность более значительная, более чреватая последствиями для дальнейшего хода войны.

Итак, мы видим, что ошибка, допущенная немцами в стратегическом развертывании во Фландрии, тяжко отозвалась на исходе многодневной борьбы, веденной ими с такой доблестью и с такой энергией на Изере, под Ипром и на Лисе. Ошибки стратегии часто бывают непоправимы на полях сражений и фландрская неудача германцев служит тому наглядным примером: несмотря на множество тактических успехов в отдельных боевых столкновениях, все же общий результат этих победоносных боев, равнодействующая этих частных боевых удач не доставили им победы. Так могущественно, так неотвратимо было влияние тех общих оперативных условий, которые тяготели над каждым частным явлениям этой величественной военной эпопеи, над каждым частным усилием обеих сторон, сражавшихся здесь за важнейшие цели этой великой войны.

Но нетолько плоха была стратегическая подготовка германского наступления во Фландрии, неудовлетворительна была и сама организация этого сражения.

Общее количество германских войск, принявших участие во фландрском сражении, считая фронт последнего от моря до Ла-Бассе, составляет 27 пехотных и 8 кавалерийских дивизий или около 350 тыс. человек (из них: пехоты—около 325 тысяч); союзники имели в этом сражении всего 25½ пехотных и 12 кавалерийских дивизий, что да-

вало почти ту же численность в 350 тыс. человек (пехоты около 300 тысяч). Следовательно, в отношении числа людей силы сторон к концу сражения были, в общем, одинаковы у противников; но если принять во внимание, что немцы были несколько сильнее своей пехотой и значительно превосходили союзников тяжелой артиллерией, то это создавало для них такое превосходство в силах, которое, при высокой боеспособности германских войск, тактическом их искусстве в маневрировании и необыкновенном воодушевлении, которым были охвачены только-что прибывшие из Германии, вновь сформированные резервные корпуса*), должо было привести их к существенным преимуществам в боевом отношении,—однако при непременном соблюдении двух необходимых условий: введения всех этих сил в дело одновременно с началом сражения и сосредоточения главной их массы на важнейшем направлении, с целью приобретения здесь решительного превосходства над неприятелем. Между тем, ни одно из этих условий не было выполнено немцами.

Мы видели, что подсчитанные нами только что силы были сосредоточены немцами в три приема: к 7 (20) октября, к 17 (30) октября и к 27 октября (9 ноября), почему те войска, которые подходили во время сражения, в большинстве случаев лишь сменяли находившиеся здесь раньше части, уже утомленные боями и понесшие большие потери, а не усиливали их, как это могло бы быть, если бы они были переброшены сюда к началу операции. Это тем более странно, что в то время, когда на Изере и у Ипра обе стороны развертывали свои армии, на южных участках фронта повсеместно стояло боевое затишье и лишь кое-где велись незначительные бои местного значения; и нигде, от Арраса до швейцарской границы, ни та, ни другая сторона не делала никаких приготовлений к каким либо активным операциям. Поэтому, ничто не препятствовало германскому высшему командованию направить во Фландрию более крупные силы, с тем, чтобы сразу же, в первых же боевых столкновениях, приобрести подавляющее превосходство над противником и добиться поставленных себе целей в короткий срок и с небольшими потерями. Ведь все равно, рано или поздно, эти силы пришлось туда направить, но сосредоточенные там в несколько приемов, они, конечно, не могли произвести того мощного натиска на вражеские линии, который необходим был для быстрой победы. В этом неудачном сосредоточении и развертывании герман-

*) Я уже упоминал о том, что резервные корпуса IV-й германской армии были составлены, главным образом, из добровольцев. Приток добровольческого элемента в войска об'ясняется охватившим в это время Германию особым патриотическим под'емом, вызванным стремлением возможно скорее добиться решительной победы и отомстить за Марну. Среди добровольцев находилось много молодых людей допризывного возраста (см. стр. 26). Эти добровольческие корпуса сражались с большим воодушевлением: даже французские авторы часто упоминают о необыкновенной доблести, беззаветной храбрости этих частей, не раз шедших в атаку с патриотическими песнями.

ских сил во Фландрии сказались: недостаток решительности в выполнении широко задуманного стратегического плана и переоценка германским высшим командованием боеспособности своих войск; не решаясь ослабить свой фронт южнее Арраса, из опасения неприятельского наступления, немцы расчитывали, что бодрая, свежая, горевшая жаждой победы добровольческая армия герцога вюртембергского будет в состоянии одолеть сопротивление разнородной, несплоченной, лишенной общего управления, массы союзных войск, стоявшей перед ними от моря до р. Лиса. Но они ошиблись, они слишком низко оценивали боевые качества союзных армий и оперативное искусство союзных генералов. Повидимому, одной Марны еще было недостаточно, чтобы заставить их судить и о том, и о другом более правильно и беспристрастно.

Были ли, по крайней мере, сосредоточенные германцами силы распределены во фландрском районе соответственно сравнительной важности операционных направлений? И в этом отношении немцы не обнаружили правильного понимания обстановки и верной оценки тех частных задач, которые она пред'являла им.

В районе фландрских операций, соответственно важнейшим предметам действий, физическим особенностям местности и положению различных участков района в отношении конечной оперативной цели германцев (морского побережья у Дюнкерка - Кале), следует различать три операционных направления для немцев: от Брюгге к р. Изеру, от Тьельта-Куртрэ к Ипру и от Лилля вверх по р. Лису. Первое из них, хотя и являлось кратчайшим на пути к достижению конечной цели операции, но оно пролегало по местности, весьма затруднительной для ведения наступательных действий, а с того дня, когда на Изере бельгийцы устроили наводнение, это направление потеряло всякое оперативное значение. Направление южнее р. Лиса шло по местности, удобной для ведения боевых действий, но оно вело кружным путем к побережью у Кале и Дюнкерка и к тому же войска, наступавшие в этом направлении, в случае своего выдвижения к Бетюну и западнее, могли бы подвергнуться атаке во фланг со стороны крупных неприятельских сил, сосредоточенных на линии Ла-Бассе—Аррас и не занятых в то время боями с находившимися перед ними германскими корпусами. Наконец, направление, ведущее через Ипр, было и достаточно коротким (немного длинее изерского), и проходившим по местности, весьма удобной для передвижения крупных войсковых масс и для ведения ими боевых действий; вместе с тем прорыв атакующего в этом направлении в известной мере обеспечивался с флангов отвлечением неприятельских войск энергичным натиском немцев на соседних участках, на Изере и на Лисе. Таким образом, мы видим, что важнейшим операционным направлением было ипрское, следовательно именно здесь необходимо было немцам сосредоточить главную массу своих войск для производства главного удара, ограничившись на прочих

направлениях смелыми и искусными демонстрациями. Как же в действительности были распределены здесь германские силы?

К началу сражения во Фландрии немцы имели на р. Изере, против 7½ пехотных и 1 кавалерийской дивизий союзников, 8½ пехотных дивизий, т.-е. обладали силами, несколько превышавшими неприятельские; в дальнейшем, и к той, и к другой стороне подошло по одной пехотной дивизии, почему соотношение сил до изерского наводнения оставалось таким же. В районе Ипра к началу боев у немцев было сосредоточено всего лишь 4 пехотные и 4 кавалерийские дивизии против 10 пехотных и 8 кавалерийских дивизий союзников, т.-е. германцы на этом важнейшем направлении были более, чем вдвое слабее противника. И даже к концу сражения, несмотря на переброску сюда 9-ти пехотных дивизий, они все же уступали в численности своих войск союзникам, которые тоже подвезли сюда 5 свежих дивизий*). Наконец, к югу от Лиса германцы развернули 4½ пехотные и 4 кавалерийские дивизии против 2-х пехотных и 3-х кавалерийских дивизий союзников, т.-е. имели здесь значительное превосходство в силах. Итак, из всего сказанного здесь ясно, насколько нецелесообразна была группировка германских войск на различных операционных направлениях фландрского района и насколько более правильной было распределение на этих направлениях союзных войск, которые на помощь своим более слабым силам на р. Изере призвали естественные силы природы и преградили неприятелю путь наступления наводнением, к югу от р. Лиса меньшими силами сдерживали более крупные массы противника, а главную массу своих войск сосредоточили в районе Ипра, где и достигли численного превосходства над немцами, особенно значительного в первый период сражения и давшего им возможность до окончания сражения успешно сопротивляться германскому наступлению.

Конечно, придавать численному превосходству безусловное значение в боевых действиях и успех или неудачу в боях ставить в исключительную зависимость от него—невозможно; однако, нельзя отрицать и того, что число—первостепенный боевой фактор, особенно в таких боевых операциях полупозиционного характера, каковыми были бои во Фландрии, где часто исход атаки зависел от массового натиска атакующих войск, производившегося на узком фронте и завершавшегося рукопашными схватками. Следует иметь в виду, что фландрские

*) Имеются указания, о чем я упоминал уже, о более значительном усилении германцами своей ипрской группы, перемещением сюда войск с р. Изера, после того, как изерский участок, вследствие наводнения, сделался совершенно пассивным; однако, если такое перемещение и было произведено, о чем у меня нет достоверных сведений (потому что эти войска, кроме 37-й ландверной бригады, нигде не упоминаются в боях у Ипра), то оно могло быть произведено не ранее 20-х чисел октября (ст. стиля), следовательно слишком поздно для того, чтобы добиться решительного результата.

бои изобилуют последними, а вместе с тем и отличаются огромными потерями атакующего, что, естественно, требовало для продолжения и и развития боя большой численности войск*). Повидимому, в некоторых случаях у немцев не хватало живой силы для возобновления своих неудачных атак, особенно на важнейшем, ипрском участке поля сражения. И потому то германское наступление замирает здесь без всякой видимой причины, без какой либо крупной тактической неудачи: оно просто выдыхается и истощается, оно останавливается, бессильное физически и морально...

Мне кажется, что изложенные мною ошибки германского командования во Фландрии,— плохая стратегическая подготовка наступления и неправильная организация самого сражения,—в достаточной мере выясняют нам причины тех неудач, которые постигли немцев в октябрьских и ноябрьских боях.

Из частных особенностей этого сражения обращает на себя внимание участие в нем весьма крупных кавалерийских масс; по своей абсолютной численности эти массы не уступают даже конным массам, находившимся на поле сражения на Марне, по относительной же — они значительно их превышают**). Эта многочисленная кавалерия проявила свою деятельность, главным образом, в первый, подготовительный период сражения, когда силы обеих сторон еще не окончили своего развертывания и когда крупные конные отряды имели еще перед собой широкое поле для дальних набегов. Особенно смело действовала германская конница, совершившая набег в район высадки и сосредоточения английской армии; удачно выполняла стратегическую роль и английская конница, когда, тотчас же после своей высадки, она выдвинулась к Ипру, образовавши завесу, под прикрытием которой английские корпуса совершали свой марш-маневр по обе стороны р. Лиса. В последующий период сражения, вследствие установления сплошного фронта и создания союзниками укрепленных позиций, конница обеих сторон уже не имела возможности выполнять какие-либо кавалерийские задачи, а несла боевую службу преимущественно в спешенном строю в общей боевой линии.

Боевые действия на других участках фронта до окончания сражения во Фландрии.

Одновременно с этими величественными боями во Фландрии, на других участках фронта велись небольшие бои местного характера, из коих некоторые были начаты немцами с демонстративной целью, дабы приковать к данному месту неприятельские силы и воспрепятствовать их переброске во Фландрию. Так, 8 (21) октября на участке Ленс—Аррас части 33-го французского корпуса (армии Модюи) вели

*) Показателем германских потерь могут служить потери отдельных войсковых частей в боях под Ипром: 95-й полк потерял 37 офицеров и 1.780 солдат, 32-й—1.300 человек, 17-й баварский резервный—30 офицеров и 2.171 солдата.

**) На Марне: на 96 пехотных дивизий обеих сторон—19 кавалерийских; во Фландрии: на 52½ пехотных дивизии—20 кавалерийских.

с войсками 1-го баварского резервного корпуса бои, окончившиеся безрезультатно; в последующие затем дни боевые действия разгорелись у Арраса, где баварцы заняли предместье этого города Ст. Лорен. Далее к югу, в районе Альбера, с 7 (20) октября происходили с перерывами мелкие боевые столкновения, которые в конечном результате привели к оттеснению немцами французов на 15 километров за Бапом; наконец, между Соммой и Уазой французы были отброшены за Розьер и Ройе. Понятно, что эти незначительные бои не оказывали никакого заметного влияния на положение дел во Фландрии, тем более, что на всем протяжении фронта до швейцарской границы уже прочно установилась позиционная война и стояло боевое затишье.

Сражение во Фландрии представляет собой последнее боевое столкновение этой войны на французском фронте, разыгравшееся в условиях маневренной обстановки; оно замкнуло непрерывную цепь укрепленных позиций, опоясавшую Францию на протяжении 700 километров; оно прочно закрепило у морского побережья северную оконечность этой неодолимой цепи окопов, опутанных проволокой, сверкавших огнем и сотрясавшихся от гула и трескотни несметного числа орудий и пулеметов. И обе стороны стояли теперь одна перед другой повсеместно ослабленные, потерявшие надежду на скорое осуществление своих стратегических планов, как бы в молчаливом соглашении дать друг другу передышку для того, чтобы залечить свои раны, собраться с силами, осмотреться в новых, столь необычных условиях позиционной войны. Обоим противникам эта передышка была необходима, особенно же нужна она была германцам, воевавшим на два фронта и предпринявшим в это время наступление крупными силами в Польше. Когда на Западе шум боев уже замирал с последними усилиями сражавшихся, на Востоке разгорались жестокие бои на путях к Варшаве, где германская армия Гинденбурга, пытавшаяся сначала отбросить наши войска за р. Вислу и оттесненная вслед за тем к р. Варте, вновь перешла в наступление; там назревала в то время большая лодзинская операция. На русском фронте маневренная война еще была в полном разгаре, она еще не истощила здесь обеих сторон, она еще ставила их армиям широкие стратегические задачи. Но на западе Европы она уже угасла на продолжительное время; с последним выстрелом фландрского сражения закончился первый период борьбы на французском фронте и начался второй.

XVI. Общие выводы и заключение.

Взгляд назад.

В пятнадцати предыдущих главах своего курса я старался, насколько позволял мне тот небольшой материал, которым я располагал, изложить ход военных событий на бельгийско-французском фронте до установления позиционной войны. Я знаю, что во многих отношениях изложение мое страдает неполнотой и неясностью, не везде фактиче-

ская сторона событий представлена настолько подробно, насколько это было бы желательно, а потому, быть может, и моя оценка военных явлений не всегда и не во всем справедлива. Однако, все же, мне кажется, что в существенных своих чертах события маневренного периода этой войны на Западе изложены мною правильно и общее освещение дано им в соответствии с действительным характером этой борьбы.

Сражение во Фландрии завершило собой целый круг боевых явлений, совершенно непохожих на те явления, из которых слагалась боевая деятельность сторон в последующий период войны. Эта последняя отличалась от предыдущей деятельности противников не только по своим внешним приемам, но и по характеру своих задач, по значению тех целей, к которым стремились обе стороны. В позиционной войне, сменившей собой после фландрского сражения войну маневренную, германцы временно отказались от наступательных намерений на французском фронте и приняли решение предварительно разгромить Россию, направивши на нее новые крупные силы. Таким образом, немцы совершенно изменили к этому времени свой первоначальный стратегический план, заключавшийся, как известно, в том чтобы в первую очередь разбить Францию и только после этого броситься на Россию. Это столь резкое изменение основного положения, на котором был построен германцами весь план войны, ставило их армиям новые оперативные задачи и новые стратегические цели. Естественно, что с того момента, когда эти задачи и эти цели уже были поставлены перед войсками, боевые операции этих войск должны составлять предмет особого исследования; тем более, что своеобразная обстановка позиционной войны вызвала к жизни целый ряд тактических и технических условий, сильно влиявших на оценку боевых явлений, которые представляются здесь исследователю в несколько ином освещении, чем при маневренной войне.

Излагая фактическую сторону событий, я попутно давал и оценку им в тактическом и стратегическом отношении, стараясь выяснить внутренний смысл тех или других боевых явлений, их взаимную между собою связь, их значение в общем ходе боевых действий и влияние на конечные результаты последних. Подобная оценка давалась мною не только для единичных, частных явлений, но также и для целой их совокупности, в виде больших сражений и сложных, длительных операций, а потому в настоящей главе, посвященной общим выводам, уже нет надобности говорить об этом. Я хочу теперь лишь бросить общий взгляд на изложенные мною события, с целью отметить в них те характерные черты, которые являются общими для многих стратегических и тактических комбинаций маневренной войны на Западе и которые, вследствие этого, или подтверждают неизменность тех или других принципиальных положений военного искусства, или вносят в них какие нибудь существенные изменения.

Операции массовых армий.

Раньше всего необходимо заметить, что перед этой войной большим распространением пользовалось мнение, что те огромные массовые армии, которые будут выставлены в поле воюющими в будущей европейской войне, окажутся вследствие своего большого численного состава, значительного протяжения своего фронта и тяжеловесности тыла, мало пригодными для быстрых передвижений, для смелых маршей-маневров и вообще представят непреодолимые трудности для полководца, намеревающегося вести маневренные операции. Опыт войны, однако, не оправдал этих опасений; он доказал, что, при известной доле человеческой предусмотрительности и искусном управлении войсками, даже эти миллионные армии, несмотря на свои размеры и свою громоздкость, приобретают способность к весьма подвижному образу действий и могут проявить кипучую маневренную деятельность. Изученный нами период войны изобилует примерами, подтверждающими это положение. Уже вторжение немцев в Бельгию и их стратегическая группировка перед пограничным сражением ясно обнаруживают пригодность современных массовых армий к самому широкому маневру; но еще ярче это проявляется в удивительном марше-маневре германских армий от бельгийской границы к р. Марне, где три правофланговые армии (I-я, II-я и III-я), наступая ежедневно с боями, прошли в 10 дней около 250 километров, а армия Клука, наступавшая на наружном, заходящем фланге, в иные дни совершала переходы около 50 километров в сутки. Столь же замечательный марш-маневр, но совершенно в ином роде, представляет собой переброска Клуком своих корпусов с левого на правый берег Марны в первые дни сражения на этой реке, когда в течение трех суток, при непрекращавшихся боях на обоих берегах, армия из 5-ти корпусов переменила свой фронт под прямым углом, и притом движением не вперед, а назад. Положительными образцами быстрых и искусных маршей-маневров, перегруппировок и развертываний крупных масс являются также передвижения войск обеих сторон при постепенном удлинении фронта к северу, после сражения на Эне, а также сосредоточение и развертывание противников во Фландрии. Во всех этих случаях, операции, охватывавшие огромные пространства (от 100 до 200 километров) и привлекавшие к себе значительные массы войск, принимали чрезвычайно подвижной, оживленный характер и выполнялись весьма быстро: корпуса за корпусами, армии за армиями появлялись то здесь, то там, то наступали, то оборонялись, заходили неприятелю во фланг, угрожали его сообщениям и опять исчезали.

На такую подвижность и стремительность операций несомненно оказало свое влияние широкое использование железных дорог и автомобилей. В боевых действиях этого периода войны имеются примеры, когда войска подвозились в поездах непосредственно к полю сражения и высаживались под огнем противника; пользование же автомобилями для переброски резервов и для подвоза подкреплений во время самого

сражения встречается сплошь да рядом, особенно во французской армии. Вообще, необходимо отметить, что ни в одной из прошлых войн средства и способы сообщения не были столь совершенны, как в эту войну, и никогда еще они не оказывали такого значительного влияния на оперативную деятельность войск. Усовершенствованные средства сообщения явились как бы в противовес тем неблагоприятным особенностям современных массовых армий, которые делают их громоздкими и неповоротливыми, малоподвижными и тяжелыми. Однако, было бы несправедливо относить подвижность боевых действий этого периода войны исключительно на долю средств сообщения, потому что основной причиной этого явления все же необходимо признать способ ведения войны немцами, наступательный, ярко-активный характер их боевой доктрины, решающее значение тех стратегических целей, которые ставили они своим армиям. Деятельный дух германской стратегии, смелый до дерзновения порыв навстречу противнику и твердая воля при осуществлении оперативных соображений — вот что двигало эти миллионные массы. И союзникам не оставалось ничего другого, как, напрягая все свои силы, поспевать за своим неукротимым противником. В общем, маневренная война на Западе в полной мере подтвердила все тактические и стратегические преимущества наступления над обороной и в связи с этим—огромное значение для боевого успеха инициативы и деятельных, активных приемов ведения войны и боя.

Сказанное здесь о характере современных операций массовых армий я считаю одним из весьма важных выводов из опыта этой великой войны, доказывающим с неотразимою убедительностью, что при известных условиях подвижная, деятельная, маневренная война возможна и с нынешними гигантскими армиями.

Позиционная война, ее происхождение и отношение к маневренной войне.

Другим весьма существенным вопросом, выдвинутым этой войной, является выяснение действительного значения позиционной войны. По существу своему он тесно связан с предыдущим вопросом и оба взаимно дополняют друг друга.

Мы видели, что, в результате целого ряда оживленных боевых столкновений ярко-маневренного характера, боевые действия на бельгийско-французском фронте, постепенно утрачивая свою подвижность, неизменно превращались в позиционную войну. То же явление и с такой же последовательностью происходило и на остальных фронтах мировой войны, что, конечно, наводит на мысль, что все это вызывалось одними и теми же причинами. Это обстоятельство, в связи с тем условием, что продолжительность позиционного периода боевых действий значительно превосходила длительность маневренных операций и вследствие этого придала всей этой войне малоподвижный, вялый характер, способствовало установлению взгляда, что будто бы современная война есть непременно война позиционная. Сложилось мнение, что при нынешних средствах вооруженной борьбы, при силе совре-

менного огня, при обилии и разнообразии новейших технических средств, боевые столкновения обязательно должны привести к борьбе на укрепленных позициях и принять характер крепостных операций. И при поверхностном взгляде на боевые явления этой войны действительно получается впечатление, как будто бы этот последний боевой опыт подтверждает подобное заключение. Однако, так ли это в самом деле? Являются ли позиционные операции обязательной формой современной войны и неизбежным следствием каких либо особенных свойств новейших боевых факторов? Представляет ли борьба на укрепленных позициях лишь одну из разновидностей современного боя или она должна быть признана главной, преобладающей формой боевой деятельности нашего времени? Наконец, какие именно причины способствуют установлению позиционной войны?

Военные события изученного нами маневренного периода, характер боевых явлений этих трех с половиной месяцев уже сами по себе служат свидетельством того, что позиционная война отнюдь не является господствующей формой вооруженной борьбы, что она ни в каком случае не является непосредственным результатом стратегических и тактических свойств современных войсковых соединений и их боевых средств. Потому что, если бы это было так, то позиционная борьба началась бы с первых же дней войны и сплошная линия укрепленных позиций опоясала бы театр военных действий уже у исходных линий, с которых наступали обе стороны, вдоль их государственных границ. Между тем, известно, что потребовалось все бесконечное разнообразие боевых явлений маневренного периода, все великое напряжение сил обеих сторон в борьбе в открытом поле, все разочарование их в возможности достигнуть в ближайшее время поставленных себе целей, чтобы прийти к необходимости зарыться в землю, опутаться проволокой и замереть в лабиринте окопов. Следовательно, для того, чтобы позиционная война могла появиться на театре военных действий, а тем более могла утвердиться на продолжительное время,—необходима была наличность особенных, исключительных обстоятельств. И эти обстоятельства в действительности оказались на лицо, они явились результатом своеобразных условий, в которых приходится вести войну современным массовым армиям, а также последствием целого ряда ошибок в ведении боевых операций, допущенных обеими сторонами.

Война быстро и сильно истощает моральные и материальные силы воюющих; обыкновенно уже после нескольких недель походных движений с боями, нескольких больших, многодневных сражений, потери в людях, расход в огнестрельных припасах и утомление войск становятся настолько значительными, что является настоятельная потребность в пополнении потерянного и в отдыхе. Если же армия к тому же понесла за это время крупную боевую неудачу и была вынуждена к поспешному отступлению в неблагоприятных условиях,

то расстройство и ослабление ее войск возростают в значительной мере и достигают иногда до такой степени, что без немедленного притока свежей живой силы и новых запасов боевого снабжения армия не в состоянии продолжать боевых действий. Это явление существовало, конечно, во все времена и всегда ему принадлежало большое значение, но в настоящее время, с увеличением численности армий и продолжительности боевых столкновений, потребность в пополнениях и моральном отдыхе принимает более значительные размеры и повелительнее, чем когда либо, требует принятия скорейших мер для восстановления боеспособности войск. Благодаря развитию в наше время железнодорожных путей сообщения, автомобильного движения и различных технических средств связи, является возможность до известной степени ускорить доставку пополнений на театр военных действий; однако, эта возможность не возросла, сравнительно с прежними условиями, соразмерно увеличению численности войск, а тем более тем колоссальным цифрам, которых достигают ныне потери в живой силе и предметах боевого снабжения.

В прежнее время, когда армии были невелики, их боевые фронты незначительны, а средства связи и сообщения—несовершенны, материальное и моральное истощение сторон приводило или к полному прекращению военных действий с подчинением потерпевшего поражение требованиям противника, или к временной приостановке операций путем расхождения воюющих в разные стороны: вглубь своей территории, за какую либо трудно-одолимую оборонительную линию, под прикрытие крепостей. При невозможности хотя бы частичного пополнения своих потерь в ближайшее время, противники (особенно тот из них, который понес поражение) не могли оставаться друг перед другом в боевом соприкосновении. Совершенно иные условия имеются в настоящее время: широкое развитие путей сообщения и средств связи, давая возможность в сравнительно короткий срок доставлять армиям частичные пополнения, естественно вводит в современные оперативные соображения известную долю расчета на скорое восстановление боеспособности войск на том или ином участке фронта. Понятно, что при этих условиях прекращение военных действий, путем ли капитуляции одной из сторон или увода своих войск из района боевых операций, представляется невыгодным даже для стороны, потерпевшей ряд неудач, почему каждый из противников пытается сохранить занятое им положение, надеясь в ближайшее время усилиться, окрепнуть и вернуться к активной деятельности. Сохранить же это положение, оставаясь в непосредственной близости от противника, часто даже под его огнем, возможно лишь прикрывшись от него какими-нибудь оборонительными сооружениями, усилив свое расположение системой каких-либо укреплений; потому что временный недостаток живой силы и боевого снабжения, а также упадок духа, необходимо восполнить усилением мертвых преград,

разделяющих обе стороны. Таким то вот путем сражающиеся и приходят к постепенному созданию укрепленных позиций, представляющих собой как бы щит, за которым каждая из них временно укрывается от ударов противника, в расчете в скором времени опять выйти для борьбы с врагом в открытое поле*).

Тем не менее, в действительности, как показывает опыт войны, такой расчет в большинстве случаев не оправдывается: современные армии так велики, их потребность в пополнениях столь значительна, что даже при теперешнем состоянии путей сообщения и средств связи, представляется невозможным одновременное доставление этих пополнений для всего огромного фронта, занимаемого нынешними миллионными армиями, а потому ни одна из воюющих сторон не имеет возможности восстановить свою боеспособность сразу на всем фронте. И вот это обстоятельство и затягивает позиционную войну, предоставляя обеим сторонам возобновление активных действий только на отдельных участках фронта; оно вынуждает их на прочих участках продолжать усиление своего расположения, развивать свои укрепленные позиции, все глубже и глубже зарываться в землю, все гуще опутываться проволокой. И чем дальше уходит на войне время, тем труднее становится для воюющих прорыв неприятельской укрепленной полосы и выход на простор маневренных операций; тем более, что, по необходимости расходуя по частям притекающие с тыла подкрепления людьми и боевыми припасами, а также утомляя свои войска окопной войной, каждый из них, даже и совершивши удачный прорыв, не обладает в данный момент достаточными силами для развития маневренных действий на широком фронте.

Таким образом, вот каково происхождение позиционной войны и образование позиционного фронта в сложном процессе современной вооруженной борьбы. Как мы видим, ни тактические, ни стратегические свойства нынешних массовых армий, ни могущество современного огнестрельного оружия, ни новейшие технические усовершенствования не оказывают непосредственного влияния на возникновение этого явления, которое представляет собой лишь особое состояние современных вооруженных сил на театре военных действий, состояние временного истощения, влекущее за собой и временной отказ от активных операций. Следовательно, нет никаких оснований для того, чтобы утверждать, что позиционная борьба является каким то новым методом войны, совершенно видоизменяющим наши прежние представления о стратегической и тактической деятельности войск. Мы видели, что

*) Такое состояние для одной или обеих сторон наступает, конечно, на одном фронте раньше, на другом позже, в зависимости от соотношения сил и установления между последними известного равновесия. Так, во Франции оно наступило для обеих сторон уже на четвертом месяце боевых действий, на русском же фронте, вследствие значительного стратегического и тактического превосходства германцев, лишь в начале второго года войны.

это лишь перерыв в военных действиях, временное бездействие, из которого каждый из воюющих старается выбиться при первой же возможности, стремясь всеми силами к маневренной войне.

Помимо всего этого, позиционная война даже не представляет собой чего-либо нового, до сих пор небывалого: не говоря уже о том, что она встречается еще в войнах XVII и XVIII столетий, когда вызывалась, конечно, совершенно другими обстоятельствами, но и в новейшее время она уже имеет свою историю; хотя и в незначительных размерах, она появилась впервые в Южной Африке во время борьбы англичан с бурами, когда последние, вследствие своей слабости и малой пригодности к наступательным действиям и пользуясь своим превосходством в огнестрельном бою, занимали широкие боевые фронты, соответственно их укрепляя. Гораздо большее применение получили укрепленные позиции в манчжурскую войну, где большие, многодневные сражения периодически истощали обе стороны и вынуждали их временно, до получения необходимых подкреплений, переходить к позиционной борьбе. Тем не менее, все важнейшие стратегические вопросы этой войны были решены операциями маневренного характера. Наибольшее же развитие позиционные действия получили в последнюю войну, потому что и войсковые массы, и их потери в боях, и длительность этих боев были тоже, сравнительно с прежним, наибольшие; однако, это еще вовсе не доказывает того, что это явление неизбежно должно повторяться в будущих войнах, а тем более увеличиваться в своих размерах. Позиционная война в будущем представляется неизбежной лишь настолько, насколько перволинейные вооруженные силы сторон не будут в состоянии, вследствие тех или других условий обстановки, решить в маневренных операциях важнейшие вопросы войны. Однако, еще нужно доказать, что маневренные действия этих вопросов решить не могут. И, конечно, доказать этого невозможно.

Не следует забывать, что позиционный фронт появился в последнюю войну в значительной степени вследствие оперативных ошибок германской стратегии, лишивших немцев с первых же недель войны того подавляющего превосходства в силах над противником и того чрезвычайно выгодного стратегического положения, которыми они обладали, начиная войну; эти ошибки, неисправленные во-время, очень скоро установили равновесие в силах обеих сторон, а следовательно, и придали боевым операциям нерешительный характер, бесполезно истощавший сражавшихся и приводивший их в конечном результате к сиденью на укрепленных позициях. Если бы германцы, ведя войну на два фронта, обладали решимостью осуществить в полной мере план последовательного разгрома сначала Франции, а затем России и не отвлекли бы значительных сил на восточный фронт и для осады крепостей в тылу своих армий, то не подлежит сомнению, что сражение на Марне окончилось бы для них решительной победой; и тогда, ко-

нечно, не было бы ни надобности для них, ни возможности для союзников прибегать к содействию укрепленных позиций.

Решение немцев перейти от маневренных действий к позиционной борьбе об'ясняется, между прочим, также и изменением их оперативных планов в отношении восточного фронта, а именно, сосредоточением, после сражения во Фландрии, их усилий на этом фронте для разгрома русских армий. При таких условиях, естественно, активные операции на Западе должны были прекратиться и уступить место позиционным.

Восстановление боеспособности современных армий.

Опыт минувшей войны показывает, что частичное восстановление боеспособности современных войсковых масс может происходить весьма быстро; и до той поры, пока не наступит в армиях то общее истощение, которое приводит обе стороны к позиционной войне, отдельные группы войск, спустя непродолжительное время даже после тяжелых поражений не только оказываются способными к стойкому сопротивлению, но и нередко возвращаются к активной боевой деятельности. И в этом отношении современные армии проявляют значительно большую живучесть и упругость, чем армии прежнего времени. Потому то в наше время никогда нельзя быть уверенным в том, что неприятель, отступивший с поля сражения после проигранного им боя, не окажется в состоянии через несколько дней атаковать победителя и в свою очередь нанести ему поражение; следует признать, как общее правило, что если противник не уничтожен на поле сражения или во время преследования—он в скором времени оживет и усилится. Это явление об'ясняется, как особенностями оперативной деятельности современных армий, так и усовершенствованием путей сообщения и вообще тыловой службы. Широкие фронты, занимаемые ныне войсковыми соединениями, затрудняют нанесение противнику общего поражения, вследствие чего часто бывает, что в то время, когда на одном участке поля сражения неприятель поставлен в тяжелое положение, на другом, удаленном от первого, он одерживает успех; результатом этого является то обстоятельство, что даже вынужденный, по тем или другим причинам, признать себя побежденным и покинуть поле сражения, противник все же уводит свои войска не одинаково расстроенными и ослабленными, нередко сохраняя в числе своих частей и такие, боеспособность которых не утрачена, и которые, естественно, могут быть в скором времени вновь введены в бой. Эта же ширина боевых фронтов и обширность полей сражения дают возможность потерпевшему поражение легче чем прежде уйти из-под ударов противника, потому что в его распоряжении имеется большее число путей отступления. И как только ему удастся оторваться от противника и отойти на некоторое расстояние в тыл, к его услугам—железные дороги и автомобили, которые быстро подвезут ему необходимые подкрепления. Конечно, не всегда обстановка окажется столь благоприятной для восстановления боеспособности войск, потерпевших неудачу, однако,

в условиях современной войны заключается несравненно более возможностей для этого, чем было в условиях прежних войн. И события изученного нами маневренного периода боевых операций на французском фронте дают нам не мало доказательств справедливости этого положения. Наиболее ярким из них является восстановление наступательной силы англо-французских армий на Марне, через 10 дней после тяжких поражений, понесенных ими в пограничном сражении и тотчас же по окончании поспешного отступления, которое велось в течение нескольких дней под натиском противника; особенно же—приведение в порядок и усиление английских войск, которые, как известно, сражением у Монса и последующими отступательными боями, были доведены до полнейшего расстройства. Еще 15 (28) августа английские корпуса были настолько небоеспособны, что фельдмаршал Френч был вынужден отвозить свои войска в тыл по железной дороге, чтобы скорее убрать их из-под ударов противника, а уже через 8 дней, 23 августа (5 сентября), английская армия, пополненная, устроенная и даже усиленная одним корпусом, стояла в боевой готовности к югу от Марны.

Длительность современных боевых столкновений.

Современная война вполне подтвердила мнение, сложившееся на основании опыта манчжурской кампании, что боевые столкновения в будущем должны будут отличаться большой продолжительностью. И хотя бои и сражения исследуемого нами периода войны далеко не достигали той длительности, которая отличает последующие боевые операции на укрепленных позициях, тем не менее и они должны быть признаны весьма продолжительными по сравнению с боями последних войн XIX столетия. При этом, их продолжительность увеличивается с течением времени: пограничное сражение продолжалось 4 дня, бои на Марне—6 дней, бои у Арраса—11 дней, сражение во Фландрии—26 дней. Эта длительность современных сражений об'ясняется с одной стороны большой численностью войск, принимающих в них участие, а с другой—упорным характером нынешних боевых столкновений, являющимся результатом силы и действительности современного огня. Большие массы сражающихся требуют для своих движений и маневров обширных пространств, заключающих в своих пределах обыкновенно разнообразную местность, а следовательно и представляющих в этих пределах разнообразные тактические условия. Эти последние, естественно, и придают боям, развивающимся на этих необ'ятных полях сражений, тот нерешительный, колеблющийся, смешанный характер, которым отличаются современные боевые столкновения: успех—в одном месте, неудача—в другом, там—оборона, здесь—наступление, один фланг обходит неприятеля, другой—сам обойден противником; такое разнообразие частных боевых явлений делает нынешние сражения затяжными, потому что каждое из этих явлений, вследствие значительного расстояния, отделяющего его от других, развивается самостоятельно, мало влияет на остальные и до поры до времени слабо отра-

жается на общем ходе сражения; пока, наконец, равнодействующая всех усилий одной из сторон не даст боевым действиям какого-нибудь решительного направления. Эти условия приводят, между прочим, к тому, что в настоящее время, на нынешних полях сражений, осуществление так называемого принципа частной победы (введение в дело превосходных сил на решительном пункте в решительную минуту) достигается с затратой значительно большего времени и бо́льших усилий, чем в прежнее время.

Значение всех этих обстоятельств, влияющих на характер современного боя, еще более усиливается упорством нынешних боевых столкновений даже небольших отрядов. Огонь современного скорострельного и дальнобойного оружия значительно увеличил силу сопротивления мелких войсковых соединений, придавши им известную оперативную самостоятельность. В настоящее время сторона, поставленная в неблагоприятные тактические условия, потерпевшая поражение, отступающая после проигранного сражения, все же имеет возможность, благодаря этой особенности современных войск, организовать неприятельскому натиску более длительное противодействие, чем это было возможно в прежнее время, когда самостоятельное тактическое значение принадлежало только крупным соединениям. Естественно, что боевая стойкость войск, проявляемая в действиях каждого мелкого тактического организма, боевая упругость, развиваемая в каждой почти точке обширного поля сражения, должны в сильной степени способствовать увеличению длительности современных боев.

Боевая деятельность отдельных родов войск. Пехота.

В отношении боевой деятельности отдельных родов войск современная война дает нам не мало поучительных указаний.

Пехота осталась по-прежнему главным родом войск, имеющим преобладающее, решающее значение во всех моментах, во всех явлениях современного боя; на своих плечах она выносит главную тяжесть боевых действий, она несет наибольшие потери, она более других родов войск подвергается всем тягостным воздействиям современной боевой обстановки, а потому и более других подвержена моральному истощению. Все это приводит к тому, что пехота обыкновенно нуждается в наибольших пополнениях и ранее других родов войск теряет свою боеспособность. Но она же и скорее всех восстановляет ее.

Огонь пехоты является в настоящее время одним из важнейших боевых средств, как при наступлении, так и при обороне и значение его несомненно возросло даже по сравнению с условиями манчжурской войны; однако, последнее необходимо отнести главным образом на долю пулеметного огня, но не ружейного. Обильное снабжение пехотных частей пулеметами и широкое использование их в боевой обстановке несколько уменьшило относительное значение ружейного огня в общем огневом напряжении современного боя; кроме того, опыт маневренной войны на Западе дает широкое применение ружейного огня чаще с близких и средних расстояний, чем с дальних дистанций, как бы

с'уживая полосу огневого действия. Это обстоятельство об'ясняется, несомненно, встречным характером большинства боевых столкновений, а также большой энергией германского наступления, что в совокупности приводило к быстрому сближению сторон.

Эти же причины вызывали, между прочим, и другое явление, как будто бы даже противоречащее возросшему значению огня, а именно—частое применение холодного оружия в многочисленных рукопашных схватках, происходивших в боях и сражениях этого периода войны. Это представляется весьма характерным для боевых действий на французском фронте, особенно в эпоху столь могущественного развития огнестрельного оружия и господства материалистических воззрений на природу войны. И об'яснение этому следует искать, конечно, единственно лишь в высоких моральных качествах сражавшихся, в их смелом стремлении во чтобы то ни стало добиться решения, достигнуть победы.

Современная война обнаружила также весьма большую подвижность пехоты, ее способность к быстрым и продолжительным походным движениям. Следовательно, не оправдалось сложившееся до войны мнение, будто бы западно-европейские армии, как комплектуемые в значительной мере жителями городов, рабочими фабрик, заводов, рудников и копей, не привыкшими к продолжительной ходьбе и физически слабыми, не будут в состоянии проявить в походах военного времени ту энергию и ту выносливость, которыми отличалась пехота в прежних войнах, когда в ее составе был меньший процент городского и фабрично-заводского населения. Война доказала, что в этом вопросе, как и во многих других вопросах военного дела, моральным факторам принадлежит преобладающее значение: твердая воля начальников и высокий духовный под'ем войсковой массы, одушевленной горячим желанием победы, делали слабых людей сильными, вызывали в них могучее физическое напряжение, заставляли их забывать утомление... И потому то некоторые марши-маневры, исполненные германскими, а частью и французскими войсками в маневренных операциях этой войны, по энергии своего выполнения, по своей быстроте и по размерам пройденных расстояний, не уступают лучшим маршам суворовских и наполеоновских войск.

б) Конница.

Боевая деятельность *конницы* в минувшую войну ни в чем существенном не изменяет наших взглядов, установившихся на боевую роль этого рода войск по опыту предыдущих войн. Современная война подтвердила, как общее правило, что кавалерия, в отношении боевых действий в конном строю, вытеснена с общих полей сражения, из сферы тактических операций крупных отрядов различных родов войск; в сражениях этой войны, правда, встречаются единичные случаи небольших кавалерийских боев, но эти частные эпизоды никогда не принимали значительных размеров и не оказывали никакого влияния на исход этих сражений. Опыт войны показал, что тактическая дея-

тельность конницы на общих полях сражений может получить широкое развитие только при действиях в спешенном строю, когда кавалерия, вследствие тех или других оперативных условий, выступает в качестве заместительницы пехоты. И действительно, боевые столкновения маневренного периода этой войны изобилуют примерами подобного использования конницы; особенно велико было оперативное значение спешенных боев кавалерии в сражениях на Марне и во Фландрии, где целые кавалерийские дивизии и даже кавалерийские корпуса атаковали и оборонялись в пешем строю в общей боевой линии пехотных частей.

Наряду с таким умалением тактического значения конницы, минувшая война обнаружила в полном блеске все огромное значение современной стратегической деятельности этого рода войск. В этом отношении немцы дали нам поучительные примеры, заслуживающие внимательного изучения. Их кавалерийские корпуса и дивизии, как мы видели, при большом удалении от неприятеля шли впереди своих армий, образуя стратегическую завесу, за которой германские войска совершали передвижения и перегруппировки незаметно для противника; по сближении же с последним, они двигались на флангах армий, обеспечивая эти фланги и угрожая обходом неприятельским. Эта самостоятельная передовая служба германской кавалерии не ограничивалась производством разведок, хотя бы и в самом широком масштабе, а была службой по преимуществу боевой, активной, наступательной, ставившей себе задачей по возможности уничтожить те силы врага, которые ей встретятся, добывать сведения о противнике боем, подготовлять выгодные условия для последующих действий прочих родов войск. Движение германской стратегической конницы сопровождалось беспрерывными боевыми действиями; ее эскадроны, не задумываясь, атаковали не только неприятельскую кавалерию, но и пехоту противника; вот здесь, в сфере этой передовой службы, немецкая конница находила блестящее применение своим специальным кавалерийским качествам; здесь действия в спешенном строю встречались уже реже, атаки же мелкими частями в конном строю получили широкое применение. Такие действия крупных кавалерийских соединений, как, например, наступление конницы на правом фланге I-й германской армии при вторжении ее в Бельгию; боевая разведка германской кавалерийской дивизии у Динана на р. Маасе, перед форсированием этой реки III-й германской армией; боевая и разведывательная деятельность немецкой кавалерии на правом фланге Клука в период пограничного сражения; набег двух германских конных корпусов в район сосредоточения английской армии перед фландрским сражением,—по той энергии, с которой они были исполнены, по смелости оперативного замысла, по широте задач, которые ставились конннце (и большинство из них по непосредственным результатам, к которым они приводили), представляют собой поучительные примеры широкого стратегического

использования крупных кавалерийских масс. И эти примеры ясно указывают на то, что, при соответствующей боевой подготовке конницы в мирное время и искусном вождении конных масс в военное, условия современной войны более благоприятствуют их широкой стратегической деятельности, чем обстановка прежних войн: современные массовые армии, представляющие столько предметов для разведывания; широкие фронты, на которых эти армии развертываются, наступают и сражаются; необ'ятные поля нынешних сражений; тыловые сообщения, весьма чувствительные к посягательствам на их безопасность; все это открывает небывалый простор для боевой работы хорошо обученной, искусно предводимой, смелой и деятельной кавалерии.

Что касается участия конницы в преследовании отступающего неприятеля, то в этом отношении роль ее представляется в настоящее время незначительной. Было время, когда эксплоатация победы, как на поле сражения, так и на театре военных действий, составляла специальную задачу кавалерийских частей, но теперь эта задача стала для них уже непосильной: большая сопротивляемость даже малых отрядов и движение отступающего весьма широким фронтом создают для конницы в современных условиях чрезвычайные затруднения, как для тактического, так и для стратегического преследования. Впрочем, последнее, как и вообще различные виды стратегической деятельности конных частей, является, в обстановке современной войны, более выполнимым, чем преследование на поле сражения.

в) Артиллерия.

Боевая деятельность легкой *артиллерии* не представляет в условиях этой войны каких-либо существенных особенностей, которые не были бы нам известны из прошлых войн, особенно манчжурской. Правда, с тех пор введены в легкой артиллерии некоторые технические усовершенствования, батареи снабжены кое-какими новыми приборами для наводки и управления огнем, выработаны новые приемы стрельбы, но в общем все эти частичные изменения не оказали заметного влияния на тактическое употребление легких батарей, потому что система легких скорострельных орудий мало изменилась в последние годы, организация же легкой артиллерии не подверглась никаким изменениям. Единственными вопросами боевого использования этой артиллерии, которые в условиях современной войны получили новое освещение, являются закрытые позиции и расход огнестрельных припасов. Опыт этой войны показал, что встречавшееся раньше мнение будто бы закрытые артиллерийские позиции, впервые появившиеся в Манчжурии в 1904 году, обязаны своим возникновением позиционной войне и в маневренных операциях не найдут себе широкого применения, оказалось неправильным; даже во время наиболее подвижных боевых действий минувшей войны батареи ставились на закрытые позиции, расположение на которых сделалось при всякой боевой обстановки нормальным для артиллерии. На это повлияло, помимо необходимости укрывать орудия от неприятельского огня и

наземных наблюдателей противника, также необходимость прятать их и от воздушной разведки; последнее вызвало, между прочим, потребность маскировать расположение батарей, что являлось иногда, смотря по условиям местности, даже более важным, чем занятие закрытых позиций.

Современные длительные бои, в связи с новейшими приемами тактического употребления артиллерийского огня (устройство завес, ведение ураганного огня), привели к небывалому расходу огнестрельных припасов, выпускаемых в огромном количестве в кратчайший срок; это в свою очередь потребовало значительного увеличения подвижных артиллерийских запасов и сильно осложнило артиллерийское снабжение нынешних массовых армий.

Полевая тяжелая артиллерия получила в эту войну выдающееся применение. Уже первые признаки грядущего пришествия крупных калибров на поля сражений появились в южно-африканской войне; они сделались более явными в боевых действиях в Манчжурии в 1904—05 г.г., хотя в этих обоих случаях введение в дело тяжелых орудий об'ясняли, обыкновенно, условиями позиционной борьбы. И потому то в западной Европе до последней войны еще не установился определенный взгляд на вероятное значение тяжелой артиллерии в полевом маневренном бою. Мы знаем, что только одни немцы ясно сознавали в то время крупное значение этого нового боевого фактора, почему только одна германская армия и выступила на войну с тяжелыми батареями; союзники же, повидимому, не доверяли указаниям боевого опыта внеевропейских войн. Между тем, опыт боевых операций в Бельгии и Франции очень скоро об'единил в сражавшихся армиях воззрения на этот вопрос в пользу тяжелых калибров.

Уже с первых же дней войны ясно обнаружилось преимущество немецких взглядов на значение полевой тяжелой артиллерии, наличность которой в составе германских войск давало немцам столь значительное превосходство в артиллерийском огне, что исход боевых столкновений в начале войны решался иногда одной артиллерией, без участия пехоты. Конечно, в дальнейшем ходе борьбы союзники постепенно приспособились к этому новому явлению, столь могучему и неожиданному для них, но все же в течение всего маневренного периода, когда они еще не успели снабдить свои армии достаточным числом тяжелых орудий, полевая тяжелая артиллерия германских армий являлась весьма тягостным для них фактором в боевой деятельности противника.

Интересно, однако, отметить то обстоятельство, что тяжелый артиллерийский огонь в условиях маневренной войны имел гораздо более моральное, чем материальное значение: в полевом бою встречалось немного целей для разрушительного действия тяжелых снарядов, общее количество потерь от огня тяжелых батарей не превышало того же от огня легких, но за то моральное воздействие разрыва снарядов круп-

ных калибров оказывалось потрясающим, особенно на войска, еще не подвергавшиеся тягостным впечатлениям современного артиллерийского боя.

С течением времени участие тяжелой артиллерии в полевых, маневренных операциях приобретало в армиях обеих сторон более широкие размеры и сделалось настолько необходимым явлением современного боя, что в настоящее время невозможно представить себе нормальную организацию полевой армии без того или иного количества тяжелых батарей.

Тем не менее, мне кажется, что у нас создалось несколько преувеличенное представление о значении полевой тяжелой артиллерии в современном бою и что в этом сказалось влияние последующего, весьма длительного периода позиционной войны, в операциях которого крупные калибры, естественно, могли иметь более решительное применение. Я уверен, что легкая артиллерия в обстановке полевого, маневренного боя все же остается главным видом этого рода войск, наиболее подвижным, гибким и разносторонним, пригодным для решения различных тактических задач, предъявляемых войскам современными боевыми условиями.

г) Инженерные (технические) войска.

Инженерные и вообще технические войска в маневренном периоде войны получили ограниченное применение и роль их в боевых действиях была совершенно второстепенной. Укрепленные позиции в полевых боях применялись редко, почему и полевое инженерное искусство не получило широкого развития; оно заняло одно из первых мест в области современного боя лишь в последующий, позиционный период войны. В маневренных операциях наибольшее применение получили технические войска, служившие для поддержания связи, т.-е. автомобильные колонны, мотоциклетные команды, телеграфные, телефонные и радиотелеграфные части, потому что подвижная боевая деятельность войск, с частыми переменами стоянок, форсированными маршами, беспрерывными перегруппировками, естественно, придавала особенно важное значение всем мерам и всем техническим приспособлениям, которые способствовали установлению прочной связи между войсками в боевых линиях. Служба воздухоплавательных частей не имела широкого применения, несмотря на то, что в армиях обеих сторон находилось значительное количество воздухоплавательных аппаратов различных видов; повидимому, в то время обе стороны, в отношении использования этого нового боевого средства, еще не приспособились к условиям современной войны. Более других воздушных средств разведки и наблюдения нашли себе применение привязные змейковые аэростаты, служившие для корректирования артиллерийского огня.

Встречные бои.

Маневренная война на Западе изобилует встречными боями, которые составляют большинство боевых столкновений во всех операциях от начала военных действий до сражения во Фландрии. Это является чрезвычайно характерной особенностью минувшей войны, резко отличающей ее от прежних войн, когда встречные бои случа-

лись значительно реже. Это явление не зависит, конечно, ни от численности войсковых масс, выведенных обеими сторонами в поле, ни от вооружения современных армий, ни от каких-либо новых тактических приемов нашего времени; оно есть результат весьма деятельного характера боевых действий, веденных противниками, результат их одновременного, сильного стремления к достижению поставленных себе оперативных целей. Обилие встречных боев ни в каком случае не является органическим свойством современной войны, связанным с какими-либо особыми методами ведения войны и боя. Наоборот, до известной степени оно как бы противоречит сложному, тяжеловесному характеру боевых операций массовых армий, оно является даже неожиданным, подобно тому, как неожиданным оказалось и тесно связанное с ним другое явление—подвижность, пригодность к широкому маневру нынешних войсковых масс. И те же внутренние, моральные двигатели, которые оживляли, ускоряли и разнообразили оперативную деятельность обеих сторон,—активность их стратегии, их пламенное стремление к победе, их могучая воля, напрягавшая все усилия к достижению этой цели,—эти же двигатели направляли и на полях сражений враждебные армии навстречу друг другу.

Преследование.

В условиях минувшей войны преследование после боя, несмотря на все значение, придаваемое этому боевому акту современными взглядами на использование победы, не получило широкого применения; даже немцы, ставившие своим войскам весьма решительные задачи, действовавшие с необыкновенной смелостью, считавшие, что важнейшей целью всякой военной операции является уничтожение противника и что за победоносным боем безусловно должно начаться немедленное преследование*), даже они не дали в этом отношении ничего заслуживающего внимания. В течение всего маневренного периода этой войны только три раза преследование принимало более значительные размеры и ставило себе широкие задачи: во время наступления германских армий от границ Бельгии к р. Марне, при движении англо-французов вслед за немцами от Марны к Эну и при отступлении бельгийцев из Антверпена к р. Изеру. Из этих трех случаев важнейший, конечно,—первый, как по числу войск, принимавших участие в преследовании, так и по энергии исполнения; однако, и в этом случае преследование не дало никаких благоприятных результатов: через 10 дней после пограничного сражения, союзники, как известно, настолько восстановили свою боеспособность, что сами перешли в наступление. Движение германских армий от бельгийской границы к р. Марне представляет собой, вообще говоря, замечательное явление, как марш-маневр современной массовой армии, выполненный с поразительной быстротой и обнаруживший высокую маневренную подготовку германских войск, но собственно как преследование, как

*) Grundzüge der höheren Truppenführung. Nur für den Dienstgebrauch bestimmt. Vom 1 Januar 1910. Berlin. (Германские основные принципы высшего командования войсками), ст.ст. 19 и 40.

эксплоатация победы, это движение не заключает в себе ничего поучительного; мы видели даже, что по истечении нескольких дней немцы потеряли соприкосновение с противником, что, между прочим, повлияло весьма неблагоприятно на положение их дел на нижней Марне при завязке сражения на этой реке. Ничтожны были также результаты преследования союзниками немцев от Марны к Эну и германцами бельгийцев после падения Антверпена: в обоих случаях преследуемый благополучно достиг намеченного для себя оборонительного рубежа и остановил противника, что в известной степени было облегчено для него и в том, и в другом случае удачным выходом из-под ударов неприятельских войск.

Все это, конечно, отнюдь не следует об'яснять какими-нибудь случайными обстоятельствами; все эти явления несомненно вызываются некоторыми общими причинами, которые кроются в особенных условиях современной войны. Уже в японскую войну, когда войсковые массы значительно увеличились в численности, а поля сражений стали обширными, уже тогда обнаружилось, что для преследования после боя обстановка становится менее благоприятной, условия делаются более затруднительными. В настоящее время это обнаруживается еще яснее, еще ярче. Преследование тактическое, на поле сражения, затрудняется ныне длительностью и упорством боевых действий, истощающими решительно все резервы, после чего победитель оказывается настолько утомленным и физически, и морально, что немедленное же движение за отступающим не только всеми своими силами, но даже частью сил, является для него в большинстве случаев невозможным; к тому же боевая стойкость даже малых войсковых соединений при современном вооружении дает возможность отступающему еще на поле сражения надолго задерживать продвижение противника. В свою очередь стратегическое преследование, вне поля сражения, затруднено с одной стороны многочисленностью путей, по которым обыкновенно отходит в настоящее время отступающая на широком фронте армия, а с другой стороны—возможностью для отступающего использовать для переброски своих войск в тыловые районы железные дороги: мы видели, что часть английской армии после сражения у Монса была отвезена в окрестности Парижа по железной дороге; таким же способом была доставлена к р. Изеру после падения Антверпена почти вся бельгийская армия. Эти же тактические и стратегические обстоятельства, между прочим, лишают в настоящее время конницу ее былого, решающего значения в преследовании разбитого противника, как на поле сражения, так и вне его; почему само преследование в современной войне, насколько оно возможно в новейших условиях, выполнимо, вообще говоря, лишь отрядами, составленными из всех родов войск.

Тем не менее, и в настоящее время преследование, при благоприятных условиях, может привести к решительному результату и может дать стороне, победившей на поле сражения, весьма существен-

ные оперативные преимущества. В маневренных операциях этой войны имеется не мало мелких случаев успешного преследования, убеждающих нас в том, что затруднения, созданные в этом отношении новейшими условиями не всегда могут считаться непреодолимыми. Тем более, что при той живучести современных войсковых масс, их способности быстро восстанавливать свою боеспособность, о которых я говорил в начале этой главы, эксплоатация победы, добивание разбитого в бою противника, стремление к его уничтожению, приобретают в нынешних условиях еще большее значение, чем прежде. Правда, достижение всего этого теперь труднее, чем когда бы то ни было, но тем настойчивее следует стремиться к облегчению в будущей войне этой трудной задачи всеми доступными нам мерами: соответствующим воспитанием войск, подготовкой командного состава, установлением твердых, определенных взглядов на значение и приемы преследования*).

Главные формы маневра: обход (охват) и прорыв.

Наиболее употребительной формой маневра в операциях изучаемого нами периода войны являются обходы и охваты, вообще предприятия, направленные против флангов неприятельского боевого порядка. Особенно часты они в боевых действиях германцев: почти в каждом боевом столкновении немцы обходили /охватывали/ или пытались обойти /охватить/ один или оба фланга противника. В этом отношении, помимо других обстоятельств, о которых будет сказано ниже, имел большое значение общий характер германской боевой доктрины, определенно устанавливавшей такие приемы наступления, которые простейшим образом приводили к так называемому выигрыванию неприятельского фланга, т-е. к постановке наступающего в отношении этого фланга в тактически выгодное положение. Немцы, вообще говоря, предпочитали наступление широким фронтом, имея все корпуса в армиях на одной линии. При этих условиях охват одного или обоих флангов противника, если последний занимал более узкое расположение, происходил сам собой, не требуя никаких дополнительных передвижений; только желание совершить дальний обход могло вынуждать германцев к тому или другому перемещению своих фланговых колонн. Обходы и охваты в этой войне представлялись для немцев тем более выполнимыми, что главный их противник,-французы,-придерживался в большинстве случаев несколько иных

*) Любопытно отметить, что еще за несколько лет до войны немцы предусматривали всю трудность достижения решительного результата от преследования в современных условиях. В ст. 19 упомянутых выше „Grundzüge der höheren Truppenführung“, после высказанной мысли о том, что энергично веденное преследование может иметь большие последствия, говорится следующее: „окончательного же решения этим преследованием можно достигнуть в самых редких случаях; разбитый во фронтальном сражении, противник почти всегда, спустя более или менее продолжительный промежуток времени, вновь появится перед нами. Серьезных успехов можно достичь лишь тогда, если удастся преградить противнику путь его отступления или же совершенно отрезать его от сообщений с тылом“.

приемов наступления, чем те, которые применялись ими: французские войска двигались обыкновенно в более сосредоточенном порядке, более узким фронтом, эшелонированные в глубину, в расчете, что в нужную минуту им удастся развернуться и направить свой главный удар в том направлении, в котором укажет им обстановка. Но опыт войны показал, что французы неизменно запаздывали в исполнении своего маневра и что германский метод наступления вернее обеспечивал успех боевого столкновения, особенно во встречных сражениях.

Несомненно, что многочисленность фланговых операций в этой войне вызывалась также и затруднительностью фронтальных атак, вообще теми тактическими преимуществами, которые получила в настоящее время оборона сравнительно с наступлением, благодаря могуществу современного огня и применению различных технических усовершенствований. Немалую роль сыграл в этом отношении и общий характер боевых операций этого маневренного периода,-эта подвижная, деятельная война, полная наступательного порыва и инициативы, до крайности напрягавшая все физические и моральные силы сражавшихся, постоянно побуждавшая их изощрять свои творческие способности с целью создать для врага более тяжелую боевую обстановку. Особенно благоприятные в этом смысле условия представляли операции на флангах в промежуток времени от сражения на р. Эне до сражения во Фландрии, где обходы и охваты составляли преимущественную форму маневра и той, и другой стороны.

Естественно, что при столь широком развитии фланговых операций, прорыв неприятельского фронта не мог найти себе широкого применения в маневренной войне, тем более, что и об'ективные условия современного боя на фронте—могущество огня и оборонительная сила современных позиций—не благоприятствовали этому. Однако, нельзя не заметить, что широкий, растянутый фронт наступления германских армий,особенно в момент обходных движений на флангах, предоставлял в некоторых случаях союзникам возможность направить все свои усилия к прорыву с известной вероятностью на успех. Но для выполнения такой операции нужен был, конечно, более решительный, более смелый способ действий, чем тот, который обыкновенно применялся союзниками, особенно же французами; для этого необходимо было наступающему обладать способностью, пренебрегая опасностями, угрожавшими на флангах, и быстро сосредоточивши свои силы на фронте, нанести противнику в заранее избранном направлении стремительный, всесокрушающий удар. Мы знаем, что французы не обладали такой способностью, мы видели, что для такого рискованного предприятия, полного неожиданностей и случайностей, французские приемы ведения боя, осторожные и нерешительные, не годились совершенно.

За весь период маневренных операций в Бельгии и северной Франции мы только два раза встречаемся с прорывом, выполненным в широких размерах: в сражении на Марне, прорыв германцев у Майи

между 4-й и 9-й французскими армиями, и в сражении на Эне, прорыв англо-французов в районе Краона. Но в обоих случаях прорыв не привел к решительным результатам: у Майи—вследствие событий на нижней Марне, сильно видоизменивших общую обстановку, а также и недостатка сил у германцев, у Краона—вследствие своевременного прибытия на поле сражения германских резервов. Сражение во Фландрии велось в условиях, побуждавших обе стороны стремиться к прорыву неприятельского фронта, но ни германцам, ни союзникам, несмотря на могучее напряжение их сил, не удалось достигнуть в этом отношении благоприятного результата: хотя во многих частных боях местного значения немцы и овладевали небольшими участками неприятельских позиций, продвигаясь вглубь боевого расположения союзников, но в конечном результате общий фронт их противника оставался ненарушенным.

Во всяком случае, опыт этих недавних событий дает нам право высказать предположение, что в условиях современной маневренной войны выполнение обходных операций имеет значительно больше шансов на успех, чем прорыв неприятельского фронта.

Стратегико-тактические резервы.

В ряду вопросов, выдвинутых условиями современной войны, обращает на себя внимание вопрос о стратегических резервах. Он вызван к жизни появлением массовых армий и теми широкими, необ'ятными фронтами, на которых эти массы развертывались, наступали и сражались, в связи с длительностью боевых столкновений, предоставлявшей сражавшимся время для перегруппировок и подвоза подкреплений. Как и многие другие новейшие вопросы стратегии и тактики, этот вопрос впервые обозначился еще в японскую войну, когда оперативные фронты обеих сторон получили небывалое до тех пор протяжение, а бои и сражения—небывалую продолжительность: еще тогда первое из этих условий вызвало необходимость дальних переброс свободных резервов, а второе обусловило возможность таких переброс во времени. Последняя же война добавила к этим условиям еще и третье—широкое использование рельсовых путей для оперативных перевозок, деятельное участие железных дорог в стратегических перегруппировках даже в разгаре оживленных боевых действий. Мы видели, что неоднократно, в целом ряде боевых операций этой войны, обе стороны нуждались в крупных резервах, без содействия которых они не могли продолжать боев, не могли развить достигнутого ими успеха, не были в состоянии восстановить утраченного в боях положения: и мы видели, что и немцы, и союзники были вынуждены подвозить эти резервы издалека, перебрасывать целые корпуса на огромные расстояния: так было в сражениях на Марне и на Эне, это составляло характерную особенность боевых действий между р. Уазой и морем, наконец, это же составляло особенную заботу обеих сторон в операциях во Фландрии. Отсутствие стратегического резерва у германцев в сражении на Марне лишило их возможности склонить победу на свою сторону: во первых, им нечем было заполнить разрыв,

образовавшийся между I-й и II-ой армиями и, во вторых, у них не хватило сил, чтобы развить свой успех в центре, довершив поражение правого фланга 9-й французской армии и прорыв у Майи. Обратно, на Эне, благодаря наличности свободного стратегического резерва и своевременному прибытию его к полю сражения, тяжелое положение германского фронта в районе Краона было быстро облегчено. В боях же во Фландрии только такой последовательной переброской стратегических резервов то к р. Изеру, то в район Ипра, и та, и другая сторона питали это многодневное, длительное сражение, проявляя такое удивительное упорство в достижении поставленных себе целей. В период операций на флангах, в промежуток времени от сражения на Эне до начала фландрских боев, обе стороны, как мы знаем, с необыкновенной быстротой и энергией перебрасывали крупные массы войск с юга на север, последовательно усиливая ими те новые участки фронта, которые создавались в результате беспрерывных попыток обойти свободный фланг противника.

Во всяком случае, опыт маневренной войны на Западе показал, что при современном характере боевых столкновений, при нынешней продолжительности и упорстве боев и присущей даже массовым армиям способности к широкому маневру, эти армии, в большинстве случаев, не в состоянии выполнить поставленной им боевой задачи теми силами, с которыми они приступили к ней и требуют спустя некоторое время усиления их другими войсками. Иначе говоря, современные армии, как общее правило, нуждаются в стратегических резервах. Под этим понятием не следует подразумевать непременно свободные части, оставляемые в тылу и бездействующие до известного момента; стратегическим резервом могут служить и те войска, которые уже находятся в боевой линии и ведут бои с противником на участках фронта, имеющих второстепенное оперативное значение. Усовершенствование путей сообщения и возможность в условиях современного боя выводить из боевых линий сильные войсковые части, заменяя их временно небольшими отрядами, облегчают в настоящее время подобные переброски. Тем не менее, в особых случаях, когда стратегическая обстановка не выяснена, а предвидится крупное боевое столкновение, исход которого может иметь решающее значение на дальнейшее развитие операций, необходимо иметь в стратегическом резерве, где либо в тылу—за центром или за одним из флангов—свободную группу войск, которую возможно быстро бросить в любую точку боевого фронта; потому что может случиться, что все войска в боевой линии окажутся настолько связанными боем, что ни одна войсковая часть не будет в состоянии своевременно выйти из боя и прибыть на поддержку на тот участок фронта, где решается судьба операции. Так именно и произошло в сражении на Марне: все германские армии настолько были втянуты в упорные бои с англо-французскими войсками, что ни один из их корпусов не мог быт выведен из боевой линии для переброски к р. Урку, где решалась

участь всего сражения; в то же время XV-й корпус, направленный из VII-й армии (из Эльзаса) на усиление войск Клука, не успел прибыть во время. Между тем, если бы германцы, при своем наступлении к Марне, вели во второй линии, за своим правым флангом, резервную группу из 2—3 корпусов,—бои на Урке могли бы принять совершенно другой оборот, а вместе с тем и все сражение могло бы разыграться по другому.

Сравнительно еще недавно, стратегия, вообще говоря, не признавала резервов, сохраняя свой прежний, строго линейный характер и осуществляя в полной мере принцип одновременного введения в дело всех своих сил. Тогда, когда войсковые массы были не так велики, как ныне, а главное—когда они вели бои не на столь широких фронтах и не столь продолжительное время,—стратегические резервы были ненужны, потому что сражения кончались раньше, чем могли прибыть к полю боя издалека подкрепления, которые к тому же должны были пользоваться средствами сообщения менее совершенными, чем в настоящее время. При таких условиях, конечно, все войска, оставляемые в качестве резервов вдали от вероятного поля сражения, оказывались в нужную минуту неиспользованными и пропадали в общей экономии войны. В виду этого, направляя свои армии или корпуса навстречу противнику, полководец принимал все допустимые в данной обстановке меры для того, чтобы подвести их к месту боевого столкновения и ввести их в дело по возможности одновременно. В последнее время эти условия изменились коренным образом. Продолжительность боевых столкновений с одной стороны, усовершенствование путей сообщения с другой, значительно облегчили переброску крупных войсковых частей на большие расстояния, допуская теперь выделение таких частей из общей массы войск, ведущих наступательные или оборонительные бои, до тех пор, пока боевая обстановка не укажет, куда следует направить их для развития и закрепления достигнутого успеха, или для поддержания своих войск, потерпевших неудачу.

Вообще, минувшая война приводит нас к заключению, что с появлением на нынешних обширных полях сражений массовых армий, при изменившихся условиях пространства и времени в их оперативном значении, стратегии приходится уже отказаться от своего устарелого взгляда на роль и приемы использования резервов на театре военных действий и признать их в настоящее время законным фактором современной войны.

Современное стратегическое значение крепостей.

В совершенно новом, во многом неожиданном для нас, освещении представляется в этой войне вопрос о стратегическом значении крепостей. Мы видели, что в Бельгии и во Франции, принимая еще задолго до войны ряд мер по усилению и усовершенствованию крепостной обороны, были уверены, что крепостная война, как опирающаяся на отдельные крепости, так и основанная на сопротивлении крепостных фронтов, должна будет принять широкие размеры в общей системе

государственной обороны и приобретет крупное значение в боевых операциях. Действительность, как известно, не оправдала этих предположений и крепостная война не получила того развития, которого так ожидали творцы и строители бельгийских и восточных французских крепостей. Война на Западе обнаружила два неожиданных обстоятельства: во-первых, возможность для наступающего, без ущерба для своих стратегических операций, обходить не только отдельные крепости и форты, но и целые крепостные фронты, лишь оставляя их под своим наблюдением; и, во-вторых, подавляющее превосходство современных артиллерийских средств атаки над оборонительной силой крепостей, приводившее к небывало быстрому падению последних.

Первое из этих обстоятельств, естественно, ослабляющее оперативное значение укрепленных пунктов, об'ясняется, главным образом, огромным протяжением стратегического фронта, на котором развертываются и наступают современные массовые армии. Этот фронт так обширен, эти массы так велики, что ни отдельная крепость, ни даже система нескольких крепостей не в состоянии задержать этого могучего движения миллионных полчищ; они обходят, они обтекают их, нисколько не нарушая этим цельности своего наступательного плана и не подвергая даже большой опасности свои тыловые сообщения, потому что эти огромные армии, охватывающие своими боевыми действиями целые государства, обладают очень широким тылом и большим числом ведущих к нему путей.

Как известно, немцы обошли своими главными силами линию восточных крепостей Франции с севера, оставивши против нее лишь небольшой заслон, который с течением времени постепенно ослаблялся и сохранял до окончания войны свой пассивный характер. Подобное явление, конечно, может и будет повторяться, потому что ни одно государство не в состоянии отгородиться от своих соседей такой стеной укрепленных пунктов, которую нельзя было бы обойти, заключивши союз с какой-либо соседней державой или нарушивши ее нейтралитет. Это особенно вероятно и возможно в коалиционных войнах, в переживаемую нами эпоху, которая, повидимому, будет в историческом ходе международных событий периодом вооруженной борьбы не отдельных народов друг с другом, а сложных государственных группировок, об'единенных широкими общими интересами национального, экономического и политического характера. Такое соединенное выступление вооруженных сил нескольких государств, особенно в том случае, если территории последних занимают смежное расположение, неизбежно нарушает систему обороны каждого из союзников, предусмотренную созданием крепостей и оборонительных линий; потому что создавая эту оборону при наличности тех или других международных условий, ни одно государство не имеет возможности предусмотреть той политической обстановки, которая сложится к моменту борьбы. Мог ли Бриальмон, проектируя свой план крепостной обороны Бельгии и создавая Антверпен и маасские укрепления, пред-

видеть те условия, в которых пришлось его соотечественникам вести эту войну? Могли ли французы предусмотреть события 1914 года в то время, когда они наглухо заколачивали свои восточные ворота, ведущие в Германию? И потому то, система крепостной обороны каждого из этих государств, приноровленная к определенным политическим условиям и для борьбы с определенным противником, утратила крупную долю своего стратегического значения при новой, непредвиденной обстановке.

Говоря об этом, я вовсе не имею в виду отрицать того, что в современной войне укрепленным пунктам принадлежит известное оперативное значение; несомненно, что и крепости Франции, и укрепления Бельгии выполнили некую роль в общей борьбе с германским наступлением: они кое-кого задержали, в одном месте—отвлекли некоторое количество неприятельских войск, в другом—вынудили противника изменить направление своего движения. Однако, вопрос о современной стратегической роли крепостей ставится мною отнюдь не в том смысле—имеют ли крепости вообще какое-либо оперативное значение в настоящее время, а несколько иначе,—окупаются ли те колоссальные денежные расходы, та затрата сил и средств, те человеческие жертвы, которые тратятся государством на постройку и вооружение, на последовательное усовершенствование и в нужный момент на оборону укрепленных пунктов, теми выгодами и преимуществами, которые предоставляют обороняющемуся в современной войне эти заблаговременно создаваемые в стране укрепления? Не является ли более целесообразным использовать эти силы и средства на увеличение численности и на улучшение боевой подготовки полевой армии? Не выиграла ли бы Франция, если бы те средства, которые она затратила на укрепление своей восточной границы, были употреблены на усиление и боевое усовершенствование ее полевых войск и развитие железнодорожных путей сообщения, с целью предупредить наступление германцев и внести войну в неприятельские пределы? Не избавило ли бы это страну от разорения, причиненного ей вторжением противника и от которого все же не могла спасти ее даже мощная стена ее восточных крепостей?...

Быть может скажут, что одно не исключает другого, что государству нужна и хорошая армия, нужны и сильные крепости; между тем, действительность показывает нам, что ни одна страна не в состоянии вынести тяжести расходов, связанных с одновременным выполнением и той, и другой задачи. И потому то, обыкновенно, или одно из этих слагаемых государственной обороны—полевая армия или крепости—привлекает к себе преимущественное внимание, или оба остаются ниже уровня современных требований военного дела. Первому случаю отвечает положение Бельгии перед войной, потому что в этой стране вопросы крепостной обороны имели преобладающее значение, второму случаю соответствует положение Франции, где и крепости, и

полевая армия в равной мере не были подготовлены к борьбе в тех условиях, в которых началась война в 1914 году.

Помимо всего этого, широкое развитие крепостных взглядов в области идей, относящихся к государственной обороне, кладет свой отпечаток на общий характер ведения войны в данное время. При исследовании боевых действий в Бельгии я уже говорил о том, что на всей системе бельгийской государственной обороны, на всей совокупности стратегических приемов бельгийской армии ярко отражалось это преобладание, это засилье крепостных настроений. Наперекор условиям военно-политической обстановки, бельгийцы, вместо того, чтобы с первых же дней войны, в тесном единении со своими союзниками, принять участие в широких маневренных операциях в поле, от исхода которых зависело дальнейшее направление военных событий,—принялись за самостоятельную оборону своей территории, защищая свою страну, как крепость, расположенную на фланге неприятельской операционной линии. Мы знаем, что действительность покарала их за это: крепости не только не спасли их, но они же главным образом привели бельгийскую армию к тому критическому положению, из которого ее вывело лишь крайнее напряжение сил ее доблестных союзников в кровопролитных боях на фландрских равнинах.

До сих пор я касался лишь стратегических факторов, влияющих на оперативную роль крепостей, но последняя, как всякая вообще оперативная деятельность, находится также в тесной зависимости и от факторов тактических, т.-е. от тех обстоятельств и от тех условий, при которых происходит борьба под крепостями и от тех результатов, к которым она приводит. Падение крепости, как всякое проигранное сражение, естественно, производит некоторое видоизменение в стратегической обстановке, большее или меньшее, в зависимости от размеров и оборонительной силы, величины гарнизона и географического положения укрепленного пункта. Последнее условие является обыкновенно важнейшим, сильнее других влияющим на оперативную роль крепостей, почему нередко бывает, что укрепленный пункт менее значительный по силе своих верков и численности своего гарнизона, вследствие благоприятного своего стратегического положения (в узле железных дорог, у важной переправы через реку, в горном проходе), приобретает несравненно большее значение, чем другие, более обширные крепости, но расположенные менее удачно. Так, например, падение Льежа имело для обеих сторон гораздо большее стратегическое значение, чем сдача Антверпена: потому что оно вызывало более глубокие изменения в относительном положении воюющих и было теснее связано с ходом главных боевых операций.

Мы видели из предыдущего, что все атакованные в эту войну немцами бельгийские и французские укрепленные пункты пали с поразительной быстротой; при разборе боевых действий под Антверпеном я указал на причины быстрой сдачи этой крепости: огромное пре-

восходство артиллерийского огня над силой сопротивления современных фортификационных сооружений, особенности устройства оборонительной линии фортов и широкое применение атакующим приемов полевого боя. В общем, те же обстоятельства привели к падению и французские крепости, хотя второе из них—слабое развитие фортовых промежутков—было гораздо слабее выражено в инженерной системе французских укрепленных пунктов, являясь главным образом характерной особенностью бриальмоновского крепостного строительства.

Подавляющее превосходство современного артиллерийского огня дало возможность в эту войну осуществить в полной мере старую идею ускоренной атаки крепостей, не находившую до сих пор применения в крепостной войне вследствие недостаточной силы артиллерийского нападения. Только теперь, при наличности этих могущественных орудий, не встречающих никаких препятствий для своего разрушительного действия, только теперь оказалось возможным избежать медлительных и трудных приемов постепенной атаки и борьбу под крепостью свести к двум решительным актам: быстрому уничтожению артиллерийским огнем всех мертвых преград, с моральным потрясением находящейся за ними живой силы противника и штурму пехотных масс на широком фронте для одновременного овладения большими участками разрушенной крепостной позиции.

Боевые действия под крепостями в эту войну отличались большой скоротечностью. Замечательно то, что в то время, когда новейшие условия привели к значительному увеличению продолжительности боевых столкновений в поле, крепостные бои сделались менее длительными. В прежнее время армия наступающей стороны, имевшая некоторое превосходство над противником в инициативе, материальных и моральных силах, обыкновенно быстро продвигалась в полевых операциях, разыгрывая полевой бой в течение 1—2 дней, а иногда даже лишь в течение нескольких часов; но за то, остановленная на пути своего наступления крепостью, она надолго задерживалась здесь, если не имела свободных сил для осады или наблюдения за нею. В настоящее же время картина этого наступления представляется в совершенно ином виде. Крепости, а тем более отдельные укрепления не только не останавливают общего движения нынешних массовых армий, но даже не задерживают на продолжительное время тех небольших отрядов, которые назначены для непосредственных против них действий. Столкновение же этих масс в открытом поле, в большинстве случаев, приводит к продолжительной остановке обеих сторон, а на некоторых участках фронта — даже к полному прекращению наступления. Так, например, первые же полевые бои на эльзас-лотарингском участке, хотя в общем и неудачные для французов, все же остановили продвижение германцев, и притом на полевых укрепленных позициях, не опиравшихся непосредственно на расположенную в тылу линию крепостей.

Это новое, противоположное прежнему, соотношение в длительности полевого и крепостного боя является раньше всего результатом того обстоятельства, что могущество современного артиллерийского огня несравненно в большей степени возросло для целей неподвижных, обширных, легко наблюдаемых, подверженных перекрестному, сосредоточенному обстрелу (каковые встречаются, главным образом, в условиях крепостной войны), чем для подвижных, трудноуловимых, плохонаблюдаемых целей полевого боя. Как бы искусно ни было применение крепостных сооружений к местности, но так как расположение заблаговременно построенных еще в мирное время укрепленных пунктов всегда хорошо известно противнику, то для последнего не представляет больших затруднений сосредоточить против атакуемых укреплений превосходные силы своих осадных батарей; для этого требуются только два условия: наличность сильной артиллерии и разобщение атакуемой крепости от неприятельской полевой армии. Современная война убеждает нас в том, что если эти условия существуют, то атакованная крепость становится легкой добычей противника*).

Вот это-то обстоятельство и придает в настоящее время особенное значение сохранению атакованным укрепленным пунктом прочной тактической связи со своей полевой армией. Опыт этой войны показывает, что если крепость не потеряла этой связи, если она ведет оборону не в качестве изолированного пункта, доступного неприятельской атаке со всех сторон, а как участок в общей оборонительной линии фронта, то она способна к весьма упорному, продолжительному сопротивлению. Пример Вердена служит лучшим доказательством этого. Верден ни разу за всю войну не был атакован собственно как крепость, неизменно сохраняя теснейшую связь с полевыми войсками, располагавшимися по сторонам его, а потому ни разу атакующий не имел возможности создать для себя тех благоприятных условий, которые необходимы были для того, чтобы использовать все свое артиллерийское превосходство. Конечно, сохраняя тактическую связь с полевой армией, составляя своими укреплениями лишь один из участков общего фронта полевых укрепленных позиций, участок, более сильный в оборонительном отношении, чем другие, — крепость не выполняет в полной мере той, издавна установленной для нее инженерным искусством, классической роли, для которой собственно и создавались до сих пор постоянные, долговременные укрепления. Но таковы уже условия современной войны, сильно изменяющие роль крепостей в общем ходе вооруженной борьбы народов.

---

*) Разница, существующая в этом отношении между условиями современными и прежних войн, станет для нас вполне ясна, если мы сравним те сроки, в которые сдавались немцам бельгийские и французские укрепленные пункты в эту войну (Льеж — 2 дня, Намюр — 4, Антверпен — 12, Мобеж — 8, Мезьер — 1, Монмеди — 2, Лонгви — 4, форт Маноивилье — несколько часов) с продолжительностью сопротивления французских крепостей (Меца, Бельфора и других) в войну 1870 — 1871 г.г., исчисляемой месяцами.

Из всего сказанного здесь о стратегическом значении в настоящее время укрепленных пунктов мы должны прийти к заключению, что эти три типичные их особенности — малая задерживающая сила для нынешних широких фронтов наступления, слабая сопротивляемость артиллерийской атаке и стремление к сохранению тактической связи с полевой армией — неизбежно должны повлиять в ближайшем будущем на характер крепостного строительства и на всю, подготовляемую еще в мирное время, систему обороны государств в инженерном отношении. Необходимо эти вопросы привести в большее соответствие с состоянием новейших боевых средств и современными стратегическими условиями, для того, чтобы результаты боевых действий под крепостями могли оправдать те крупные расходы и те тяжелые жерты, которые несут народы в продолжение многих лет глубокого мира для достижения высоких целей войны.

Опыт войны подтверждает неизменность основных положений военного дела.

В заключение я считаю необходимым подчеркнуть, что, несмотря на многие частные изменения, внесенные современной войной в область различных вопросов военного дела, боевой опыт изученного нами периода войны, изобилующего разнообразнейшими явлениями тактического и стратегического характера, и предоставлявшего полководцу широкий простор для оперативного творчества, нисколько не поколебал общих оснований, основных теоретических положений военного искусства. Общий смысл и принципиальное значение главных элементов и важнейших факторов стратегической и тактической деятельности войск остаются и в новых условиях войны ненарушенными, неизменными. Относительное значение различных родов войск, соотношение между огнестрельным и холодным оружием, влияние числа на успех боевых столкновений, значение морального элемента, роль огня в ряду других средств поражения противника, влияние технических усовершенствований на ведение войны и боя, принцип сосредоточения сил на решительном пункте в решительную минуту (так называемый принцип частной победы), роль резервов, свойства операционных линий, значение флангов, влияние укрепленных позиций на ведение полевого боя, важность тыловых сообщений, роль инициативы в боевых операциях, значение маневра и много других принципиальных положений и понятий, из которых сложен остов, скелет стратегии и тактики,—нашли себе блестящее подтверждение в богатом, разностороннем боевом опыте этих первых трех месяцев великой войны. И замечательно то обстоятельство, что даже те из них, которые по своему внешнему значению сделались более заметными, более влиятельными факторами в общем ходе современных боевых явлений, как например: влияние техники, роль огня (особенно артиллерийского), значение укрепленных позиций, — все эти факторы обнаружили свою крупную ценность в боевом и оперативном отношении еще задолго до наших дней, в операциях южно-африканской и манчжурской войн. Следовательно, даже в этих случаях мы имеем дело лишь с последовательной эволюцией, почему говорить о каком-либо перевороте в области военного искусства,

вызванном новейшими условиями вооруженной борьбы, конечно, невозможно.

Тем не менее, мы видели, что в способах применения к делу этих теоретических положений, в методах использования тех или иных свойств стратегических и тактических факторов, новые условия войны, несомненно, внесли много частных изменений, обусловливающих собой и иную внешнюю обстановку современных боевых операций. Особенную роль в этом отношении с'играли военно-технические усовершенствования, достигшие в этой войне значительного прогресса и вследствие этого способствовавшие созданию некоторых новых приемов при осуществлении различных тактических и стратегических комбинаций. Все это, взятое в совокупности, хотя и оставляет неизменной принципиальную сторону военного искусства, сущность и природу военного дела, в то же время несколько видоизменяет внешние формы современных боевых явлений.

Однако, признавая за военной техникой столь существенное значение, я далек от мысли считать ее важнейшим, преобладающим фактором современного военного дела, как это принято, к сожалению, новейшими взглядами. И те военные события, которые нами изучены в этой книге, те маневренные операции, которые так широко, ярко и бурно развернулись в 1914 году на полях Бельгии и Франции, лучше всего доказывают нам, что в решении всех важнейших, основных вопросов войны и боя в наше время, как и во все времена, техническим средствам принадлежит второстепенная, вспомогательная роль; эти события показывают нам в необыкновенно ярком освещении все могущественное значение наступательного порыва, инициативы и моральных сил, воплотившихся в этих маршах-маневрах, наступлениях и отступлениях, в этих упорных, напряженных боях, в которых обе стороны оспаривали друг у друга не первенство в техническом снабжении своих армий, а превосходство в силе и величии народной души. Правда, техническим усовершенствованиям суждено было получить широкое применение в последующем, позиционном периоде войны, но тем не менее, несмотря на всю свою материальную силу, они все же не в состоянии были преодолеть могучей инерции, сковавшей в то время боевую деятельность обеих сторон. И те вопросы, которые не могла решить маневренная война с ее оперативным творчеством, активной боевой деятельностью и крайним напряжением энергии воюющих, не разрешила и война позиционная со всем своим материальным могуществом. Эти вопросы уже пришлось разрешать значительно позже новым факторам совершенно другого порядка, зародившимся и выросшим уже не в области стратегических и тактических явлений, а на почве социально-политических потрясений, явившихся результатом страданий и бедствий, утомления и разочарования, принесенных с собой народным массам этой продолжительной мировой войной.

ИСТОЧНИКИ,

послужившие для составления этой книги.

1. *Германская армия.* Очерк развития сухопутных сил Германии в течение войны и боевой состав армии к 1 апреля 1917 г. Составлен разведывательным отделением штаба главнокомандующего армиями Западного фронта.
2. *Вооруженные силы Германии.* Часть I. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил. Спб. 1912. Часть II. Боевая подготовка армии. Петроград. 1914. Изд. главн. упр. ген. штаба.
3. *Вооруженные силы Франции.* Спб. 1911. Изд. гл. упр. ген. штаба.
4. *Вооруженные силы Британской империи.* Спб. 1911. Изд. гл. упр. ген. штаба.
5. *Hermann Stegemanns* Geschichte des Krieges. I. (до середины сентября нов. стиля 1914 г.). II. (до 21 февраля нов. стиля 1915 г.). Stuttgard und Berlin, Deutche Verlags-Anstalt.
6. *Oberst Immanuel.* 33 Monate Krieg. Volkstümliche Darstellung des Weltkrieges, Berlin. 1917.
7. *Oberst Karl Egli.* Der Aufmarsch und die Bewegungen der Heere Frankreichs, Belgiens und Englands auf dem westlichen Kriegsschauplatz bis zum 23 August 1914. Berlin. 1918.
8. *Жозеф Рейнак.* Война на западном фронте. Петроград. 1916.
9. *René Puaux.* L'armée anglaise sur le continent (août 1914—août 1915). Paris. 1915. Eugéne Fasquelle, editeur.
10. *Madelin, Louis.* La victoire de la Marne. Avec deux cartes.
11. *Dauzet, Pierre.* Guerre de 1914. La bataille des Flandres (16 octobre—15 novembre 1914). Avec une carte en couleurs et deux croquis. Paris. 1917. Henri Charles-Lavauzelle.
12. *Dauzet, Pierre.* De Liége à la Marne. Avec une carte en couleurs des positions successives des armées.
13. *Babin, Gustave.* La bataille de la Marne. Paris. 1916.
14. *La Guerre de 1914.* L'action de l'armée belge pour la defense du pays et le respect de sa neutralité. Rapport du commandement de l'armée (period du 31 juillet au 31 decembre 1914). Paris. 1915.